

КОНШЕВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

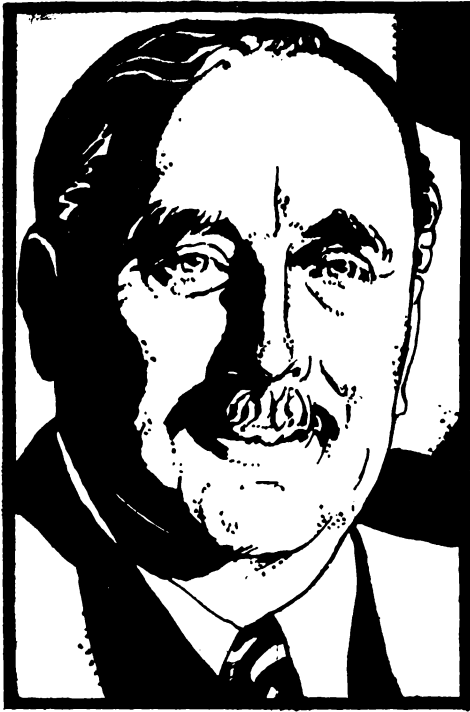
ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

КОЛЕСА ФОРТУНЫ
ЛЮДИ КАК БОГИ

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ГЕРБЕРТ УЭЛЛІС

КОЛЕСА
ФОРТУНЫ

ЛЮДИ
КАК БОГИ

Герберт Джордж Уэллс (1866—1946) — известный английский писатель, родоначальник научно-фантастической литературы XX века, крупнейший мастер критического реализма, автор популярных романов «Машина времени», «Человек-невидимка», «Борьба миров», «Тоно Бенге» и др.

«Колеса фортуны» (1896) — социально-бытовой роман, в котором с мягким юмором описываются приключения молодого человека, приказчика магазина тканей, отправившегося на велосипеде в путешествие по стране. Его фигура, комическая и трогательная одновременно, носит во многом автобиографические черты.

«Люди как боги» (1928) — наиболее значительное произведение Уэллса в жанре утопического романа. В нем противопоставляются современное буржуазное общество и общество коммунистического будущего.

Художник **О. Коровин**

Общественная редколлегия
серии книг «Юношеская библиотека»:

**А. П. Климова, О. Д. Коровин,
Л. И. Кузьмин, А. П. Лебеденко, Т. С. Рослякова,
О. К. Селянкин (председатель), В. М. Ширинкин**

У $\frac{4800000000-11}{M152(03)-89}$ 65—89

ISBN 5—7625—0137—X

© Оформление, Пермское
книжное издательство, 1989

КОЛЕСА ФОРТУНЫ

О ГЛАВНОМ ГЕРОЕ НАШЕГО РАССКАЗА

I

Если бы вы зашли во Дворец Тканей (при условии, конечно, что вы принадлежите к тому полу, который занимается подобными вещами), — итак, если бы 14-го августа 1895 г. вы зашли во Дворец Тканей в Путни, где, право же, только и можно купить что-либо стоящее, иными словами: в магазин господ Энтробус и компания, — «компания», кстати, при-

писано просто так, — и повернули бы направо, где штуки белого полотна и кипы одеял вздымаются до самых латунных прутьев под потолком, откуда свешиваются розовые и голубые ситцы, вас мог бы обслужить главный герой рассказа, который мы начинаем сейчас. Он подошел бы к вам, сгибаясь и кланяясь, вытянул бы над прилавком обе руки с шишковатыми суставами, вылезавшие из огромных манжет, выставил бы вперед острый подбородок и без тени удовольствия во взоре спросил, чем он имеет удовольствие вам служить. В случае, если бы дело касалось, скажем, шляп, детского белья, перчаток, шелков, кружев или портьер, он лишь вежливо поклонился бы и с печальным видом, округло поведя рукой, предложил бы «пройти вон туда», то есть за пределы обозримого им пространства; при другом же, более счастливом стечении обстоятельств, — а такими могли быть: простыни, одеяла, гардинная ткань, кретон, полотно, коленкор, — он предложил бы вам присесть, в порыве гостеприимства перегнулся бы через прилавок и, судорожно притянув к себе стул за спинку, стал бы снимать с полок, разворачивать и показывать вам свой товар. Вот при таком счастливом стечении обстоятельств вы могли бы — будь вы склонны к наблюдательности и не столь поглощены заботами о доме, чтобы пренебречь остальным человечеством, —

уделить главному герою нашего рассказа более пристальное внимание.

Заметив его, вы прежде всего заметили бы в нем одну удивительную черту — незаметность. На нем был мундир его профессии: черный пиджак, черный галстук и серые в полоску брюки (скрывавшие нижнюю часть тела и исчезающие во тьме и тайне под прилавком). Был он бледный, со светлыми, словно пыльными волосами, серыми глазами и редкими юношескими усиками под острым невыразительным носом. Черты лица у него были мелкие, но довольно правильные. На лацкане его пиджака красовалась розетка из булавок. Изъясняясь он, как бы вы не преминули заметить, одними «штампами» — фразами, не рожденными данными обстоятельством, а сложившимися на протяжении веков и давно выученными наизусть. «Вот эта материя, сударыня, — сказал бы он, — расходуется в один миг». «Ткань по четыре шиллинга три пенса за ярд — самая что ни на есть добротная». «Мы можем, конечно, показать вам кое-что и получше». «Уверю вас, сударыня, мне это не составит никакого труда». Таков был его лексикон. Вот каким, повторяю, он показался бы вам на первый взгляд. Он светился бы за прилавком, аккуратно свернул бы штуки товаров, которые вам показывал, отложил бы в сторону те, которые вы отобрали, достал бы книжечку с вложенным в нее листом копировальной бумаги и металлической пластинкой, небрежным, размашистым почерком, характерным для продавцов тканей, написал бы счет и крикнул бы: «Подписать!» Тут появился бы пухленький маленький управляющий, поглядел бы на счет очень внимательно (показав вам при этом аккуратный пробор посредине головы), еще более размашисто начертал бы через весь документ «Дж. М.», осведомился бы, не желаете ли вы еще чего-нибудь, и постоял бы рядом с вами, — если вы, конечно, платите наличными, — до тех пор, пока главный герой нашего рассказа не вернулся бы со сдачей. Еще один взгляд на него, и пухленький маленький управляющий, кланяясь и извергая фонтаны любезности, проводил бы вас до выхода. На том ваша встреча с нашим героем и закончилась бы.

Но художественная литература — в отличие от хроники — не ограничивается внешней стороной событий. Литература разоблачает внутреннюю их сущность. Современная литература разоблачает эту сущность до конца. Серьезный автор обязан рассказать вам о том, что вы не могли бы увидеть, даже если вам придется при этом по-

краснеть. А тем, чего вы не увидели бы у этого молодого человека, что имеет наиглавнейшее значение для нашего повествования, о чем, если уж мы решили написать эту книгу, нельзя умолчать, было — наберемся смелости и скажем прямо — необычное состояние его ног.

Подойдем к делу беспристрастно и трезво. Проникнемся ученым духом и будем изъясняться точным, почти профессорским языком добросовестного реалиста. Давайте представим себе, что ноги молодого человека — это чертеж, и отметим интересующие нас детали с беспристрастностью и точностью лекторской указки. Итак, приступим к разоблачению. На правой лодыжке молодого человека с внутренней стороны вы обнаружили бы, леди и джентльмены, ссадину и синяк, а с внешней — большой желтоватый кровоподтек. На его левой голени красовалось два синяка: один — свинцово-желтый с багровыми отливами, а другой, явно более свежего происхождения, лилово-красный, угрожающе вздувшийся. Выше, если следовать по спирали, мы обнаружили бы противоестественное затвердение и красноту в верхней части икры, а над коленом, с внутренней стороны, как бы плотную штриховку из мелких ссадин. Мы увидели бы, что и правая нога на диво расцвечена синяками, особенно с внутренней стороны у колена. Пока все эти подробности вполне допустимы. Воспламененный нашими открытиями исследователь, возможно, пошел бы и дальше и обнаружил бы синяки на плечах, локтях и даже пальцах главного героя нашего рассказа. Право же, его словно били и колотили по самым разным местам. Но во всем надо знать меру, в том числе и в реалистических описаниях, а мы рассказали вполне достаточно, больше для нашей цели не требуется. Даже в художественной литературе надо уметь вовремя остановиться.

Теперь у читателя может возникнуть недоуменный вопрос: как же столь приличный с виду молодой приказчик умудрился довести свои ноги и вообще самого себя до такого плачевного состояния? Кто-нибудь, пожалуй, может высказать предположение, что его нижние конечности попали внутрь какой-нибудь сложной машины, скажем, молотилки или одной из этих нынешних бешеных косилок. Но у Шерлока Холмса (благопристойно и счастливо скончавшегося после столь блистательной карьеры) никогда бы не возникло такого предположения. Он бы сразу понял, что синяки на внутренней стороне левой ноги, если сопоставить их с размещением прочих ссадин и кровоподтеков, вне всякого сомнения, являются

следствием попыток Начинающего Велосипедиста взобраться на седло, а плачевное состояние правого колена равно красноречиво указывает на последствия частых, обычно несвоевременных и, как правило, неудачных приземлений. Большой же синяк на голени и вовсе выдает новичка-велосипедиста, ибо каждому из них приходится иметь дело с разными фокусами, которые выкидывает педаль. Вы хотите всего-навсего непринужденно вести за руль свою машину и — рраз! — уже потираете ушибленную ногу. Так постепенно из наивных младенцев мы превращаемся в зрелых людей. Два синяка на этом месте указывают на известное отсутствие сноровки у обучающегося и заставляют предполагать, что речь идет о человеке, не привыкшем к физическим упражнениям. Пузыри на ладонях говорят о том, с какой первичной силой сжимал руль неуверенный ездок. И так далее, пока Шерлок Холмс, перейдя к рассмотрению мелких царапин, не заключил бы, что машина была допотопная, тяжелая — весом в сорок три фунта, с рогулькой вместо рамы и с гладкими шинами, причем задняя была порядком изношена.

Итак, разоблачение закончено. За благопристойной фигурой любезного приказчика, которого я имел честь в начале вам показать, встает картина ежевечерних напряженных борений: две темных фигуры и машина на темной дороге — на дороге, что ведет из Рохэмптона к Путни-хилл, если быть точным, — звук каблука, отталкивающегося от гравия, надсадное кряхтенье, крик: «Руль крепче держите, руль!», зигзагообразное, неуверенное продвижение вперед, судорожный рывок в сторону машины вместе с человеком и — падение. Затем вы смутно различаете в темноте главного героя нашего рассказа — он сидит у обочины и в каком-то новом месте потирает ногу, а приятель его, исполненный сочувствия (он отнюдь не потерявший надежды), выправляет свернутый на сторону руль.

Вот как даже у приказчика проявляется мужественное начало, побуждая его, вопреки возможностям его профессии, вопреки доводам осторожности и ограниченности средств, искать здоровые радости и преодолевать утомление, опасность и боль. Так, стоило повнимательнее присмотреться к приказчику галантерейного магазина, и мы обнаружили под его галантерейной внешностью — человека! К этому обстоятельству (среди прочих) мы снова обратимся в конце.

Но хватит разоблачений! Главный герой нашего рассказа следует сейчас вдоль прилавка — приказчик как приказчик — с вашими покупками в руках, направляясь в камеру хранения, где различные ваши приобретения будут упакованы старшим экспедитором и отосланы вам домой. Вернувшись на свое место, наш герой схватит штуку клетчатой ткани и, держа материю за края, примется расправлять образовавшиеся складки. Рядом с ним ученик, обучающийся тому же высокому мастерству младшего приказчика, краснощекий рыжий парень в кургузом черном пиджачке и высоченном воротничке, не спеша разворачивает и сворачивает штуки кретона. К двадцати одному году он, возможно, тоже станет полноправным младшим приказчиком, как и мистер Хупдрайвер. Над головами их с латунных прутьев свешиваются ситцы, позади — полки, забитые рулонами белой ткани. Глядя на этих двух молодых людей, можно предположить, что все их помыслы заняты тем, как бы получше расправить материю и поровнее ее сложить. По правде же говоря, ни один из них и не думает о том, что механически делают их руки. Младший приказчик мечтает о той божественной поре — теперь до нее осталось всего четыре часа, — когда он снова примется за приобретение синяков и ссадин. А думы ученика больше похожи на обычные мальчишеские мечты, и воображение его, опустив забрало, скачет по закоулкам его мозга в поисках рыцаря, с которым оно могло бы сразиться в честь Прекрасной Дамы, предпоследней из учениц в портновской мастерской наверху. Впрочем, еще лучше было бы подраться на улице с бунтовщиками, ибо тогда она могла бы увидеть его из окна.

Появление пухленького маленького управляющего с бумагой в руке возвращает обоих к действительности. Ученик развивает необычайно бурную деятельность. Управляющий критическим оком смотрит на лежащие перед ним товары.

— Хупдрайвер, — спрашивает он, — как расходится эта клетка?

Хупдрайвер отрывается от мысленного созерцания своей победы над коварным велосипедом.

— Довольно хорошо, сэр. Но крупная клетка что-то залеживается.

Управляющий останавливается у прилавка.

— Есть у вас какие-либо пожелания относительно отпусков? — спрашивает он.

Хупдрайвер ухватился за свой жиденький ус.

— Нет... Мне бы только не хотелось, сэр, идти слишком поздно.

— А что вы скажете, если через неделю?

Хупдрайвер застывает в раздумье, зажав края клетчатой ткани в руках. Лицо его отражает всю происходящую в нем борьбу. Сумеет ли он научиться за неделю? Вот в чем вопрос. Но если он откажется, отпуск получит Бриггс, и тогда дожидайся сентября, а погода в сентябре очень переменчивая. Он, естественно, принадлежит к породе оптимистов. Всем продавцам тканей приходится быть оптимистами, иначе откуда бы у них взялась такая убежденность в красоте, стойкости красок и непреходящем великолепии товаров, которые они вам продают.

Итак, решение принято.

— Это меня вполне устраивает, — произносит мистер Хупдрайвер, кладя конец паузе.

Жребий брошен. Управляющий делает пометку в своей бумажке и идет в отдел готового платья к Бриггсу — приказчику, следующему по старшинству, которое строго блюдут во Дворце Тканей. А мистер Хупдрайвер, предоставленный самому себе, то разглаживает клетку, то впадает в задумчивость, посасывая языком дупло в зубе мудрости.

III

В тот вечер за ужином главенствующей темой разговора был бесспорно отпуск. Мистер Причард говорил о Шотландии, мисс Айзекс перевозносила Бетью-и-Куд, мистер Джадсон расхваливал достоинства норфолькских равнин с таким жаром, словно это была его собственность.

— Я? — сказал Хупдрайвер, когда очередь дошла до него. — Я, конечно, проведу отпуск на велосипеде.

— Но не будете же вы целыми днями ездить на этой вашей ужасной машине? — заметила мисс Хоу из отдела костюмов.

— Буду, — заявил Хупдрайвер как можно спокойнее, тербя свои жалкие усики. — Я отправляюсь в велопробег. По Южному побережью.

— Ну что ж, мистер Хупдрайвер, единственное, чего я могу вам пожелать, — это хорошей погоды, — сказала мисс Хоу. — И поменьше падать.

— Не забудьте положить в сумку баночку с арникой, — добавил младший ученик в очень высоком воротничке. (Он

присутствовал при одном из уроков на вершине Пүтнихилл.)

— Ты бы лучше помолчал,— отрезал мистер Хупдрайвер, пристально и угрожающе поглядев на младшего ученика, и вдруг с необычайным презрением добавил: — Сладостна несчастливы!

— Я теперь вполне освоился с машиной,— добавил он, обращаясь к мисс Хоу.

В другое время Хупдрайвер, очевидно, уделил бы больше внимания ироническим выпадам ученика, но сейчас мозг его был всецело занят намеченным пробегом, и ему было не до защиты своего достоинства от мелких уколов. Он рано вышел из-за стола, чтобы успеть часок поупражняться на Рохэмптонской дороге до того, как запрут двери. А к тому времени, когда в доме прикрутили на ночь газовые рожки, он уже сидел на краю кровати, растирал колено арникой там, где появился новый ушиб, и изучал карту дорог Южной Англии. Бриггс из отдела готового платья, деливший с ним комнату, сидел в постели и покуривал в полутьме. Бриггс никогда в жизни не ездил на велосипеде, но он чувствовал, сколь малоопытен Хупдрайвер, и давал ему советы, какие только приходили в голову.

— Как следует смажьте машину,— говорил Бриггс.— Возьмите с собой два лимона. Не утомляйтесь до бесчувствия в первый день. Держитесь в седле прямо. Не теряйте управления машиной и при всякой оказии нажимайте на звонок. Помните об этом, и ничего страшного, Хупдрайвер, с вами не случится, можете мне поверить.

Он помолчал с минуту,— если не считать двух-трех ругательств по адресу трубки,— и разразился новым набором советов.

— Самое главное, Хупдрайвер, не переезжайте собак, Ничего нет хуже, как переехать собаку. Не давайте машине вихлять — тут один человек насмерть расшибся из-за того, что колесо у него вихляло. Не гоните, не наезжайте на тротуары, держитесь своей стороны дороги, а как завидите трамвайную колею, сворачивайте и дуйте подальше оттуда — и всегда слезайте с велосипеда засветло. Запомните несколько таких мелочей, Хупдрайвер, и ничего страшного с вами не случится, можете мне поверить.

— Правильно! — сказал Хупдрайвер.— Спокойной ночи, старина.

— Спокойной ночи,— сказал Бриггс, и на какое-то время наступила тишина, нарушаемая лишь смачным похиванием трубки.

Хупдрайвер уже мчался в Страну Грез на своей машине, но едва он ее достиг, как был извлечен оттуда и возвращен в мир реальности. Что же его извлекло?

— Смотрите только не смазывайте руль. Это погубель,— говорил голос, исходивший из мерцающей красноватой точки.— Да каждый день чистите цепь графитом. Запомните несколько таких мелочей...

— А чтоб тебя!..— произнес Хупдрайвер и нырнул с головой под одеяло.

ОТЪЕЗД МИСТЕРА ХУПДРАЙВЕРА

IV

лишь тем, кто трудится шесть долгих дней из семи — и так целый год, за исключением коротких восхитительных двух недель или десяти дней летом, — знакомо ни с чем не сравнимое ощущение, какое владеет человеком утром первого отпускного дня. Все повседневное, нудное и скучное внезапно отступает, и цепи твои падают к твоим ногам.

И ты вдруг становишься господином своей судьбы, который может по своему усмотрению распоряжаться каждым часом этого длинного свободного дня: ты можешь идти куда тебе заблагорассудится, никого не надо величать «сэр» или «мадам», не надо носить булавок на лацкане, можно сбросить черный пиджак, надеть те цвета, какие тебе по сердцу, и быть Человеком. Жаль времени, потраченного на сон, жаль даже тех минут, что потрачены на еду и питье, ибо они отнимают у вас драгоценные мгновения. Десять благословенных дней не надо будет вставать до завтрака и, натянув старое платье, спешить в унылый, темный магазин, открывать ставни, вытирать пыль, снимать чехлы с прилавок, приводить все в порядок; не будет повелительных окриков: «Да пошевеливайтесь же, Хупдрайвер!», не придется наспех глотать пищу, преодолевая скуку, обслуживать придирчивых старух. Первое отпускное утро — самое восхитительное, ибо все ваше богатство еще у вас в руках. А потом каждый вечер сердце сжимается, и перед вами возникает неумолимый призрак — предчувствие скорого возвращения. Мысль о том, что вам предстоит вернуться и снова на двенадцать месяцев засесть в клетку, черной тенью начинает заслонять солнце. Но в первое утро у отпуска

еще нет прошлого, и эти десять дней кажутся вечностью.

К тому же погода стояла отличная, обещающая череду чудесных дней; по глубокому синему небу были разбросаны ослепительные громады белых облаков, словно небесные косцы сгребли в скирды остатки вчерашних туч, чтобы потом вывезти их на телегах. На Ричмондской дороге заливались дрозды, а на Пулни-хилл пел жаворонок. В воздухе чувствовалась свежесть росы; капельки росы или остатки ночного ливня поблескивали на листьях и в траве. Хупдрайвер рано позавтракал благодаря любезности миссис Ганн. Он вывел свою машину и направился с ней к вершине Пулни-хилл; все внутри у него пело. На середине подъема лохматый черный кот перебежал ему дорогу и скрылся под воротами. Ставни больших кирпичных домов за живыми изгородями были еще закрыты, но наш герой и за сто фунтов не поменялся бы местами ни с одним из их обитателей.

На нем был новый коричневый костюм велосипедиста — изящное, стоимостью в тридцать шиллингов, одеяние, состоящее из просторной спортивной куртки с поясом и бриджей, а ноги его, многострадальные ноги, за все перенесенные невзгоды были более чем вознаграждены толстыми клетчатыми носками — «тонкими в следу, плотными на икре». Позади седла в аккуратной сумке из американского брезента лежала смена белья, а звонок, руль, втулки и лампа, хоть и немного поцарапанные, ослепительно сверкали в лучах восходящего солнца. На вершине холма, после одной-единственной неудачной попытки, закончившейся, к счастью, падением на траву, Хупдрайвер наконец взгромоздился на велосипед и, величаво и осторожно крутя педали и оставляя за собой благородный волнообразный след, отправился в свой великий велопробег по Южному побережью.

Для описания этой первоначальной фазы его пути существует лишь одно подходящее выражение — «сладострастные изгибы». Он ехал не быстро, ехал не по прямой, требовательный критик сказал бы даже, что ехал он плохо, зато он ехал свободно, размашисто, используя всю ширину дороги и даже заезжая на дорожку для пешеходов. Волнение не покидало его. Пока что ему никто не попался — ни попутный, ни встречный, но день еще только начался, и дорога была пуста. Он был настолько не уверен в своей власти над машиной, что решил заранее слезть с седла, как только появится что-либо на колесах. Длинные синие тени деревьев лежали на дороге, утреннее солнце горело янта-

рем. Добравшись до перекрестка на вершине Вест-хилл, где устроен водопой для скота, он повернул на Кингстон и налег на педали, преодолевая небольшой подъем. Полевой сторож в бархатной куртке, вышедший спозаранок обозреть свои владения, уставился на него. Мистер Хупдрайвер все еще брал подъем, когда на вершине холма показалась голова ломовой лошади.

При виде лошади мистер Хупдрайвер, в соответствии с принятым ранее решением, попытался слезть. Он нажал на тормоз, и машина остановилась как вкопанная. Он стал слезать, пытаясь сообразить, как же должна вести себя правая нога. Стоя на левой педали и болтая правой ногой в воздухе, он вцепился в ручки и отпустил тормоз. Тут — рассказывать это долго, а случается все в один миг! — он почувствовал, что машина его падает вправо. Пока он решал, как ему поступить, закон притяжения, видимо, не дремал. И прежде чем он успел на что-либо отважиться, машина его очутилась на земле, а сам он — сверху, на коленях, смутно сознавая, что провидение опять весьма сурово обошлось с его лодыжкой. Произошло это, когда он как раз поравнялся с полевым сторожем. Человек, ехавший в телеге, встал, чтобы получше разглядеть бедствие.

— Так не слезают с велосипеда! — сказал сторож.

Мистер Хупдрайвер поднял с земли машину. Руль снова был свернут на сторону. Он пробормотал что-то себе под нос. Придется разбирать проклятую штуку.

— Так не слезают с велосипеда, — повторил после паузы сторож.

— Да знаю я! — с раздражением отрезал Хупдрайвер, решив не обращать внимания на боль в лодыжке. Он отстегнул сумку, висевшую позади седла, чтобы достать отвертку.

— А коли знаете, зачем же так слезали? — назидательно, но дружелюбно спросил сторож.

Мистер Хупдрайвер достал отвертку и взялся за руль. Сторож взбесил его.

— Думается, это уж мое дело, — заявил он, возясь с отверткой. Но пальцы его от непривычного напряжения отчаянно дрожали.

Сторож задумчиво смотрел на него, вертя в заложенных за спину руках палку.

— Руль у вас, что ли, сломался? — некоторое время спустя осведомился он.

В эту минуту отвертка выскочила у Хупдрайвера из паза. И он произнес одно нехорошее слово.

— Эти велосипеды кого хочешь из себя выведут, — сочувственно заметил сторож. — Кого хочешь...

Мистер Хупдрайвер со злостью крутанул отверткой и вдруг выпрямился, зажав переднее колесо между колен.

— Я бы вас попросил, — начал он, но голос его оборвался, — я бы вас попросил перестать на меня глазеть.

И с видом человека, заявившего ультиматум, принялся засовывать в сумку отвертку.

Сторож не шелохнулся. Возможно, он лишь приподнял брови и, уж конечно, еще пристальней уставился на Хупдрайвера.

— Необщительный вы человек, — медленно произнес он, меж тем как мистер Хупдрайвер уже схватился за ручки и только ждал, когда проедет телега, чтобы вскочить в седло.

Возмущение сторожа нарастало медленно, но верно.

— Что же вы не ездите по собственной дороге, коли вам никто и слова сказать не смей? — заметил сторож, все больше и больше проникаясь сознанием обиды. — Ишь ты, недотрога какой, не дыхни на него! Онемел ты, что ли? Или считаешь зазорным со мной разговаривать?

Мистер Хупдрайвер смотрел вперед, в Необозримое Будущее. Он словно застыл. Ругать его было все равно что осыпать бранью каменных львов на Трафальгар-сквер. Но сторож не отступался, считая задетой свою честь.

— Такому барину и сказать ничего не смей, — заметил сторож, когда телега поравнялась с ним. — Это ж его светлость герцог — вот кто! Он иначе как с графьями и не разговаривает. И направляется он в Виндзорский дворец, не куда-нибудь, потому он так и оттопырил свой зад. Гордец! У него этой гордости столько, что пришлось часть в сумку переложить, не то бы он лопнул. Да он...

Но мистер Хупдрайвер дальше уже не слышал. Он покати́л велосипед по дороге, отчаянно подпрыгивая и судорожно пытаясь вскочить в седло. Нога его опять прошла мимо педали, и он злобно выругался, к великому удовольствию сторожа.

— Ату его! Ату! — крикнул вслед сторож.

Тут Хупдрайвер вскочил в седло, машина сделала головкружительную восьмерку, и в следующую минуту сторож остался далеко позади.

Мистеру Хупдрайверу очень хотелось бы обернуться и посмотреть на своего врага, но в таких случаях колесо у него обычно заворачивалось, и он падал. Ему оставалось лишь представить себе, как возмущенный сторож во всех подробностях рассказывает возчику о происшедшем. И он

постарался придать своей удаляющейся фигуре возможно более презрительный вид.

Он продолжал свой извилистый путь вниз, к новому пруду, а затем вверх, на вершину холма, противоположный склон которого ведет в Кингстонскую долину, и — так уж устроена психика велосипедиста — ехал он теперь прямее и легче, ибо чувства, вызванные к жизни встречей с полевым сторожем, отвлекали его от ожидания неминуемого падения, подрывавшего раньше твердость его духа. Езда на велосипеде во многом схожа с ухаживанием за женщиной: главную роль тут играет уверенность в себе. Стоит поверить в успех — и все в порядке; только начни сомневаться — и все потеряно.

Очевидно, вы думаете, что теперь Хупдрайвером владела либо жажда мести, либо чувство раскаяния — мести за издевательства сторожа и раскаяния в собственной неразумной вспыльчивости. На самом же деле он не испытывал ни того, ни другого. Наоборот, он торжествовал. И начавшийся спуск вновь заиграл перед ним всеми своими красками. На вершине холма он поставил ноги на специальные упоры и довольно прямо, слегка тормозя, съехал по пологому спуску. Глаза его горели восторгом, какой не может родить просто радость быстрой езды по утренней прохладе. От удовольствия он вытянул большой палец и позвонил.

— Это ж его светлость герцог — вот кто! — шепотком произнес себе под нос мистер Хупдрайвер, мчась под гору, и повторил: — Его светлость герцог!

И он беззвучно рассмеялся. Вот что значит хорошо сшитый костюм! Его превосходство было столь очевидно, что даже такой человек, как сторож, заметил это. Целых десять дней не видеть отдела тканей! Вышел из отдела — и ты человек! Труженик, приказчик Хупдрайвер исчез с лица земли. На его месте появился джентльмен, человек, живущий в свое удовольствие, с пятифунтовой бумажкой, двумя соверенами и некоторым количеством серебра, рассованными по разным карманам, как ему удобнее. Во всяком случае, ничуть не хуже герцога, хоть и без титула. Стоило Хупдрайверу вспомнить о своих капиталах, как правая рука его машинально оторвалась от руля и потянулась к внутреннему карману, но рывок велосипеда в сторону кладбищенской стены тотчас вернул его к действительности. Э-эх! Едва не наехал на битый кирпич! Только злоумышленники могли набросать его посреди дороги. Сущие проходимцы! Посадить бы нескольких хулиганов на скамью подсудимых —

другим неповадно было бы. Это, наверно, пряжка от сумки стучит сзади по щитку. До чего же весело жужжат колеса!

На кладбище царили тишина и покой, но долина уже пробуждалась, со стуком и скрипом распахивались окна, а из одного дома выскочила белая собака и принялась лаять на Хупдрайвера. С трудом переводя дух, он слез с велосипеда у подножия Кингстон-хилла и, подталкивая машину, двинулся в гору. На полпути его обогнала телега вставшего спозаранок молочника; два грязных человека с мешками торопливо прошли навстречу. Не иначе как разбойники, несущие домой добычу.

Поднимаясь на Кингстон-хилл, он впервые заметил какую-то странную тяжесть в коленях, но, добравшись до вершины, заметил и то, что едет он гораздо прямее, чем раньше. И радость оттого, что он научился прямо ездить, заставила его забыть об этих первых признаках усталости. Появился человек верхом; Хупдрайвер, ошеломленный собственной смелостью, проехал мимо него и помчался под откос в Кингстон, сопровождаемый грохотом отвертки, ударявшейся в сумке о масленку. Безо всяких злоключений миновал он повозку фруктовщика и медленно тащившуюся телегу с кирпичами. А в Кингстоне Хупдрайвер испытал величайшее наслаждение, увидев мануфактурный магазин с приоткрытыми ставнями и в окне двух молодых людей в пропыленных старых пиджаках и грязных белых шерстяных шарфах, которые, зевая, уносили доски, ящики и бумагу, готовя витрину. Вот таким же был и Хупдрайвер всего лишь накануне. Но сейчас разве он не его светлость герцог в глазах простонародья? Итак, за угол направо, отчаянный трезвон — и дальше по дороге в Сэрбитон.

Вперед — к Свободе и Приключениям! Время от времени какой-нибудь домик с сонным удивлением открывал глаз, когда мистер Хупдрайвер проезжал мимо; справа от него на протяжении целой мили сверкали и горели неторопливые воды Темзы. Какая joie de vivre¹, — но в коленях тяжесть все увеличивалась, и икры все сильнее сводила судорога.

---

¹ Радость жизни (франц.).

ПОЗОРНЫЙ ИНЦИДЕНТ, ПРОИСШЕДШИЙ ПРИ ВСТРЕЧЕ С ЮНОЙ ЛЕДИ В СЕРОМ

V

ледует иметь в виду, что мистер Хупдрайвер не принадлежал к числу бойких молодых людей. Даже будь он царем Лемуилом¹, он едва ли мог бы лучше блюсти наставления своей ма-тушки. На представительниц женского пола он смотрел как на существа, которым надо кланяться, а потом — ухмыляться вслед с безопасного расстоя-

ния. Годы, проведенные за при-давком, который приближал их к нему и в то же время отгораживал, не прошли бесследно. Для него было целым событием пойти в церковь с какой-нибудь из работавших в магазине юных леди. Словом, немного найдется современных молодых людей, к кому так мало подходил бы эпитет «фатоватый». Зато, наверное, в самом металле его машины было что-то ухарское. Это была, бесспорно, машина с прошлым. Мистер Хупдрайвер купил ее из вторых рук у Хейра в Путни, и Хейр не скрывал, что у велосипеда уже было несколько хозяев. Собственно, выражение «из вторых рук» едва ли тут подходит, ибо Хейр сам был несколько удивлен тем, что ему удалось продать такую древность. Он сказал, что велосипед в полной исправности, хоть, может, и несколько старомоден, но он ни словом не обмолвился об его моральных качествах. Вполне возможно, что когда-то, в блестящую пору юности, велосипед начинал свою карьеру службой у поэта. Вполне возможно, что он был даже собственностью Действительно Дурного Человека. Всякий, кто хоть когда-либо ездил на велосипеде, может засвидетельст-

¹ Персонаж из библейских притч Соломоновых, которого мать представляла «не отдавать женщинам сил своих».

ровать, что эти машины обладают необъяснимой способностью приобретать дурные привычки и сохранять их.

Неоспоримо одно: велосипед затрясся в конвульсиях от избытка чувств, как только появилась Юная Леди в Сером. Он начал вилять самым беспримерным образом, беспримерным, во всяком случае, на памяти Хупдрайвера. Он «пускал пыль в глаза» и выписывал умопомрачительные загогулины — совсем как на рисунках Бердсли. Ко всему этому Хупдрайвер вдруг почувствовал, что кепи его съехало на сторону и он с трудом переводит дух.

Юная Леди в Сером тоже ехала на велосипеде. Она была в красивом голубовато-сером костюме, и солнце, освещавшее ее сзади, как бы очертило золотом ее силуэт, оставив все остальное в тени. Хупдрайвер все же заметил, что она молода, довольно стройна, темноволоса, глаза у нее блестящие, а щеки горят румянцем. Что до нижней части ее туалета, то она вызвала у него крайнее недоумение. Он, конечно, слышал о такой моде, очевидно, французского происхождения. Руль у Юной Леди сверкал; звонок отбрасывал слепящие блики солнечного света. Она приближалась к шоссе по дороге от пригородных вилл Сэрбитона. Дорога эта сходилась с шоссе под острым углом. Юная Леди ехала примерно с той же скоростью, что и мистер Хупдрайвер. Таким образом, все указывало на то, что они должны встретиться у развилки.

И тут Хупдрайвером овладело невероятное смятение. По сравнению с ней он ехал очень некрасиво. Не стоит ли поскорее слезть и сделать вид, будто что-то не в порядке с педалью? Но ведь неизвестно, удастся ли ему благополучно слезть. Вспомнить только, как последний раз он слезал у Путни-хилл! Ну, а что будет, если он не слезет? Ехать очень медленно казалось ему оскорбительным для его мужского достоинства. Еще того не хватало, чтобы он полз следом за какой-то школьницей! К тому же и едет-то она не очень быстро. С другой стороны, ринуться вперед и заколесить по дороге во всю ее ширину, словно рак, распустивший клешни, было бы невежливо: нельзя так жадничать, ведь он оставил бы для Юной Леди совсем мало места! Профессиональная привычка побуждала его поклониться и пропустить даму вперед. Если бы можно было на секунду оторвать от руля руку, он проехал бы молча, приподняв кепи. Но и это было чревато гибельными последствиями.

Тем временем дороги их сошлись. Юная Леди смотрела на него. Она была румяная, очень тоненькая, с очень блестящими глазами. Пунцовые губы ее приоткрылись. Воз-

можно, это объяснялось быстрой ездой, но похоже, что она слегка улыбалась. И нижняя часть ее тела, — да, конечно! — была облачена в брюки до колен! Мистером Хупдрайвером вдруг овладело неудержимое стремление спастись бегством. Он судорожно закрутил педалями, намереваясь ее обогнать. Тут какая-то жестянка попала ему под колесо, подскочила и застряла под щитком от грязи. Велосипед повернул прямо на Юную Леди. Дьявол, что ли, вселился в него?

В эту решающую минуту мистеру Хупдрайверу пришло в голову, что разумнее всего было бы слезть с велосипеда. Но вместо этого он нажал на педали и попытался объехать Юную Леди; тут ему показалось, что машина стала крениться набок, он снова выпрямил руль, инстинктивно повернул влево и проехал мимо нее, на волосок от ее заднего колеса. Однако здесь его подстерегала обочина тротуара. Не успел он опомниться, как машину подбросило, и он покатил прямо на деревянный забор. Он врезался в него на полном ходу, вылетел из седла и сел на раму. Машина начала клониться набок, и он очутился на гравии, застряв ногами между рамой и тормозом. Падение на гравий больно отозвалось во всем его теле. Он так и остался сидеть, жалея, что не сломал себе шеи, а еще больше жалея о том, что вообще родился на свет. Вся радость жизни куда-то исчезла. Нечего сказать, его светлость герцог! Черт бы побрал этих женщин, в которых нет ничего женского!

Послышалось легкое шуршание, скрип тормоза, шаги, и Юная Леди в Сером остановилась над ним, придерживая свою машину. Она ведь уже проехала мимо — значит, она вернулась. Яркое солнце светило теперь ей в лицо.

— Вы ушиблись? — спросила она. У нее был приятный звонкий девичий голосок. Она была в самом деле очень юна, в сущности, совсем девочка. А как хорошо ездит! Это была горькая пилюля для Хупдрайвера.

Мистер Хупдрайвер тотчас встал.

— Нисколько, — довольно уныло произнес он. И с огорчением обнаружил, что гравий, налипший на его куртку, едва ли украшает ее. — Мне, право, очень неприятно...

— Это я виновата, — перебила она его и таким образом не дала вымолвить «мисс». (Он, правда, знал, что это не принято, но уж очень укоренилась в нем привычка обращаться так к покупательницам.) — Я хотела объехать вас не с той стороны. — Лицо и глаза ее смеялись. — Поэтому-то я и должна извиниться.

— Но ведь все произошло из-за того, что я не туда повернул руль...

— Мне следовало бы заметить, что вы новичок в этом деле,— с оттенком превосходства произнесла она.— Но там вы ехали так ровно и прямо!

Право же, она была сногшибательно хороша. Чувства мистера Хупдрайвера взыграли. И он заговорил уже с оттенком легкого аристократизма:

— Вообще говоря, это моя первая поездка. Но, конечно, это не может служить оправданием для моей... м-м... неловкости.

— У вас палец в крови,— внезапно заметила она.

Он увидел, что ободрал себе руку.

— Я даже не почувствовал,— мужественно заявил он.

— Сначала никогда не чувствуешь. У вас нет с собой пластыря? Если нет...

Она прислонила к себе велосипед. Сбоку у нее был карманчик, она извлекла оттуда пакетик пластыря и ножницы в футляре и щедрой рукою отрезала ему большой кусок. У него возникла дикая мысль попросить, чтобы она сама наложила ему на рану пластырь. Но он сдержался.

— Благодарю вас,— сказал он.

— Машина в исправности? — осведомилась она, не выпуская из рук руля своего велосипеда и глядя на распростертую на земле машину. Хупдрайвер впервые не почувствовал за нее гордости.

Он встал на ноги и принялся поднимать рухнувший велосипед. А когда взглянул через плечо, то обнаружил, что Юной Леди уже нет рядом; он повернул голову и посмотрел через другое плечо: она ехала по дороге.

— Тьфу! — вырвалось у Хупдрайвера.— Чтоб мне провалиться! Лихо она меня обставила! — Когда он беседовал сам с собой, речь его не часто отличалась аристократической утонченностью.

В уме у него царил полное смятение. Одно было ясно: на его горизонте появилось прелестнейшее и совсем необычное существо, оно промелькнуло и вот-вот исчезнет. Безрассудство, свойственное человеку, находящемуся в отпуске, бродило у него в крови. Она обернулась!

Он тотчас выкатил свою машину на дорогу и судорожно попытался вскочить в седло. Тщетно. Еще одна попытка. Черт побери, да неужели он никогда не сможет снова залезть на эту штуку? Девушка сейчас завернет за угол. Еще одна попытка. Ах да, педаль! Опять руль не держит! Нет! Вышло! Он вцепился в ручки и нагнул голову. Сейчас он нагонит незнакомку.

Время повернуло вспять. Первобытный человек в эту

минуту возобладал над порождением цивилизации — Приказчиком. Он с поистине первозданной дикостью крутил педали. Так человек эпохи палеолита, наверное, мчался бы на высечённом из камня велосипеде за той, которая по закону экзогамии могла быть его половиной. Она исчезла за углом. Он делал титанические усилия. Что же он ей скажет, когда нагонит? Вначале это почти не волновало его. До чего же она была хороша, когда подошла к нему, покрасневшая от езды, слегка запыхавшаяся, но такая гибкая, энергичная! Где им до нее, всем этим комнатным растениям, благовоспитанным барышням, с лицами цвета холодной телятины! Но что же он ей все-таки скажет? Это не давало ему покоя. И кепи он приносить не может без риска вновь пережить недавний позор. Она настоящая Юная Леди. Ни каких сомнений! Это вам не какая-нибудь краснощекая продавщица. (Никто на свете не презирает так своего ближнего, как продавцы — продавщицы, вот разве только продавщицы — продавцов.) Фу! Вот это работенка! Колени его совсем было одеревенели, потом снова отошли.

«Разрешите осведомиться, кому я обязан...» — пыхтел он себе под нос, примериваясь. Пожалуй, сойдет. Хорошо, что у него есть визитные карточки! Шиллинг за сотню — исполнение в присутствии заказчика. Он задышался. Дорога действительно шла немного в гору. Он завернул за угол и увидел нескончаемую ленту дороги, а на ней вдали серый костюм. Он стиснул зубы. Неужели он несколько не нагнал ее?

— Эй, обезьяна на вертеле! — крикнул вслед ему какой-то мальчишка.

Хупдрайвер удвоил усилия. Дыхание с шумом вырывалось у него из груди, руль снова заходил ходуном, педали отчаянно крутились. Капля пота попала ему в глаз — едкая, как кислота. Дорога действительно шла в гору — тут уж не могло быть двух мнений. Весь его организм взбунтовался. Последним отчаянным усилием он достиг поворота и увидел впереди отрезок тенистой дороги, а на ней — ни души, только тележка булочника. Переднее колесо у Хупдрайвера вдруг резко взвизгнуло.

— О господи! — произнес он вслух и весь сразу обмяк.

Так или иначе она все равно умчалась. Он еле слез с велосипеда, — ноги у него были точно ватные, — прислонил машину к поросшей травой обочине и сел, чтобы отдышаться. На руках у него вздулись вены, и пальцы заметно дрожали, дыхание с трудом вырывалось из груди.

«Нет у меня еще сноровки, — заметил он про себя. — Те-

дерь ноги словно налились свинцом. И такое чувство, будто я не завтракал сегодня». Он отстегнул боковой карман и достал новенький портсигар и пачку сигарет «Копченая селедка». Набил ими портсигар. Взгляд его с одобрением задержался на клетчатом узоре новых носков. И в глазах появилось отрешенно-мечтательное выражение.

«Да, девушка была сногшибательная,— подумал он.— Увижу ли я ее когда-нибудь еще? А как ездит! Интересно, что она обо мне подумала».

Тут ему вспомнилась фраза сторожа об «его светлости герцоге», и это несколько утешило его.

Он закурил сигарету и, попыхивая ею, продолжал мечтать. Он даже глаз не поднимал на проезжавшие мимо экипажи. Так прошло минут десять. «Ерунда все это! Что толку от этих дум? — решил он. — Ведь я всего лишь младший приказчик, черт возьми!» (Вернее, сказал он не «черт возьми», а кое-что другое. Служба в магазине может навести внешний доск, зато общежитие продавцов вряд ли научит хорошим манерам и высоким моральным принципам.) Он встал и повел свою машину по направлению к Эшеру. День обещал быть прекрасным, и живые изгороди, деревья и поля ласкали его усталый взор горожанина. Но от душевной приподнятости, которую он ощущал раньше, не осталось и следа.

— А вот джентльмен идет с велосипедиком,— сказала няня существу, которое она везла в коляске по обочине.

Эти слова слегка заживили раны мистера Хупдрайвера. «Джентльмен с велосипедиком», «его светлость герцог» — значит, не такой уж у меня жалкий вид,— подумал он.— Интересно... Просто хотелось бы знать...»

Было что-то очень ободряющее в сознании, что она едет прямо и неуклонно впереди него, оставляя за собой след своих шин. Конечно, это ее след. Ведь утром по дороге никто еще не проезжал на шинах. Вполне возможно, что он увидит ее, когда она будет возвращаться. Попробовать сказать ей что-нибудь такое галантное? Он принялся гадать, кто она такая. Наверно, одна из этих «новых женщин». Он был убежден, что на них клеветают. Она, во всяком случае, настоящая леди. И к тому же богатая! Ее машина, должно быть, стоила фунтов двадцать. Тут его мысль отвлеклась и некоторое время витала вокруг ее зримого облика. Спортивный костюм отнюдь не лишал ее женственности. Тем не менее возможность стать претендентом на ее руку была им тотчас с возмущением отвергнута. Затем мысли его опять изменили направление. Надо будет остановиться в ближайшей гостинице и срочно перекусить.

VI

В положенное время мистер Хупдрайвер добрался до «Маркиза Грэнби» в Эшере. Проехав под железнодорожным мостом и увидев впереди вывеску гостиницы, он сел на велосипед и храбро подкатил к самому порогу. Он заказал пиво, а также сухарики и сыр — компанию, вполне подходящую для пива; пока он все это поглощал, в зал вошел человек средних лет,

в рыжем костюме для велосипедной езды, очень красный, потный и злой, и с горестным видом потребовал лимонаду; затем он сел у бара и принялся вытирать лицо. Однако не успев сесть, он снова вскочил и выглянул на улицу.

— А черт! — сказал он. И добавил: — Чертов кретин.

— Что? — повернулся к незнакомцу мистер Хупдрайвер, пережевывая сыр.

Человек в рыжем костюме посмотрел на него.

— Я обозвал себя «чертовым кретином», сэр. Вы возражаете?

— Нет, что вы, что вы! — поспешил заверить его мистер Хупдрайвер. — Мне показалось, что вы обращаетесь ко мне. Я не расслышал, что вы сказали.

— Когда у человека созерцательный ум и энергичный характер, сэр, это — проклятие. Говорю вам, проклятие. Созерцательный ум при флегматическом темпераменте — вот тут все в порядке. Но энергия и философичность...

Мистер Хупдрайвер постарался придать своему лицу возможно более интеллигентное выражение, но промолчал.

— Никакой спешки нет, сэр, никакой. Я отправился поразмяться, немножко поразмяться, полюбоваться природой

и пособирать растения. Но стоит мне сесть на эту проклятую машину, как я изо всех сил начинаю гнать и хоть бы разок взглянул направо или налево, хоть бы цветок какой заметил — ничего подобного, только устал, взмок и разгорячился, точно меня на сковородке поджаривали. И вот я здесь, сэр. Примчался из Гилдфорда меньше чем за час. А спрашивается, зачем, сэр?

Мистер Хупдрайвер покачал головой.

— Потому что я кретин, сэр. Потому что у меня целые резервуары мускульной энергии, и один из них всегда протекает. Дорога эта, я убежден, на редкость красивая, есть тут и птицы и деревья, и цветы растут на обочине, и я бы получил огромное наслаждение, любясь ими. Но мне это не дано. Стоит мне сесть на велосипед, как я должен мчаться. Да меня на что угодно посади, я все равно буду мчаться. А ведь я вовсе этого не хочу. Скажите на милость, почему человек должен мчаться, точно ракета, так, что только дым столбом? Почему? Меня это страшно злит. Уверяю вас, сэр, я мчусь по дороге как угорелый и на чем свет стоит ругаю себя. Ведь, в сущности, я по натуре спокойный, почтенный, рассудительный человек — вот что я такое, а сейчас, извольте, трясусь от злости и ругаюсь, точно пьяный мастеровой, в присутствии совершенно незнакомого человека...

И весь день у меня даром пропал. Я даже и не видел этой сельской дороги, а теперь я уже почти у самого Лондона. А ведь мог бы наслаждаться природой все утро! Уф! Ваше счастье, сэр, что у вас спокойный нрав, что врожденная страсть к издевкам не доводит вас до безумия и что ваши душа и тело не грызутся друг с другом, как кошка с собакой. Жизнь у меня, поверьте, самая несчастная. Но какой смысл говорить об этом? Тут уж ничего не поделаешь!

Он с невыразимым отвращением откинул голову, вылил себе в рот лимонад, расплатился и, не проронив больше ни звука, направился к двери. Мистер Хупдрайвер все еще раздумывал, что бы сказать, но его собеседник уже исчез. Послышался хруст гравия под каблуком, и когда мистер Хупдрайвер достиг порога, человек в рыжем костюме уже проехал с десятков ярдов в направлении Лондона. Он наращивал скорость. И все ниже опуская голову, с плохо сдерживаемой злостью изо всей силы крутил педали. Еще минута — и он исчез из виду под аркой железнодорожного моста, и мистер Хупдрайвер никогда больше не встречал его.

Проводив глазами этот ураган, мистер Хупдрайвер расплатился по счету, мышцы ног у него теперь немного отошли, он сел на велосипед и двинулся дальше в направлении Рипли по прекрасной, но извилистой дороге. Он с удовлетворением отметил, что значительно лучше стал владеть машиной. По пути он задал себе несколько несложных задач и выполнил их с переменным успехом. Он решил, скажем, провести машину между двумя камнями, отстоящими друг от друга примерно на фут, — штука нехитрая для переднего колеса, но заднее колесо, не попадающее в поле зрения человеческого глаза, норовит ехидно прокатиться как раз по камню, отчего седок весь — от копчика до макушки — претерпевает сильнейшую встряску, а шляпа его может съехать на глаза и тем самым вызвать еще большее смятение. Или вот: можно снять руку, а то и обе руки с руля — вещь сама по себе несложная, но могущая привести к неожиданным последствиям. Этот подвиг мистеру Хупдрайверу особенно хотелось совершить по многим, весьма разным причинам, но до сих пор все его усилия кончались лишь судорожной попыткой сбалансировать и новыми, весьма неизящными способами приземления.

Человеческий нос — в лучшем случае никому не нужный нарост. Есть люди, которые считают его украшением лица, и на того, кто его лишен, смотрели бы с жалостью или насмешкой, тем не менее наше уважительное отношение к этому органу объясняется скорее дурным влиянием принятой во всем мире моды, чем его бесспорной красотой. Ну, а для начинающих велосипедистов, равно как и для детей обоего пола, нос не просто бесполезен, он еще является источником постоянного беспокойства, ибо требует неослабного внимания. Пока человек не научится ездить, держа руль одной рукой, а другой — отыскивая по карманам, вытаскивая и пуская в ход носовой платок, езда на велосипеде неминуемо состоит из сплошных остановок. Автор далек от грубого реализма, однако нос мистера Хупдрайвера весьма отчетливо и недвусмысленно заявлял о своем существовании, и мы не можем с этим не считаться. В дополнение ко всему прочему существуют еще мухи. До тех пор, пока велосипедист не научится править одной рукой, лицо его находится во власти Вельзевула. Задумчивые мухи разгуливают по нему и ненароком щекочут наиболее чувствительные места. Единственный способ согнать их — это отчаянно мотать головой, строя невероятнейшие гримасы.

Но это не только длительный и, как правило, не очень эффективный метод, он еще производит весьма устрашающее впечатление на пешеходов. А иногда пот так обильно стекает по лицу начинающего велосипедиста, что ему приходится ехать какое-то время, закрыв один глаз, что придает ему игривый, отнюдь не соответствующий его настроению и не способствующий обузданию нахалов вид. Короче говоря, теперь вам понятны причины, побуждавшие мистера Хупдрайвера проводить всякие эксперименты. Он вскоре научился достаточно ловко и хлестко бить себя правой рукой по лицу, не опрокинув при этом машины, но носовой платок, пока он сидел в седле, был столь же недостижим для него, как если бы лежал в Калифорнии.

И все же не следует думать, что эти мелкие неполадки хоть в какой-то мере омрачали настроение мистера Хупдрайвера. Он ехал и все время помнил о том, что в это самое время Бриггс еще возится с витриной, а Гослинг, ученик с горящими ушами, опрокинув на прилавок стул, усиленно трудится, скатывая льняное полотно, — лишь тот, кто скатывал штуки льняного полотна, знает, какое это отвратительное занятие, — что в магазине пыльно и, возможно, туда уже явился управляющий и покрикивает на всех. А здесь тихо и зелено, и поезжай куда хочешь, и нигде ни души, и не надо кричать: «Подписать!», не надо складывать остатки, никто не орет на тебя: «Хупдрайвер, пошевеливайтесь!» Он даже чуть не переехал какого-то удивительного маленького рыжего зверька на коротких лапках и с желтым хвостом, который перед самым его носом выскочил на дорогу. Это была первая белка, которую он видел за всю свою жизнь обитателя лондонских окраин. А впереди были мили, десятки миль пути — хвойные леса и дубовые рощи, лиловые вересковые пустоши и зеленые долины, сочные луга, по которым лениво пролагали свой путь сверкающие реки, деревни с каменными церквями, увенчанными четырехугольной колокольней, и простыми, увитыми плющом, приветливыми гостиницами, чистенькие, беленькие городки, длинные, пологие склоны, по которым катишь без помех (если не считать двух-трех случайных толчков), и далеко там, за всем этим, — море.

Ну что может значить какая-то муха, когда перед человеком открываются такие перспективы? Возможно, мистера Хупдрайвера на минуту и обескуражил позорный эпизод с Юной Леди в Сером, возможно, память об этом свила себе гнездышко в каком-нибудь уголке его мозга и еще будет время от времени досаждать ему напоминанием.

о том, до чего же глупо он выглядел, но пока это нисколько его не тревожило. Господин в рыжем костюме — настоящий аристократ, это ясно — говорил с ним как с равным; это подтверждали собственные колени, обтянутые коричневыми брюками, и собственные клетчатые носки, которые всегда были у него перед глазами (вернее, могли быть, если слегка наклонить голову вбок). А какое наслаждение чувствовать, как ты постепенно все больше и больше овладеваешь искусством управлять этой чудесной и одновременно предательской машиной! Правда, через каждые полмили колени его давали о себе знать, он слезал с седла и отсиживался на обочине.

В прелестном местечке между Эшером и Клэпхемом, там, где через речку перекинут мостик, мистер Хупдрайвер повстречался еще с одним велосипедистом в коричневом костюме. Здесь долженствует сказать об этом, хотя встреча и была мимолетной, ибо впоследствии Хупдрайверу довелось познакомиться с этим человеком поближе. У этого человека в коричневом был ослепительно новый велосипед, а на коленях лежала проколота шина. Это был очень светлый блондин лет тридцати или немногим больше, с бледным лицом, орлиным носом и светлыми, свисающими усами; он сидел с мрачным видом и смотрел на прокол. При виде его мистер Хупдрайвер приосанился и проехал мимо так, словно всю жизнь провел на колесах.

— Великолепное утро, — заметил мистер Хупдрайвер, — и дорога отличная!

— А чтоб вас всех — и утро, и вас, и дорогу! — изрек велосипедист в коричневом, когда Хупдрайвер уже проехал.

Хупдрайвер слышал, как тот что-то произнес, но не различил слов и покатил дальше, преисполненный приятного сознания, что и он принадлежит на равных правах с другими к славному братству велосипедистов. А тот человек в коричневом смотрел ему вслед.

— Грязный пролетарий, — изрек он с какой-то пророческой антипатией. — И надо же было ему надеть костюм точь-в-точь как у меня. Можно подумать, что он задался целью выставить меня на посмешище. Таков уж мой удел! А ноги как выворачивает! И зачем только небо создает таких людей!

И, закурив сигарету, тот человек в коричневом занялся делом.

А мистер Хупдрайвер ехал в гору по дороге, ведущей в Клэпхем, достигнув такого места, где, по его глубокому

убеждению, тот, другой человек в коричневом уже не мог его видеть, он слез с машины и повел ее, пока близость деревни и собственная гордость не заставили его снова взгромоздиться на седло.

VIII

За Клэпхемом случилось нечто восхитительное, точнее, восхитительным это было вначале, оглядываясь назад, он и сам не знал, как это определить. Произошло это, пожалуй, на полпути между Клэпхемом и Рипли. Мистер Хупдрайвер спускался с пологого холма, где по обеим сторонам дороги росли большие замшелые деревья и папоротники, и впереди увидел прямую желтую ленту дороги, тянувшейся между редких сосен по широкой, поросшей вереском равнине, а на обочине, примерно в полумиле от него, стояла маленькая серая фигурка и махала чем-то белым.

— Не может быть! — произнес мистер Хупдрайвер, крепче сжимая руль.

Он приналег на педали, глядя прямо перед собой, наскочил на камень, покачнулся, выправил машину и покатил еще быстрее, продолжая смотреть вперед.

— Не может быть! — повторил Хупдрайвер.

Он старался ехать как можно прямее и изо всех сил крутил педали, не обращая внимания на то, что ноги его с каждой минутой все больше немеют.

— Не может этого быть! — снова сказал он, хотя все больше убеждался в том, что это так и есть. — А ведь я же не знаю... — вслух подумал мистер Хупдрайвер, бешено работая ногами. — Черт бы побрал мои ноги!

Но он продолжал ехать и неуклонно приближался к цели, тяжело дыша и точно липкая бумага собирая на себя мух. В ложбине он скрылся из виду. Но вот дорога стала снова подниматься в гору, и сопротивление педалей возросло. Добравшись до вершины холма, он на расстоянии какой-нибудь сотни ярдов впереди увидел ее. «Она! — вскричал он. — Это она, положительно она. Она узнала мой костюм...» Это было даже вернее, чем мистер Хупдрайвер мог предполагать. Но она больше не махала платком и даже не смотрела на него. Она медленно шла навстречу ему, ведя по дороге свой велосипед, и любовалась красивыми лесистыми холмами, что тянутся в направлении Уэйбриджа. Держалась она так, будто и не подозревала о его существовании.

На секунду страшное сомнение овладело мистером Хупдрайвером. Приснился ему, что ли, этот платок? К то-

му же он весь взмок, лицо его — он чувствовал — пылало. Должно быть, все дело тут в кокетстве — она, конечно, махала платком. Как лучше: доехать до нее и тогда слезть с велосипеда или же слезть сейчас и идти к ней навстречу? Хорошо, что она не смотрит на него, иначе он, безусловно, свалился бы, если бы вздумал приподнять кепи. Быть может, поэтому она и отвернулась. Пока он раздумывал, машина его поравнялась с девушкой. Она, наверно, слышит, как он задыхается. Он нажал на тормоз. Осторожно! Правая нога его взлетела в воздух, и он, пошатываясь, тяжело слез с велосипеда, но устоял. Она с великолепно разыгранным изумлением посмотрела на него.

Мистер Хупдрайвер постарался любезно улыбнуться и, придерживая машину, приподнял кепи и грациозно раскланялся. Во всяком случае, он считал, что это выглядело именно так. Он был на редкость неспособен критически посмотреть на себя, а потому даже не отдавал себе отчета в том, что ко лбу его прилипла прядь влажных волос, и прическа вообще была в беспорядке. Последовала неловкая пауза.

— Чем я имел бы удовольствие...— вкрадчиво начал было мистер Хупдрайвер.— Я хочу сказать,— тотчас поправился он, вспомнив, что он человек свободный, и принимая самый аристократический тон,— могу я быть вам чем-то полезен?

Юная Леди в Сером прикусила нижнюю губку и очень мило сказала:

— Нет, благодарю вас.

И отвела глаза, всем своим видом показывая, что намерена продолжать путь.

— О! — произнес мистер Хупдрайвер, пораженный ее ответом и снова теряя почву под ногами. Это было так неожиданно. Он попытался понять, что же это значит. Кокетство? Или же он...

— Извините, одну минуточку,— пролепетал он, видя, что она двинулась дальше.

— Что такое? — спросила она, останавливаясь, и, слегка покраснев, не без удивления воззрилась на него.

— Я бы не сошел с велосипеда, если бы... мне не показалось, что вы... м-м... махали чем-то белым.— И он умоляюще.

Она пристально посмотрела на него. Значит, он *видел!* Но она тут же решила, что он отнюдь не закоренелый нахал, спешащий воспользоваться ошибкой, а наивная душа, ничего дурного не замышляющая, просто ищущая радостей жизни.

— Я в самом деле махала платком,— сказала она.— Извините, что ввела вас в заблуждение. Я дожидаюсь... знакомого... одного господина.— Щеки ее вспыхнули еще ярче.— Он едет на велосипеде, и у него коричневый костюм. И, понимаете, на расстоянии...

— Да, безусловно! — произнес мистер Хупдрайвер, мужественно подавляя горькое разочарование.— Конечно.

— Мне, право же, очень неловко. Я причинила вам столько беспокойства, заставила слезть с машины...

— Никакого беспокойства. Уверяю вас,— машинально произнес мистер Хупдрайвер, перегибаясь через седло, как будто это был прилавок. У него как-то не хватало духу сказать ей, что человек, которого она ждет, сидит там, недалеко, с проколотой шиной. Он оглянулся на дорогу, стараясь придумать, что бы еще добавить. Но бездна молчания все расширялась — быстро и неотвратимо.— Больше ничего не прикажете? — с отчаяния начал было мистер Хупдрайвер, прибегая к запасу своих штампов.

— Нет, благодарю вас,— решительно заявила она. И тотчас добавила: — Это ведь дорога в Рипли?

— Безусловно,— сказал мистер Хупдрайвер.— До Рипли отсюда будет мили две, если судить по дорожным столбам.

— Благодарю вас,— с жаром произнесла она.— Очень вам благодарна. Я была уверена, что не ошиблась. И, право же, мне очень неприятно...

— Не будем об этом говорить,— сказал мистер Хупдрайвер.— Не будем.— Он помедлил и крепче ухватился за руль, намереваясь сесть на велосипед.— Это мне неприятно...— Сказать или нет? Не будет ли это дерзостью? Была не была! — ...неприятно, что я не тот джентльмен.

Он попытался спокойно и многозначительно улыбнуться, но тотчас почувствовал, что лишь глупо ослабиллся; почувствовал, что она осуждает его, более того, презирает; устыдился, увидев выражение ее лица, повернулся к ней спиной и стал (весьма неуклюже) взбираться на велосипед. Наконец он сел в седло, машина сделала невероятный зигзаг, и он покатил, отчаянно петляя и мучительно сознавая это. И все-таки благодарение богу хотя бы за то, что он вообще сумел сесть в седло! Он не мог видеть Юной Леди, ибо обернуться было бы слишком опасно, но он представлял себе, какое у нее сейчас должно быть возмущенное и безжалостное лицо. Он казался самому себе непроходимым идиотом. Надо быть очень осторожным, когда разговариваешь с Юной Леди, а он вздумал обращаться с ней как с

какой-нибудь простой девчонкой. Это непростительно. Вечно он ведет себя как идиот. Ведь по всему видно было, что она не считает его джентльменом. С одного взгляда она, казалось, увидела его насквозь, разгадала, чего стоит весь его светский лоск. Какая была глупость заговаривать с такой девушкой! Понятно, что при ее образованности она сразу раскусила его. А как она красиво говорит! Как красиво, отчетливо произносит слова! Он сразу почувствовал, какое у него самого вульгарное произношение. А эта глупость, которую он брякнул напоследок! Что это он сказал? «Неприятно, что я не тот джентльмен!» Ну, к чему это? Да еще назвал себя «джентльменом»! Что она могла о нем подумать?

А Юная Леди в Сером забыла о Хупдрайвере, не успел он скрыться за поворотом. Но ничего дурного о нем она, во всяком случае, не подумала. Его явная робость и восхищение ничуть не оскорбили ее. Мысли ее в ту минуту были заняты более важными делами — делами, которые могли оказать влияние на всю ее последующую жизнь. Она продолжала медленно катить свою машину в направлении Лондона. Внезапно она остановилась. «Почему же он все-таки не едет?» — воскликнула она и в раздражении топнула ногой. И тут, словно в ответ на ее возглас, среди деревьев на склоне холма показался тот, другой человек в коричневом — он шел пешком, ведя за руль свою машину.

КАК МИСТЕР ХУПДРАЙВЕР ПОДВЕРГСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

IX

ока мистер Хупдрайвер важно катил по дороге в Рипли, ему вдруг пришла в голову мысль, оказавшаяся неожиданно утешительной,—мысль о том, что больше он никогда не увидит Юную Леди в Сером. Но, как видно, ухарство его машины, которая в данный момент являлась орудием судьбы, так сказать, *deus ex machina*¹, было обращено против него. Ве-

лосипед вдали от прелестной молодой особы делался все тяжелее и тяжелее и все больше петлял. Остановиться в Рипли или погибнуть во цвете лет — иного выбора, казалось, не было. И вот, прислонив свою машину к стене у двери «Единорога», мистер Хупдрайвер вошел внутрь, и пока он отдыхал, куря сигарету «Копченая селедка», и дождался, чтобы ему подали холодное мясо, он вдруг увидел Юную Леди в Сером и того человека в коричневом, вступавших в Рипли.

Он с ужасом заметил, что они посмотрели на дом, давший ему приют, но при виде его велосипеда, прислонившегося к стене за дверью, словно пьяница, не способный сдвинуться с места,—машина стояла, повернувшись к ним вздыбившимся, побитым крылом и выпучив на них свой единственный замутненный глаз-фонарь,—они двинулись дальше в направлении (так, во всяком случае, показалось мистеру Хупдрайверу) разверстой пасти «Золотого дракона». Молодая особа ехала очень медленно, а у того чело-

¹ Бог из машины (*лат.*) — выражение, обозначающее посторонние силы, благодаря неожиданному вмешательству которых наступает развязка или новый поворот событий.

века в коричневом была проколота шина, и он вел свой велосипед. Мистер Хупдрайвер посмотрел на его льяные усы, орлиный нос и сутуловатые плечи и вдруг почувствовал живейшее отвращение.

Служанка в «Единороге» была от природы миловидная девушка, но уж очень измученная постоянными наездами велосипедистов, и мистер Хупдрайвер, беседуя с ней самым своим изысканным тоном о погоде, о дороге, о проделанном расстоянии, то и дело возвращался мыслью к Юной Леди в Сером, к ее несравненной свежести и ярким краскам. Жуя мясо, он все время поглядывал в окно в надежде еще раз ее увидеть, но «Золотой дракон» ничем не выдавал того, какой лакомый кусочек сокрыт в его недрах. Следствием, хотя и случайным, такой рассеянности за столом явилась неприятная минута, которую мистеру Хупдрайверу пришлось пережить, когда он отправил себе в рот целую ложку горчицы. Он попросил счет и вышел; расхрабрившись от мяса и горчицы, он решил встать у двери, широко расставить ноги, глубоко засунуть руки в карманы и дерзко вперить взор в дом на противоположной стороне. Но тут из ворот «Золотого дракона» — одной из тех прелестных гостиниц, что сохранились еще со времен дилижансов, — появился тот человек в коричневом, ведя свой поврежденный велосипед. Он направлялся с ним в мастерскую Фламбо. Подняв глаза, он увидел Хупдрайвера, с минуту посмотрел на него и угрюмо насупился.

Однако Хупдрайвер продолжал смело стоять в дверях, пока тот человек в коричневом не исчез в мастерской. Тогда Хупдрайвер бросил последний взгляд в сторону «Золотого дракона», беззаботно свистнул и вывел свой велосипед на середину дороги — туда, где, по его мнению, было достаточно места для того, чтобы на него сесть.

Надо сказать, в тот момент Хупдрайвер, пожалуй, склонялся к тому, чтобы никогда больше не видеть Юной Леди в Сером. Тот человек в коричневом скорее всего ее брат, хотя он белесый и бледный и совсем на нее не похож. Главное же, что мистер Хупдрайвер выставил себя перед ней полным дураком. Однако погода в тот день была против него — стояла невыносимая жара, ему напекло голову, все его силы ушли на переваривание холодного мяса, ноги ослабли, и путь его до Гилдфорда состоял из сплошных остановок. Он то шел, то отдыхал на обочине и в каждом кабачке, вопреки советам Бриггса и требованиям экономии, опрокидывал стаканчик лимонаду и кружку пива (ибо всякий велосипедист знает по опыту, что питье порождает

жажду даже больше, чем жажда — потребность в питье, и тот, кто поддастся этому, разжигает в себе адов огонь, который невозможно погасить, как невозможно утолить жажду), пока наконец не купил на пенни кислых зеленых яблок, которые и приостановили поток, грозивший его унести. Время от времени одинокий велосипедист или целая стайка велосипедистов, сверкая колесами и мягко шурша шинами, проносились мимо, и всякий раз мистер Хупдрайвер, чтобы спасти свое достоинство, слезал с машины и делал вид, будто у него что-то не в порядке с седлом. И раз от раза слезал он все бесстрашнее.

До Гилдфорда он добрался только часа в четыре, настолько измученный, что решил провести там ночь в гостинице «Таверна желтого молотка». Поостыв и подкрепившись чаем с хлебом, маслом и вареньем — чай он шумно прихлебывал из блюдечка, — он вышел на улицу, решив побродить до вечера. Гилдфорд — совершенно прелестный старинный городок, знаменитый тем, как мистер Хупдрайвер вычитал в путеводителе, что там разворачивались события известного исторического романа Мартина Таппера «Стивен Лэнгтон»; в городе есть очаровательный замок, весь обсаженный геранью и разукрашенный медными мемориальными дощечками, прославляющими имена джентльменов, которые их прибили, и ратуша в стиле эпохи Тюдоров, ласкающая взор; днем идет бойкая торговля в магазинах, и люди, спующие по улицам, придают городу веселый и процветающий вид. Приятно было заглядывать в витрины и видеть, как приказчики и приказчицы в магазинах тканей суетятся, обслуживая покупателей. Главная улица круто спускается вниз под углом в семьдесят градусов к горизонту (так, во всяком случае, казалось мистеру Хупдрайверу, который был сейчас особенно чувствителен ко всяким уклонам), и душа у него ушла в пятки, когда он увидел велосипедиста, ехавшего по этой улице, словно муха, ползущая вниз по оконному стеклу. У этого человека не было даже тормоза.

Под вечер мистер Хупдрайвер посетил замок и заплатил два пенса, чтобы подняться на главную башню. Наверху, стоя у перил, он окинул взглядом красные крыши сбившихся в кучу городских домов и церковную колокольню, затем прошел на южную сторону, сел там, закурил «Копченую селедку» и поверх поросших ежевикой и папоротниками старинных развалин устремил взор на голубые холмы, вздымавшиеся волнами до окутанных дымкой высот Хиндхеда и Батсера. В его светло-серых глазах отражалось бла-

женное предвкушение приятных минут: завтра он будет ехать по этой широкой долине.

Он не заметил, чтобы кто-либо, кроме него, поднимался на башню, но вдруг услышал позади тихий голос, произнесший: «Ну вот, мисс Бомонт, можете полюбоваться видом!» Что-то неуловимое в тоне позволяло догадываться, что в этом имени заключена какая-то шутка.

— Прелестный старинный городок, братец Джордж,— заметил другой голос, показавшийся мистеру Хупдрайверу весьма знакомым, и, повернув голову, он увидел того человека в коричневом и Юною Леди в Сером, стоявших спиной к нему. Хупдрайверу был виден улыбающийся ее профиль.— Только, знаете ли, братья не зовут своих сестер...— Тут она оглянулась и заметила Хупдрайвера.

— А черт! — достаточно громко вырвалось у того человека в коричневом, когда он проследил за направлением ее взгляда.

Мистер Хупдрайвер с самым безразличным видом продолжал обозревать Южную Англию.

— Не правда ли, красивый старинный городок? — после заметно затянувшейся паузы произнес тот, в коричневом.

— В самом деле! — откликнулась Юная Леди в Сером. Новая пауза.

— Нигде нельзя побыть одним,— заметил тот, в коричневом, оглядываясь.

Тут мистер Хупдрайвер ясно понял, что мешает им, и решил удалиться. Но такое уж было его счастье, что на первых же ступеньках лестницы он споткнулся и исчез с их глаз весьма унижительным образом. Он в третий раз встречался с ним и в четвертый раз — с ней. И надо же было ему оказаться таким тупицей, чтобы даже не приподнять при виде ее кепи! Вот о чем он подумал, спустившись с башни. Видимо, они, как и он, направлялись на юг. Завтра он поднимется чуть свет и ринется вперед, чтобы не встретиться больше с ней, то есть с ними. Мистеру Хупдрайверу и в голову не пришло, что мисс Бомонт и ее брат могут поступить точно так же; не задумывался он — во всяком случае, в тот вечер — и над тем, что действительно как-то странно брату называть свою сестру «мисс Бомонт». Он был слишком занят собственной персоной. И, перебирая в памяти встречи с ними, должен был признать, что выглядел не бог весть каким героем.

Однако он еще раз — совсем неумышленно — наткнулся на эту пару. Было около семи. Он остановился возле мага-

зина, где торговали полотном, и поверх выставленных в витрине товаров смотрел на мятущихся приказчиков. Он мог бы провести так весь день, наслаждаясь этим зрелищем. Он говорил себе, что из чисто профессионального интереса хочет посмотреть, как они развешивают ткани на латунных прутьях над прилавком, но в глубине души знал, что это не так. Покупатели интересовали его уже во вторую очередь, и лишь когда прошла, наверно, целая минута, он заметил среди них... Юную Леди в Сером! Он тотчас отвернулся от витрины и увидел того, в коричневом, стоявшего на краю тротуара и с очень странным выражением смотревшего на него.

И тут мистер Хупдрайвер задумался: кто же из них подвергается назойливому преследованию — он или они? Отчаявшись найти ответ, он махнул рукой и пошел прочь, так и не решив, как с ними держаться при следующей встрече: поглядеть ли на них свирепо или же, наоборот, принять извиняющийся, заискивающий вид.

МЕЧТАНИЯ МИСТЕРА ХУПДРАЙВЕРА

Х

истер Хупдрайвер (в то время, к которому относится наш рассказ) был поэтом, хотя в жизни не написал ни строчки. Или правильнее было бы назвать его романистом. Его существование, как и существование бог знает скольких людей, чьим трудом движется на этом свете жизнь, было лишено всякого интереса, и если бы он осознал это с такой же трезвостью, как

герои романов мистера Гиссинга¹, то за какой-нибудь год, наверно, спился бы и сошел в могилу. Но для этого Хупдрайвер обладал слишком большой природной мудростью. Наоборот, он постоянно приукрашивал свое существование мечтаниями, надеждами и позами, намеренным и тем не менее вполне успешным самообманом; а жизнь его была лишь фундаментом для романтических построений. Если бы некая высшая сила наделила мистера Хупдрайвера даром «видеть себя таким, каким тебя видят другие», о чем молил Бернс, он, наверно, постарался бы избавиться от этого дара при первом же удобном случае. Но не думайте, что он представлял себе свою жизнь в виде романа с продолжениями, нет, это была серия коротких рассказов, связанных только образом героя, как правило, молодого шатена с голубыми глазами и светлыми усиками, скорее изящного, чем сильного, скорее энергичного и решительного, чем рассудительного (см. стр. 4, как пишут в научных книгах). Личность эта неизменно обладала железной волей. Но рассказы были бесконечно разнообразны. Закурив сигарету, герой Хупдрайвера превращался в человека светского с ног

¹ Английский писатель (1857—1903) натуралистического направления, автор пессимистических романов о жизни социальных низов.

до головы, отчаянного повесу, с насмешливым блеском в глазах и множеством любовных похождений в прошлом. Посмотрели бы вы, как мистер Хупдрайвер прогуливался по великолепным садам Эрлс-Корта в те вечера, когда все развлечения там рано кончались. А какие многозначительные взгляды он бросал! (Я не смею передать их значение.) Но достаточно было ему послушать красноречивого проповедника духовного возрождения, чтобы рассказ пошел совсем по другому руслу: герой его становился человеком с кристально чистой, нежной душой, безупречной честности, человеком, который храбро шагает по грязи жизни, направо и налево оказывая помощь слабым и сирым, и грязь эта не липнет к нему. А стоило появиться в их магазине расфранченному дэнди в сюртуке и перчатках, с бутоньеркой и моноклем, рыцарственно сопровождающему какую-нибудь покупательницу, чтобы возник новый образ — человека покровелевски простого, прямодушного и сильного, молчаливо идущего путем праведника. В описываемый нами день в мечтаниях мистера Хупдрайвера главным действующим лицом был элегантный, праздный молодой человек, безупречно одетый и почему-то едущий на самом обыкновенном велосипеде, — таинственная личность, в чьем облике, несмотря на всю скромность, временами проскальзывало что-то, поднимавшее этого человека над заурядными людьми, — возможно, то был сам «его светлость герцог», путешествующий инкогнито по Южному берегу.

Но не думайте, что мистер Хупдрайвер кому-либо рассказывал истории из этой нескончаемой серии. Он и не мечтал о том, чтобы о них узнала хоть одна душа. Если бы мне не было лень, я, наверно, переписал бы эту главу, вычеркнул бы утверждение, что Хупдрайвер был поэтом и романистом, и сказал бы вместо этого, что он был драматургом и сам разыгрывал свои пьесы. Он был не только единственным актером, но и единственным зрителем и благодаря этому развлечению почти всегда чувствовал себя счастливым. Впрочем, и сравнение с драматургом едва ли будет здесь точным. Дело в том, что многие его фантазии никогда не разыгрывались, возможно, даже большинство из них: например, мечты во время уединенной прогулки, или во время поездки в трамвае, или за прилавком, когда в торговле наступало затишье, а его руки механически складывали и свертывали материю. Чаще всего это были небольшие сценки, исполненные драматизма диалоги, — например, возвращение мистера Хупдрайвера в родную деревню в хорошо сшитом праздничном костюме и новых перчатках, пе-

решептывание завистливых соседей за спиной, восторг старушки матери, известие: «Получил прибавку у Энтробуса, матушка. Десять фунтов сразу. Что вы на это скажете?» Или первый шепот любви, непринужденное, остроумное, нежное признание девушке, которой он несколько дней назад продавал сатин, или храброе спасение некой символической красавицы от грубых оскорблений или от бешеной собаки.

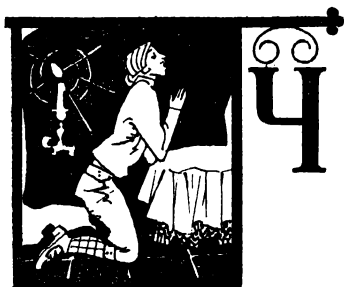
Сколько людей предается таким мечтам, а вы и не подозреваете об этом. Вы видите оборванного мальчишку, продающего спички на улице, и думаете, что от полной беспросветности, от окончательной потери человеческого облика его отделяет лишь жалкое тряпье и тощие мускулы. А между тем его окружают невидимые сонмы ниспосланных провидением иллюзий, какие, может быть, окружают и вас. Многие люди никогда не видели своего профиля или затылка, а для того, чтобы увидеть тайные уголки нашей души, и вовсе не изобретено еще зеркала. Иллюзии таким плотным кольцом окружают мальчишку, что уколы судьбы почти не доходят до него или напоминают приятное щекотание. А ведь так происходит со всеми нами, живущими на земле. Самообман — наркоз, который дает людям жизнь, пока господь бог выкраивает нас по своему образу и подобию.

Но прекратим эту вивисекцию и вернемся к мечтаньям мистера Хупдрайвера. Вы видите теперь, как поверхностно было наше первое впечатление, а мы бросили лишь мимолетный взгляд на драму, разыгравшуюся в душе мистера Хупдрайвера, и на то, как все выгладит в волшебном зеркале его сознания. По пути в Гилдфорд и во время встреч с преследовавшей его парой в драме действовал главным образом уравновешенный джентльмен, о котором мы упоминали выше, но в Гилдфорде под влиянием различных обстоятельств он заметно изменился. Окно агента по продаже домов, например, натолкнуло мистера Хупдрайвера на мысль о премилой маленькой комедии. Он войдет, наведет справки об этом доме, который продается за 30 фунтов, возможно, возьмет ключ и осмотрит дом и тем возбудит любопытство клерка. Он искал в уме предлог для подобного поступка и решил, что он террорист, нуждающийся в уединении. Следуя своему плану, он попросил ключ, внимательно осмотрел дом и неопределенно сказал, что помещение может подойти для его особых целей, но ему надо посоветоваться с *остальными*. Клерк, однако, не понял намека и просто посочувствовал ему, решив, что пе-

ред ним человек, который слишком рано женился и вынужден подчиняться более решительному нраву своей половины.

Так, следуя и дальше этим таинственным путем, мистер Хупдрайвер пришел к выводу о необходимости купить записную книжку и карандаш, а затем к мысли о художнике, делающем наброски. Этой милой игрой мистер Хупдрайвер, когда была подходящая компания, развлекался еще в ранней юности, вызывая раздражение не одного почтенного туриста, приезжавшего в Гастингс. В детстве мистер Хупдрайвер, если верить горделивому хвастовству его матушки, «немножко рисовал», но добросовестный и, как полагается, туповатый школьный учитель заметил зарождающийся талант и задушил его в зародыше своими уроками. Тем не менее наш герой с удовольствием рисовал старинные уголки Гилдфорда, и тот, другой человек в коричневом, выглянув из окна-фонаря гостиницы «Граф Кентский», увидел, как Хупдрайвер стоит у ворот с блокнотом в руке и усердно зарисовывает фасад этого внушительного здания. Тот человек в коричневом сразу отпрянул от окна, чтобы не быть замеченным, и, слегка пригнувшись, стал наблюдать за Хупдрайвером в просвет между тюлевыми занавесками.

XI

Чем еще занимался мистер Хупдрайвер в Гилдфорде в великий первый день своего отпуска, мы не станем здесь подробно описывать. Как он бродил в сумерках по старому городу и поднимался на Хогсбек, чтобы полюбоваться тем, как внизу одна за другой загораются лампы, а наверху — звездочки; как он вернулся по улицам, освещенным желтыми фонарями,

в гостиницу «Таверна желтого молотка» и храбро поужинал в общем зале — Человек среди Людей; как он вступил в разговор о летательных машинах и о перспективах электричества, уверяя, что летательные машины «наверняка появятся» и что электричество — штука «удивительная, удивительная»; как он наблюдал за игрой на бильярде и несколько раз с видом оракула изрек: «Оставьте вы этот шар»; как он, зевая, опустился в кресло, вытащил карту велосипедных дорог Англии и принялся внимательно изучать ее, — обо всем этом мы здесь не станем говорить.

Не буду я распространяться и о том, как он пошел в библиотеку, взял перо и самыми красными чернилами провел по карте красивую яркую линию, отмечая дорогу от Гилдфорда до Лондона.

В своей маленькой записной книжке он вел дневник, одну из записей которого я воспроизвожу здесь в доказательство того, что эта книга не плод воображения и написана она не потому, что автору хотелось как-то скоротать время.

Итак, все это я опускаю. Но вот мистер Хупдрайвер начал так зевать, что пришлось ему — как ни жаль — поло-

21 Wed Sun r 4h 56m S.74 10m

1/8/9/10/11/12/13/14/15/16/17/18/19/20/21/22/23/24/25/26/27/28/29/30/31
States Ferry 7 hrs 2^m 4^{sec}
Rec'd 12.44 2^{sec}
Signal J. H. Gouldford 3 47. off.

147 miles
J. H. Gouldford 57 ¹⁴¹/₅
do miles per hour

Rec'd also
miles
& minutes

жить конец этому великому и чудесному дню. (Увы, все дни когда-то приходят к концу!) Он взял в холле у приветливой служанки свечу и поднялся наверх, куда скромный романист, пишущий книги для чтения в кругу семьи, не решается за ним последовать. Все же я могу вам сказать, что он, счастливый и сонный, опустился на колени у своей кровати и прочел «Отче наш...» — молитву, которую он выучил с голоса матери лет двадцать назад. А теперь, когда его дыхание стало глубоким и ровным, мы можем осторожно пробраться в комнату и подслушать его сны. Он лежит на левом боку, засунув руку под подушку. В спальне темно, и он сокрыт от наших глаз, но если бы вы могли увидеть в темноте его лицо, вы бы поняли, что, несмотря на реденькие, но столь драгоценные для их обладателя усы, несмотря на грубые слова, которые, как вы помните, он произносил в тот день, перед вами всего-навсего спящий ребенок.

XII

Несмотря на опущенные шторы и темноту, вы только что видели лицо мистера Хупдрайвера, мирно спавшего сладким сном в скромной спальне на самом верху гостиницы «Таверна желтого молотка» в Гилдфорде. Это было до полуночи. Но ночь проходила, и его начали тревожить сны.

После первого дня пути на велосипеде один сон вам непременно приснится. Мускулы ног так привыкают к определенным движениям, что вас не покидает ощущение, будто они продолжают крутить педали. Вы едете по Стране Снов на волшебных велосипедах, которые постоянно меняются и по виду и по размеру; вы съезжаете с колоколен и лестниц, перелетаете через пропасти; с замирающим сердцем вы парите над густонаселенными городами, тщетно пытаетесь нащупать тормоз, чтобы спастись от падения; вы погружаетесь в бурные реки и беспомощно налетаете на ужасные препятствия. И вот мистер Хупдрайвер выехал из тьмы небытия и помчался на колесах Иезекииля по долине Сэррея, перепрыгивая через холмы и давя деревни, в то время как тот, другой человек в коричневом посылая ему вслед проклятия и кричал, чтобы он остановился. Потом появился сторож из Путни, и человек в рыжем костюме принялся изливать на него свой гнев. Мистер Хупдрайвер чувствовал себя круглым дураком, нет — как это называется? — джинном, тоже нет — Джаггернаутом. Раздавленные деревни с мягким причмокиванием уходили в землю. Он не видел Юной Леди в Сером, но знал, что она смотрит ему в спину. Он не решался оглянуться. Куда, к дьяволу, девался тормоз? Должно быть, отвалился. А звонок? Прямо

перед ним был Гилдфорд. Он хотел крикнуть и предупредить город, чтобы тот посторонился, но голос у него тоже исчез. Все ближе, ближе! Это было ужасно! В следующее мгновение дома затрещали, как орехи, и кровь жителей брызнула во все стороны. Улицы стали черными от бегущих людей. Прямо под колесами он увидел Юную Леди в Сером. Ужас охватил мистера Хупдрайвера; он накренился набок, чтобы слезть с велосипеда, забыв, на какой высоте он находится, и тотчас начал падать, падать, падать...

Он проснулся, перевернулся на другой бок, увидел в окне молодой месяц, слегка удивился и снова заснул.

Второй сон почему-то оказался продолжением первого, и человек в коричневом снова направлялся к нему, угрожая и крича. Приближаясь, он становился все уродливее, и лицо его было невыносимо злым. Он подошел, заглянул мистру Хупдрайверу в глаза и отступил куда-то страшно далеко. Лицо его словно бы светилось. «Мисс Бомонт», — сказал он, вызывая к жизни фонтан подозрений. Кто-то устроил в магазине фейерверк, главным образом из огненных колес, хотя мистер Хупдрайвер знал, что это против правил, потому что ведь они все-таки находились в магазине; тут мистер Хупдрайвер понял, что тот человек в коричневом — здешний управляющий, но в отличие от обычных управляющих он, словно китайский фонарик, светился изнутри. А обслуживать мистера Хупдрайвера должен был Юную Леди в Сером. Странно, что он сразу не заметил этого. Она была в сером, как всегда, и в брюках до колен; велосипед свой она прислонила к прилавку. Она, не таясь, улыбнулась ему — совсем так, как улыбалась, извиняясь за то, что ему пришлось из-за нее остановиться. И наклонилась к нему с такой вкрадчивой грацией, какой раньше он за ней не замечал. «Чем я имел бы удовольствие...» — поспешил осведомиться мистер Хупдрайвер, и она ответила: «Покажите дорогу в Рипли». Он достал дорогу в Рипли, развернул и показал ей, а она сказала, что это ей вполне подойдет, и продолжала с улыбкой смотреть на него; он начал отмерять ярдом восемь миль — обычную меру на платье, вернее, на костюм с брюками до колен; тут появился тот, другой человек в коричневом, и вмешался в разговор, и сказал, что мистер Хупдрайвер — невежа и, кроме того, меряет слишком медленно. А когда мистер Хупдрайвер стал мерять быстрее, тот человек в коричневом заявил, что Юная Леди в Сером пробыла здесь достаточно долго и что он в самом деле ее брат, а то она не путешествовала бы с ним, и вдруг он обнял ее за талию и вышел вместе с ней. Мистер

Хупдрайвер даже тут сообразил, что это едва ли можно назвать братским жестом. Конечно, нет! Его привела в дикую ярость фамильярность, с какою тот обнял девушку; он тотчас перескочил через прилавок и погнался за ними. Они обогнули магазин, забрались по железной лестнице на башню, а оттуда — на дорогу в Рипли. Какое-то время им удавалось спастись от него: они то ныряли в какую-то придорожную гостиницу с двумя входами, то выбегали со двора. Тот, другой человек в коричневом не мог бежать быстро, потому что на руках у него была Юная Леди в Сером, а мистеру Хупдрайверу мешало нелепое поведение его ног. Они никак не выпрямлялись и совершали такие движения, будто вертели педали, так что он вынужден был делать малюсенькие шагжки. Сон никак не кончался, Погоня, казалось, длилась вечно, и самые разные люди: сторожа, торговцы, полисмены, старик на башне, сердитый человек в рыжем костюме, служанка из «Единорога», обладатели летательных машин, бильярдисты, странные безголовые фигуры, глупые куры и петухи, нагруженные пакетами, зонтами и плащами, люди с подсвечниками в руках и всякая прочая дрянь — толпились на его пути и надоедали ему, хотя он звонил в свой электрический звонок и на каждом углу говорил: «Удивительно, удивительно!»

КАК МИСТЕР ХУПДРАЙВЕР ЕХАЛ В ХЭЗЛМИР

ХIII

завтраком мистера Хупдрайвера произошла небольшая заминка, так что он смог выехать из Гилдфорда лишь после того, как пробило девять. Он нерешительно повел свою машину по Главной улице. Ведь он так и не знал, обогнала ли его Юная Леди, столь прочно завладевшая его воображением, и ее неприятный, а может быть, даже опасный братец,

или они все еще завтракают где-нибудь в Гилдфорде. В первом случае он мог ехать не спеша, во втором же — должен был торопиться и, возможно, даже спрятаться на одной из боковых дорог.

Ему почему-то показалось наиболее правильным — по каким-то таинственным стратегическим соображениям — выехать из Гилдфорда не по главной дороге, на Портсмут, а по дороге, идущей через Шалфорд. На этой приятной тенистой дороге мистер Хупдрайвер настолько почувствовал себя в безопасности, что возобновил свои упражнения в езде, то снимая одну руку с руля, то оглядываясь через плечо. Раза два он не сумел выровнять велосипед, но успел соскочить, из чего заключил, что дела его пошли на лад. Не доезжая Брэмли, он соблазнился боковой дорожкой — она подхватила его, пробежала с ним полмили и выбросила, как терьер бросает палку, снова на Портсмутскую дорогу, милях в двух от Годалминга. В Годалминг мистер Хупдрайвер вступил пешком, ибо по этому прелестному городку проходит, несомненно, гнуснейшая в мире дорога, сплошное нагромождение щебня — пики и пропасти, а затем, успешно проведя эксперимент с сидром в «Мешке шерсти», наш герой двинулся в Милфорд.

Все это время его неотступно преследовала мысль о Юной Леди в Сером и об ее спутнике в коричневом, как ребенка преследует в темной комнате мысль о домовом. Вдруг ему чудилось сзади шуршание их шин, но, обернувшись, он видел только уходящую вдаль пустынную дорогу. А однажды далеко впереди блеснуло колесо, но оказалось, что это какой-то рабочий, не боясь погибели, ехал на очень высоко велосипед. Мысль о Юной Леди в Сером почему-то вызывала у него беспokoйство, которого он сам не мог объяснить. Проснувшись, он забыл о нарочито подчеркнутom обращении — «мисс Бомонт», на которое обратил внимание во сне. Но родившаяся во сне непонятная уверенность, что девушка вовсе не сестра тому человеку, осталась. К чему, например, брату стоять наедине с сестрой на верхушке башни? Возле Милфорда велосипед мистера Хупдрайвера, можно сказать, сваял дурака. Внезапно перед ним возник указательный столбик, тщетно предлагая повернуть направо; и мистер Хупдрайвер, конечно, притормозил бы и прочел, что там написано, но велосипед не позволил. Дорога в Милфорд шла под гору, и машина накренилась, пригнула голову и понесла; мистер Хупдрайвер только тогда вспомнил про тормоз, когда проехал мимо столба. Теперь, чтобы вернуться к перекрестку, надо было слезать, ибо не было еще дороги достаточно широкой, чтобы мистер Хупдрайвер мог на ней развернуться. Поэтому он продолжал свой путь, а вернее, наоборот: сошел со своего пути. В Портсмут вела дорога, уходившая вправо, а та, по которой он поехал, — в Хэзлмир и Мидхерст. Эта ошибка и повлекла за собой новую встречу с его вчерашними знакомыми: он наехал на них под аркой моста Юго-Западной железной дороги — неожиданно, без предупреждения, когда они меньше всего этого ждали. «Это ужасно, — говорил женский голос, — это грубо, подло...» И умолк.

Лицо мистера Хупдрайвера, когда он проскочил мимо них под аркой, выражало что-то среднее между приветливой улыбкой и гримасой досады на себя за невольное и несвоевременное появление. Однако, несмотря на свое замешательство, он подметил, что вид у них обоих был какой-то странный. Оба велосипеда лежали у дороги, а велосипедисты стояли друг против друга. Тот, другой человек в коричневом стоял, как показалось Хупдрайверу, в довольно нахальной позе: он крутил ус и слегка улыбался, как бы забавляясь происходящим. Девушка же стояла, выпрямившись, опустив руки; пальцы ее крепко сжимали носовой платок, лицо горело, веки слегка покраснели. На взгляд

мистера Хупдрайвера, она была чем-то возмущена. Но это длилось всего секунду. На лице ее появилась маска недомыслия, скрывавшая все остальные чувства, когда она, повернув голову, узнала его, да и тот человек в коричневом от неожиданности переменял позу. Но мистер Хупдрайвер уже проехал мимо и помчался к Хэзлмиру, пытаясь разобраться в моментальном снимке, отпечатавшемся у него в мозгу.

«Странно,— сказал себе мистер Хупдрайвер.— Чертовски странно!»

«Они ссорились».

«Наглый...» Впрочем, неважно, как он назвал того человека в коричневом.

«Он пристает к ней! Подумать только, что кто-то осмеливается так себя вести!»

«Что же произошло?»

Неожиданно у мистера Хупдрайвера возникло желание вмешаться. Он нажал на тормоз, слез и остановился в нерешительности, глядя назад. Они продолжали стоять под железнодорожным мостом, и мистеру Хупдрайверу показалось, что девушка топнула ножкой. Он поколебался, затем повернул велосипед и поехал обратно, собрав все свое мужество, чтобы оно не изменило ему и он не попал в смешное положение. «Я ему покажу»,— твердил про себя мистер Хупдрайвер. Тут он увидел, что девушка плачет, и взволновался еще больше. В следующий момент они услышали, что он подъезжает к ним, и в удивлении обернулись. Конечно, она плакала; глаза ее были полны слез, а тот человек в коричневом выглядел крайне смущенным. Мистер Хупдрайвер слез с велосипеда и остановился, придерживая его.

— Надеюсь, ничего страшного не произошло? — спросил он, глядя прямо в лицо тому человеку в коричневом.— С вами ничего не случилось?

— Ничего,— отрезал тот.— Абсолютно ничего, благодарю вас.

— Но,— заметил мистер Хупдрайвер, сделав над собой огромное усилие,— леди плачет. Я думал, может быть...

Юная Леди в Сером вздрогнула, метнула на Хупдрайвера быстрый взгляд и прикрыла один глаз платком.

— Это соринка,— сказала она.— Мне в глаз попала соринка.

— Леди в глаз попал комар,— объяснил тот человек в коричневом.

Наступило молчание. Юная Леди терла глаз.

— Кажется, вынула,— сказала она.

Тот человек в коричневом выказал живейший интерес к судьбе таинственного насекомого. А мистер Хупдрайвер стоял, как он сказал бы, разиня рот. Он обладал интуицией, свойственной простодушным людям. И был уверен, что там не было никакого комара, но как-то вдруг потерял почву под ногами. Даже для рыцарских подвигов есть предел: драконы и коварные злодеи — это, конечно, прекрасно, но комар! Да к тому же выдуманный! Что бы там ни произошло, ему явно не следовало вмешиваться. Он чувствовал, что опять попал в глупое положение. Он хотел было пробормотать какое-нибудь извинение, но тот человек в коричневом не дал ему рта раскрыть и резко, даже злобно повернулся в его сторону.

— Надеюсь, — сказал он, — ваше любопытство удовлетворено?

— Безусловно, — ответил мистер Хупдрайвер.

— Тогда мы вас не задерживаем.

И пристыженный мистер Хупдрайвер повернул свой велосипед, взгромоздился на него и поехал дальше на юг. Когда он понял, что находится не на Портсмутской дороге, возвращаться было уже поздно, потому что это значило бы снова встретиться со своим позором, и ему пришлось подниматься вверх по Брук-стрит к Хэзлмиру. А вдалеке справа, дразня его и мелькая среди залитых солнцем зеленых и сиреневых холмов Хиндхеда, шла прямая Портсмутская дорога.

Светило солнце, и вид на далекие голубоватые холмы и приветливые долины, расположенные по обе стороны песчаной дороги, даже сами ее обочины, поросшие серыми кустиками вереска и колючим дроком, и сосны над ними с молодыми ярко-зелеными иглами, выделявшимися среди более темных, прошлогодних, — все это ласкало глаз мистера Хупдрайвера. Но наслаждение солнечным днем и сладостное чувство только сутки назад обретенной свободы отчаянно боролись в его душе с несказанной досадой, вызванной этой неприятной встречей, и все еще не одержали победы, когда он достиг Хэзлмира. Словно огромная коричневая тень, навалилась на него безграничная ненависть к тому человеку в коричневом. Мистеру Хупдрайверу пришла в голову блестящая мысль: не ехать в Портсмут или по крайней мере уступить прямую дорогу своим попутчикам, а самому решительно повернуть влево, на восток. Он не посмел остановиться ни в одном из заманчивых ресторанчиков на главной улице Хэзлмира, а свернул в переулок и там нашел маленькую пивную «Добрая надежда», где

и решил перекусить. Там он поел и снисходительно побеседовал с пожилым рабочим, изображая для собственного удовольствия единственного сына богатых родителей, так и не получившего наследства, а затем поехал к Норсчепелу, на который, словно сговорившись, указывало множество придорожных столбов, однако из-за одного коварного перекрестка не скоро попал туда.

КАК МИСТЕР ХУПДРАЙВЕР ПОПАЛ В МИДХЕРСТ

XIV

Как весьма глубокомысленно заметил однажды мой дядюшка, человек — самое неразумное создание на свете. Эта его мысль подтверждалась на примере мистера Хупдрайвера, который все утро изощрялся, стараясь избежать встречи с тем человеком в коричневом и Юной Леди в Сером, а затем большую часть дня провел, думая о ней и весьма оптимисти-

чески рассматривая возможность снова с ней встретиться. Его память и воображение были заняты только ею, а потому путь его в значительной мере определялся поворотами дороги, по которой он ехал. В главном он был твердо убежден. «Что-то у них не так», — говорил он себе, — однажды даже произнес это вслух. Но что именно — он не мог себе представить. Он снова перебрал в уме все факты. «Мисс Бомонт»; брат и сестра; остановка в пути, ссора и слезы, — словом, есть над чем призадуматься неопытному молодому человеку. Но мистер Хупдрайвер больше всего на свете не любил утруждать себя выводами, поэтому вскоре перестал донскиваться до истины и дал волю воображению. Увидит ли он ее когда-нибудь? Надо надеяться — и тогда с ней уже не будет этого типа. Всего приятнее, подсказывала ему фантазия, было бы встретиться с ней вдруг на ежегодном балу в Ассамблее Путни. Они каким-то образом окажутся рядом, и он будет танцевать с ней снова и снова. Это была восхитительная картина, потому что, как вы можете представить себе, мистер Хупдрайвер танцевал необыкновенно хорошо. Или же в магазине — ослепительное видение в дверях, и вот уже ее с поклоном подводят к прилавку с бумажными тканями. И он, нагнувшись над прилавком и понизив

голос, как будто расхваливая покупательнице свои товары, скажет: «Я не забыл того утра на Портсмутской дороге» — и еще тише добавит: «Я никогда его не забуду».

В Норсчепеле мистер Хупдрайвер взглянул на карту и задумался, размышляя, куда двинуться дальше. Подходящим местом для отдыха мог быть Петуорс или Палборо; Мидхерст был вроде бы слишком близко, а любое место за холмами — слишком далеко; итак, он покатил к Петуорсу, то и дело останавливаясь и слезая, собирал полевые цветы, удивляясь, почему у них нет названий, ибо он никогда их не слышал, и выбрасывал их потихоньку при виде прохужего — короче говоря, «бездельничал всюю». У живых изгородей росла сиреневая повилика, таволга, жимолость, поздняя ежевика, но шиповник уже отцвел; а то вдруг попадались зеленые и красные ягоды черной смородины, куриная слепота и одуванчики, а потом — белые свечки крапивы, ломонос, вьющийся помаренник, разные цветущие травы, белые лихнисы и кукушкин цвет. Поле пшеницы пестрело маками, ярко-красными и лиловыми, а кое-где появлялись и васильки. На тропинках ветви деревьев переплетались над его головой, а в живых изгородях по сторонам виднелись застрявшие пучки сена. На одной из дорог он с опасностью для жизни проехал сквозь стадо угрюмых бурых волов. То тут, то там виднелись маленькие домики и живописные пивные с яркими синими и малиновыми вывесками, а потом — большой луг и церковь, а возле нее еще с сотню домиков. Наконец на пути ему попался ручей с каменистым дном — он вытекал из зарослей камыша, вербейника и незабудок под купой деревьев и журча пересекал дорогу; здесь мистер Хупдрайвер слез с велосипеда, мечтая поскорее скинуть ботинки и носки, теперь совсем посеревшие от пыли, и погрузить свои тощие ноги в веселую журчащую воду; но вместо этого он уселся, как и подобает настоящему мужчине, и закурил сигарету — из опасения, как бы перед ним не возникла во всем своем блеске Юная Леди в Сером. Ибо Юная Леди в Сером незримо присутствовала во всем: в цветах, в его радости и ликовании. Знакомство с нею по-особому окрашивало этот второй день его отпуска, такой непохожий на первый, вносило привкус ожидания, тревоги, даже грусти, неотступно преследовавшей его.

Только поздно вечером мистер Хупдрайвер вдруг живо пожалел, что сбежал от тех двоих. Он успел проголодаться, а это обстоятельство странным образом действует на эмоциональную окраску наших мыслей. Хупдрайвер внезапно

понял, что мужчина был гнусный негодяй, а девушка — девушка попала в какую-то большую беду. И он вместо того чтобы помочь ей, поддался первому побуждению и скрылся. Этот новый взгляд на вещи ужасно его расстроил. Чего только не могло теперь с ней случиться! Ему снова вспомнились ее слезы. Конечно, он обязан был, заметив, что с ней что-то неладно, не терять ее из виду.

Он поехал быстрее, чтобы спастись от укоров совести, запутался в лабиринте дорог и, когда уж начало темнеть, оказался не в Петуорсе, а в Изборне, в миле от Мидхерста. «Я хочу есть,— подумал мистер Хупдрайвер, выяснив у лесника в Изборне, куда он попал.— До Мидхерста — миля, а до Петуорса — пять! Нет уж, спасибо, еду в Мидхерст».

Он въехал в Мидхерст по мосту около мельницы и покати́л вверх по Северной улице; здесь внимание его привлекло крохотное заведение, весело манившее посетителей веселой вывеской с изображением чайника и такими соблазнами, как пачки табака, сласти и детские игрушки в окне. Чистенькая старушка с живыми глазами приветствовала его, и вскоре он уже сидел за обильным ужином из сосисок и чая и перелистывал прислоненную к чайнику книгу для посетителей, полную острот и комплиментов старенькой леди в стихах и в прозе. Некоторые остроты были очень удачны, и рифмы прекрасно звучали, даже когда рот ваш набит сосисками. У мистера Хупдрайвера родилась идея нарисовать «что-нибудь», ибо он успел уже составить мнение о старушке. Он вообразил, как она откроет книгу и обнаружит его рисунок. «Боже милостивый! Видно, это был художник из «Панча!» — воскликнет она. В комнате, где он сидел, была ниша, отгороженная занавеской, и комод, ибо вскоре ей предстояло стать его спальней; ту часть ее, которая отведена была для дневного времяпрепровождения, украшали вставленные в рамку дипломы местного клуба, книги с позолоченными корешками, портреты, а также чехлы для чайников и прочие очаровательные рукоделия из шерсти. Это была в самом деле очень уютная комната. Из окна в свинцовом косом переплете виднелся угол дома священника и красивый темный силуэт холма на фоне гаснущего неба. Покончив с сосисками, мистер Хупдрайвер закурил «Копченую селедку» и с важным видом вышел на погруженную в сумерки улицу. Синие тени лежали на этой улице, обрамленной темными кирпичными домиками, лишь кое-где ярко желтело окно, да от вывески у аптеки на дороге падали полосы зеленого и красного света.

XV

теперь оставим на время мистера Хупдрайвера посреди темной Северной улицы в Мидхерсте и вернемся к той паре, что стояла у железнодорожного моста между Милфордом и Хэзлмиром. Она была яркая брюнетка лет восемнадцати, с блестящими глазами и тонким лицом, которое от малейшего пустяка заливал румянец. Глаза ее блестели сейчас особенно

ярко из-за слез. Мужчине, светлому блондину с довольно длинным носом, нависавшим над льяными усами, с бледно-голубыми глазами и очень прямо посаженной, даже слегка запрокинутой головой, было года 33—34. Он стоял, широко расставив ноги и подбоченившись, с видом, одновременно агрессивным и вызывающим. Они проследили глазами за Хупдрайвером, пока он не скрылся из виду. Неожиданное появление его остановило поток ее слез. Мужчина, покручивая свои пышные усы, спокойно смотрел на девушку. Она стояла, отвернувшись, ни за что не желая заговаривать первой.

— Ваше поведение,— сказал он наконец,— привлекает внимание.

Она повернулась к нему, глаза ее и щеки пылали, руки были крепко сжаты.

— Отъявленный мерзавец — вот вы кто! — произнесла она, задыхаясь, и топнула ножкой.

— Отъявленный мерзавец?! Девочка моя! Вполне возможно... Но кто не станет мерзавцем ради вас?

— «Девочка моя!» Да как вы смеете со мной так разговаривать? Вы...

— Я готов сделать что угодно...

— О!..

Наступила короткая пауза. Она в упор смотрела на него, глаза ее горели гневом и презрением, и он под этим взглядом, наверно, слегка покраснел. Но он погладил свои усы и усилием воли постарался сохранить цинично-спокойный вид.

— Будем же благоразумны,— сказал он.

— Благоразумны! Все, что есть в мире подлого, трусливого и грязного, заключено в этом слове.

— У вас всегда была склонность... к обобщениям. Но давайте посмотрим фактам в лицо... если вы не возражаете.

Она нетерпеливо взмахнула рукой, предлагая ему продолжать.

— Так вот,— сказал он,— вы ведь сбежали.

— Я ушла из дому,— с достоинством поправила она его.— Я ушла из дому, потому что мне было там невыносимо. Потому что эта женщина...

— Да, да. Но факт тот, что вы сбежали со мной.

— Это вы поехали со мной. Вы называли себя моим другом. Обещали помочь мне, чтобы я могла зарабатывать на жизнь литературным трудом. Вы же сами сказали: «Почему, собственно, мужчина и женщина не могут быть друзьями?» А теперь вы посмели... посмели...

— Право, Джесси, эта ваша поза оскорбленной невинности...

— Я вернусь обратно. Я запрещаю вам — слышите, я запрещаю вам задерживать меня...

— Подождите. Я всегда считал, что у моей маленькой ученицы, уж во всяком случае, ясная головка. Видите ли, вы еще не все знаете. Выслушайте меня.

— Разве я вас не слушала? Но вы только оскорбляли меня. Это вы-то, который говорил только о дружбе, который едва осмеливался намекнуть на что-либо другое...

— Однако вы понимали намеки. Вы все прекрасно знали. Прекрасно. И не были против. Какое там! Вам это даже нравилось. В этом и была для вас вся прелесть — что я люблю вас и не решаюсь признаться. Вы играли этим...

— Все это вы мне уже говорили. И, думаете, это вас оправдывает?

— Я еще не кончил. Я решил... как бы это сказать, сделать игру более равной. Я предложил вам уйти из дому и уехал вместе с вами. Я выдумал, будто у меня есть сестра в Мидхерсте, а никакой сестры у меня нет! И все это с единственной целью...

— Какой же?

— Скомпрометировать вас.

Она вздрогнула. Это было что-то новое. С полминуты оба молчали. Затем она сказала — чуть ли не с вызовом:

— Подумаешь, как вы меня скомпрометировали! Конечно, я вела себя как дура...

— Дорогая моя, вам еще нет и восемнадцати лет, и вы очень мало знаете об этом мире — меньше, чем думаете. Но вы узнаете его. Прежде чем вы напишете все те романы, о которых мы говорили, вам придется его узнать. Вот, к примеру... — Он помолчал в нерешительности. — Вы вздрогнули и покраснели, когда официант за завтраком назвал вас «мэм». Вы решили, что это занятая ошибка, но ничего не сказали, потому что он был молод и явно волновался... к тому же вы и сами смутились: мысль, что вас приняли за мою жену, оскорбила вашу скромность. И вы предпочли притвориться, будто ничего не заметили. Но я-то записал вас в гостинице как миссис Бомонт. — Вид у него был чуть ли не виноватый, несмотря на циничную позу. — *Миссис Бомонт*, — повторил он, покручивая льняные усы и наблюдая за действием своих слов.

Она молча смотрела на него.

— Да, быстро я постигаю эту науку, — наконец медленно произнесла она.

Он подумал, что настало время для решительного наступления.

— Джесси, — сказал он совсем уже другим тоном, — я знаю, это подло, низко. Но неужели вы думаете, что я интриговал и занимался всеми этими ухищрениями с какой-то иной целью...

Она, казалось, не слышала его слов.

— Я еду домой, — внезапно заявила она.

— К ней?

Она вздрогнула.

— Вы только представьте себе, — сказал он, — как она вас теперь встретит!

— Так или иначе, с вами я расстаюсь.

— Да? И...

— Поеду куда-нибудь, где я смогу зарабатывать себе на жизнь, быть свободной, не думать об условностях...

— Дорогая моя, будем циничны. У вас нет ни денег, ни кредита. Никто вас к себе не возьмет. Остается одно из двух: либо вернуться к ма́чехе, либо... довериться мне.

— Как я могу вам довериться?

— Тогда вы должны вернуться к ней. — Он помолчал, чтобы она могла осознать, что это значит. — Джесси, я не

хотел говорить того, что сказал. Честное слово, я не соображал, что говорю. Если можете, простите меня. Я ведь мужчина. Я ничего не мог с собой поделаться. Простите меня, и обещаю вам...

— Как же я могу вам поверить?

— Испытайте меня. Уверяю вас.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Во всяком случае, пока поедемте со мной дальше. Мы уже достаточно долго стоим под этим ужасным мостом.

— Ах, дайте мне подумать! — сказала она, отворачиваясь от него и прижимая руку ко лбу.

— Подумать! Послушайте, Джесси. Сейчас десять часов. Давайте заключим перемирие до часа?

Она поколебалась, потом потребовала, чтобы он сказал, что он подразумевает под перемирием, и наконец согласилась.

Они сели на велосипеды и молча поехали по залитой солнцем, поросшей вереском равнине. Оба чувствовали неловкость и разочарование. Она побледнела, снедаемая страхом и гневом. Она понимала, что попала в беду, и тщетно пыталась найти выход. Только одна мысль все время вертелась у нее в мозгу, как она ни старалась прогнать ее. Это было совершенно не относящееся к делу соображение — что голова его удивительно похожа на бесцветный кокосовый орех. Он тоже был разочарован. Романтический подвиг обольщения оказался, в общем-то, скучным делом. Но ведь это только начало. Во всяком случае, каждый день, проведенный вместе, был плюсом для него. Может быть, все не так уж и плохо, и эта мысль несколько утешила его.

О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ ИСКУССТВЕННОГО, И О ДУХЕ ВРЕМЕНИ

XVI

Вы уже знаете этих двух молодых людей внешне (кстати фамилия мужчины — Бичемел, а девушку зовут Джесси Милтон); слышали их разговор; теперь они едут к Хэзлмиру бок о бок (но не слишком близко друг к другу, храня напряженное молчание), и эта совершенно ненужная глава посвящена тем любопытным совещательным комнаткам в их мозгу, где

заседают их побуждения и выносятся приговор их поступкам.

Но сначала скажем несколько слов о париках и вставных зубах. Какой-то шутник, исходя из того, что количество лысых и подслеповатых людей все увеличивается, сделал вывод о том, какое странное будущее ждет человеческую поросль. В наши дни человек, заявил он, к сорока или пятидесяти годам теряет волосы — и вместо них мы даем ему парик; он усыхает — и мы восполняем недостаток его фигуры с помощью ваты; у него выпадают зубы — извольте: к его услугам искусственные челюсти и золотые коронки. Человек потерял руку или ногу — в его распоряжении чудесная новая искусственная конечность; получил несварение желудка — существует искусственный желудочный сок, желчь, панкреатин, в зависимости от надобности. Цвет лица также может быть заменен; очки подправляют ослабевшее зрение; в гложущее ухо вставляется незаметная искусственная перепонка. Так этот шутник прошелся по всему нашему организму и придумал фантастическое существо, состоящее из кусочков и заплаток, некое подобие человека с незначительной крупичей живой плоти, сокрытой где-то в глубине. Вот, утверждал он, что нас всех ждет.

Насколько можно подменить живой организм искусственным — эта проблема не должна нас сейчас интересовать. Но дьявол устами мистера Радьяра Киплинга утверждал, что применительно к некоему Томлинсону такая подмена была совершена по крайней мере в том, что касалось души. Когда-то у людей были простые души, желания такие же неискусственные, как глаза, немного здоровой филантропии, немного здравого стремления к продолжению рода, чувство голода, вкус к хорошей жизни, вполне благопристойное тщеславие, здоровая, приносящая удовлетворение воинственность, и так далее. Теперь же нас годами учат и воспитывают, а потом мы годами читаем и читаем какие-то нудные, раздражающие деловые бумаги. Нас со всех сторон окружают гипнотизеры-писатели, гипнотизеры-педагоги и проповедники и гипнотизеры-журналисты. Сахар, который вы едите, говорят они, приготовлен из чернил — и мы тотчас отвергаем его с безграничным отвращением. В темном напитке неоплатного труда без надежды на вознаграждение, узнаем мы, заключено Подлинное Счастье, — и мы пьем его с неизменным удовольствием. Ибсен, говорят они, скупен сверх всякой меры, — и мы начинаем зевать и потягиваться что есть мочи. Простите, вдруг заявляют они, Ибсен глубок и великолепен, — и мы наперебой друг перед другом восторгаемся им. И вот если мы вскрыем черепные коробки наших двух молодых людей, мы нигде не обнаружим ни единого прямого побуждения; обнаружим мы не столько душу, сколько искусственную оболочку. Дух времени, благоприобретенные идеи, душевную смесь прекрасных, но путаных представлений. Девушка решила Жить Самостоятельной Жизнью, — фраза, которую вы, возможно, уже слышали; мужчина же одержим довольно извращенным желанием быть циником, натурой артистической и невозмутимой. Кроме всего прочего, он надеется пробудить в девушке Страсть. Из учебников, которые он проштудировал, он знает, что Страсть должна пробудиться. Он знает также, что девушка восхищается его талантом, но не подозревает, что она вовсе не восхищается формой его головы. Он видный лондонский критик, они встретились в доме ее мачехи, известной романистки, и вы уже видели, как они вместе отправились на поиски Приключений. Оба переживают сейчас первую стадию раскаяния, во время которой, как вы, очевидно, знаете по собственному опыту, человек стискивает зубы и говорит: «Не отступлюсь».

События, как видите, развиваются у них не гладко, и они продолжают свой путь хоть и вместе, но почти не об-

щаяся друг с другом, что не сулит ничего хорошего для нормального развития Приключения. Он понял, что поторопился. Но считает, что тут задета его честь, и, хотя с его наряда романтического злодея несколько пооблетела позолота, все-таки замышляет новую атаку.

А девушка? Она еще не пробудилась. Поступки ее заимствованы из книг, написанных случайным сборищем авторов — романистов, биографов — на чистой странице ее неопытности. Она окутана искусственной оболочкой, которая в любую минуту может лопнуть, высвободив скрывающегося под ней человека. Она все еще находится на уровне школьницы, которой разговорчивый старик кажется интереснее застенчивого юноши, а карьера крупного математика или, скажем, редактора ежедневной газеты представляется пределом мечтаний для любой честолюбивой девушки. Бичемел обещал помочь ей достигнуть этого положения наиболее быстрым путем, и вдруг — извольте: он говорит какие-то непонятные слова о любви, смотрит на нее в высшей степени странно, а один раз — и это был самый серьезный его проступок — даже пытался ее поцеловать. Правда, он извинился. Как видите, она до сих пор не понимает, что попала в сложный переплет.

XVII

ы оставили мистера Хупдрайвера у двери небольшого заведения, где можно было выпить чаю, купить табаку или игрушку. Пусть не думает читатель, что я увлекаюсь совпадениями, когда узнает, что рядом с дверью миссис Уордор — так звали быстроглазую старушку, у которой остановился мистер Хупдрайвер, — была дверь «Гостиницы ангела», где в тот вечер,

когда мистер Хупдрайвер достиг Мидхерста, находились «мистер» и «мисс Бомонт» — наши Бичемел и Джесси Милтон. Право же, тут нет ничего удивительного, ибо для человека, едущего через Гилдфорд, выбор дороги на юг весьма ограничен: можно поехать через Питерсфилд в Портсмут или через Мидхерст в Чичестер; кроме этих двух шоссе, есть еще только две проселочные дороги на Петуорс и Палборо и пересекающая их дорога на Брайтон. И если въехать в Мидхерст с севера, на пути неизбежно попадетсЯ разверстый зев «Гостиницы ангела», готовый поглотить наиболее респектабельных велосипедистов, в то время как добродушный чайник миссис Уордер привлечет тех, чьи капиталы исчисляются в мелкой монете. Но людям, не знакомым с сэссекскими дорогами, — а к ним-то и принадлежат три действующих лица нашего рассказа, — такое столкновение не казалось неизбежным.

Бичемел, подтягивавший после обеда цепь своего велосипеда во дворе «Гостиницы ангела», первым обнаружил, что они снова вместе. Он увидел, как Хупдрайвер, пуская облака табачного дыма, медленно вышел из ворот и направился вверх по улице. Черные тучи смутного беспокойства, успевшие несколько рассеяться за день, вновь окутали Би-

чемела и быстро сгустились во вполне определенное подозрение. Он сунул отвертку в карман и вышел через арку на улицу, чтобы немедленно все выяснить, ибо он всегда гордился своей решимостью. Хупдрайвер прогуливался, и они столкнулись лицом к лицу.

Вид соперника вызвал у Хупдрайвера одновременно отвращение и смех, и на какое-то мгновение он перестал испытывать к нему враждебность.

— А-а, опять мы с вами встретились! — сказал он и фальшиво рассмеялся над такой прихотью фортуны.

Но тот, другой человек в коричневом, преградил мистери Хупдрайверу путь и в упор посмотрел на него. Затем на лице его появилось выражение зловещей любезности.

— Для вас, конечно, не будет открытием, — спросил он чрезвычайно учтиво, — если я скажу, что вы преследуете нас?

Мистер Хупдрайвер в силу каких-то непонятных причин сдержался и не стал по обыкновению сразу же оправдываться. Ему захотелось досадить тому, другому в коричневом, и на память ему весьма кстати пришла фраза, которую в своих мысленных диалогах с этим человеком он не раз произносил.

— С каких это пор, — начал мистер Хупдрайвер, и тут дыхание у него перехватило, но он все же храбро продолжал: — С каких это пор графство Сэссекс стало вашей собственностью?

— Позволю себе заметить, — заявил тот, другой в коричневом, — что я возражаю, то есть мы возражаем не только против того, что вы вечно торчите у нас на глазах. Говоря откровенно, вы, видимо, следуете за нами с какой-то целью?

— Если это вам не по душе, — сказал мистер Хупдрайвер, — вы можете в любую минуту повернуть и возвратиться туда, откуда приехали.

— Ага! — сказал тот, другой в коричневом. — Вот мы и договорились. Я так и думал.

— В самом деле? — переспросил мистер Хупдрайвер, ничего не понимая, но храбро бросаясь навстречу неизвестности. Куда клонит этот человек?

— Понятно, — сказал тот, другой. — Понятно. Вообще-то я подозревал... — Он вдруг стал удивительно дружелюбным. — Можно вас... На несколько слов... Надеюсь, вы могли бы уделить мне десять минут?

В голове мистера Хупдрайвера возникли разные догадки. За кого этот человек принимает его? Действительность

превосходила все его вымыслы. Он не сразу нашелся, что сказать. Потом его осенила подходящая фраза:

— Вы хотите мне что-то сообщить?

— Назовем это так,—сказал тот, другой в коричневом.

— Я могу уделить вам десять минут,—с величайшим достоинством произнес мистер Хупдрайвер.

— В таком случае пойдемте,—сказал тот, другой в коричневом, и они медленно пошли вниз по Северной улице в направлении начальной школы. С полминуты оба молчали. Тот, другой, нервно поглаживал усы. В мистере Хупдрайвере проснулась обычная склонность драматизировать события. Он не вполне понимал, какая ему выпала роль, но она явно была мрачной и таинственной. Доктор Конан-Дойль, Виктор Гюго и Александр Дюма были в числе авторов, которых он читал, и читал он их не зря.

— Я буду говорить с вами откровенно,—сказал тот, другой в коричневом.

— Откровенность — всегда наилучший путь,—сказал мистер Хупдрайвер.

— Итак, кто, черт побери, поставил вас на это дело?

— Поставил меня на это дело?

— Не валяйте дурака. Кто вас нанял? На кого вы работаете?

— Видите ли,—смущенно пробормотал мистер Хупдрайвер.— Нет! Я не могу сказать.

— Вы в этом уверены?—Тот, другой в коричневом, многозначительно посмотрел на свою руку, и мистер Хупдрайвер, машинально проследив за его взглядом, увидел желтый металлический ободок кошелька, блеснувший в полутьме. Надо сказать, что младший приказчик стоит выше таких вещей, как чаевые, но лишь незначительно выше, и потому обладает на этот счет особой чувствительностью.

Мистер Хупдрайвер вспыхнул, и глаза его метнули молнии, встретив взгляд того, другого человека в коричневом.

— Уберите это!—сказал он, останавливаясь и глядя прямо в лицо искусителю.

— Что?—удивленно спросил тот, другой в коричневом.—Что вы сказали?—повторил он, но кошелек все же спрятал в карман.

— Вы что, считаете, что меня можно подкупить?—спросил мистер Хупдрайвер, воображение которого быстро дорисовало то, чего он не понял.—Черт побери! Теперь я в самом деле буду преследовать вас...

— Дорогой сэр,—сказал тот, другой в коричневом,—прошу извинить меня. Я вас не понял. Я в самом деле про-

щу меня извинить. Пройдемтесь еще немного. В вашей профессии...

— Что вы имеете против моей профессии?

— Ну, как вам сказать... Есть сыщики низшего класса — те, которые занимаются слежкой. Это целая категория людей... Частный розыск... Я принял вас... надеюсь, вы меня извините за эту, в общем-то вполне естественную, ошибку. Благородные люди не так часто встречаются в жизни — в любой области.

К счастью для мистера Хупдрайвера, в Мидхерсте летом не зажигают фонарей, иначе фонарь, мимо которого они в эту минуту проходили, сослужил бы ему плохую службу. Он и так вынужден был схватиться за усы и потянуть их изо всей силы, чтобы скрыть бешеный взрыв веселости, неподлимый приступ смеха, который душил его. Он сыщик! Даже в полумраке Бичемел заметил, что собеседник его давится от смеха, но он приписал это впечатлению, какое произвело на того выражение «благородные люди».

«Ничего, он еще одумается,— сказал себе Бичемел.— Просто хочет набить себе цену, чтоб получить пять фунтов».

Он кашлянул.

— Не понимаю, что вам мешает сказать, кто ваш нанятель?

— Не понимаете? Зато я понимаю.

— Давайте ближе к делу,— решил попытать счастья Бичемел.— Я хочу поставить перед вами главный вопрос, в котором, так сказать, вся загвоздка. Если не хотите, можете мне не отвечать. Но, думается, не будет большой беды, если я скажу вам, что именно мне хотелось бы знать. Вам поручено следить за мной... или за мисс Милтон?

— Нет, я не болтун,— сказал мистер Хупдрайвер, наслаждаясь тем, что он не выдает тайны, которой и сам не знает. Мисс Милтон! Значит, вот как ее зовут. Может быть, этот человек еще что-нибудь скажет о ней.— Напрасно стараетесь. Больше вам ничего от меня не угодно? — спросил мистер Хупдрайвер.

Бичемел весьма высоко ставил свои дипломатические способности. Он решил добиться успеха, сыграв на доверии.

— По-моему, только два человека заинтересованы в том, чтобы следить за развитием этой истории.

— Кто же второй? — спокойно спросил мистер Хупдрайвер, с большим трудом, однако, сохраняя самообладание. «Кто второй», — это просто блестяще, решил он про себя.

— *Моя жена и ее мачеха.*

— И вы хотите знать, которая из них...

— Да,— сказал Бичемел.

— Ну и спросите у них самих,— произнес мистер Хупдрайвер, внутренне ликуя и восхищаясь своей находчивостью.— Спросите у них самих.

Подумав, что от него ничего не добьешься, Бичемел собрался было уйти. Но потом решил сделать еще одну попытку.

— Я бы дал пять фунтов, чтобы узнать истинное положение дел,— сказал он.

— Я же сказал вам, чтобы вы об этом и не заикались! — угрожающим тоном заявил мистер Хупдрайвер. И прибавил доверительно, но загадочно: — Видно, вы еще не поняли, с кем имеете дело. Но ничего, поймете!

Он говорил так убежденно, что сам чуть ли не поверил в существование своего сыскного бюро в Лондоне, конечно, на Бэкер-стрит.

На этом разговор окончился. Бичемел, весьма встревоженный, пошел назад в гостиницу. «Черт бы побрал этих сыщиков!» Такого оборота он никак не ожидал. А Хупдрайвер, выпучив глаза, недоуменно улыбаясь, спустился к мельничной запруде, где вода блестела в лунном свете, постоял некоторое время в задумчивости у парапета моста, бурча что-то насчет Частного Розыска и тому подобных вещей, повернулся и с таинственностью, отражавшейся даже в походке, двинулся к городу.

XVIII

Мистер Хупдрайвер возликовал — внешне это выразилось в том, что он поднял брови и протяжно, но негромко свистнул. На какое-то время он забыл про слезы Юной Леди в Сером. Началась новая игра — игра всерьез. И мистер Хупдрайвер выступал тут как Частный Детектив, настоящий Шерлок Холмс, держащий этих двух людей «под наблюдением». Он немедленно пошел обратно, пока не оказался напротив «Гостиницы ангела»; там он постоял минут десять, разглядывая здание и наслаждаясь непривычным сознанием того, что он такой удивительный, таинственный и страшный человек. В его голове все сразу стало на свои места. Конечно, он по какому-то наитию принял облик велосипедиста и, чтобы не упустить беглецов, схватил первую попавшуюся рухлядь. «Денег на расходы не жалеть».

Затем он попытался осмыслить то, что стало ему извест-

но. «Моя жена». — «Ее мачеха!» Тут ему вспомнились заплаканные глаза девушки. И его захлестнула волна гнева, удивившая его самого и мгновенно смывшая с него личину сыщика, так что он вновь превратился просто в мистера Хупдрайвера. Тот человек в коричневом, с его самоуверенным видом и пятью фунтами (черт бы его побрал!), явно затевает что-то недоброе, иначе чего бы ему бояться слэжки. Он женат! И она вовсе не сестра ему. Мистер Хупдрайвер начал кое-что понимать. Ужасное подозрение родилось у него. Надо надеяться, дело еще не дошло до этого. Он сыщик — он все узнает. Но как? Он начал придумывать всевозможные планы, которые поочередно представлял на собственное утверждение. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы решиться войти в бар «Ангела».

— Пожалуйста, лимонаду и пива,— сказал мистер Хупдрайвер.

Он прочистил горло.

— Мистер и миссис Болонг не здесь остановились?

— Джентльмен и молодая леди на велосипедах?

— Да, довольно молодые — муж и жена.

— Нет,— сказала буфетчица, разговорчивая особа внушительных размеров.— Мужа и жены у нас нет. Но есть мистер и мисс Бомонт.— Для точности она произнесла фамилию по слогам.— Вы уверены, молодой человек, что не спутали фамилию?

— Совершенно уверен,— ответил мистер Хупдрайвер.

— Бомонты здесь есть, но этих — как вы их назвали?

— Болонги,— сказал мистер Хупдрайвер.

— Нет, никаких Болонгов здесь нет,— сказала буфетчица и, взяв вымытый стакан, начала вытирать его.— Сначала я подумала, что вы спрашиваете про Бомонтов — фамилии-то схожие. Они тоже едут на велосипедах?

— Да. Они сказали, что, очевидно, будут в Мидхерсте к вечеру.

— Ну, может, они скоро и приедут. Бомонты тут есть, а вот Болонгов нет. Вы уверены, что вам нужны не Бомонты?

— Наверняка,— заверил ее мистер Хупдрайвер.

— Забавно, что фамилии такие схожие. Я подумала, может...

Так они потолковали какое-то время, и мистер Хупдрайвер с искренней радостью убедился, что подозрения его неосновательны. Буфетчица, удостоверившись, что на лестнице никто не подслушивает, сообщила ему некоторые подробности о молодой паре, остановившейся наверху. Она намекнула, что костюм молодой леди оскорбил ее скромность,

а: мистер Хупдрайвер шепотом сострил на этот отчет, отчего буфетчица кокетливо пришла в ужас.

— Пройдет годика два, и уже никто не отличит, где мужчина, а где женщина,— заметила она.— А как эта молодая леди ведет себя! Слезла с машины, сунула ее своему спутнику, чтоб поставил у тротуара, а сама прямо сюда. «Мы с братом,— говорит,— хотим остановиться здесь на ночь. Брату все равно, какая у него будет комната, а мне нужна комната с хорошим видом, если у вас такая есть». Так и сказала! Тут он влетел сюда и устался на нее. А она говорит: «Я уже условилась насчет комнат». А он ей: «Тьфу, черт!» Так и сказал. Представляю себе, что бы мой братец сказал, если б я вздумала так им командовать.

— Думаю, и командуете,— сказал мистер Хупдрайвер,— если по правде-то.

Буфетчица опустила глаза, улыбнулась и покачала головой, поставила вытертый стакан, взяла другой и стряхнула с него капли воды в маленькую цинковую раковину.

— Хороша она будет под венцом,— заметила буфетчица.— Так и пойдет, как говорится, в невыразимых? Подумать только, какие теперь стали девушки.

Такое пренебрежительное отношение к Юной Леди в Сером едва ли могло прийтись по вкусу Хупдрайверу.

— Мода,— сказал он, беря сдачу,— мода — это для вас, женщины, все, так оно всегда было. Через годик-другой вы сами станете носить брюки.

— Да уж, хорошо они будут выглядеть на моей фигуре,— заметила буфетчица, хихикнув.— Нет, я за модой не гонюсь. Слава богу, нет! Мне бы все казалось, будто на мне нет ничего, будто я забыла надеть... Ну да ладно. Что-то я разболталась.— Она резко поставила стакан.— Видно, вкусы у меня старомодные,— сказала она и пошла вдоль бара, мурлыча себе что-то под нос.

— Только не у вас,— возразил мистер Хупдрайвер. И, встретившись с ней взглядом, учтиво улыбнулся, приподнял кепи и пожелал ей спокойной ночи.

ХІХ

Вслед за этим мистер Хупдрайвер вернулся в комнатку с окном в свинцовом переплете, где он обедал и где теперь была приготовлена для него удобная постель; он присел на сундук возле окна и, глядя на луну, поднимавшуюся над блестящей крышей дома священника, попытался собраться с мыслями. В каком вихре неслись они вначале! Был один-

надцатый час, и почти все жители Мидхерста уже лежали в постели; кто-то в конце улицы пиликал на скрипке; время от времени запоздалый горожанин спешил домой, пробуждая своими шагами эхо, да в саду священника деловито чирикал коростель. На темно-синем небе, там, где еще остались отсветы заката, вырисовывался черный силуэт холма, и бледная луна безраздельно, если не считать двух-трех желтых звездочек, господствовала на небосводе.

Вначале мысли мистера Хупдрайвера носили кинетический характер: он думал о действиях, а не об отношениях. Перед ним был злодей и его жертва, и мистеру Хупдрайверу выпало на долю принять участие в игре. *Он* женат. Знает ли она об этом? Мистер Хупдрайвер ни минуты не думал о ней плохо. Простодушные люди разбираются в вопросах морали намного лучше, чем высокообразованные господа, которые начитались и наразмышлялись до того, что всякий ум потеряли. Он слышал ее голос, видел открытый взгляд ее глаз, и она плакала — этого было вполне достаточно. Он еще не все уяснил себе как следует. Но уяснит. А этот ухмыляющийся тип — свинья, и это — самое мягкое для него слово. Мистеру Хупдрайверу вспомнился чрезвычайно неприятный инцидент у железнодорожного моста. «Мы вас больше не задерживаем, благодарю вас, — вслух произнес сквозь зубы мистер Хупдрайвер неестественным, презрительным тоном, который, как ему казалось, точно воспроизводил голос Бичемела. — Ах ты нахал! Ничего, я еще с тобой поквитаюсь. Он боится нас, сыщиков, голову даю на отсечение». (Если бы миссис Уорддор оказалась за дверью и услышала его слова, — тем лучше!)

Некоторое время он изобретал способы мести и наказания для злодея, — большей частью физически неосуществимые: вот Бичемел, шатаясь, падает навзничь от удара внушительного, но, по правде сказать, не очень сильного, кулака мистера Хупдрайвера; вот тело Бичемела — 5 футов 9 дюймов — поднято в воздух, и оно извивается и корчится под страшными ударами хлыста. Эти мечты были столь приятны, что остроносое лицо мистера Хупдрайвера при свете луны словно преобразилось. При взгляде на него вспоминалась широко известная картина «Пробуждение души», — столь сладостен был владевший им экстаз. Наконец удовлетворив свою жажду мести шестью или семью отчаянными драками, дуэлью и двумя зверскими убийствами, он мысленно вновь занялся Юной Леди в Сером.

Смелая она все-таки девушка. Он вспомнил, как ему рассказывала про нее буфетчица в «Гостинице ангела».

И мысли его перестали нестись стремительным потоком, а уподобились гладкому зеркалу, в котором она отражалась предельно ясно и четко. Никогда в жизни не встречал он такой девушки. Разве можно представить себе эту толстуху-буфетчицу одетой, как она! Он презрительно рассмеялся. Он сравнил цвет ее лица, ее живость, ее голос с Юными Леди-Труженицами, с которыми его объединяла общая участь. Даже в слезах она была прекрасна, а ему казалась еще прекраснее оттого, что слезы делали ее мягче, слабее, не такой неприступной. До сих пор слезы были связаны в его представлении с мокрым бледным лицом, покрасневшим носом и растрепанными волосами. Приказчик — в некотором роде знаток слез, ибо слезы — обычная реакция Юных Леди-Тружениц, когда им сообщают, что по тем или иным причинам в их услугах больше не нуждаются. А она — другое дело, она умеет плакать и — черт возьми! — умеет улыбаться. Уж он-то знает. И, внезапно перейдя от мечтательного состояния к готовности действовать, он заговорщически улыбнулся сморщенной бледной луне.

Трудно сказать, сколько времени размышлял так мистер Хупдрайвер. Кажется, довольно долго, прежде чем им овладела жажда действия. Он вспомнил, что призван «наблюдать» и что завтра ему предстоит немало хлопот. Сыщики всегда делают какие-то пометки, поэтому он достал свою записную книжку. Держа ее в руках, он снова задумался. Сказал ли ей этот тип, что за ними следят? Если да, то станет ли она, как и он, стремиться поскорее уехать отсюда? Надо быть начеку. Если удастся, хорошо бы поговорить с ней. Сказать коротко, но многозначительно: «Я ваш друг — доверьтесь мне!» Ему пришло в голову, что завтра беглецы могут встать спозаранок и удрать. Тут он взглянул на часы и обнаружил, что уже половина двенадцатого. «Боже мой! — воскликнул он про себя. — Как бы мне не проспять!» Он зевнул и поднялся. Ставни не были закрыты, и он еще отдернул ситцевую занавеску, чтобы солнце утром ударило ему в глаза, повесил свои часы на видном месте — на крюк для котелка — и, сев на кровать, принялся раздеваться. Некоторое время он лежал, размышляя о чудесных возможностях, которые откроются перед ним завтра утром, потом доблестно отбыл в волшебную страну снов.

XX

И вот мистер Хупдрайвер, встав с солнцем, бодрый, энергичный, в чудесном настроении, распаивает открывающуюся половицу оконной рамы и, напрягая слух, то и дело искоса поглядывает на фасад «Ангела». Миссис Уорддор хотела, чтобы он позавтракал внизу, на кухне, но это значило бы покинуть наблюдательный пост, и он решительно отказался. Велосипед

его в полной готовности занимал, невзирая на все протесты, стратегическую позицию в лавке. С шести утра мистер Хупдрайвер ждал. К девяти им овладел неопиcуемый страх: а что, если добыча ускользнула от него? И чтобы успокоиться, он решил произвести рекогносцировку на дворе «Ангела». Там он обнаружил конюха, чистившего велосипеда преследуемых (до чего же низко опустились великие мира сего в наше упадочное время!), и, с облегчением переведя дух, вернулся к миссис Уорддор. Часов около десяти они появились и спокойно покатали по Северной улице. Он проследил за ними, пока они не завернули за угол почты, тогда он выскочил на дорогу и помчался за ними во всю прыть! Они проехали мимо пожарного депо, где хранятся старые насосы и прочее хозяйство, и свернули на Чичестерскую дорогу — он неотступно следовал за ними. Так началась великая погоня.

Они не оглядывались, и он старался ехать на расстоянии, а когда за поворотом вдруг оказывался слишком близко от них, соскакивал с машины. Усиленно работая педалями, он не отставал от них, ибо они не спешили. Ему, правда, было жарко, и колени у него слегка одеревенели, но и только. Опасность упустить их была невелика: дорогу

покрывал тонкий слой известковой пыли, и шины ее велосипеда оставляли отпечаток, похожий на след от ребра шиллинга, а рядом клетчатой лентой вился след его шин. Так они проехали мимо памятника Кобдену, пересекли прелестнейшую деревеньку, наконец впереди показались крутые склоны холмов. Тут они сделали остановку в единственной гостинице; мистер Хупдрайвер занял позицию, откуда ему видна была входная дверь, вытер лицо и, томясь от жажды, выкурил «Копченую селедку». Они все не показывались. Несколько краснощеких недорослей, возвращавшихся из школы, остановились и, выстроившись в ряд, минут десять спокойно, но упорно глазели на мистера Хупдрайвера.

— Проваливайте отсюда,— сказал он.

Они выслушали его с интересом, но совершенно невозмутимо. Тогда он стал спрашивать одного за другим, как их зовут, они же лишь невнятно бормотали что-то в ответ. Под конец он отступился и с безучастным видом продолжал ждать, а им через некоторое время надоело на него смотреть, и они разошлись.

Взятая им под наблюдение пара находилась в гостинице так долго, что мистер Хупдрайвер при мысли о том, что они там делают, почувствовал не только жажду, но и голод. Они явно завтракали. День стоял безоблачный, и солнце, взойдя в зенит, припекало темя мистера Хупдрайвера, словно он стоял под солнечным душем и на голову ему лили горячий солнечный свет. Голова у него кружилась. Наконец они вышли из гостиницы, и человек в коричневом оглянулся и увидел его. Они доехали до подножия холма, сошли с велосипедов и, подталкивая машины, медленно двинулись вверх по длинной, почти вертикальной слепяще-белой дороге. Мистер Хупдрайвер остановился. У них уйдет минут двадцать на то, чтобы подняться по склону. А дальше, наверно, на многие мили тянется пустынная равнина. И он решил вернуться в гостиницу и быстро перекусить.

В гостинице ему подали сухарики с сыром и обманчивую на вид оловянную кружку крепкого пива, приятного на вкус, освежающего горло, но свинцом наливающего ноги, особенно в такой жаркий день. Он чувствовал себя полноценным человеком, когда вышел на слепящий солнечный свет, но уже у подножия холма солнце так припекло его, что, казалось, череп его сейчас лопнет. Подъем стал круче, меловая лента дороги, точно свет магния, резала глаза, и переднее колесо его начало безостановочно скрипеть. Он чувствовал себя так, как, наверно, чувствовал бы себя мар-

сианин, если бы вдруг очутился на нашей планете, а именно: в три раза тяжелее, чем обычно. Две маленькие черные фигурки исчезли за холмом.

— Ничего, следы все равно останутся, — промолвил Хупдрайвер.

Эта мысль успокаивала его. Она не только оправдывала медлительность, с какою он поднимался в гору, но и отдых после подъема, когда он растянулся на траве у дороги и принялся — теперь уже с противоположной стороны — обозревать Южную Англию. За какие-нибудь два дня он пересек эту обширную долину, обрамленную зелеными холмами, вздыбившимися, словно застывшие волны, — долину с разбросанными по ней деревеньками и городками, рощами и полями, прудами и речками, сверкающими на солнце, точно изделия из серебра, усыпанные бриллиантами. Северных холмов не было видно — они были далеко. Внизу приютилась деревушка Кокинг, а на склоне, примерно на расстоянии мили вправо, паслось стадо овец. Над головой, в синем небе, кружил встревоженный чибис, издавая время от времени свой слабый крик. Здесь, наверху, жара не так чувствовалась из-за освежающего ветерка. Мистером Хупдрайвером овладело непонятное убожество, он закурил сигарету и устроился поудобнее. Право же, сэссекское пиво, видно, делают на водах Леты, настое из маков и сладостных грез. И вот предательница Дрема уже незаметно связала его своими путами.

Он вздрогнул и проснулся с ощущением вины: оказывается, он лежал, растянувшись на траве, сдвинув кепи на один глаз. Он сел, протер глаза и понял, что спал. Голова у него была еще немного тяжелая. А как же погоня? Он тотчас вскочил и нагнулся, чтобы поднять опрокинутый велосипед. Вынув часы, он увидел, что уже больше двух.

— Господи помилуй! Подумать только! Но следы-то их, конечно, остались, — пробормотал мистер Хупдрайвер, выводя машину на меловую дорогу. — Я, наверное, живьем изжарюсь, прежде чем догоню их.

Он вскочил на велосипед и поехал — настолько быстро, насколько позволяли жара и остатки усталости. Время от времени ему приходилось слезать, чтобы на развилке осмотреть дорогу. Это ему даже нравилось. «Следопыт», — изрек он вслух, а в глубине души решил, что у него настоящее чутье на «нить». Так он проехал станции Гудвуд и Лейвант и часам к четырем добрался до Чичестера. И тут начался кошмар. На дороге местами стали попадаться каменные участки; в других местах она была вся затоптана

недавно прошедшим стадом овец, и, наконец, у въезда в город появился булыжник — каменные мостовые уходили на восток, на запад, на север и на юг, и у каменного креста, стоявшего в тени собора, следы терялись.

— Тьфу, дьявол! — воскликнул мистер Хупдрайвер в растерянности, слезая с велосипеда и останавливаясь посреди дороги.

— Что-нибудь обронили? — осведомился какой-то местный житель, стоявший у развилки.

— Да, — сказал мистер Хупдрайвер, — потерял нить.

И двинулся дальше, предоставив местному жителю гадать, какая же часть велосипеда называется «нитью». А мистер Хупдрайвер, отказавшись от поиска следов, начал спрашивать прохожих, не видели ли они Юной Леди в Сером на велосипеде. Когда шестеро случайных прохожих ответили, что нет, он почувствовал, что расспросы его выглядят подозрительно, и отступился. Но что же теперь предпринять?

Хупдрайверу было жарко, он устал, проголодался, и его начали терзать страшные угрызения совести. Он решил подкрепиться чаем с холодным мясом и, сидя в «Короле Георге», в весьма меланхолическом настроении принялся раздумывать над тем, что произошло. Они исчезли из поля его зрения — испарились, и все его чудесные, хоть и неясные мечты о том, как он вдруг сыграет в их судьбе решающую роль, рассыпались в прах. Какого он свалил дурака: надо было прилипнуть к ним, как пиявка! Ведь это же ясно! О чем он только думал! Ну хорошо, что проку сейчас от угрызений? Он вспомнил про ее слезы, про беспомощность, про то, как вел себя тот человек в коричневом, и гнев его и досада вспыхнули с новой силой.

— Но что же я могу поделать? — громко воскликнул мистер Хупдрайвер, ударяя кулаком по столу рядом с чайником.

А что бы сделал Шерлок Холмс? Может, все-таки существуют на свете такие вещи, как ключ к разгадке, хотя время чудес и прошло? Но искать ключ в этом сложном переплетении мощенных булыжником улиц, исследовать каждую полосу земли между камнями! Можно, конечно, походить по городу и порасспрашивать по гостиницам. С этого он и начал. Но они, разумеется, могли проехать через город, не останавливаясь, так что ни одна душа их не заметила. И тут ему в голову пришла положительно блестящая идея. «Сколько дорог выходит из Чичестера? — спросил себя мистер Хупдрайвер. Вот это была мысль, достой-

ная Шерлока Холмса.— Если они поехали дальше, то на одной из дорог я обнаружу их следы. Если же нет,— значит, они в городе». В эту минуту он находился на Восточной улице и тотчас двинулся в объезд города, который, как он выяснил попутно, был обнесен стеной. По дороге он навел справки в «Черном лебеде», в «Короне», в «Гостинице Красного льва». В шесть часов вечера он шел по дороге, ведущей в Богнор,— шел потупившись, отчаянно пыля и напряженно глядя себе под ноги, как человек, потерявший монету; разочарование сделало его угрюмым и злым. То был уже совсем другой Хупдрайвер — раздосадованный и удрученный. И тут ему в глаза вдруг бросилась широкая полоса с рубчиками, как на ребре шиллинга, а рядом — другая, клетчатая,— полосы эти то сливались, то снова разъединялись. «Нашел!»— воскликнул мистер Хупдрайвер и, круто повернувшись, вприпрыжку помчался к «Королю Георгу», где ему чинили велосипед. Конюх считал, что для обладателя такой развалины он уж очень придиричив.

XXI

Тем временем Бичемел, сей джентльмен-обольститель, готовился к решающей минуте. Он затеял этот побег с Джесси в лучших романтических традициях, необычайно гордый своей испорченностью и действительно влюбленный — в той мере, в какой может быть влюблен человек с такой искусственной душой. Но Джесси оказалась то ли отъявленной ко-

кеткой, то ли просто от природы лишена была способности воспылать Страсью (с большой буквы). В его представлении о себе и о женской натуре никак не укладывалось, что Джесси даже при столь благоприятных обстоятельствах не сумела оправдать его ожидания. Ее неизменная холодность и более или менее явное презрение бесили его. Он внушал себе, что она способна вывести из терпения даже святого, и пытался увидеть в этом нечто занятное и пикантное, но самолюбие его не успокаивалось. В конце концов под влиянием этого постоянного раздражения он стал самим собой, а натура его, несмотря на полученное в Оксфорде образование и на принадлежность к Клубу молодых обозревателей, ничем не отличалась от натуры существа времен палеолита с его примитивными вкусами и склонностью к насилию. «Я еще с тобой посчитаюсь!» — мысль эта, словно плуг, перепахивала его думы.

А тут еще этот проклятый сыщик. Бичемел сказал жене, что едет в Давос повидать Картера. С этим она, видимо, смирилась, а вот как она отнесется к такой авантюре, трудно предугадать. У нее свои особые взгляды на мораль, и супружескую неверность она расценивала в зависимости от того, в какой мере это может ее задеть. Если все происхо-

дит не у нее на глазах, вернее, не на глазах у дам ее круга, так и быть, можно разрешить этим презренным слабым существам — мужчинам предаваться порокам определенного свойства, но ведь тут грех на Большой Дороге! Она непременно поднимет шум, что в конечном счете всегда приводило к сужению финансовых возможностей Бичемела. И все же — решимость эта делала его героем в собственных глазах — авантюра стоила того. Воображение рисовало ему матроноподобную Валькирию; воздух полнился звуками погони и мести. Но на авансцене по-прежнему царила идиллия. Проклятого сыщика, судя по всему, удалось сбить со следа, и, таким образом, хотя бы эту ночь можно будет вздохнуть свободней. А дело надо довести до конца.

И вот в восемь часов вечера в небольшой столовой гостиницы «Викуна» в Богноре наступил решающий момент, и Джесси, раскрасневшаяся, возмущенная, с замирающим сердцем, вновь приготовилась к схватке с Бичемелом — на этот раз последней. Ему удалось обмануть ее — удача была на его стороне: в гостинице он записал ее в книге для приезжих как миссис Бомонт. Пока, если не считать того, что она отказалась зайти в их общий номер и выразила странное желание сесть за стол, не вымыв рук, она ничем не выдала себя перед официантом. Но обед прошел в довольно мрачной атмосфере. А теперь Джесси решила воззвать к лучшим сторонам его природы и вслух принялась излагать всякие несбыточные планы своего спасения.

Он сидел белый, кипя от злости, — примитивная ярость то и дело прорывалась сквозь его маску светского льва.

— Я пойду на станцию, — говорила она. — Вернусь домой...

— Последний поезд отошел в семь сорок две.

— Я обращусь в полицию...

— Вы не знаете полиции.

— Я скажу управляющему гостиницы.

— Он выставит вас за дверь. Положение ваше крайне ложно. Здесь этого не поймут — это вне всяких правил.

Она топнула ногой.

— Ну, так я буду бродить всю ночь по улицам, — заявила она.

— Это вы-то, которая ни разу в жизни не выходила одна из дому после сумерек? А вы знаете, на что похожи улицы такого прелестного курортного городка?

— Не знаю и знать не хочу, — сказала она. — Я могу пойти к священнику.

— Это очаровательный человек. Неженатый. А мужчи-

ны, что бы вы о них ни думали, все более или менее одинаковы. И, кроме того...

— Что еще?

— Попробуйте-ка объяснить теперь кому бы то ни было, как вы провели последние две ночи. Это непоправимо, Джесси.

— Негодяй,— сказала она и внезапно поднесла руку к груди.

Он решил, что она сейчас упадет в обморок, но она стояла — только побелела как полотно.

— Вовсе нет,— сказал он.— Я люблю вас.

— Любите?! — воскликнула она.

— Да, люблю.

— Ну, ничего, я найду выход,— промолвила она, помолчав.

— Только не вы. В вас столько жизни и надежды! Ни темная арка моста, ни черные быстрые воды реки не для вас. И не думайте об этом. Все равно в последний момент у вас не хватит духу, и вы только окажетесь в смешном положении.

Она резко отвернулась от него, встала и принялась глядеть в окно на сверкающее море, над которым свет нарождавшейся луны боролся с последними отблесками угасающего дня. Он продолжал сидеть. Жалюзи не были спущены, ибо она просила официанта не закрывать окон. Несколько минут царила тишина.

Наконец он заговорил — самым вкрадчивым тоном, на какой был способен:

— Ну будьте же благоразумны, Джесси. Зачем нам, людям, имеющим столько общего, ссориться и разыгрывать мелодраму? Клянусь, я люблю вас. Вы для меня — олицетворение всего самого яркого и желанного. Я сильнее вас, старше, я как раз тот мужчина, который нужен такой женщине, как вы. И вдруг *вы*, оказывается... так скованы условностями!

Она взглянула на него через плечо, и он залюбовался ею, увидев, как она вздернула свой хорошенький подбородок.

— *Мужчина!* — фыркнула она.— Как раз тот мужчина, который нужен *мне!* Да разве *мужчины* лгут? Неужели *мужчина* станет пускать в ход весь свой тридцатипятилетний опыт, чтобы перехитрить семнадцатилетнюю девушку? Нечего сказать, мужчина, который нужен мне! Это уж последнее оскорбление!

— Ваш ответ прелестен, Джесси. Должен вам, однако,

сказать, что именно так мужчины и поступают — и даже хуже, если им понравится такая девушка, как вы. И перестаньте вы, ради бога, ворчать! Почему вы хотите быть такой недотрогой? Я принес к вашим ногам свою репутацию, свою карьеру. Послушайте, Джесси, клянусь честью, я жеманюсь на вас...

— Боже упаси! — с такой поспешностью воскликнула она, что и тут не дала ему сказать про свою жену. Он же только теперь по горячности ее ответа понял, что она этого не знает.

— Сейчас у нас с вами вроде бы помолвка, — продолжал он, следуя своей догадке. И, помолчав, добавил: — Будьте благоразумны. Вы же сами этого хотели. Пойдемте на берег — берег здесь изумительный, скоро взойдет луна.

— Не пойду, — заявила она, топнув ножкой.

— Ну ладно, ладно...

— Ах, оставьте меня одну. Дайте мне подумать...

— Думайте, если хотите, — сказал он. — Вы только и твердите об этом. Но сколько ни думайте, все равно, моя девочка, вы себя не спасете. Теперь вам себя никак не спасти. Если, конечно, ваше спасение в том... чтобы быть недотрогой...

— Ах, уйдите, уйдите же.

— Хорошо. Я уйду. Пойду выкурю сигару... и буду думать о вас, дорогая. Неужели вы считаете, что я стал бы тратить время, если бы вы не были мне так дороги?

— Уходите, — прошептала она, не глядя на него.

Она продолжала смотреть в окно. Он поглядел на нее с минуту — в глазах его появился странный блеск. Затем шагнул к ней.

— Попались, — сказал он. — Теперь вы в моей власти. В сетях, плененная. Но моя. — Ему хотелось подойти к ней, взять ее за плечи, но он решил пока этого не делать. — Вы в моей власти, — повторил он. — Слышите: в моей власти!

Она не шелохнулась. Он посмотрел на нее и, величественно взмахнув рукой — этого жеста она так и не видела, — направился к двери. Слабый пол всегда инстинктивно подчиняется силе — на этом-то он и сыграет. И Бичемел решил про себя, что битва выиграна. Джесси слышала, как повернулась ручка в двери и шелкнул захлопнувшийся замок.

XXII

А теперь выйдем на улицу, где уже наступили сумерки, и посмотрим на мистера Хупдрайвера — щеки его горят ру-

мянцем, глаза сверкают! А ум — в полном смятении. Робкий, раболепно послушный Хупдрайвер, которого я представил вам несколько дней тому назад, претерпел удивительное превращение. С тех пор как он потерял в Чичестере «нить», его терзали кошмары: ему казалось, что предмет его внимания подвергают позорнейшим оскорблениям. Новая, непривычная обстановка постепенно лишила его обычной покорности судьбе.

Здесь на смену багровому закату вставала луна, ложись черные тени и зажигались оранжевые фонари; таинственные силы отняли у него красавицу; воплощенное зло в коричневом костюме с неприятным лицом издевалось над ним и угрожало. Мистер Хупдрайвер перенесся в мир романтики и рыцарских подвигов, в блаженном своем состоянии забыв на время, какое общественное положение занимает девушка, а какое он сам, забыв и о своей проклятой застенчивости, которая прежде так сковывала его, когда он стоял за прилавком, на своем месте. Его обуревали ярость и жажда приключений. У него на глазах развертывалась настоящая драма, в которую он оказался втянут, и он ни за что не хотел упустить дальнейшее развитие событий. Однако теперь, найдя утерянную «нить», он уже не мог бы забавляться происходящим как зритель. Он жил полной жизнью. И уже не позировал, когда слез с велосипеда у кафе, чтобы наскоро перекусить.

Бичемел как раз вышел из «Викуны» и направился к набережной, когда Хупдрайвер, разочарованный и отчаявшийся, выскочил из кафе «Трезвость» и завернул за угол. При виде Бичемела сердце у него подпрыгнуло от радости, и владевшая им злость уступила место усиленной деятельности ума, или, вернее, нашла выход в лихорадочном потоке мыслей. Значит, они остановились в «Викуне», и она сейчас там одна. Это был как раз тот случай, которого он искал. Но он не даст Фортуне провести себя. Он снова завернул за угол, присел на скамью и проследил за Бичемелом до тех пор, пока тот не скрылся в темной дали набережной. Тогда он встал и вошел в гостиницу.

— Мне нужна дама в сером, которая приехала на велосипеде, — сказал он и смело последовал за слугой.

Лишь когда дверь в столовую распахнулась, сердце у него екнуло. Он чуть было не повернулся и не бросился бежать, он почувствовал, как у него от страха перекашивается лицо. Вздвогнув, она обернулась и посмотрела на него — в глазах ее отразились одновременно надежда и страх.

— Могу ли я... сказать вам несколько слов... наедине? —

спросил мистер Хупдрайвер, с трудом овладевая дыханием.

Она помедлила, затем жестом велела слуге удалиться. Мистер Хупдрайвер проводил его взглядом, пока за ним не закрылась дверь. Он намеревался выйти на середину комнаты и, скрестив на груди руки, сказать: «С вами случилась беда. Я ваш друг. Доверьтесь мне». Вместо этого он постоял, тяжело дыша, и вдруг с виноватым видом, торопливо и отнюдь не галантно выпалил:

— Послушайте. Я не знаю, какая тут у вас заварилась каша, но, по-моему, что-то не так. Извините, что я вмешиваюсь. Только... если это правда, я сделаю все, что хотите, чтоб помочь вам выбраться из заварухи. Вот, по-моему, все, что я хотел сказать. Что же я могу для вас сделать? Я что угодно сделаю, чтобы помочь вам.

Она сосредоточенно смотрела на него, пока он с большим волнением произносил свою замечательную речь.

— Вы! — промолвила она. Раздираемая противоречивыми чувствами, она взвешивала в уме все «за» и «против», и не успел он кончить, как она приняла решение.

— Вы — джентльмен, — сказала она, шагнув к нему.

— Да, — согласился мистер Хупдрайвер.

— Могу ли я вам довериться? — И, не дожидаясь его ответа, добавила: — Я должна немедленно покинуть эту гостиницу. Подите сюда. — Она взяла его под руку и подвела к окну. — Отсюда видны ворота. Они еще открыты. Там стоят наши велосипеды. Пойдите туда, выведите их, а я спущусь к вам. Отважитесь вы на это?

— На то, чтобы вывести ваш велосипед на дорогу?

— Оба. Если вы выведете только мой, это ничего не даст. И сейчас же. Отважитесь?

— А как туда пройти?

— Выйдите через главный вход и за угол. Я через минуту последую за вами.

— Хорошо, — сказал мистер Хупдрайвер и вышел.

Он должен вывести велосипеды. Даже если б ему приказали пойти и убить Бичемела, он бы и это сделал. В голове его бурлил Мальстрем. Он вышел из гостиницы, прошел вдоль ее фасада и завернул в большой темный двор. Там он осмотрелся. Никаких велосипедов на виду не было. Тут из темноты вынырнул коротенький человечек в короткой черной доснящейся куртке. Хупдрайвер был пойман. Он даже и не пытался бежать.

— Я почистил ваши машины, сэр, — сказал человечек, увидев знакомый костюм, и дотронулся до фуражки.

Ум Хупдрайвера по быстроте сообразительности не усту-

пил тут взмывающему ввысь орлу: он мгновенно все понял.

— Прекрасно,— сказал он и, стремясь сократить паузу, поспешно добавил: — А где мой велосипед? Мне хотелось бы взглянуть на цепь.

Человечек провел его под навес и принялся искать фонарь. Хупдрайвер подвел сначала дамский велосипед к двери, затем взялся за мужской и выкатил его во двор. Ворота были открыты, и за ними белела дорога и чернели в полумраке деревья. Он нагнулся и дрожащими пальцами принялся ощупывать цепь. Как же быть дальше? За воротами что-то промелькнуло. Надо как-то отделаться от этого человека.

— Послушайте,— сказал Хупдрайвер, осененный внезапной мыслью.— Можете принести мне отвертку?

Человек вернулся под навес, открыл и закрыл какой-то ящик и через минуту уже стоял подле коленопреклоненного Хупдрайвера с отверткой в руке. Хупдрайвер почувствовал, что он погибает. Он взял отвертку, кисло промолвил: «Спасибо»,— и тут вдруг вдохновение вновь снизошло на него.

— Послушайте,— сказал он опять.

— Да?

— К чему же мне такая огромная отвертка?

Человек зажег фонарь, принес его и поставил на землю рядом с Хупдрайвером.

— Хотите поменьше? — спросил он.

Хупдрайвер поспешно вытащил носовой платок и, прикрывшись им, чихнул — старая уловка, применяемая в тех случаях, когда вы не хотите, чтобы вас узнали.

— Самую маленькую, какая у вас есть,— промолвил он из-под платка.

— А у меня нет меньше,— сказал конюх.

— Эта, право же, не подходит,— заметил Хупдрайвер, продолжая скрываться под платком.

— Если хотите, сэр, я могу посмотреть, что у них там есть в доме,— предложил конюх.

— Пожалуйста,— сказал Хупдрайвер.

Как только тяжелые кованые сапоги конюха прогрохотали по двору, Хупдрайвер поднялся, неслышными шагами подошел к дамскому велосипеду и, взявшись дрожащими руками за руль и седло, приготовился бежать.

В эту минуту дверь на кухню открылась и тотчас захлопнулась, впустив конюха и на мгновение уронив во двор сноп теплого желтого света. Хупдрайвер ринулся с велосипедом к воротам. Там к нему подошла неясная серая фигурка.

— Давайте сюда мой,— сказала она,— и ведите ваш.

Он передал ей машину, дотронувшись в темноте до ее руки, бросился назад, схватил машину Бичемела и поспешил за девушкой.

Желтый свет из кухни снова упал на булыжник двора: Ничего другого не оставалось, как бежать. Он слышал, как конюх кричал ему вслед, но он уже был на дороге. Девушка ехала где-то впереди. Он тоже сразу вскочил на велосипед. В эту минуту конюх, выбежав из ворот, заорал во все горло:

— Эй, сэръ! Так не положено!

Но Хупдрайвер уже нагнал Юную Леди в Сером. Какое-то время, казалось им, земля дрожала от криков: «Держи их, держи!» — и в каждом темном уголке чудилась полицейская засада. Но вот дорога сделала поворот, из гостиницы их уже никто не мог видеть, и они поехали рядом мимо темных живых изгородей.

Когда он нагнал ее, она плакала от волнения.

— Какой вы храбрый! — сказала она. — Какой вы храбрый!

И он перестал чувствовать себя вором, за которым мчится погоня. Он осмотрелся и увидел, что Богнор уже остался позади, ибо «Викуна» стоит у моря, на самой западной оконечности городка, и теперь они ехали по хорошей широкой дороге.

XXIII

Конюх (будучи человеком неумным) с воплями бросился за ними. Но вскоре он выдохся и вернулся к «Викуне»; у входа его встретили несколько человек, которых, естественно, интересовало, что же случилось, и он остановился, чтобы в двух-трех словах рассказать им о происшедшем. Это дало беглецам пять лишних минут. Затем, не переводя дыхания, он ринулся в бар, где ему пришлось объяснять все буфетчице, и, поскольку «самого» не было, они потеряли еще несколько драгоценных мгновений, обсуждая, что теперь следует предпринять. В обсуждении этом приняли оживленное участие два постояльца, подошедших с улицы. При этом было высказано несколько соображений морального порядка, а также иных, не имеющих к делу прямого отношения. Мнения были самые противоречивые: одни советовали сказать полиции, другие — погнаться за беглецами на лошади. На это ушло еще десять минут. Тут сверху появился Стивен, слуга, впустивший Хупдрайвера, и вновь разжег дискуссию, представив события совсем в ином свете посред-

ством одного простого вопроса: «Это который же?» Так десять минут превратились в четверть часа. В самый разгар дискуссии в холле появился Бичемел и, сопровождаемый грубовым молчанием, с решительным видом прошел к лестнице. Вы представляете себе, как выглядел сзади его необычной формы затылок? Присутствующие в баре недоуменно переглянулись, прислушиваясь к звуку его шагов, хоть и приглушенных ковром на лестнице, но все-таки доносившихся до них, — вот он поднялся на площадку, повернул, дошел до коридора и, должно быть, направился в столовую.

— Тот был совсем другой, мисс! — заявил конюх. — Провалиться мне на этом месте.

— Но мистер Бомонт — вот этот! — заявила буфетчица.

Беседа их повисла в воздухе: появление Бичемела положило ей конец. Все прислушивались. Шаги замерли. Вот он повернулся. Вышел из столовой. Направился по коридору к спальне. Снова остановился.

— Бедняга! — промолвила буфетчица. — Плохая она женщина!

— Ш-ш! — зашипел на нее Стивен.

Через некоторое время Бичемел снова прошел в столовую. Слышно было, как под ним скрипнул стул. В баре переглянулись, вопросительно вздернув брови.

— Пойду наверх, — сказал Стивен, — надо же сообщить ему печальное известие.

При появлении Стивена, вошедшего без стука в столовую, Бичемел поднял глаза от газеты недельной давности. Лицо его говорило о том, что он ожидал увидеть кого-то совсем другого.

— Простите, сэр, — сказал Стивен, дипломатически кашлянув.

— В чем дело? — спросил Бичемел, внезапно подумав, уж не выполнила ли Джесси одну из своих угроз. Если да, то ему предстоит объясняться. Но он был к этому готов. У нее просто мания. «Оставьте нас, — скажет он. — Я знаю, как ее успокоить».

— Миссис Бомонт... — начал Стивен.

— Ну и что же?

— Уехала.

Бичемел встал, не скрывая удивления.

— Уехала?! — повторил он с легким смешком.

— Уехала, сэр. На своем велосипеде.

— На своем велосипеде? Но почему?

— Она уехала, сэр, с другим джентльменом.

— На этот раз Бичемел был действительно потрясен.

— С другим... джентльменом?! С кем же?

— С другим джентльменом в коричневом костюме, сэр. Он вышел во двор, сэр, вывел оба велосипеда, сэр, и уехал, сэр, минут двадцать тому назад.

Бичемел стоял подбоченившись, вытаращив глаза. Стивен, с огромным удовольствием наблюдая за ним, гадал, как же поступит этот покинутый муж — станет ли рыдать, или ругаться, или же бросится немедленно в погоню. Но пока тот просто окаменел.

— В коричневом костюме? — переспросил он. — Блондин?

— Почти такой, как вы, сэр, во всяком случае, в темноте мне так показалось. Конюх, сэр, Джим Дьюк...

Бичемел криво усмехнулся. И пылко произнес... Но лучше поставим многоточие вместо того, что он произнес.

— Следовало бы мне об этом раньше догадаться!

И он бросился в кресло.

— Ну и черт с ней, — произнес Бичемел, как самый обычный простолудин. — Брошу я это проклятое дело! Значит, они уехали?

— Да, сэр.

— Ну и пусть едут, — произнес Бичемел слова, которые войдут в историю. — Пусть едут. Плевал я на них. Желаю ему удачи. Будьте другом, принесите-ка мне виски, да поскорее. Я выпью, а потом поброжу еще перед сном по Богнору.

Стивен был настолько удивлен, что произнес только:

— Виски, сэр?

— Да идите же, черт бы вас побрал! — сказал Бичемел.

Симпатии Стивена сразу переключились на другой предмет.

— Слушаю, сэр, — пробормотал он, ошупью нашел дверную ручку и, не переставая удивляться, вышел из комнаты.

Бичемел сумел удержаться в рамках благопристойности и вел себя так, как и подобает язычнику, но лишь только умолкли шаги Стивена, дал волю своим лучшим чувствам и разразился потоком непристойной ругани. Его ли жена или ее мачеха подослала сыщика, — неважно, главное, что она сбежала с этим сыщиком, а его роману пришел конец. И вот он сидит здесь брошенный и одураченный, осел ослом, в десятом поколении осел. Единственный луч надежды для него, что побег девушки, по всей вероятности, устроила ее ма-

чеха, в таком случае вся эта история еще может быть замята, и неприятный момент объяснения с женой отсрочен на неопределенное время. Но тут перед его мысленным взором предстала стройная фигурка в серых брюках, и он снова разразился проклятиями. Он вскочил было, обуреваемый жаждой преследования, но тотчас снова шлепнулся в кресло так, что бар внизу содрогнулся до самого основания. Он хватил кулаком по ручке кресла и снова выругался.

— Из всех, когда-либо родившихся на свет, дураков,— громко произнес он,— я, Бичемел...

В эту минуту в дверь стукнули, и она распахнулась, пропуская Стивена с виски.

XXIV

Т

ак двадцать минут превратились в бесконечность. Оставим безнравственного Бичемела изрыгать фонтаны проклятий,— гнусное это существо достаточно загрязняло наши скромные, но правдивые страницы,— оставим оживленную группу собеседников в баре отеля «Викуна», оставим вообще Богнор, как мы оставили Чичестер, и Мидхерст, и Хэзлмир, и Гилд-

форд, и Рипли, и Путни, и последуем за милым нашим простаком Хупдрайвером и его Юной Леди в Сером по залитой лунной дороге. Как они мчались! Как бились в унисон их сердца, как с шумом вылетало из их груди дыхание, как каждая тень внушала им подозрение, а малейший звук наводил на мысль о погоне! И тем не менее мистер Хупдрайвер пребывал в мире Романтики. Останови их сейчас полисмен за то, что они едут с потушенными фонарями, Хупдрайвер сшиб бы его с ног и поехал дальше, словно прирожденный герой. Возникни на их пути Бичемел с рапирами для дуэли, Хупдрайвер сразился бы с ним, как человек, для которого Азенкур был реальностью, а магазин тканей — сном. Тут речь шла о Спасении, о Бегстве, о Счастье! И она рядом с ним! Он видел лицо ее, и когда оно было в тени, и когда утреннее солнце золотило ее волосы; он видел ее лицо, благосклонно смотревшее на него в ярком свете дня; он видел ее в горе, когда глаза ее блестели от слез. Но может ли быть для девичьего лица освещение лучше, нежели мягкий свет летней луны!

Дорога сворачивала на север, огибая пригороды Богнора, и то вилась в крошечной тьме под густыми деревьями, то шла между вилл, лучившихся теплым светом ламп или

объятых сном и белевших под луной, то снова пролегалa между живых изгородей, за которыми серели поля, окутанные низко стелющимся туманом. Сначала они ехали, едва ли обращая внимание, куда едут, думая лишь о том, чтобы поскорее очутиться подальше, и только раз свернули на запад, когда из свежей ночи перед ними возник вдруг шпиль чичестерского собора, светлый, замысловатый и высокий. Они ехали, почти не разговаривая друг с другом, лишь изредка перекидываясь двумя-тремя словами, когда дорога вдруг поворачивала или когда вдруг раздавались чьи-то шаги или встречалась выбоина.

Она, казалось, была всецело поглощена мыслью о своем бегстве и не думала о том, кто ехал с ней рядом, а он, когда унялось волнение подвига и они уже не мчались во весь дух, а просто ехали по ночной дороге, вдруг осознал всю грандиозность того, что произошло. Ночь была теплая и светлая, кругом царила тишина, нарушаемая лишь стрекотом велосипедных передач. Он посмотрел на нее краешком глаза — она ехала рядом, грациозно крутя ногами педали. Вот дорога повернула на запад, и девушка превратилась в серый силуэт на фоне залитого луной небосвода; потом дорога пошла прямо на север, и бледный холодный отсвет лег на ее волосы, на щеки и на лоб.

Есть некое магическое свойство в лунном сиянии: оно подчеркивает все нежное и прекрасное, тогда как остальное тонет во тьме. Оно создает эльфов, которых убивает солнечный свет; стоит луне появиться — и в душе нашей оживает сказочный мир, звучат приглушенные голоса, нежные, тревожащие душу мелодии. При лунном свете каждый мужчина, каким бы тупицей и олухом ни был он днем, становится похож на Эндиомиона¹, приобретает что-то от его вечной молодости и силы, видя в глазах своей дамы сердца серебристое отражение любимой богини. Прочный материальный мир, окружающий нас при свете дня, делается призрачным, обманчивым; далекие холмы колышутся, как сказочное море, все вокруг становится одухотворенным; духовное начало, заключенное в нас, выходит из темных глубин и, высвободившись из своей телесной оболочки, взмывает ввысь, к небесам. Дорога, покрытая утопанной белой пылью, которая днем пышела жаром и слепила глаза, превратилась теперь в мягкую серую ленту, на серебряной поверхности которой то там, то здесь искрился какой-нибудь кристаллик. Над головой их величаво плыла по безбрежным синим про-

---

¹ Герой греческого мифа, возлюбленный богини Луны — Селены.

сторам прародительница тишины, та, что одухотворяет мир,— совсем одна, сопровождаемая лишь двумя большими блестящими звездами. И в тишине, под ее благостным оком в благословенном свете ее лучей ехали рядом два наших странника сквозь преображенную и преобразующую ночь.

Но нигде луна не сияла так ярко, как в голове мистера Хупдрайвера. На поворотах дороги он с необычайной быстротой принимал решения (причем совершенно наугад). «Направо»,— говорил он. Или: «Налево»,— тоном человека, который все знает. Вот каким образом через час они выехали на дорожку, которая спускалась прямо к морю. Серый берег тянулся вправо и влево от них, и маленький белый домик прикорнул у воды, где темнела на песке спящая рыбачья лодка.

— Вот мы и прибыли,— промолвил мистер Хупдрайвер sotto voce¹.

Они соскочили с велосипедов. Низкорослые дубы и терновник вырисовывались в свете луны, как бы застрявшей в веточках живой изгороди, окаймлявшей дорогу.

— Вы в безопасности,— объявил мистер Хупдрайвер, срывая с головы кепи и галантно склоняясь перед девушкой.

— Где мы?

— В безопасности.

— Но где?

— В Чичестерской гавани.— И он указал рукой на море, словно оно было местом их назначения.

— А как вы думаете, они погонятся за нами?

— Мы столько раз поворачивали!

Хупдрайверу почудилось, что она всхлипнула. Она стояла, придерживая свой велосипед, а он держал свой, и на протяжении ему непонятно было, то ли она плачет, то ли просто тяжело дышит от усталости.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил ее голос.

— Вы устали? — осведомился он.

— У меня хватит сил на все, что нужно.

В призрачном свете луны стояли две черные фигуры и молчали.

— Знаете,— заговорила она,— а я вовсе не боюсь вас. Я уверена, что у вас самые честные намерения. А ведь я даже не знаю вашего имени!

Ему вдруг стало стыдно неказистого имени своих предков.

— Имя у меня некрасивое,— сказал он.— Но вы правы,

---

¹ Тихо (итал.).

доверяя мне. Я для вас... я для вас что угодно сделаю... Это все ерунда.

Она закусила губку. Спрашивать у него, почему он готов ради нее на все, она не стала. Но по сравнению с Бичемелом!..

— Доверимся друг другу, — сказала она. — Вы хотите знать... что произошло со мной? Этот человек, — продолжала она, приняв его молчание за согласие, — обещал мне помощь и поддержку. Я была несчастна дома — неважно, почему. У меня мачеха... Жила я праздно, ничем не занятая, во всем встречая противодействие, запреты — этого, пожалуй, вам будет достаточно, чтобы составить картину. И вот в моей жизни появился он, стал говорить со мной об искусстве и литературе и зажег мою мысль. Мне захотелось выйти в широкий мир, стать человеком, а не кроликом в клетке. И он...

— Я понимаю, — сказал Хупдрайвер.

— И вот я здесь...

— Я для вас что угодно сделаю, — повторил Хупдрайвер.

Она подумала.

— Вы и представить себе не можете, какая у меня мачеха. Нет, я не могу ее описать...

— Я весь в вашем распоряжении. Я помогу вам всем, что в моих силах.

— Я рассталась с Иллюзией и нашла Странствующего Рыцаря.

Под Иллюзией она подразумевала Бичемела.

Мистер Хупдрайвер почувствовал себя польщенным. Но ответить ей в тон не умел.

— Я все думаю, — сказал он, горя желанием поскорее принять на себя обязанности защитника, — что же нам лучше всего предпринять. Вы устали, и не можем же мы плутать всю ночь, особенно после такого дня, какой выпал вам на долю.

— Мы ведь были близ Чичестера? — спросила она.

— Если бы, — задумчиво произнес он с легкой дрожью в голосе, — если бы вы согласились выдать меня за своего брата, мисс Вомонт.

— Ну и что же?

— Мы могли бы там остановиться...

Она медлила с ответом.

— Я сейчас зажгу фонари, — сказал Хупдрайвер.

Он склонился над своей машиной и чиркнул спичкой о подошву. При свете ее она увидела его лицо, серьезное и озабоченное. Неужели он казался ей пошлым и нелепым?

— Но сначала скажите мне, как вас зовут... братец,— попросила она.

— Мм... Каррингтон,— слегка замявшись, произнес Хупдрайвер. Кто бы на его месте признался в такую ночь, что он — Хупдрайвер?

— Ну, а имя?

— Имя? *Мое* имя? Видите ли... Крис.— Он зажег свой фонарь и выпрямился.— Подержите, пожалуйста, мою машину, и я зажгу ваш фонарик,— сказал он.

Она послушно подошла и взяла его велосипед — на мгновение они очутились лицом к лицу.

— А меня, братец Крис,— сказала она,— зовут Джесси. Он посмотрел ей в глаза, и сердце у него замерло.

— *Джесси*,— медленно повторил он.

Лицо его выражало такую силу чувств, что ею овладело вдруг непонятое смятение. Надо было что-то сказать.

— Имя ничем не примечательное, правда? — заметила она и рассмеялась, чтобы разрядить напряжение.

Он открыл было рот и снова закрыл, лицо его вдруг исказилось, он резко повернулся и, нагнувшись, принялся зажигать ее фонарь. Она смотрела на него, стоявшего перед ней почти на коленях, почему-то с одобрением. Как я уже говорил, была пора полнолуния.

XXV

Всю остальную часть той ночи мистер Хупдрайвер держался с прежней уверенностью в себе, а потому лишь благодаря удаче, а также тому обстоятельству, что пригородные дороги, как правило, ведут в город, им удалось достичь наконец Чичестера. Сначала у них было такое впечатление, что все обитатели его давно спят, но «Красная гостиница» еще светила теплым желтоватым светом. Впервые в жизни мистер Хупдрайвер осмелился приобщиться тайн «первоклассного» отеля, но в эту ночь он осмелился бы еще и не на то.

— Значит, вы все-таки нашли свою даму,— заметил коных в «Красной гостинице» — один из тех, к кому мистер Хупдрайвер утром обращался с расспросами.

— Какое-то вышло недоразумение,— с величайшей охотой пояснил Хупдрайвер.— Сестра моя отправилась в Богнор. Но я вернул ее. Очень мне здесь нравится. Да и луна — просто божественная.

— Мы уже поужинали, благодарствуйте, и мы очень ус-

тали, — продолжал мистер Хупдрайвер. — Я полагаю, вы ничего не хотите, Джесси?

Какое счастье быть с нею, пусть даже в качестве брата, и называть ее просто так — Джесси! Но играл он свою роль великолепно, — этого, по его мнению, нельзя было отрицать.

— Спокойной ночи, сестренка, — сказал он, — приятных сновидений. А я еще посмотрю газету, прежде чем лечь.

«Вот это жизнь!» — подумал он.

Так доблестно вел себя мистер Хупдрайвер до самого конца этого Удивительнейшего из Дней. Читатель, очевидно, помнит, что начался он очень рано с бдения в маленькой лавчонке рядом с «Гостиницей ангела» в Мидхерсте. Но подумать только, сколько всего за это время произошло! Он поймал себя на середине зевка, вытащил часы, увидел, что уже половина двенадцатого, и с приятным сознанием собственного героизма отправился в постель.

XXVI

Тут, пользуясь столь чудесной способностью человека, как сон, мы вновь прерываем наш рассказ. Наши неразумные молодые герои спокойненько лежат в своих постелях, головы их забиты всякой пышной чепухой, и, уж конечно, в ближайшие восемь, а то и более часов они не внесут свежего вклада в развитие событий. Оба они спят, и — хотя это вас, возмож-

но, удивит — спят крепким сном. Девушка (а до чего дойдут современные девушки, может сказать разве что миссис Линн Линтон) находится в обществе совершенно незнакомого ей человека низкого происхождения, с весьма неинтеллигентным выговором, никто ей не сопутствует, и она ничуть этим не смущена, — более того, она считает себя в полной безопасности и даже гордится своим вкладом во все эти перипетии. А этот ваш мистер Хупдрайвер, розовощекий идиот, незаконно присвоил себе украденный велосипед, украденную девушку и украденные имя и фамилию, обосновался со всем этим в гостинице, namного превышающей его средства, и чрезвычайно гордится — даже во сне — этими ни с чем не сравнимыми безумствами. Бывают случаи, когда романисту-морализатору остается лишь заломить руки и предоставить событиям идти своим чередом. Ведь Хупдрайвера завтра утром, не успеет он глаза продрать, могут посадить под замок за кражу велосипеда! Кроме того, в Богноре, не говоря уже о печальных останках Бичемела, с которым, благодарение богу, у нас нет больше никаких дел, имеется гостиница, где мистер Хупдрайвер заказал бифштекс, который давным-давно превратился в уголи, а в номере остался мешок из американского брезента и его собственный велоси-

пед, как залог, тщательно запертый на сеновале. Завтра Хупдрайвер станет там Тайной, и тело его будут искать по всему побережью. А мы до сих пор еще не удосужились заглянуть в безутешный дом в Сэрбитоне, известный вам, конечно, по иллюстрированным интервью, где несчастная мачеха...

Мачеха та, надо сказать, хорошо вам известна. Это небольшой сюрприз, который я приготовил для вас. Она — Томас Плантагенет, талантливый автор остроумной и смелой книги, именуемой «Высвобожденная душа», и женщина на свой манер превосходная. Только на очень своеобразный манер. Настоящая ее фамилия Милтон. Она вдова и притом очаровательная, всего на десять лет старше Джесси; самые смелые книги свои она неизменно посвящает «светлой памяти моего мужа», дабы показать, что в них, понимаете ли, нет ничего личного. Для дамы, пользующейся литературной славой, она имеет на редкость почтенную репутацию. У нее благопристойно обставленный дом, благопристойные туалеты, строгие понятия о том, с кем можно общаться и с кем нельзя, она ходит в церковь и даже иногда, следуя духу современной интеллектуальной моды, принимает причастие. И воспитанию Джесси она уделяла такое пристальное внимание, что никогда бы не позволила ей прочесть «Высвобожденную душу». Но Джесси, естественно, ее прочла, с чего и началось ее пристрастие к передовой литературе. Миссис Милтон не только уделяла пристальное внимание воспитанию Джесси, но и всячески тормозила ее развитие, так что в семнадцать лет она все еще была умненькой начитанной школьницей (как вы могли убедиться), хорошенькой, но еще совсем ребенком, обитавшим на задворках небольшого литературного кружка малозаметных знаменитостей, который украшала своим присутствием Томас Плантагенет. Миссис Милтон знала, что о Бичемеле ходит слава дурного человека, но порочные мужчины не то же, что порочные женщины, и она пускала его к себе в дом, чтобы показать, что не боится, — о Джесси она не подумала. Поэтому, когда она узнала о побеге, это было для нее двойным разочарованием, ибо инстинктивно она угадала тут его руку. И она поступила так, как подобало. А подобало в данном случае, как вы понимаете, нанять, не считаясь с расходами, экипаж и, объезжая ближайших знакомых, рыдать и говорить, что вы просто не знаете, что делать. Будь даже Джесси ее родной дочерью, она не могла бы объездить больше народу и пролить больше слез — она выказала все надлежащие чувства. И не только выказала, но и на самом деле их испытала.

Миссис Милтон — преуспевающая, не слишком крупная писательница и еще более преуспевающая вдовушка тридцати двух лет («Томас Плантагенет — прелестная женщина», неизменно писали рецензенты, даже когда плохо отзывались о ней) — смотрела на Джесси, постепенно превращавшуюся в женщину, как на явную помеху, и охотно держала ее в тени; а Джесси, которая в четырнадцать лет встретила ее в штucky, принципиально возражая против любой мачехи, достаточно остро это чувствовала. Соперничество и вражда между ними все усиливались, так что в конце концов даже оброненная шпилька или книга, разрезанная острым ножом, вызывала бурный взрыв ненависти. В мире не так уж много намеренного зла. Правда, наш тупой эгоизм рождает порою зло, но с точки зрения нравственной это зло имеет совсем другую природу. И потому, когда случилась беда, миссис Милтон вполне искренне раскаялась в том, что допустила раскол в отношениях с падчерицей и сама сыграла в этом немалую роль.

Можете представить себе, как утешали ее знакомые и как жужжали об этом происшествии Западный Кенсингтон, и Ноттинг-хилл, и Хэмпстед, эти литературные предместья, ныне благопристойные обитатели бывлой богемы. Ее «почитатели», — а будучи прелестной литературной дамой, она, естественно, имела целую свиту, — пребывали в необычайном волнении и были преисполнены сочувствия, энергии и желания оказать помощь, подать совет, ринуться куда угодно по первому зову, — каждый сообразно своему характеру и представлению о том, что в данном случае требуется. «Есть какие-нибудь вести о Джесси?» — этим патетическим вопросом начиналось немало печальных, но весьма интересных бесед. При своих почитателях миссис Милтон, пожалуй, не пролила столько слез, как при своих приятельницах, но ее молчаливая скорбь трогала еще больше. Три дня — а именно: в среду, четверг и в пятницу — о беглецах не было ни слуху ни духу. Было известно лишь, что Джесси, надев спортивный костюм с пристегивающейся юбкой, села на велосипед, снабженный безопасной рамой, шинами «Данлоп» и мягким, обтянутым люфою седлом, и отбыла рано утром, захватив с собой что-то около двух фунтов семи шиллингов и серый чемоданчик, и этим — если не считать краткой записки мачехе, в которой, судя по слухам, она объявляла о своей независимости и утверждала свое «я» с помощью обширных и весьма досадных цитат из «Высвобожденной души», но решительно ничего не сообщала о своих планах, — все сведения о Джесси исчерпывались. Записка эта по-

казывалась немногим, и то под строжайшим секретом.

Но в пятницу поздно вечером прибыл, запыхавшись, один из почитателей, по фамилии Уиджери, с которым миссис Милтон переписывалась и который одним из первых узнал о случившейся беде. Он путешествовал по Сэссексу — рюкзак все еще был у него за плечами — и, скороговоркой сообщил он, в некоем местечке Мидхерст, в баре «Гостиницы ангела», слышал от буфетчицы о некоей Юной Леди в Сером, которую та очень ярко описала. Описание совпадало с приметами Джесси. Но кто же был человек в коричневом костюме?

— Бедное обманутое дитя! Я немедленно еду к ней! — воскликнула миссис Милтон, задышавшись, и, встав, схватилась за сердце.

— Что вы, сегодня это уже невозможно. Нет никаких поездов. Я посмотрел расписание по пути сюда.

— Ничего не поделаешь — материнская любовь, — сказала она. — А я питаю к ней именно такие чувства.

— Я знаю, — произнес он с чувством, ибо никто так не восторгался его снимками с природы, как миссис Милтон. — Она такой любви не заслуживает.

— Не говорите плохо о ней! Ее ввели в заблуждение.

Его приход говорил о том, что он ей настоящий друг. Он выразил сожаление, что на этом его сведения кончаются. Может быть, ему поехать за ними и привезти ее домой? Он примчался к миссис Милтон, потому что знал, как она беспокоится.

— Вы поступили очень хорошо, — сказала она и совершенно бессознательно взяла и пожала его руку. — Подумать только, бедная девушка, что-то она делает сейчас, вечером! Это ужасно! — Она посмотрела в огонь, который зажгла, когда он вошел; красноватый отблеск упал на ее лиловое платье, тогда как лицо ее тонуло в тени. Она казалась тоненьким, хрупким созданием, которому не под силу такие переживания. — Надо поехать за ней. — Ее решимость была просто великолепна. — Но у меня никого нет, кто бы отправился со мной.

— Он должен жениться на ней, — заявил гость.

— У нее нет друзей. Никого у нас нет. Две женщины — и все. И такие беспомощные.

И это маленькое белокурое существо было той самой женщиной, которую люди, судившие о ней лишь по ее книгам, считали смелой, даже порочной! А все потому, что она великодушна... интеллектуальна.

Гость был потрясен до глубины души несказанным трагизмом ее положения.

— Миссис Милтон! — сказал он. — Хетти!

Она взглянула на него. Чувства его вот-вот готовы были перелиться через край.

— Не сейчас, — сказала она, — не сейчас. Сначала я должна найти ее.

— Конечно, — с чувством согласился он. (Он принадлежал к числу крупных полных мужчин, которые глубоко все чувствуют.) — Но разрешите мне помочь вам. Хотя бы разрешите мне помочь вам.

— А вы можете выбрать для этого время? — спросила она. — Потратить его для *меня*?

— Для вас...

— Но что же мне делать? Что *нам* делать?

— Ехать в Мидхерст. Обнаружить ее. Выследить. Она была там в четверг вечером, то есть вчера вечером. Она выехала на велосипеде из города. Мужайтесь! — воскликнул он. — Мы еще спасем ее!

Она протянула руку и снова пожала его пальцы.

— Мужайтесь! — повторил он, видя, как хорошо действует на нее это слово.

Снаружи послышался какой-то шум и шаги. Миссис Милтон повернулась спиной к огню, а гость поспешил опуститься в большое кресло, как нельзя лучше соответствовавшее его размерам. Тут дверь отворилась, и горничная провела в комнату Дэнгла, с любопытством посмотревшего сначала на миссис Милтон, потом на ее гостя. Тут явно не обошлось без эмоций — он слышал, как скрипело кресло, да и миссис Милтон, раскрасневшаяся, с подозрительной живостью стала объяснять, что произошло.

— Вы ведь тоже один из моих добрых друзей, — сказала она. — Мы наконец получили вести о ней.

Все преимущества явно были на стороне Уиджери, но Дэнгл решил пустить в ход свою изобретательность. В конце концов он тоже был включен в число участников Мидхерстской экспедиции, к великому возмущению Уиджери, а до того, как все разошлись, был туда завербован и юный Фиппс, молчаливый, еще совсем зеленый юнец с безукоризненными воротничками и пылкой преданностью. Они втроем займутся обследованием местности. Миссис Милтон как будто немного ожила, но чувствовалось, что она глубоко тронута. Право же, она не понимает, чем она заслужила такую преданность своих друзей. Голос ее задрожал, и она направилась к двери; юный Фиппс, который предпочитал действие слову, бросился вперед и распахнул перед ней дверь — он был очень горд тем, что опередил остальных.

— Она глубоко огорчена,— сказал Дэнгл, обращаясь к Уиджери.

— Мы должны сделать для нее все, что в наших силах.

— Она удивительная женщина,— продолжал Дэнгл.— Такая тонкая, такая сложная, такая многогранная. И так остро все чувствует.

Юный Фиппс ничего не сказал, но тем пламеннее были его чувства.

А еще говорят, что время рыцарства отошло навсегда!

Но ведь это всего лишь интермедия, введенная в наш рассказ для того, чтобы у наших путешественников было время освежиться мирным сном. А потому мы не станем описывать отъезд Спасательной экспедиции, равно как и простое, но элегантное платье миссис Милтон, спортивную куртку и толстые башмаки здоровяка Уиджера, элегантность энергичного Дэнгла и брюки-гольф в пеструю клетку, в которые были облачены ноги Фиппса. Все это осталось позади. Но через некоторое время они вновь завладеют нашим вниманием. А пока можете в меру своего воображения представить себе, как Уиджери, Дэнгл и Фиппс старались переплюнуть друг друга, рыская по Мидхерсту, как умело вел расспросы Уиджери, какие умные догадки строил Дэнгл и как явно уступал им во всем Фиппс,— сознавая это, он большую часть дня проводил с миссис Милтон, надутый и мрачный, как это свойственно зеленым юнцам во всем мире. Миссис Милтон остановилась в «Гостинице ангела», была очень грустна, умна и прелестна,— счет ее оплатил Уиджери. В субботу после полудня они добрались до Чичестера. А к этому времени наши беглецы... но вы о них сейчас услышите.

ПРОБУЖДЕНИЕ МИСТЕРА ХУПДРАЙВЕРА

XXVII

Мистер Хупдрайвер зашевелился, открыл глаза, бессмысленным взором уставился в пустоту и зевнул. Постельное белье было тонкое и ласкало своим прикосновением. Он повернулся, устремив к потолку острый нос, вздымавшийся над жидкими усиками и выделявшийся своею краснотой на белом лице. Нос этот сморщился, когда мистер Хупдрайвер снова зевнул, и

опять пришел в спокойное состояние. На какое-то время все успокоилось. Но постепенно к мистеру Хупдрайверу стала возвращаться память. Тогда из-под простыни выглянул клок светлых, словно бы пыльных волос и сначала один водянисто-серый удивленный глаз, потом другой; постель заколебалась, и вот он перед вами — тощая шея вылезла из-под прижатого к груди одеяла, взор блуждает по комнате. Он прижимал к себе одеяло, думается, потому, что ночная рубашка его осталась в Богноре в брошенном там мешке из американского брезента. Он в третий раз зевнул, протер глаза, облизнул губы. Теперь он вспомнил почти все: поиски следов, гостиницу, его отчаянно-смелое вторжение в столовую, головокружительное приключение во дворе, лунный свет. Тут он отбросил одеяло и сел на краю кровати. Снаружи доносился стук открываемых ставен и распахиваемых дверей, цокот копыт и грохот колес по мостовой. Он взглянул на часы. Половина седьмого.

Он снова окинул взглядом роскошно обставленную комнату.

— Боже! — воскликнул мистер Хупдрайвер. — Это, значит, был не сон.

«Интересно, — подумал мистер Хупдрайвер, потирая ро-

зовую ступню, — сколько же они берут за такие чертовски роскошные комнаты!»

Он задумался, теребя свои жидкие усики. И вдруг беззвучно рассмеялся. «Вот это была быстрота! Влететь и стащить девушку прямо у него из-под носа! Тут все было расчитано. Что там бандиты на большой дороге! Или налетчики! Раз — и все! А ему сейчас, наверно, чертовски кисло! И ведь было все на волоске — там, на дворе!»

Тут ход его мыслей внезапно прервался. Брови его поднялись, и нижняя челюсть отвисла.

— Позвольте! — произнес мистер Хупдрайвер.

До сих пор это ему не приходило в голову. Возможно, вы поймете, почему, если вспомните, как стремительно разворачивались события накануне. Но при дневном свете все яснее видно.

— Черт возьми, — продолжал он вслух, — ведь я же украл этот проклятый велосипед.

— Ну и что? — спросил он, и лицо его само дало ответ на этот вопрос.

Тут он снова подумал о Юной Леди в Сером и попытался представить себе происшедшее в более героическом свете. Но рано утром да еще на голодный желудок (что со свойственной им прямолинейностью неизменно подчеркивают врачи) героическое рождается труднее, чем при лунном свете. Накануне вечером все выглядело так прекрасно, так сказочно и вместе с тем вполне естественно.

Мистер Хупдрайвер протянул руку, взял свою спортивную куртку, положил ее к себе на колени и вынул из карманчика для часов деньги.

— Четырнадцать шиллингов и шесть пенсов, — промолвил он, держа монеты в левой руке, а правой поглаживая подбородок. Он проверил на ощупь, цел ли бумажник в нагрудном кармане. — Значит, пять фунтов, четырнадцать шиллингов и шесть пенсов, — сказал мистер Хупдрайвер. — Вот все, что осталось.

Продолжая держать на коленях спортивную куртку, он вновь погрузился в раздумья.

— Тут мы как-нибудь обойдемся, — молвил он. — Вот велосипед — это дело похуже. Но в Богнор возвращаться не к чему. Можно, конечно, отослать машину назад с посыльным. Поблагодарить за прокат. Больше, мол, не нужна... — Мистер Хупдрайвер усмехнулся и принялся мысленно составлять потрясающее по своей наглости письмо: «Мистер Дж. Хупдрайвер шлет привет...» Но серьезность скоро возобладала в нем.

«Я мог бы, конечно, за час съездить туда и обменять велосипеды. Моя старая галоша уж очень плоха. Но он, конечно, кипит от злости. И может даже засадить меня в тюрьму. И тогда она снова очутится в прежнем положении, даже еще в худшем. Я же все-таки ее рыцарь. А это осложняет дело».

Взор его, блуждая по комнате, остановился на губке. «Интересно, какого черта они ставят в спальню блюда со взбитыми сливками?» — промелькнуло у него в голове.

«Так или иначе, самое лучшее — убраться отсюда побыстрее. Она, очевидно, вернется домой, к своим друзьям. Но с этим велосипедом чертовски получилось неприятно. Чертовски неприятно».

Он вскочил на ноги и с внезапно пробудившейся энергией приступил к туалету. И тут он вдруг с ужасом вспомнил, что все необходимое для этого осталось в Богноре!

— О господи! — произнес он и тихонько свистнул. — Подведем итог прибылям и потерям. Прибыль: сестричка с велосипедом впридачу. Во что это мне обошлось? В общем недорого: зубная щетка, щетка для волос, фуфайка, ночная рубашка, носки и всякая мелочь.

— Постараемся как-нибудь выкрутиться. — Надо было причесаться, и он попытался пригладить взлохмаченные вихры руками. Результат получился весьма плачевный. — Надо, очевидно, выскочить и побриться, купить гребенку и прочее. Опять деньги! Я, правда, пока еще не очень оброс.

Он провел рукой по подбородку, пристально посмотрел на себя в зеркало, тщательно подкрутил жиденькие усики. И погрузился в созерцание своей красоты. Посмотрел на себя в профиль — справа и слева. И на лице его отразилась досада.

— Сколько ни смотри, ничего не изменишь, Хупдрайвер, — сказал он. — Хилый ты парень. Плечи узкие. Тщедушный какой-то.

Он уперся пальцами в туалетный столик и, задрав голову, снова посмотрел на себя в зеркало.

— Боже правый! — вырвалось у него. — Ну и шея! И откуда у меня взялся такой кадык!

Не отрывая глаз от зеркала, он опустил на кровать. «Если бы я занимался спортом, если бы меня правильно кормили, если бы не вытолкали из дурацкой школы в эту дурацкую лавку... Но что поделаешь! Старики не разбирались в этом. А вот учитель в школе должен бы разбираться. Но и он, бедняга, тоже ничего в этом не смыслил!.. А все же, когда встречаешь такую девушку, тяжело это...»

«Интересно, что бы подумал обо мне Адам, как о представителе рода человеческого? Цивилизация, да? Наследие веков! Я же ничто. Я ничего не знаю. Ничего не умею. Ну, немножко рисую. Почему я не уродился художником?»

«А все-таки дешевкой выглядит этот костюм при солнечном свете».

«Никуда ты не годишься, Хупдрайвер. Хорошо хоть, ты сам это понимаешь. Кавалера, во всяком случае, из тебя не получится. Но ведь есть и другие вещи на свете. Ты можешь помочь молодой леди и поможешь... Я думаю, она теперь вернется домой. И о велосипеде надо подумать. *Вперед*, Хупдрайвер! Если ты не красавец, это еще не причина, чтобы торчать здесь и ждать, пока тебя зацапают, правда?»

И, достаточно поистязав себя, он с чувством мрачного удовольствия снова попытался пригладить волосы, прежде чем выйти из комнаты, чтобы пораньше позавтракать и двинуться в путь. Пока готовили завтрак, он прошел по Южной улице и обзавелся необходимыми предметами для пополнения багажа. «Не скупиться на расходы», — пробормотал он про себя, расставаясь с полсовершеном.

XXVIII

Он несколько раз посылал за своей «сестрой» и, когда она сошла вниз, рассказал ей со смущенной улыбкой о возможных осложнениях юридического порядка в связи со стоящим во дворе велосипедом. «Вы знаете, может выйти неприятность». Он был явно встревожен.

— Хорошо, — сказала она вполне дружелюбно. — Давайте скорее завтракать и поедем отсюда. Мне надо кое-что с вами обсудить.

После сна девушка словно бы еще похорошела: волосы ее, откинутые со лба, лежали красивыми темными волнами, не защищенные перчатками пальчики были розовые и прохладные. А какой решительной она была! Завтрак прошел в довольно нервной атмосфере, разговор за столом велся братский, но скупой: официант внушал мистеру Хупдрайверу благоговейный ужас, множество вилок сбивало с толку. Однако Джесси называла его Крисом. Для поддержания беседы они обсуждали дальнейший маршрут, разглядывая его шестипенсовую карту, но избегали принимать решение в присутствии слуг. Хупдрайвер разменял свой пятифунтовый билет, когда платил по счету, и вследствие его решения быть настоящим джентльменом официант и горничная получили по полкроны, а конюх — флорин. «Ясное дело, парень в отпуске», — сказал себе конюх, не почувствовав при этом никакой благодарности. Садиться на велосипед на улице, у всех на глазах, тоже было малоприятно. Даже полисмен остановился и стал наблюдать за ними с противоположного тротуара. Что, если он подойдет и спросит: «Это ваш велосипед, сэр?» Сопротивляться? Или бро-

снить машину и бежать? По городу мистер Хупдрайвер мчался, словно спасая себе жизнь, так, что тележка с молоком едва избежала гибели под шатким колесом его велосипеда. Это немного привело его в чувство, и он попытался хоть как-то совладать с рулем. За городом он вздохнул свободнее, и между ними начался более непринужденный разговор.

— Вы так спешили выехать из Чичестера,— заметила Джесси.

— По правде сказать, я немного беспокоился из-за велосипеда.

— Да, конечно,— сказала она.— Я совсем забыла. Но куда мы едем?

— Сделаем еще один-два поворота, если вы ничего не имеете против,— сказал Хупдрайвер.— Проедем еще этак с милю. Вы понимаете, я ведь должен думать о вас. А так я буду чувствовать себя спокойнее. Видите ли, если нас посадят в тюрьму... за себя-то я не очень волнуюсь...

Слева от дороги беспокойное серое море то набегало на берег, то снова отступало. С каждой милей, отдалявшей их от Чичестера, мистер Хупдрайвер все меньше ощущал муки совести и все больше становился галантным смельчаком. Он ехал на великолепной машине рядом с шикарной девушкой. Что бы подумали во Дворце Тканей, если бы кто-нибудь оттуда увидел его сейчас? Он представил себе, как удивились бы мисс Айзекс и мисс Хоу. «Как! Да ведь это же мистер Хупдрайвер!» — сказала бы мисс Айзекс. «Не может быть!» — решительно изрекла бы мисс Хоу. Затем воображение его переключилось на Бриггса, а потом фантазия нарисовала ему даже Главного управляющего,— а что, если вот сейчас он ехал бы им навстречу в фаэтоне? «Забавно было бы представить их ей, моей сестричке, «рго тем»¹. Он — ее брат, Крис... А дальше как? Тьфу ты черт! Харрингтон, Харрингтон, что-то вроде этого. Надо избегать упоминания фамилии, пока он не вспомнит. Жаль, что он не сказал ей всю правду — сейчас он почти жалел об этом. Он посмотрел на нее. Она ехала, глядя прямо перед собой. Вероятно, думала о чем-то. И, казалось, была немного озадачена. Мистер Хупдрайвер заметил, как хорошо она едет и при этом с закрытым ртом, что для него пока оставалось недостижимым.

Мысли мистера Хупдрайвера обратились к будущему. Что она собирается делать? Что они оба будут делать? Его

---

¹ На время (лат.).

размышления потекли по более серьезному руслу. Он спас ее. Это был прекрасный, мужественный поступок. Но она должна вернуться домой, несмотря на эту ее мачеху. Он должен настоять на этом — решительно и твердо. Она, конечно, не из робкого десятка, но все-таки... Интересно, есть ли у нее деньги? Сколько стоит билет второго класса от Хейванта до Лондона? Конечно, платить придется ему — это естественно, ведь он мужчина. А должен ли он отвезти ее домой? Он тотчас представил себе трогательную картину возвращения. Там будет, конечно, мачеха, раскаявшаяся в своей неопикуемой жестокости — ведь и богачи иногда страдают, — и, может быть, один-два дядюшки. Слуга объявит: «Мистер... — опять забыл эту проклятую фамилию! — мисс Милтон». Обе женщины зальются слезами, а на заднем плане — фигура рыцаря в красивой, почему-то совсем новой спортивной куртке. Он будет скрывать свои чувства до самого конца. И, лишь покидая дом, остановится на пороге в позе, достойной Джорджа Александера, и медленно, упавшим голосом произнесет: «Будьте добры к ней — *будьте* к ней добры!» — и уйдет с разбитым сердцем — это уж каждому будет ясно. Но все это дело будущего. А пока придется завести разговор о возвращении. На дороге никого не было, и он быстро нагнал Джесси (размечтавшись, он отстал).

— Мистер Денисон, — начала она и неуверенно добавила: — Ведь вас так зовут? Я очень забывчива...

— Совершенно верно, — сказал мистер Хупдрайвер. («Разве Денисон? Ну, ладно, Денисон, Денисон, Денисон... Что такое она говорит?»)

— Я хотела бы знать, насколько вы готовы помочь мне.

Чертовски трудно ответить на такой вопрос, не потеряв управления машиной.

— Можете положиться на меня, — сказал мистер Хупдрайвер, выравнивая отчаянно завихлявшийся велосипед. — Уверю вас, мне очень хочется вам помочь. Обо мне вы не думайте. Я всецело к вашим услугам. (Какая досада, когда не умеешь как следует произнести такие слова!)

— Вы понимаете, мне так неловко...

— Я буду очень счастлив, если хоть чем-то смогу вам помочь...

Последовала пауза. За поворотом открылась лужайка между живой изгородью и дорогой, заросшая тысячелистником и таволгой; в траве лежало упавшее дерево. Она спешила, прислонила велосипед к камню и села.

— Здесь мы можем поговорить, — сказала она.

— Хорошо,— выжидающе сказал мистер Хупдрайвер. Она сидела, упершись локтем в колени, положив подбородок на руку, и глядела в одну точку.

— Видите ли,— помолчав немного, сказала она,— я решила жить самостоятельно.

— Разумеется,— сказал мистер Хупдрайвер.— Это вполне естественно.

— Я хочу жить и узнать, что такое жизнь. Я хочу учиться. Все и вся торопят меня, а мне нужно время, чтобы подумать.

Мистер Хупдрайвер был озадачен и в то же время восхищен. Удивительно, как ясно и гладко она говорила. А впрочем, легко человеку говорить ясно и гладко, когда у него такое горлышко и такие губки. Он знал, что ему далеко до нее, но все же старался, как мог.

— Если вы позволите им толкнуть вас на необдуманный шаг, о котором вы потом пожалеете, это будет, конечно, очень глупо,— сказал он.

— А вы не хотите поучиться? — спросила она.

— Я как раз сегодня утром думал об этом,— начал он и запнулся.

Она была слишком занята своими мыслями и не заметила, что он умолк на середине фразы.

— Я иду по жизни, и она пугает меня. Мне порою кажется, что я пылинка, севшая на колесо,— оно вертится, и я вместе с ним. «Что я тут делаю?» — спрашиваю я себя. Просто существую, и все? Я задавалась этим вопросом неделю назад, вчера и сегодня. А дни проходят, заполненные всякими мелочами. Мачеха возит меня по магазинам, к чаю приходят гости, появляется новая пьеса — идешь на нее, чтобы убить время, а то едешь в концерт или читаешь роман. А колеса жизни все крутятся, крутятся. Это ужасно. Мне хотелось бы сотворить чудо, как Иисус Навин, и остановить их, пока я не додумаю всего до конца. А дома это невозможно.

Мистер Хупдрайвер погладил усы.

— Да,— сказал он задумчиво.— Жизнь идет своим чередом.

Листья деревьев шелестели под легким летним ветерком; пух одуванчика взлетел комочком над зарослями таволги, ударился о колено мистера Хупдрайвера и рассыпался на множество пушинок. Они полетели в разные стороны и, когда ветерок затих, опустились на траву — одни, чтобы прорасти потом, другие — чтобы погибнуть. Мистер Хупдрайвер слёдил за ними, пока они не исчезли из виду.

— Я не могу вернуться в Сэрбитон,— сказала Юная Леди в Сером.

— Что?! — вырвалось у мистера Хупдрайвера, и он схватился за усы. Это была полная неожиданность.

— Понимаете, я хочу писать,— сказала Юная Леди в Сером,— писать книги и переделывать мир. Творить добро. Я хочу жить самостоятельно и распоряжаться собой. Я не могу вернуться. Я хочу стать журналисткой. Мне говорили... но я никого не знаю, кто мог бы мне помочь. Мне не к кому обратиться. Есть, правда, один человек — это моя школьная учительница. Если бы я могла написать ей... Но как я получить ответ?

— Хм,— с чрезвычайно сосредоточенным видом произнес мистер Хупдрайвер.

— Вас я не могу больше затруднять. Вы и так пришли мне на помощь... с риском для себя...

— Какие пустяки! — возразил мистер Хупдрайвер.— Я, так сказать, вдвойне вознагражден тем, что мог это сделать.

— Это так любезно с вашей стороны. В Сэрбитоне все напичкано условностями. А я не желаю считаться с условностями — ни за что. Но нас держат в таких тисках! Если бы только я могла сбросить с себя все, что мне мешает! Я хочу бороться, завоевать свое место в жизни. Хочу быть сама себе хозяйкой, хочу сама найти свой путь. А мачеха возражает против этого. Сама она делает что ей заблагорассудится, а меня держит в строгости, чтобы успокоить свою совесть. И если я вернусь сейчас к ней, вернусь побежденной...

Она предоставила его воображению довершить картину.

— Понятно,— сказал мистер Хупдрайвер.

Он *должен* ей помочь. В уме он решал сложную арифметическую задачу с пятью фунтами шестью шиллингами и двумя пенсами. Каким-то непонятным путем он пришел к выводу, что Джесси старается спастись от навязанного ей брака и не говорит об этом только из скромности. Так ограничен был круг его представлений.

— Вы знаете, мистер... Я опять забыла вашу фамилию.

Вид у мистера Хупдрайвера был самый отсутствующий.

— Конечно, вы не можете вернуться так вот, с повинной,— сказал он задумчиво. Уши его и щеки внезапно покраснели.

— Как же все-таки ваша фамилия?

— А, фамилия! — повторил мистер Хупдрайвер.— Фамилия... Бенсон, разумеется.

— Ну да, мистер Бенсон, извините мою тупость. Но я никогда не помню имен. Надо записать вашу фамилию на манжете.— Она вынула маленький серебряный карандашик и записала.— Если бы послать письмо моей знакомой, я уверена, она помогла бы мне начать самостоятельную жизнь! Я могу написать ей или послать телеграмму. Нет, лучше написать. В телеграмме всего не объяснишь. Я знаю, что она мне поможет.

Ясно, что в таких обстоятельствах джентльмену оставалось только одно.

— В таком случае,— сказал мистер Хупдрайвер,— если вы не боитесь довериться чужому человеку, мы можем продолжить наше путешествие еще день или два... пока вы не получите ответа. («Если тратить по тридцать шиллингов в день и взять четыре дня, тридцать на четыре — сто двадцать, иными словами: шесть фунтов; а если, скажем, три дня — это будет четыре фунта десять шиллингов»).

— Вы очень добры ко мне.

Его взгляд был красноречивее всяких слов.

— Ну, хорошо, благодарю вас. Это чудесно, это больше, чем я заслужила... чтобы вы...— Неожиданно она переменяла тему разговора.— Сколько мы истратили в Чичестере?

— Что? — переспросил мистер Хупдрайвер, делая вид, будто не понимает, о чем идет речь.

Они немного поспорили. Втайне он был восхищен ее упорным желанием участвовать в расходах. Она настояла на своем. Потом они заговорили о планах на этот день. Решено было поехать не спеша через Хейвант и остановиться где-нибудь в Фархэме или Саутгемптоне: предыдущий день утомил обоих. Держа карту на коленях, мистер Хупдрайвер случайно взглянул на велосипед, лежавший у его ног.

— Этот велосипед,— заметил он вне всякой связи с разговором,— выглядел бы совсем иначе, если поставить на него большой двойной Иларум вместо маленького звонка.

— Зачем?

— Просто я так подумал.— Они немного помолчали.

— Ну, так решено: едем в Хейвант и обедаем там,— сказала Джесси, поднимаясь.

— А все-таки жаль, что нам пришлось украсть этот велосипед,— сказал Хупдрайвер.— Потому что, если разобратся, мы же его украли.

— Чепуха. Пусть только мистер Бичемел станет вам докучать, и я расскажу всему свету... если потребуется.

— Я верю, что вы так сделаете,— сказал с восхищением мистер Хупдрайвер.— Видит бог, у вас хватит на это смелости.

Спохватившись, что она стоит, он тоже встал и поднял ее велосипед. Она взяла машину и вывела ее на дорогу. Тогда он взял свой велосипед и остановился, разглядывая его.

— Послушайте! — сказал он.— А что, если выкрасить этот велосипед в серый цвет?

Она взглянула через плечо и увидела, что он вполне серьезен.

— А зачем его надо маскировать?

— Просто у меня мелькнула такая мысль,— как бы между прочим сказал мистер Хупдрайвер.

По пути к Хейванту мистер Хупдрайвер подумал о том, что разговор у них получился совсем не такой, какого он ожидал. Но так с мистером Хупдрайвером бывало всегда. И хотя Ум его был начеку, Осмотрительность позвякивала монетами, а давнее Уважение к Собственности укоризненно покачивало головой, в душе его что-то громко кричало, заглушая все здравые соображения,— это была пьянящая мысль о том, что он будет ехать с Ней весь день сегодня, и весь день завтра, и, может быть, еще не один день; что он разговаривает с ней запросто, что называет себя братом этой стройной и свежей девушки и что золотая чудесная действительность намного превосходит все его мечты. Его прежние фантазии уступили место надеждам, таким же бесплотным, изменчивым и прекрасным, как летний закат.

В Хейванте он улучил минуту и в маленькой парикмахерской на главной улице купил зубную щетку, ножницы для ногтей и бутылочку жидкости для окраски усов, которую хозяин горячо рекомендовал его вниманию и в конце концов всучил ему, воспользовавшись тем, что клиент явно думал о чем-то другом.

НЕОЖИДАННАЯ ИСТОРИЯ СО ЛЬВОМ

XXIX

Они поехали на Кошэм и там позавтракали — легко, но дорого. Джесси вышла отправить письмо своей школьной учительнице. Потом их соблазнила зеленая вершина Портсдаун-хилл, и, оставив свои велосипеды в деревне, они вскарабкались по склону к молчаливому кирпичному форту, который венчал холм. Оттуда в дымке жаркого дня они увидели Портсмут в

окружении соседних городков, забитую кораблями гавань, пролив Солент и остров Уайт вдаль, похожий на голубое облачко. В Кошэмской гостинице Джесси каким-то чудом вновь стала нормальной женщиной в юбке. Мистер Хупдрайвер грациозно возлежал на траве, курил «Копченую селедку» и лениво разглядывал укрепленный город, который, словно на карте, лежал у их ног, окруженный на расстоянии мили оборонительными сооружениями, точно игрушечными башенками, а дальше — маленькие поля и за ними — пригороды Лэндпорта и бесчисленное множество окутанных дымом домов. Справа, там, где у входа в гавань начинались отмели, за деревьями виднелся Порчестер. Тревога мистера Хупдрайвера отступила в какой-то дальней угол его сознания, и в его пылких, не вполне осознанных мечтах появилась Джесси. Он принялся гадать о том, какое мог произвести на нее впечатление. Он снова благосклонным взглядом окинул свой костюм и не без удовлетворения перебрал все свои деяния за последние двадцать четыре часа. Но тут мысль о ее бесконечном совершенстве отрезвила его.

А Джесси уже около часа незаметно и весьма пристально наблюдала за ним. Она не смотрела на него прямо, потому что он, казалось, все время смотрел на нее. Тревога

ее немного улеглась, и в ней пробудилось любопытство к этому по-рыцарски почтительному, но несколько странному джентльмену в коричневом костюме. Она припомнила своеобразные обстоятельства их первой встречи. Этот человек был ей непонятен. Следует иметь в виду, что ее знание жизни почти равнялось нулю, ибо было целиком почерпнуто из книг, и не надо принимать известное невежество за глупость. Для начала она провела несколько опытов. Он не знал ни слова по-французски, кроме «сиввурплей», что он, по-видимому, считал хорошей застольной шуткой. Его речь оставляла желать лучшего, но все же не было такой, какая в книгах отмечает людей из низших классов. Манеры у него, в общем, были хорошие, хотя, пожалуй, уж слишком почтительные и старомодные. Один раз он назвал ее «мэм». По-видимому, он человек состоятельный, без определенных занятий, и в то же время он ничего не знает о последних концертах, спектаклях и книгах. Как же он проводит время? Он, конечно, настоящий рыцарь, правда, немного простоватый. Она решила (так много значит костюм!), что никогда прежде не встречала таких людей. Кем же он может быть?

— Мистер Бенсон,— начала она, нарушая тишину, в которой они созерцали пейзаж.

Он перевернулся на живот и посмотрел на нее, подперев подбородок рукой.

— К вашим услугам.

— Вы рисуете! Вы не художник?

— Видите ли...— Он нарочно помедлил.— Конечно, никакой я не художник. Но немного рисую. Так, разные забавные штучки...

Он выдернул травинку и начал грызть ее. Это в общем-то не было такой уж ложью, но шустрое воображение побудило его добавить:

— В газетах и тому подобное...

— Понятно,— сказала Джесси, задумчиво глядя на него.— Художники, конечно, бывают разные, а гении всегда немного эксцентричны.

Он опустил глаза, чтобы не встречаться с ней взглядом, и продолжал кусать травинку:

— Я, знаете ли, не очень много этим занимаюсь.

— Так это не ваша профессия?

— Что вы!— сказал Хупдрайвер, думая лишь о том, как бы выйти из положения.— Я этим не занимаюсь, нет. Разве что так, иногда придет что-нибудь в голову, я и рисую. Нет-нет, я не профессиональный художник.

— Значит, у вас нет постоянного занятия?

Мистер Хупдрайвер посмотрел на нее и встретил ее безмятежный, доверчивый взгляд. У него мелькнула мысль вернуться к роли сыщика.

— Видите ли,— начал он, чтобы выиграть время,— в общем-то есть. Но по некоторым причинам... это все, что я могу вам сказать...

— Извините, что я вас допрашиваю.

— Ничего страшного,— сказал мистер Хупдрайвер.— Только я не могу... Гадайте, пожалуйста.. Я вовсе не хочу делать из этого тайны... («Может быть, рискнуть и назваться адвокатом?.. Это, во всяком случае, что-то приличное. Но вдруг она знает про адвокатов?»)

— Мне кажется, я могу угадать, кто вы.

— Ну попробуйте,— сказал мистер Хупдрайвер.

— Вы приехали из какой-нибудь колонии?

— Ну и ну! — сказал мистер Хупдрайвер, сразу поворачивая нос по ветру.— Как это вы узнали? (Герой наш родился в пригороде Лондона, дорогой читатель.)

— Догадалась,— сказала она.

Он поднял брови как бы в изумлении и сорвал новую травинку.

— Вы росли на севере Англии.

— Опять угадали,— сказал Хупдрайвер, снова перевернувшись и опершись на локоть.— Вы просто это... ясновидящая.— Он улыбнулся и прикусил травинку.— А из какой колонии я приехал?

— Ну, этого я не знаю.

— Угадайте,— сказал Хупдрайвер.

— Из Южной Африки,— сказала она.— Я почти уверена, что из Южной Африки.

— Южная Африка большая,— сказал он.

— Но это действительно Южная Африка?

— Тепло,— сказал Хупдрайвер, а тем временем его воображение лихорадочно работало, пытаясь представить себе незнакомую страну.

— Так действительно Южная Африка? — не отступалась она.

Он снова повернулся и, улыбнувшись, кивнул.

— Я подумала о Южной Африке, потому что вспомнила этот роман Оливии Шрейнер, ну, вы знаете — «История одной африканской фермы». Грегори Роз так похож на вас.

— Я никогда не читал «Историю одной африканской фермы»,— сказал Хупдрайвер.— Надо будет прочесть. Как он выглядит, этот Роз?

— Прочтите непременно. Какая это чудесная страна,—

там такое смешение рас, и эта новая цивилизация, вытесняющая прежнюю дикость! Вы бывали возле Кхамы?

— Нет, это далеко от тех мест, где я жил,— сказал мистер Хупдрайвер.— У нас там была небольшая ферма — мы, видите ли, разводили страусов — так, всего несколько сотен. Это будет поближе к Йоганнесбургу.

— На реке Карру, да?

— Совершенно верно. Часть земли досталась нам даром, просто повезло. И хорошо же мы там жили в свое время! Но теперь на ферме нет страусов.— У него уже был наготове рассказ об алмазных копиях, но он остановился, чтобы дать волю воображению девушки. Кроме того, он вдруг, к своему ужасу, понял, что лжет.

— Что же стало со страусами?

— Мы продали их, когда расстались с фермой. Вы позволите мне закурить еще сигарету? Видите ли, я был совсем маленьким, когда у нас была эта ферма со страусами.

— И там вокруг всюду были негры и буры?

— О, множество!— сказал мистер Хупдрайвер, чиркая спичкой о подошву и чувствуя, что ему становится жарко от принятых на себя новых обязательств.

— Как интересно! Вы знаете, а я никуда не выезжала из Англии, только была в Париже, Ментоне и Швейцарии.

— Путешествия надоедают, знаете ли (затяжка), то есть, через какое-то время.

— Вы должны рассказать мне о вашей ферме в Южной Африке. У меня всегда распалается воображение, когда я думаю о таких местах. Я представляю себе целое стадо высоких страусов, которых гонят... на пастбище, верно? А что они едят?

— Как вам сказать... Самые разные вещи,— сказал мистер Хупдрайвер.— У них, знаете ли, свои вкусы. Ну, конечно, фрукты там всякие, куриный корм и тому подобное. Тут дело не простое.

— А вы когда-нибудь видели льва?

— Они не часто встречались в наших местах,— скромно ответил мистер Хупдрайвер.— Но я их, конечно, видел. Раза два.

— Подумать только! Видели льва! Вам было не страшно?

Мистер Хупдрайвер уже глубоко сожалел, что попался на удочку с Южной Африкой. Он дымил сигаретой и задумчиво взирал на Солент, решая мысленно судьбу этого льва.

— Я даже не успел испугаться,— сказал он.— Все произошло в один миг.

— Продолжайте, пожалуйста,— сказала она.

— Я шел через загон, где откармливают страусов.

— Как, значит, страусов едят? Вот не знала...

— Что их едят? Да, и часто. Хорошо фаршированный страус — очень вкусная штука. Так вот, шли мы, вернее, шел я через этот загон и вдруг вижу — кто-то стоит в лунном свете и смотрит на меня. — Мистер Хупдрайвер покрылся испариной. Его фантазия начала прихрамывать. — К счастью, со мной было отцовское ружье. Но все же, должен признаться, я испугался (затяжка). Я прицелился в то место, где, казалось мне, должна была находиться голова. И выстрелил (затяжка). И, можете себе представить, он упал.

— Мертвый?

— Совершенно мертвый. Это был один из самых удачных выстрелов в моей жизни. А мне тогда было немногим больше девяти.

— Я, наверно, закричала бы и бросилась бежать.

— Бывает так, что не убежишь, — сказал мистер Хупдрайвер. — А в данном случае бежать — это верная смерть.

— В жизни не встречала человека, который бы убил льва, — заметила она, глядя на него все с большим уважением.

Наступила пауза. Джесси, казалось, обдумывала, о чем бы его еще спросить. Мистер Хупдрайвер поспешил вытащить часы.

— Смотрите-ка! — воскликнул мистер Хупдрайвер, показывая ей время. — Вы не считаете, что нам пора двигаться дальше?

Лицо его горело, уши покраснели. Она приписала его смущение скромности. Он понуро поднялся — теперь к грузу, лежавшему на его совести, прибавился еще и лев — и протянул руку, чтобы помочь ей встать. Они спустились в Кошэм, взяли свои машины и неторопливо поехали по северному берегу большой гавани. Но мистер Хупдрайвер уже не чувствовал себя счастливым. Он никак не мог забыть об этой ужасной, отвратительной лжи. Зачем он это сделал! К счастью, она больше не просила его рассказать о Южной Африке, во всяком случае, до Порчестера, зато много говорила о желании Жить Самостоятельной Жизнью и о том, какие цепи накладывает на людей традиция. Она говорила удивительно хорошо, и ум Хупдрайвера заработал. Возле замка мистер Хупдрайвер поймал несколько крабов в прибрежной заводи. В Фархэме они остановились выпить чаю и выехали оттуда почти на закате при весьма ободряющем стечении обстоятельств, о чем вы узнаете в свое время.

XXX

А

теперь вернемся к трем предприимчивым кавалерам — Уиджери, Дэнглу и Фиппсу — и к прекрасной даме по имени Томас Плантагенет, которую они вызволяют из беды и которая, как утверждают газеты, известна в обществе под именем миссис Милтон. Если мне не изменяет память, мы оставили их на станции в Мидхерсте, где они в волнении ожидали поез-

да на Чичестер. Вся Спасательная экспедиция была исполнена сознания, что миссис Милтон стойко выносит почти неодолимое горе. Три джентльмена превосходили один другого в выражении сочувствия; они внимательно, почти даже нежно опекали ее. Грузный Уиджери теребил ус и смотрел на нее карими, по-собачьи преданными глазами, в которых отражались все его невысказанные чувства; стройный Дэнгл тоже теребил ус и старался выразить, что мог, своими серыми холодными глазами. У Фиппса, к несчастью, не было усов, которые он мог бы теребить, поэтому он, скрестив руки на груди, бодрым, безразличным тоном храбро разглагольствовал о железнодорожном сообщении между Лондоном, Брайтоном и Южным побережьем, чтобы хоть немного отвлечь бедную женщину от ее печальных мыслей. Даже миссис Милтон прониклась их возвышенной скорбью и постаралась показать это разными тонкими, имеющимися в распоряжении женщин способами.

— Ничего нельзя предпринять, пока мы не доберемся до Чичестера, — сказал Дэнгл. — Ничего.

— Ничего, — подтвердил Уиджери и добавил ей на ухо: — Вы сегодня почти совсем не кушали.

— Эти поезда всегда опаздывают,— сказал Фиппс, поглаживая пальцами край воротничка.

Дэнгл, надо вам сказать, будучи помощником редактора и обозревателем, чрезвычайно гордился своей интеллектуальной дружбой с Томасом Плантагенетом. Толстяк Уиджери, директор банка и хороший игрок в гольф, свое отношение к миссис Милтон воспринимал не иначе, как в духе прелестной старинной песенки: «Дуглас, Дуглас, нежный, верный...» Дело в том, что звали его Дуглас — Дуглас Уиджери. А Фиппс — Фиппс был еще студентом-медиком, и он считал, что положил к ее ногам свое сердце, сердце светского человека. Она же была по-своему милостива ко всем троим и настаивала на том, чтобы они оставались друзьями, несмотря на их несказанное критическое отношение к друг другу. Дэнгл считал Уиджери обывателем, крайне примитивно понимавшим достоинства «Высвобожденной души», а Уиджери считал, что Дэнглу не хватает гуманности и что он неискренен: готов покривить душой ради красного словца. Оба — Дэнгл и Уиджери — считали Фиппса молокососом, а Фиппс считал Дэнгла и Уиджери неотесанными хамами.

— Они должны были приехать в Чичестер к обеду,— сказал Дэнгл в поезде.— Может быть, немного позже. Во всяком случае, по дороге им негде пообедать. Как только мы туда приедем, Фиппсу придется обойти гостиницы и узнать, не обедала ли там девушка, похожая по описанию на нее...

— Я-то обойду,— сказал Фиппс.— И даже весьма охотно. А вы с Уиджери, насколько я понимаю, будете болтаться...— Он увидел страдание на кротком лице миссис Милтон и не закончил фразы.

— Нет,— сказал Дэнгл,— мы не будем болтаться, как вы изволили выразиться. В Чичестере всего два места, куда могут пойти туристы,— это собор и превосходный музей. Я наведу справки в соборе, а Уиджери...

— В музей. Отлично. А потом я еще кое-что предприму,— сказал Уиджери.

Прежде всего они торжественно проводили миссис Милтон в «Красную гостиницу», устроили ее там и заказали ей чаю.

— Вы так добры ко мне,— сказала она.— Вы все.

Они ответили, что это пустяки, и отправились на поиски. К шести часам они вернулись, несколько поостывшие в своем рвении, без всяких новостей. Уиджери пришел вместе с Дэнглом. Фиппс вернулся последним.

— Вы совершенно уверены, — спросил Уиджери, — в правильности ваших предположений?

— Совершенно уверен, — кратко ответил Дэнгл.

— Но ведь ничто не мешает им, — сказал Уиджери, — выехав из Мидхерста по Чичестерской дороге, в любую минуту изменить свои планы.

— Мешает, дорогой мой! Вот именно мешает. Неужели вы считаете, что у меня не хватило сообразительности подумать о перекрестках! Напрасно. Но на этой дороге нет ни одного перекрестка, который мог бы побудить их изменить маршрут. Могли они свернуть сюда? Нет. А туда? Тоже нет. В мире куда больше неизбежного, чем можно себе представить.

— Сейчас посмотрим, — сказал Уиджери, стоя у окна. — Вот идет Фиппс. Что касается меня...

— Фиппс! — воскликнула миссис Милтон. — Он спешит? Какой у него вид? — Она порывисто поднялась, кусая дрожащие губы, и подошла к окну.

— Никаких новостей, — сказал Фиппс, входя.

— Ах! — вздохнул Уиджери.

— Никаких? — переспросил Дэнгл.

— Видите ли, — сказал Фиппс. — Тут один тип рассказывал какую-то странную историю про человека в велосипедном костюме, который вчера около этого времени ходил здесь и спрашивал о том же.

— О чем же? — спросила миссис Милтон, стоявшая в тени у окна. Она говорила тихо, почти шепотом.

— Как о чем? «Не видели ли вы молодой особы в сером велосипедном костюме?»

Дэнгл прикусил нижнюю губу.

— Что? — воскликнул он. — Вчера! Какой-то человек расспрашивал о ней вчера! Что это значит?

— Бог его знает, — сказал Фиппс, устало опускаясь на стул. — Можете сделать из этого соответствующие умозаключения.

— А что это был за человек? — спросил Дэнгл.

— Откуда я знаю? Тот тип сказал, что он был в велосипедном костюме.

— Ну, а рост? Телосложение?

— Я не спросил, — сказал Фиппс.

— *Не спросил!* Это же глупо! — воскликнул Дэнгл.

— Спросите его сами, — сказал Фиппс. — Это конюх из «Белого оленя» — такой приземистый, плотный малый с красным лицом и грубыми манерами. Стоит у ворот. Видно, навеселе: от него так и несет виски. Пойдите и спросите его.

— Конечно, пойду,— сказал Дэнгл, снимая соломенную шляпу со стеклянного колпака, под которым на шифоньерке стояло чучело птицы, и направляясь к двери.— Следовало бы мне раньше об этом подумать.

Фиппс открыл было рот и снова его закрыл.

— Вы, несомненно, устали, мистер Фиппс,— успокоительным тоном произнесла миссис Милтон.— Я позвоню, чтобы вам принесли чаю. Хорошо?

Тут Фиппсу стало ясно, что он, как рыцарь, допустил промах.

— Меня немного разозлило, что он погнал меня выполнять его поручение,— сказал он.— Но я готов сделать в сто раз больше, лишь бы это помогло *вам* найти ее.— Пауза.— Я в самом деле выпил бы чашку чаю.

— Я не хочу вас напрасно обнадеживать,— сказал Уиджери.— Но я не верю, что они вообще были в Чичестере. Дэнгл, конечно, очень умный малый, но порой его умозаключения...

— Вот так так! — сказал вдруг Фиппс.

— Что такое? — спросила миссис Милтон.

— Совсем забыл. Выйдя отсюда, я обошел все гостиницы и даже не подумал... Ну, ничего. Сейчас спросим, когда придет слуга.

— Вы имеете в виду...

Раздался стук в дверь, и она отворилась.

— Чаю, мэм? Слушаюсь, мэм,— сказал слуга.

— Постойте,— окликнул его Фиппс.— Скажите, молодая особа в сером, на велосипеде...

— Остановливалась ли здесь вчера? Да, сэр. Ночевала. С братом, сэр,— молодым джентльменом.

— С братом! — тихо повторила миссис Милтон.— Слава богу!

Слуга взглянул на нее и все понял.

— С молодым джентльменом, сэр,— сказал он,— очень щедрым. По фамилии Бомонт.

После этого он рассказал еще несколько малосущественных подробностей, а Уиджери допросил его с пристрастием о планах молодых людей.

— Хейвант! Где же это находится? — спросил Фиппс.— Я, кажется, слышал это название.

— Тот человек был высокого роста? — тем временем продолжала допрос миссис Милтон.— Благородной осанки? С длинными светлыми усами? И говорит, растягивая слова?

— Хм,— сказал слуга и задумался.— Усы у него, мэм,

пожалуй, не такие уж и длинные, как будто только пробиваются: он ведь молодой.

— Лет тридцати пяти, так?

— Нет, мэм. Скорее двадцати пяти. А то и меньше.

— О господи! — воскликнула миссис Милтон каким-то странным глухим голосом, ища нюхательную соль и проявляя отличное самообладание. — Должно быть, это ее младший брат.

— Вы свободны, благодарю вас, — сухо сказал Уиджери, чувствуя, что ей легче будет перенести эту новость в отсутствии слуги.

Слуга повернулся к двери и чуть не столкнулся с Дэнглом, который ввалился в комнату, тяжело дыша и прижимая к правому глазу носовой платок.

— Хэлло! — сказал Дэнгл. — Что случилось?

— Что с вами случилось? — спросил Фиппс.

— Ничего особенного, просто побеседовал с вашим пьянчужой конюхом. Он решил, что все сговорились надоедать ему и что на самом деле никакой Юной Леди в Сером не существует. Ваше поведение навело его на этот вывод. Мне пришлось приложить к глазу кусок сырого мяса. А у вас, я вижу, есть новости?

— Он ударил вас? — спросил Уиджери.

Миссис Милтон встала и подошла к Дэнглу.

— Не могу ли я что-нибудь для вас сделать?

Дэнгл держался героически.

— Только расскажите, что у вас нового, — сказал он, не отнимая от лица носового платка.

— Вот какое дело, — начал Фиппс и довольно сбивчиво рассказал то, что они узнали. Во время этого рассказа, сопровождавшегося беглым огнем комментариев со стороны Уиджери, слуга внес поднос с чаем.

— Расписание поездов на Хейвант, — тотчас потребовал Дэнгл.

Миссис Милтон налила две чашки, и Фиппс с Дэнглом покорно, словно агнцы, проглотили чай. Они в последнюю минуту вскочили в поезд. И отправились в Хейвант на поски.

Дэнгл ужасно кичился тем, что его предположение относительно Хейванта оправдалось. Принимая во внимание, что за Хейвантом с одной стороны дороги на Саутгемптон стоят крутые горы, а с другой — плещется море, он придумал великолепный план поимки молодых людей. Он и миссис Милтон поедут в Фархэм, а Уиджери и Фиппс сойдут на промежуточных станциях, один — в Кошэме, другой — в

Порчестере, и, если не узнают ничего нового, приедут следующим поездом. Если же они не приедут, то сообщат в Фархэм по телеграфу, что произошло. Это был поистине наполеоновский план, и гордость Дэнгла уже не так страдала от насмешек хейвантских уличных мальчишек, шумно издевавшихся над его подбитым глазом, который он все еще прикрывал носовым платком.

И в самом деле, план оказался настоящим совершенством. Беглецы едва не попались. В ту минуту, когда они вышли из «Золотого якоря» в Фархэме и собирались садиться на велосипеды, из-за угла появились миссис Милтон и Дэнгл.

— Это она! — воскликнула миссис Милтон и чуть не закричала.

— Тс-с-с! — сказал Дэнгл, сжимая ее руку, и в волнении отнял от лица носовой платок, обнажив приложенный к глазу кусок мяса, вид которого так неожиданно подействовал на миссис Милтон, что она сразу смолкла. — Сохраняйте хладнокровие! — продолжал Дэнгл, метнув на нее из-под мяса строгий взгляд. — Они не должны нас видеть. Иначе они сбегут. Вы не заметили наемных экипажей у вокзала?

Тем временем молодые люди сели на велосипеды и исчезли за поворотом Винчестерской дороги. Если бы не боязнь привлечь всеобщее внимание, миссис Милтон, наверно, упала бы в обморок.

— Спасите ее! — промолвила она.

— Эх, экипаж бы! — сказал Дэнгл. — Одну минуту.

Миссис Милтон осталась стоять в весьма патетической позе, прижав руку к сердцу, а он помчался в «Золотой якорь». Двуколка будет через десять минут. Готово. Мясо он где-то потерял, и теперь над глазом виднелась припухлость.

— Я провожу вас на станцию, — сказал Дэнгл, — потом быстро вернусь сюда и отправлюсь в погоню за ними. Вы встретите Уиджери и Фиппса и скажете им, где я.

Она была спешно доставлена на станцию и посажена там на твердой, шершавой деревянной скамье, на самом солнцепеке. Она устала, изнервничалась, чувства ее были в полном смятении, а сама она — вся в пыли. Дэнгл, бесспорно, был очень энергичен и предан, но кто мог сравниться в нежной заботливости с Дугласом Уиджери!

Тем временем Дэнгл, позлащенный лучами заходящего солнца, погонял, как умел, большую черную лошадь, запряженную в двуколку, держа путь на северо-запад, к Вин-

честеру. Дэнгл, если не считать распухшего глаза, был худощавый, стройный человечек в охотничьей фуражке с козырьком и в темно-сером костюме. Шея у него была длинная и тощая. А двуколка, как вам, возможно, известно,— это большое, широкое и очень высокое деревянное сооружение; и лошадь тоже была большая, широкая и высокая, с шишковатыми ногами, длинной мордой, массивной нижней челюстью и твердым намерением двигаться только шагом. Цок, цок, цок,— уверенно стучали по дороге ее копыта, и вдруг у самой церкви она рванула в сторону при виде детской колясочки с поднятым верхом.

Дальше история Спасательной экспедиции несколько запутывается. Уиджери был как будто крайне возмущен, найдя миссис Милтон одну на платформе в Фархэме. Весь этот день он без конца раздражался, хотя выехал из дома с самыми лучшими намерениями, и теперь он даже обрадовался, найдя хоть какой-то повод для своего недовольства.

— Вот уж неуравновешенный человек!— сказал Уиджери.— Умчался куда-то! А мы, видимо, должны ждать здесь, пока он вернется. На него похоже. Он до того эгоист, этот Дэнгл. Вечно хочет все сделать сам и все испортит.

— Он жаждет помочь мне,— не без укоризны заметила миссис Милтон, дотрагиваясь до его рукава.

Однако Уиджери оказалось не так-то легко смягчить.

— Но мне-то он не должен вставлять палки в колеса,— сказал он и умолк.— Впрочем, напрасно мы об этом говорим, вы ведь устали.

— Я могу ехать дальше,— живо откликнулась она,— лишь бы нам найти ее.

— Пока я дожидался в Кошэме, я купил карту графства.— Он достал карту и развернул ее.— Вот это дорога из Фархэма.— И спокойно, неторопливо, как и подобает деловому человеку, он принялся развивать свою мысль, сводившуюся к тому, что им надо сесть в поезд и ехать в Винчестер.— Они, *конечно же*, отправились в Винчестер,— заключил он.— Иначе и быть не может. Завтра воскресенье, в Винчестере есть собор, а по дороге никаких крупных населенных пунктов больше нет.

— А как же мистер Дэнгл?

— Он будет ехать, пока не наскочит на что-нибудь, и тогда свернет себе шею. Я видел, как он ездит. При такой езде на двуколке, да еще наемной, едва ли он сумеет догнать велосипедистов, притом прохладным вечером. Положитесь на меня, миссис Милтон...

— Я в ваших руках,— с трогательной покорностью ска-

зала она, глядя на него, как ребенок на большого, взрослого человека, и на минуту он забыл обо всех треволнениях этого дня.

Все это время Фиппс стоял, опираясь на палку, в довольно унылой позе, теребил свой воротник и смотрел то на одного собеседника, то на другого. Мысль обогнать Дэнгла показалась ему превосходной.

— Мы могли бы оставить записку там, где он брал двуколку,— предложил он, когда взгляды их встретились. Все трое необычайно оживились при этом предложении.

Но они так и не уехали дальше Ботли. Ибо в тот самый миг, когда их поезд прибыл на станцию, они услышали страшный грохот; откуда-то сверху раздались громкие крики, кондуктор в изумлении застыл на платформе, а Фиппс высунулся в окно и, воскликнув: «Вот он едет!» — выскочил из вагона. Миссис Милтон, в тревоге следовавшая за ним, успела еще все увидеть. Уиджери же опоздал. Станция Ботли расположена в выемке между двумя холмами; поверху проходит дорога, по которой на фоне лимонно-желтых и багровых отблесков заката неслась огромная черная лошадь, похожая на длинноносого шахматного коня, виднелась верхняя часть двуколки и в ней, но где-то совсем не там, где полагается сидеть вознице,— Дэнгл. Чудовищная тень его бежала по другую сторону выемки. Все произошло в одну секунду. Дэнгл как бы подпрыгнул, на миг повис в воздухе и исчез, после чего раздался страшный треск. И две черные головы промчались мимо.

— Давайте лучше сойдем,— сказал Фиппс, обращаясь к миссис Милтон, которая, оцепенев, стояла в дверях вагона.

Через минуту все трое уже бежали вверх по лестнице. Дэнгл стоял без шляпы, с пораненными руками, а какой-то услужливый мальчик отряхивал его. Широкая неровная дорога шла под уклон, и вдали на ней виднелось несколько обитателей Ботли, державших под уздцы большую черную лошадь. Даже с такого расстояния видна была злобная гордость, написанная на морде этого чудовища. Морда эта была какая-то удивительно деревянная. Пожалуй, подобных лошадей я видел только в лондонском Тауэре,— там на них восседают рыцари в латах. Впрочем, сейчас нас интересует не столько лошадь, сколько Дэнгл.

— Вы ушиблись?— взволнованно спросил Фиппс, шедший впереди.

— Мистер Дэнгл! — воскликнула миссис Милтон, всплеснув руками.

— Хэлло! — сказал Дэнгл, ничуть не удивившись при виде всей компании. — Хорошо, что вы приехали. Вы можете мне понадобиться. В недурную я попал переделку, а? Но я настиг их. И как раз там, где рассчитывал.

— Настигли их? — спросил Уиджери. — Где же они?

— Там, наверху, — сказал он, указывая головой куда-то назад. — В миле отсюда, за холмом. Я оставил их. Так уж вышло.

— Не понимаю, — сказала миссис Милтон, и в глазах ее снова появились тоска и боль. — Вы нашли Джесси?

— Да. Мне хотелось бы только смыть землю с рук. Вот как все произошло. Я выехал из-за поворота и наткнулся на них. При виде велосипедов лошадь шарахнулась в сторону. Они сидели у дороги и разглядывали цветы. Я успел только крикнуть: «Джесси Милтон, мы вас ищем!» — и эта проклятая скотина понесла. Я не смел даже оглянуться. Только о том и думал, как бы повозка не перевернулась, сами видите, что вышло. Я только крикнул: «Вернитесь к друзьям! Все будет забыто!» И унесся под грохот копыт. Не знаю, услышали ли они...

— *Отвезите меня к ней,* — непререкаемым тоном потребовала миссис Милтон, поворачиваясь к Уиджери.

— Извольте, — сказал Уиджери, внезапно оживившись. — Это далеко, Дэнгл?

— Мили полторы-две отсюда. Я, знаете ли, твердо решил найти их. Но взгляните на мои руки! О, прошу прощения, миссис Милтон. — Он повернулся к Фиппсу. — Фиппс, где же все-таки я могу вымыть руки? И взглянуть на колено?

— Вон там на станции, — сказал Фиппс, сразу изъявляя готовность помочь. Дэнгл сделал шаг, но ушибленное колено тотчас напомнило о себе. — Обопритесь на мою руку, — предложил Фиппс.

— Где здесь можно найти экипаж? — спросил Уиджери у двух мальчишек.

Мальчишки не поняли. И посмотрели друг на друга.

— Здесь нет ни кэба, ни телеги, — сказал Уиджери. — Вот уж в самом деле: коня, коня, полцарства за коня!

— Лошадь есть во-он там, — протянул один из мальчишек, показывая рукой.

— А двуколку здесь где-нибудь можно нанять? — спросил Уиджери, устремив на мальчишку долгий свирепый взгляд.

— Или повозку, или что-нибудь? — спросила миссис Милтон.

— У Джона Хукера есть телега, только нанять ее нельзя, потому как он был пьяный и оглоблю сломал,— пропел старший мальчишка, отвернувшись и глядя куда-то вдаль.— И мой отец тоже не даст телегу, потому как у него сломана нога.

— Даже телеги нет! Ну, конечно. Что же мы будем делать?

Тут миссис Милтон подумала, что Уиджери, бесспорно, преданный кавалер, зато Дэнгл куда изобретательнее.

— Я полагаю,— сказала она робко,— если бы спросить мистера Дэнгла...

Вся позолота слетела с Уиджери. И он весьма грубо сказал:

— Черт бы побрал вашего Дэнгла! По-вашему, он еще недостаточно напутал? Гнался за ними, чтобы сказать им, что мы их ищем, а теперь вы хотите, чтобы я спросил его...

Ее прекрасные голубые глаза наполнились слезами. Уиджери тотчас осекся.

— Пойду спрошу Дэнгла,— сказал он только,— если вы этого хотите.

И он зашагал к станции, оставив миссис Милтон посреди дороги под охраной двух мальчишек; в голове у нее, словно припев какой-то баллады, звучало: «Где теперь рыцари доброго старого времени?» Она почувствовала смертельную усталость и вообще была голодной, пыльной, растрепанной — короче говоря, настоящей мученицей.

XXXI

Не могу без волнения рассказывать о том, как кончился этот день: как беглецы канули в неизвестность; как не было больше поездов; как Ботли холодно, с издевкой взирал на преследователей, отказывая им в средствах передвижения; как поглядывал на них с недоверием хозяин «Цапли»; как на следующий день — в воскресенье — была такая жара, что воротничок Фиппса сморщился, юбки миссис Милтон смялись и безоблачное настроение всей компании испортилось. Дэнгл, с пластырем и синяком над глазом, почувствовал всю смехотворность роли Раненого Рыцаря и, сделав над собой небольшое усилие, отказался от нее. Взаимные обвинения; пожалуй, ни разу не занимали в разговоре главного места, но, как зарницы, то и дело обрамляли его. При этом в глубине души каждый сознавал, что они оказались в нелепом положении. И виновата во всем этом, конечно, была Джес-

си. Правда, самое худшее, что могло бы придать этому происшествию трагический характер, видимо, не произошло. Просто молодая особа— да что я говорю, еще совсем девочка — вздумала покинуть уютный дом в Сэрбитоне, отвергла радости пребывания в кругу утонченных, интеллигентных людей и сбежала, потащив нас за собой и заставив строить из себя рыцарей и мучиться ревностью друг к другу, и вот теперь, субботним вечером, швырнула нас, словно грязь с колес своего велосипеда, усталых, измученных жарой, в эту отвратительную деревню! И сбежала-то она не во имя Любви и Страсти, что является серьезным оправданием даже в глазах тех, кто это осуждает, а из Каприза, Причуды ради, просто вопреки Здравому Смыслу. Однако с присущим нам тактом мы продолжаем говорить о ней как о заблудшей овечке, принесшей нам столько волнений, и миссис Милтон, подкрепившись едой, по-прежнему выказывает самые возвышенные чувства.

Замечу кстати, что сидела она в плетеном кресле с подушками — единственном удобном кресле во всей комнате, а мы на невероятно жестких, набитых конским волосом стульях, с салфеточками, привязанными к спинкам при помощи лимонно-желтых бантов. Это было как-то не совсем похоже на приятные беседы в Сэрбитоне. Миссис Милтон сидела лицом к открытому окну (ночь была такая спокойная и теплая) и удивительно хорошо выглядела в полумраке, так как мы не зажигали лампы. По голосу ее чувствовалось, что она устала, и, казалось, она даже склонна была винить себя за «Высвобожденную душу». Такой вечер вполне можно было бы запечатлеть в дружеских мемуарах, но тогда он казался довольно скучным.

— Я чувствую,— говорила миссис Милтон,— что это я во всем виновата. Я ушла вперед в своем развитии. Моя первая книга — учтите, я не намерена отказываться ни от одного слова, написанного в ней,— эта книга была неправильно понята и неправильно истолкована.

— Вот именно,— поддакнул Уиджери, стараясь выразить столь горячее сочувствие, чтобы оно было заметно даже в темноте.— Умышленно неправильно истолкована.

— Не говорите так! — взмолилась леди.— Не умышленно. Я стараюсь думать, что критики — люди честные, по своему, конечно. Но сейчас я имела в виду не критиков. Я хотела сказать, что она...— И миссис Милтон выжидающе умолкла.

— Вполне возможно,— сказал Дэнгл, рассматривая свой пластырь.

— Я пишу книгу и излагаю свои мысли. Я хочу, чтобы люди *думали* так, как я советую, а вовсе не поступали. Это и значит учить. Только я свое учение преподаю в форме рассказа. Я хочу учить новым Идеям, новым Истинам, распространять новые Взгляды. Затем, когда Взгляды распространятся, тогда и в жизни начнутся изменения: А сейчас — безумие бросать вызов существующему порядку. Бернард Шоу, как вам известно, объяснял это применительно к социализму. Все мы знаем, что надо своим трудом зарабатывать то, что потребляешь, — это правильно, а вот жить на проценты с капитала — неправильно. Но пока нас еще слишком мало, чтобы начать такую жизнь. Это должны сделать Те, Другие...

— Совершенно верно, — сказал Уиджери. — Те, Другие... Они должны начать первыми.

— А пока вы должны заниматься своим банком...

— Если я не буду, то будет кто-нибудь другой.

— Ну, а я живу на деньги, которые приносит лосьон мистера Милтона, и тем временем стараюсь завоевать себе место в литературе.

— *Стараетесь!* — воскликнул Фиппс. — Вы же *завоевали* его.

— А это немало, — добавил Дэнгл.

— Вы так добры ко мне. Но в данном случае... Конечно, Джорджина Гриффитс в моей книге живет одна в Париже и учится жизни, и у нее в гостях бывают мужчины, но ведь ей уже больше двадцати одного года.

— А Джесси только восемнадцать, и к тому же она еще совсем дитя, — сказал Дэнгл.

— Ну, конечно, тут все иначе. Такой ребенок! Это совсем не то, что взрослая женщина. И Джорджина Гриффитс никогда не рисовалась своей свободой — она же не разъезжала на велосипеде по городам и деревням. Да еще в нашей стране! Где все так придиричивы! Только вообразите себе — *спать* вне дома. Это же ужасно. Если это станет известно, она погибла.

— Погибла, — сказал Уиджери.

— Никто не женится на такой девушке, — сказал Фиппс.

— Это надо скрыть, — сказал Дэнгл.

— Я всегда считала, что каждый человек, каждая жизнь — это особый случай. И людей надо судить в связи с теми обстоятельствами, в которых они находятся. Не может быть общих правил...

— Я часто убеждался в том, как это верно, — сказал Уиджери.

— Таково правило, которого я придерживаюсь. Конечно, мои книги...

— Это — другое дело, совсем другое дело, — сказал Дэнгл. — В романе речь идет о типичных случаях.

— А жизнь не типична, — чрезвычайно глубокомысленно изрек Уиджери.

Тут Фиппс неожиданно для себя вдруг зевнул, и сам больше всех был этим шокирован и потрясен. Слабость эта оказалась заразительной, и собравшиеся, как вы легко можете понять, разговаривали уже вяло и вскоре под разными предлогами разошлись. Но не для того, чтобы тотчас лечь спать. Дэнгл, оставшись один, начал с безграничным отвращением рассматривать свой потемневший глаз, потому что, несмотря на свою энергию, он был большой любитель порядка. Вся эта история — уже приближавшаяся к развязке — оказалась ужасно хлопотной. А возвращение в Фархэм сулило новые неприятности. Фиппс некоторое время сидел на кровати, с не меньшим отвращением изучая воротничок, который еще сутки назад он считал бы совершенно неприличным надеть в воскресенье. Миссис Милтон размышляла о том, что и крупные, толстые люди с по-собачьи преданными глазами тоже смертны, а Уиджери чувствовал себя несчастным, потому что был так груб с нею на станции и особенно потому, что до сих пор не был уверен в своей победе над Дэнглом. И все четверо, будучи склонны придавать большое значение внешним обстоятельствам, терзались мыслью о завтрашней встрече с язвительным и недоверчивым Ботли, а потом с насмешливым Лондоном и строящим разные догадки Сэрбитоном. В самом ли деле они вели себя нелепо? Если нет, то откуда у них у всех это чувство досады и стыда?

МИСТЕР ХУПДРАЙВЕР — СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ

XXXII

К

ак сказал мистер Дэнгл, он оставил беглецов на обочине дороги примерно в двух милях от Ботли. До появления мистера Дэнгла мистер Хупдрайвер с превеликим интересом узнал, что у простых придорожных цветов есть названия — лютики, незабудки, иван-чай, иванда-марья — причем порою преразбавные. Но, к счастью, фантазия выручила его и тут.

— В Южной Африке, знаете ли, цветы совсем другие, — сказал он, объясняя свое невежество.

Тут вдруг раздался цокот копыт и скрежет колес, и, нарушая тишину летнего вечера, с громом и грохотом возник Дэнгл. Раскачиваясь из стороны в сторону и отчаянно жестикулируя позади огромной черной лошади, он несясь прямо на них, по пути окликнул Джесси, неизвестно почему свернул к живой изгороди и скрылся, мчась навстречу уготованной ему от сотворения мира судьбе. Джесси и Хупдрайвер едва успели вскочить и схватить свои машины, как громopodobное видение — еще сильнее, чем мистер Хупдрайвер, петляя по всей дороге — исчезло за поворотом.

— Он знает мое имя, — проговорила Джесси. — Ну конечно... Это был мистер Дэнгл.

— А всё наши велосипеды, — участливо, но без особого беспокойства сказал меж тем мистер Хупдрайвер. — Надеюсь, он не расшибется.

— Это был мистер Дэнгл, — повторила Джесси, и мистер Хупдрайвер на этот раз услышал ее и вздрогнул. Его брови приподнялись.

— Как! Вы его знаете?

— Да.

— Господи!

— Он ищет меня,— сказала Джесси.— Это ясно. Он окликнул меня еще прежде, чем лошадь бросилась в сторону. Его послала моя мачеха.

Мистер Хупдрайвер опять пожалел, что не вернул велосипеда владельцу, ибо он все еще не очень представлял себе, какие отношения существуют между Бичемелом и миссис Милтон. Все-таки честность, считал он, лучшая политика — во всяком случае, как правило. Он посмотрел в одну сторону, в другую. Вид у него был деловой и встревоженный.

— Значит, он ехал за нами, да? Тогда он вернется. Но только он покатил вниз под гору и не скоро остановится, это уж точно.

Между тем Джесси вывела на дорогу велосипед и стала садиться. Не отрывая глаз от поворота, за которым исчез Дэнгл, Хупдрайвер последовал ее примеру. Так на закате солнца они снова двинулись в путь — теперь в направлении Бишопс-Уолэм, причем мистер Хупдрайвер занял наиболее опасный пост, в арьергарде, и ехал, поминутно озираясь и петляя. Джесси из-за этого приходилось то и дело сбавлять скорость. Мистер Хупдрайвер тяжело дышал и ненавидел себя за то, что не может ехать с закрытым ртом. После часа безостановочной езды они очутились, целые и невредимые, в Винчестере. На улице, тускло освещенной желтыми фонарями, они не обнаружили ни следов Дэнгла, ни какой-либо другой опасности. Однако мила за две до Винчестера, хотя летучие мыши уже начали порхать над живыми изгородями, а в небе зажглась вечерняя звезда, мистер Хупдрайвер указал своей спутнице, сколь чревата опасностями остановка в таком населенном месте, и вежливо, но твердо настоял на том, чтобы заправить фонари и продолжать путь к Солсбери. От Винчестера дороги шли во всех направлениях, и, чтобы избавиться от погони, проще всего было круто повернуть, например, на запад. Увидев полную, желтую луну, всходящую сквозь дымку на горизонте, мистер Хупдрайвер подумал, что ему предстоит вновь пережить то, что он пережил, когда они ехали из Богнора, но почему-то, хотя луна и все атмосферные условия были те же, ощущения его были иными. Миновав окраины Винчестера, они поехали медленно, в полном молчании. Оба были совершенно измучены — ровная дорога казалась бесконечной, а самый маленький холмик представлялся препятствием, — вот почему в деревне Уолленсток они были вынуждены остановиться и попросить ночлега в деревенской гостинице, у владельцев

которой — сразу видно было — дела шли исключительно хорошо. И хозяйка гостиницы, женщина соответствующей наружности, приняла их, ничем не посрамив своего заведения.

Но когда они проходили в комнату, где им приготовлен был ужин, мистер Хупдрайвер мельком увидел в щели приоткрытой двери сквозь завесу табачного дыма три с половиной лица (ибо дверной косяк разрезал одно из них пополам) и накрытый суровой скатертью стол, где стояло несколько стаканов и большая пивная кружка. А кроме того, он услышал одну реплику. За секунду до этого мистер Хупдрайвер был горд и счастлив, он чувствовал себя наследником баронета, путешествующим инкогнито. С бесконечным достоинством, непринужденно передал он велосипеду слуге и с наклоном распахнул дверь перед Джесси. Он представил себе, как люди станут спрашивать друг у друга: «Кто это такие?» И кто-нибудь скажет: «Какие-то богачи, судя по велосипедам». После чего воображаемые наблюдатели начнут обстоятельный разговор о том, что велосипед вошел в моду, что и судьи, и биржевые маклеры, и актрисы — в общем, все сливки общества — ездят теперь на велосипедах и что великие мира сего, презрев большие отели и низкопоклонство городской толпы, часто оригинальности ради отправляются инкогнито в деревню вкушать прелестей тамашней жизни. Заметят они, наверно, и тот непередаваемый аристократизм, который сквозит во всем облике дамы, только что переступившей порог гостиницы, и красивого светлоусого, голубоглазого кавалера, сопровождающего ее, и переглянутся. «А я скажу, кто это, — тихим внушительным голосом промолвит один из деревенских стариков и, выражая общее мнение, как обычно пишут в романах, добавит: — Это, должно быть, какие-то баронеты решили поразвлечься, а может, кто и повыше...»

Таковы были туманные и приятные мысли мистера Хупдрайвера до того, как он услышал слова того человека. А слова эти заставили его опуститься на землю. Мы не намерены воспроизводить здесь их в точности. Просто это было какое-то замечание сатирического характера в духе Стреффона. Если вас, дорогая леди, заинтересует оно, наденьте современный велосипедный костюм, возьмите в спутники одного из самых хилых своих знакомых и отправляйтесь в следующую субботу в какой-нибудь трактир, где собираются здоровые, простые люди. Тогда вы услышите сколько угодно того, что услышал мистер Хупдрайвер, возможно, даже больше, чем вам захочется.

Надо добавить, что слова эти касались мистера Хупдрайвера. Они указывали на полное неверие в его высокое социальное положение. В один миг они разрушили великолепный замок, созданный его фантазией и доставлявший ему столько радости. Все его глупое счастье исчезло, как сон. И нечего было сказать в ответ, как вообще нечего бывает сказать в ответ на любую издевку. Возможно, человек, сказавший это, получил какое-то удовлетворение, думая, что осадил самодовольного болвана, но, возможно, он и не знал, насколько прямо в цель попал его случайный выстрел. Он бросил свою насмешку наугад, как мальчишка бросает, не целясь, камень в птицу, и не только разрушил глупое самодовольство, но и ранил. Слова эти в самой грубой форме задевали Джесси.

Она не слышала их, как мистер Хупдрайвер понял по ее дальнейшему поведению, но во время ужина, который им подали в маленькой отдельной столовой, он все думал об этом, хотя она оживленно болтала. Неясные звуки голосов и смех проникали из общей залы сквозь герани, стоявшие на открытом окне. Хупдрайвер чувствовал, что разговор идет все о том же — прохаживаются на его и на ее счет. И потому он отвечал Джесси невпопад. Она сказала, что устала, и вскоре ушла к себе. Мистер Хупдрайвер любезно распахнул дверь и с поклоном пропустил Джесси вперед. Он стоял, прислушиваясь, боясь новых оскорблений, пока она шла наверх и огибала выступ, где под птичьими чучелами висел барометр. Затем он вернулся в комнату и остановился на коврике перед камином. «Негодяи!» — в ярости прошептал он, услышав новый взрыв смеха. Все время за ужином он сочинял язвительную отповедь, блестящую, остроумную обличительную речь, которую он должен произнести. Он распечат их, как подобает дворянину. «Вы называете себя англичанами — и оскорбляете женщину!» — скажет он; возможно, запишет их имена и адреса, пригрозит пожаловаться местному лорду, пообещает, что они еще о нем услышат, и выйдет, оставив всех в оцепенении. Это в самом деле следовало бы сделать.

— Надо прочить их как следует, — свирепо сказал он и больно дернул себя за ус. Как они там говорили? Для разжигания собственной ярости он оживил в памяти неприятные слова и затем повторил основные положения своей речи.

Он откашлялся, сделал три шага к двери, потом остановился и вернулся на коврик. Нет, пожалуй, лучше не ходить... Но разве он не Странствующий Рыцарь? Может

ли баронет, путешествующий инкогнито, не отчитать и не обуздать таких людей? Великодушие? Посмотреть на это так? Грубияны не заслуживают даже презрения? Нет, это просто трусливая отговорка. Надо все-таки пойти.

Он снова направился к двери, но внутренний голос по-прежнему твердил ему, что он ведет себя, как вспыльчивый осел. Однако он только еще решительнее шагнул вперед. Он прошел через холл, мимо бара и вошел в комнату, из которой донеслись те слова. Резко распахнул дверь и остановился на пороге, мрачно глядя на сидевших там людей. «Ты только сделаешь хуже», — заметил скептический голос внутри него. В комнате было пятеро: толстяк с несколькими подбородками, сидевший с длинной трубкой в кресле у огня и очень приветливо пожелавший мистеру Хупдрайверу доброго вечера; молодой человек, куривший пенковую трубку, вытянув скрещенные ноги в гетрах; маленький человечек с бородой и беззубой улыбкой; спокойный человек средних лет, с живыми глазами, в вельветовой куртке, и щеголеватый молодой блондин в желтовато-коричневом готовом костюме и белом галстуке.

— Хм, — мрачно кашлянул мистер Хупдрайвер. И затем угрожающим тоном человека, не терпящего вольностей, произнес: — Добрый вечер!

— Очень хорошие в этих местах дороги, — сказал молодой блондин в белом галстуке.

— Оч-чень, — с расстановкой произнес мистер Хупдрайвер, решительно придвинул к камину коричневое кресло и сел. С чего же это должен он начать свою речь?

— Очень хорошие в этих местах дороги, — сказал молодой блондин в белом галстуке.

— Очень! — поддержал мистер Хупдрайвер, мрачно глядя на него. (Надо же было с чего-то начать.) — Дороги здесь хорошие и погода хорошая, но я пришел сказать вам вот что: чертовски неприятная здесь публика, чертовски неприятная!

— Ого! — произнес молодой человек в гетрах и, судя по всему, мысленно пересчитал перламутровые пуговицы на них. — Откуда вы это взяли?

Мистер Хупдрайвер положил руки на колени, выставив вперед острые локти. В душе он злился на себя за идиотское безрассудство, с каким полез дразнить этих львов, ибо это действительно были львы, — но теперь надо было доводить дело до конца. Господи, только бы голос не сорвался! Он остановил взгляд на лице толстяка с многоэтажным подбородком и заговорил тихим выразительным голосом.

— Я приехал сюда, сэр,— сказал мистер Хупдрайвер и сделал паузу, чтобы набрать воздуха,— я приехал сюда с дамой.

— С очень красивой дамой,— сказал молодой человек в гетрах и склонил голову набок, любуясь перламутровой пуговицей на изгибе своей икры.— В самом деле очень красивой.

— Я приехал сюда,— повторил мистер Хупдрайвер,— с дамой!

— О господи, мы все это видели,— сказал толстяк с многоэтажным подбородком каким-то удивительно хриплым голосом.— Что ж тут особенного? Можно подумать, что у нас нет глаз.

Мистер Хупдрайвер откашлялся.

— Я приехал сюда, сэр...

— Мы это уже слышали! — раздраженно сказал человек с бородой и хихикнул.— Мы уже выучили это наизусть,— добавил он.

Мистер Хупдрайвер потерял нить мысли. Он возмущенно посмотрел на человека с бородой, пытаясь вспомнить свою речь. Наступила пауза.

— Так вы говорили,— очень вежливо напомнил ему молодой блондин в белом галстуке,— что приехали сюда с дамой.

— С дамой,— задумчиво произнес тот, что любовался пуговицами на гетрах.

Человек в вельветовой куртке, молча смотревший своими живыми, пронизательными глазами то на одного собеседника, то на другого, рассмеялся, как будто выиграл очко, и, остановив на мистере Хупдрайвере выжидающий взгляд, побудил его высказаться.

— Какой-то хам,— сказал мистер Хупдрайвер, уловив наконец нить своей речи и внезапно расвирепев,— произнес тут что-то, когда мы проходили мимо двери.

— Потише! Будьте любезны не обзывать нас.

— Одну минуту! — прервал его мистер Хупдрайвер.— Не я начал первый. (— А кто же? — спросил человек с многоэтажным подбородком.) Я не называю вас хамами. Пусть у вас не будет такого впечатления. Но кто-то в этой комнате произнес слова, показывающие, что он не заслуживает даже того, чтобы отхлестать его по физиономии, и со всем уважением к тем джентльменам, которые в самом деле джентльмены (мистер Хупдрайвер огляделся, ища моральной поддержки), я хотел бы знать, кто это.

— Зачем? — спросил молодой блондин в белом галстуке.

— Затем, что я собираюсь сейчас же отхлестать его по физиономии,— сказал мистер Хупдрайвер, снова свирепея и в то же время сознавая, что у него и в мыслях до этого не было применять силу. Он сказал так потому, что не мог придумать ничего другого, и угрожающе выставил локти, чтобы скрыть собственный испуг. Просто удивительно, как обстоятельства подчиняют нас себе.

— Эге, Чарли! — сказал человек с бородой.

— Ну и ну! — воскликнул обладатель тройного подборка.

— Вы собираетесь отхлестать его по физиономии? — спросил молодой блондин с легким удивлением.

— Да,— решительно сказал мистер Хупдрайвер и в упор посмотрел на молодого человека.

— Совершенно справедливо и разумно,— сказал человек в вельветовой куртке,— если только вам это удастся.

Интерес присутствующих, казалось, целиком сосредоточился на молодом человеке в белом галстуке.

— Но если вы не сможете обнаружить, кто это был, вы, видимо, намерены, не скупясь, отхлестать по физиономии всех, кто находится в этой комнате? — заметил молодой человек все тем же безразличным тоном.— Этот джентльмен — чемпион в легком весе...

— Признайся уж, Чарли,— сказал молодой человек в гетрах, на мгновение подняв глаза.— И не втягивай в это дело своих ближних. Что справедливо, то справедливо. А тебе от этого не уйти.

— Значит, этот... джентльмен? — начал мистер Хупдрайвер.

— Видите ли,— сказал молодой человек в белом галстуке,— раз вы говорите о том, чтоб отхлестать по физиономии...

— Не только говорю, но так и сделаю! — сказал мистер Хупдрайвер.

Он оглядел присутствующих. Это были уже не противники, а зрители. Теперь ему придется довести дело до конца. Но поскольку он говорил так негодуяще только об обидчике, обстановка в комнате несколько изменилась, и Хупдрайвер уже не был один *contra mundum*¹. По-видимому, предстоит драка. Ограничится ли дело подбитым глазом, или его основательно поколотят? Господи, только бы не этот здоровый парень в гетрах! Что же, теперь он должен

---

¹ Против всех (лат.).

встать и начать бой? Что она подумает, если он явится утром к завтраку с синяком под глазом?

— Это и есть тот человек? — спросил мистер Хупдрайвер деловито спокойным тоном и еще больше выставил локти.

— Агу его! — воскликнул маленький человечек с бородой. — Съешьте его с потрохами...

— Постойте! — остановил его молодой человек в белом галстуке. — Подождите минуту. Если я случайно сказал...

— Так это вы сказали? — спросил мистер Хупдрайвер.

— Отступаешь, Чарли? — заметил молодой человек в гетрах.

— И не думаю, — сказал Чарли. — В конце концов, имеем же мы право пошутить...

— Я научу вас держать свои шутки при себе, — сказал мистер Хупдрайвер.

— Бра-во! — воскликнул обладатель стада подбородков.

— Чарли иной раз заходит слишком далеко в своих шутках, — сказал человечек с бородой.

— Это совершенно омерзительно, — сказал Хупдрайвер, возвращаясь к сочиненной им речи. — Стоит даме поехать на велосипеде за город или одеться не совсем обычно, как всякая мразь считает своим долгом оскорблять ее...

— Я не думал, что молодая леди услышит то, что я сказал, — возразил Чарли. — Может же человек болтать с друзьями! Откуда я знал, что дверь была открыта...

Хупдрайвер начал подозревать, что его противник, если только это возможно, еще больше него встревожен перспективой драки, и приободрился. Этих молодцов надо как следует проучить.

— Конечно, вы знали, что дверь была открыта, — негодующим тоном заявил он. — Конечно, вы рассчитывали, что мы услышим ваши слова. Не лгите. Нечего говорить ерунду. Вы хотели поразвлечься и развлеклись. А я хочу наказать вас в назидание другим, сэр.

— Имбирное пиво, — доверительно сказал человечек с бородой человеку в вельветовой куртке, — так и бродит в жару. Бутылки повсюду сами рвутся.

— Что толку препираться в трактире? — сказал Чарли, обращаясь ко всей честной компании. — Если драться, так драться, чтоб никто не мешал, раз уж джентльмену так хочется.

Он был явно ужасно напуган. Мистер Хупдрайвер почувствовал прилив ярости.

— В любом месте,— сказал мистер Хупдрайвер,— где вам будет угодно.

— Ты оскорбил джентльмена,— сказал человек в вельветовой куртке.

— Не будь трусом, Чарли,— сказал человек в гетрах.— Да ты на целый пуд тяжелей его.

— А я вот что скажу,— заявил джентльмен с избытком подбородков, усиленно стуча по ручкам кресла, чтобы обратить на себя внимание.— Если Чарли что-то сказал, пусть отвечает. Вот так-то. Пусть говорит, что хочет,— я не против, но тогда пусть и отвечает за свои слова.

— И ответу, не беспокойтесь,— сказал Чарли, язвительно упирая на «ответу».— Если джентльмен согласен встретиться во вторник на той неделе...

— Ерунда! — отрезал Хупдрайвер.— Сейчас.

— Слушайте, слушайте! — сказал обладатель подбородков.

— Никогда не откладывай на завтра того, что можно сделать сегодня, Чарли,— сказал человек в вельветовой куртке.

— Придется пойти на это, Чарли,— сказал человек в гетрах.— Не отвертеться.

— Послушайте,— сказал Чарли, обращаясь ко всем, кроме Хупдрайвера.— Завтра вечером я должен подавать обед у ее милости. Хорош я буду с синяком под глазом? А как я буду выглядеть на запятках с рассеченной губой?

— Если ты не желаешь ходить с побитой физиономией, зачем же рот разеваешь? — сказала личность в гетрах.

— Вот именно! — чрезвычайно свирепо поддакнул мистер Хупдрайвер.— Заткните-ка лучше свой гнусный рот!

— Это может стоить мне места,— взмолился Чарли.

— Надо было раньше об этом думать,— сказал Хупдрайвер...

— Горячиться-то так не из-за чего. Я просто пошутил,— сказал Чарли.— Как джентльмен джентльмену говорю вам, что очень сожалею, если огорчил джентльмена...

Все разом заговорили. Мистер Хупдрайвер принялся подкручивать усы. Чарли назвал его джентльменом, и мистери Хупдрайверу казалось, что это в какой-то мере искупает обиду. Но он уже вошел в роль и считал необходимым покрепче придавить к земле поверженного врага. И, стараясь перекрыть шум, он выкрикнул еще что-то оскорбительное.

— Ты настоящий трус,— говорил тем временем человек в гетрах, обращаясь к Чарли.

Шум стал еще сильнее.

— Только не думайте, что я боюсь,— уж во всяком случае не этого тонконожку! — закричал Чарли.— Его я совсем не боюсь.

«Положение меняется,— подумал Хупдрайвер, слегка вздрогнув.— Что-то будет?»

— Не сиди и не отругивайся,— сказал человек в вельветовой куртке.— Он сказал, что побьет тебя, и, будь я на его месте, я бы уже давно так и сделал.

— Ну ладно,— сказал Чарли, внезапно переходя из обороны в наступление и вскакивая на ноги.— Если надо, так надо. Ладно!

Тут Хупдрайвер, игрушка в руках Судьбы, тоже поднялся, с ужасом сознавая, что его внутренний советчик был прав. Все перевернулось. Он все испортил, и теперь ему, как видно, остается только ударить этого человека. Они с Чарли стояли в шести футах друг от друга, разделенные столом, оба разгоряченные, тяжело дыша. Вульгарная трактирная драка, да еще — теперь уже это ясно — с лакеем! Великий боже! Вот к чему привела его язвительная, полная достоинства отповедь! Как, в сущности, все это произошло? Теперь, наверно, надо обойти стол и ринуться на него. Но, прежде чем драка началась, вмешался человек в гетрах.

— Не здесь,— сказал он, становясь между противниками.

Все поднялись с мест.

— Чарли — он ловкий малый,— сказал человек с бородой.

— Пошли на двор к Буллеру,— сказал человек в гетрах, беря на себя руководство с готовностью и охотой знатока.— Если джентльмен ничего не имеет против.— Двор Буллера был, по-видимому, вполне подходящим местом.— Там все можно будет сделать по правилам, как положено.

И прежде чем Хупдрайвер успел осознать, что происходит, он уже шагал по задворкам гостиницы, направляясь на первый и единственный в его жизни кулачный бой, которым ему суждено было гордиться.

Внешне, насколько можно судить при луне, мистер Хупдрайвер был спокоен и готов к драке. Но внутри у него царил полный смятение. Просто удивительно, как все произошло. Одна реплика так быстро следовала за другой, что ему было крайне трудно уловить развитие событий. Он отчетливо помнил, как прошел из одной комнаты в другую, полный достоинства, даже аристократизма, тщательно продумавший свою убедительную речь и жаждущий лишь отчитать несчастного деревенщину за неумение вести себя.

Слово за слово — и вот он шагает по освещенному луной проулку, худая черная тень среди теней покрупнее, идет спокойно и деловито навстречу чему-то неизвестному и нелепому, что ждет его на дворе у Буллера. Драка на кулаках! Странно! Ужасно! Впереди смутно виднелась фигура Чарльза, и он видел, что человек в гетрах доброжелательно, но крепко держит его под руку.

— Чертовски глупо, — говорил Чарльз, — устраивать драку из-за такой ерунды. Ему-то хорошо. У него отпуск, и ему не надо завтра вечером подавать этот проклятый обед. И перестань держать меня под руку, слышишь?

Они вошли во двор к Буллеру через калитку. Во дворе стояли сараи — таинственные сараи, едва различимые в лунном свете, — пахло коровами и отчетливо виднелся насос, бросавший черную тень на побеленную стену. Вот здесь ему расквасят физиономию в лепешку. Он понимал, что это совершеннейшее безумие — стоять тут под ударами, но выхода из положения не видел. Однако что же будет дальше? Сможет ли он снова показаться ей на глаза? Он одернул свою спортивную куртку и стал спиной к воротам. Как принимают оборонительное положение? Так, что ли? А что, если повернуться сейчас, броситься бегом в гостиницу и запереться у себя в спальне? Оттуда они не заставят его выйти — ни за что. А попробуют — так он может подать на них в суд за нападение. А как, интересно, подают в суд? Тут он увидел перед собой Чарльза, мертвенно-бледного в лунном свете.

Первый удар был нанесен ему в плечо, и он отступил. Чарльз теснил его. С силой отчаяния он двинул правой. Это был удар его собственного изобретения — экспромт, но он случайно совпал с существующим по правилам боковым ударом в голову. В восторге он понял, что попал кулаком Чарльзу в челюсть. Это был единственный миг удовольствия, которое испытал Хупдрайвер за время драки, и был этот миг быстролетен. Не успел он снова приблизиться к Чарльзу, как получил удар в грудь и отлетел назад. Он еле удержался на ногах. У него было такое чувство, точно ему сплющили сердце.

— Черт возьми! — произнес кто-то, прыгавший позади него.

Когда мистер Хупдрайвер зашатался, Чарльз издал громкий воинственный крик. Он словно вырос над Хупдрайвером в лунном свете. Кулаки его мелькали в воздухе. Это был конец — не иначе. Мистер Хупдрайвер, очевидно, присел, вывернулся, ударил и промахнулся. Чарльз пронесся

мимо, левее него и тоже промахнулся. Удар скользнул по левому уху мистера Хупдрайвера,— боковой маневр был завершен. Следующий удар уже пришелся сзади. Небо и земля неистово завертелись вокруг мистера Хупдрайвера, и тут он вдруг увидел фигуру в светлом костюме, стремительно промчавшуюся к раскрытой калитке и исчезнувшую в ночи. Человек в гетрах ринулся куда-то мимо мистера Хупдрайвера, но слишком поздно: беглеца перехватить уже не удалось. Послышались крики, смех, и мистер Хупдрайвер, все еще стоявший в оборонительной позиции, понял тут великую и чудесную правду: Чарли бежал. Он, Хупдрайвер, дрался и победил по всем правилам войны.

— Здорово вы ему дали в челюсть,— с неожиданным дружелюбием сказал беззубый человечек с бородой.

— Дело в том,— говорил мистер Хупдрайвер, сидя у обочины дороги, ведущей в Солсбери, и прислушиваясь к далекому колокольному звону,— я должен был проучить этого малого, просто должен...

— Как ужасно, что приходится драться с людьми! — заметила Джесси.

— Эти грубияны стали совершенно невыносимы,— сказал мистер Хупдрайвер.— Если время от времени не ставить их на место, то даме-велосипедистке скоро невозможно будет показаться на дороге.

— Я думаю, любая женщина отступила бы перед необходимостью применить силу,— сказала Джесси.— Видимо, мужчины в чем-то храбрее женщин. По-моему... я просто не представляю себе, как человек может войти в комнату, полную грубиянов, выбрать самого сильного и дать ему для острастки взбучку. Я при одной этой мысли содрогаюсь. Мне казалось, что только гвардейцы в книгах Уйды способны на такие вещи.

— Это был всего лишь мой долг джентльмена,— сказал мистер Хупдрайвер.

— Но идти прямо навстречу опасности!

— Привычка,— скромно сказал мистер Хупдрайвер, стяхивая с колена пепел от сигареты.

УНИЖЕНИЕ МИСТЕРА ХУПДРАЙВЕРА

XXXIII

В понедельник утром двое беглецов завтракали в «Золотом фазане» в Блэндфорде. Они двигались тщательно продуманным, извилистым путем через Дорсетшир к Рингвуду, где Джесси надеялась получить ответ от своей школьной учительницы. К этому времени они пробыли вместе уже около шестидесяти часов, и вы можете представить себе, что чувства

мистера Хупдрайвера значительно углубились и усилились. Сначала Джесси была для него только импрессионистским наброском — чем-то женственным, живым и пленительным, чем-то, что было явно «выше» него и только по счастливой случайности оказалось рядом. На первых порах, как вы знаете, он стремился держаться с ней на равных, изображая из себя человека более незаурядного, более состоятельного, более образованного и, главное, более высокого происхождения, чем на самом деле. Его знание женской природы ограничивалось почти исключительно юными леди, с которыми он вместе работал в магазине, а у представительниц этого сословия (как и среди военных и среди слуг) старая, добрая традиция резкого социального разграничения до сих пор свято блюдет-ся. Он мучительно боялся, что она может счесть его «наглецом». Позже он начал понемногу понимать ее взгляды и вкусы. Полное отсутствие жизненного опыта сочеталось в ней с преклонением перед самыми смелыми отвлеченными идеями, и своей убежденностью она заразила и Хупдрайвера. Она собиралась начать Самостоятельную Жизнь — решительно и безоговорочно, и мистер Хупдрайвер глубоко проникся такой же решимостью. Как только он понял ее

стремления, ему стало ясно, что и он с детских лет думал о том же. «Конечно,— заметил как-то он в приливе мужской гордости,— мужчина свободнее, чем женщина. Там, в колониях, знаете ли, нет и половины тех условностей, которые встречаются в нашей стране».

Ему приятно было, что у нее сложилось самое высокое мнение о его смелости; это ободрило его.

Раза два он попробовал показать ей свое презрение к условностям, даже не подозревая, что тем самым произвел на нее впечатление ограниченного человека. Отказавшись от многолетней привычки, он не предложил ей пойти в церковь. И вообще высказывал на этот счет весьма вольные взгляды. «Это не больше, чем привычка,— говорил он,— просто привычка. Право же, какой от этого может быть толк». И он отпустил несколько превосходных шуток по поводу пасторских шляп и их сходства с печными котлами, которые вычитал на обложке «Глобуса». Зато он продемонстрировал хорошее воспитание тем, что ехал все воскресенье в перчатках и нарочито бросил недокуренную сигарету, когда они проезжали мимо церкви, куда стекались прихожане к вечерней службе. Он предусмотрительно избегал в разговоре литературных тем, ограничиваясь легкими, шутивными замечаниями, так как знал, что она собирается сама писать.

В результате прослушать службу на галерее старинной Блэндфордской церкви предложила Джесси, а не он. Надо сказать, что Джесси испытывала жестокие угрызения совести. Она поняла, что все получается совсем не так, как она себе представляла. Она читала романы Оливии Шрейнер и Джорджа Эджертон и так далее, не слишком разбираясь во всем этом, как и положено молоденькой девушке. Она понимала, что самым правильным было бы снять квартиру, ходить в Британский Музей и писать передовые статьи в ежедневных газетах, пока не подвернется что-нибудь получше. Если бы Бичемел (эта отвратительная личность) сдержал свои обещания, а не повел себя так ужасно, все было бы хорошо. Теперь же единственной ее надеждой была свободомыслящая мисс Мергл, которая год назад выпустила высокообразованную Джесси в свет. Мисс Мергл сказала ей при расставании, что надо жить бесстрашно и честно, и подарила томик эссе Эмерсона и «Голландскую республику» Мотли, которые должны были помочь Джесси преодолеть пороги юности.

К этому времени Джесси уже с нескрываемым отвращением относилась к окружению своей мачехи в Сэрбитоне.

В мире нет более напыщенных и серьезных особ, чем эти умненькие девушки, чьи школьные успехи помешали развитию женского кокетства. Несмотря на передовые мысли, заложенные в антиматримониальном романе Томаса Плантагенета, Джесси очень быстро разгадала все милые уловки этой милой женщины. Постоянно кого-то из себя строить для того, чтобы удерживать при себе свиту поклонников,— такая мысль доводила ее до белого каления. Как это глупо! И перспектива вернуться к этой жизни, смешной и нереальной, безоговорочная капитуляция перед Условностью доводила ее до отчаяния. Но что же делать?

Теперь вы поймете, почему временами она бывала в плохом настроении (и мистер Хупдрайвер тогда почтительно молчал и был особенно предупредителен), а временами принималась красноречиво обличать существующие порядки. Она была социалисткой, как узнал мистер Хупдрайвер, и намекнул, что он в этом смысле идет еще дальше, имея в виду по крайней мере ужасы анархизма. Он охотно признался бы в разрушении Зимнего Дворца, если бы имел хоть малейшее представление о том, где находится Зимний Дворец, и был уверен, что тот действительно разрушен. Он искренне соглашался с тем, что теперешнее положение женщин невыносимо, но чуть было не сказал, что продавщице все же не следует просить продавца достать сверху коробку в ту самую минуту, когда он «занят» с покупателем. И, конечно, только потому, что Джесси была всецело поглощена собственными затруднениями и мыслями о преследователях и погоне, она не разгадала мистера Хупдрайвера за субботу и воскресенье. Что-то в нем казалось ей очень странным, но тщательно все продумать и сопоставить сейчас она была не в силах.

Раза два, однако, он оказывался в ужасном положении — даже самые вопросы его выглядели подозрительно. Трижды он принимался за свои воспоминания о Южной Африке, в которых то и дело встречались провалы, и ему только чудом удалось избежать разоблачения. Особенно неприятно обернулся для него один рассказ о том, как на их ферму напали туземцы, выкрали всех страусов, и весь скот, и всех кур, и все белье, которое развесила его мать, — «словом, все, что попало под руку», — и как он, с отцом и братом, вовремя подоспев к месту происшествия, целую ночь преследовали грабителей, ориентируясь по пятнам белых одежд, которые те на себя набросили. Ей показалось это «странным». Станным! Но одно как-то цеплялось за другое, и стирание матерью белье, вначале обратившее на себя ее

внимание, пришлось очень кстати, когда она спросила, как же можно ночью преследовать чернокожих. «Да, обычно это невозможно»,—сказал он, запинаясь. И вот тут-то белье спасло его. Однако если бы она подумала хоть немного, то поняла бы, как все это невероятно глупо!

В воскресенье ночью на мистера Хупдрайвера неожиданно напала бессонница. Неизвестно почему он вдруг понял, что он презренный лжец. Наступил понедельник, а он все вспоминал свои выдуманные приключения и спасался бегством от суда негров племени матабеле, одетых в краденое белье; а когда он попытался отделаться от этих мыслей, перед ним возникла финансовая проблема. Он слышал, как пробило два часа, потом три.

XXXIV

— Доброе утро, мэм,—сказал Хупдрайвер, когда Джесси в понедельник утром спустилась к завтраку в «Золотом фазане»; он улыбнулся, поклонился, потер руки, выдвинул для нее стул и снова потер руки.

Она внезапно остановилась и озадаченно посмотрела на него.

— Где я могла это видеть? — спросила она.

— Стул? — спросил Хупдрайвер, вспыхнув.

— Нет, эти манеры.

Она подошла и протянула ему руку, с любопытством глядя на него.

— И это «мэм»?

— Это привычка,—сказал мистер Хупдрайвер с виноватым видом.— Скверная привычка — называть даму «мэм». Но это все наша колониальная дикость. Там, в глуши... знаете ли... дамы встречаются так редко... мы их всех называем «мэм».

— У вас забавные привычки, братец Крис,—сказала Джесси.— Прежде чем вы продадите свои алмазные акции, и вернетесь в общество, и выставите свою кандидатуру в парламент — до чего же хорошо быть мужчиной! — вам надо избавиться от них. Например, эта привычка кланяться, и потирать руки, и смотреть выжидающе.

— Но это привычка.

— Понимаю. Но не думаю, чтоб это была хорошая привычка. Ничего, что я вам это говорю?

— Нисколько. Я вам очень благодарен.

— Не знаю, хорошо это или плохо, но я очень наблюда-

тельна, — сказала Джесси, глядя на стол, накрытый к завтраку.

Мистер Хупдрайвер поднес было руку к усам, но, подумав, что это тоже может оказаться дурной привычкой, полез вместо этого в карман. Он чувствовал себя чертовски неловко, по его собственному выражению. Джесси перевела взгляд на кресло, заметила, что у него отодралась обивка, и, вероятно желая показать, как она наблюдательна, повернулась к мистеру Хупдрайверу и спросила, нет ли у него булавки.

Рука мистера Хупдрайвера невольно потянулась к лацкану пиджака, куда он по привычке воткнул две случайно найденные булавки.

— Какое странное место для булавок! — воскликнула Джесси, беря булавку.

— Это очень удобно, — сказал мистер Хупдрайвер. — Я перенял это у одного приказчика в магазине.

— Должно быть, вы очень аккуратный человек, — сказала она, опускаясь на колени возле кресла.

— В центре Африки — я хотел сказать: в глубине — по неволе научись беречь каждую булавку, — сказал мистер Хупдрайвер после заметной паузы. — Нельзя сказать, чтобы в Африке было много булавок. Они там на земле не валяются.

Лицо его было теперь ярко-розового цвета. Где в следующий раз прорвется наружу приказчик? Он сунул руки в карманы, потом одну руку вынул, украдкой вытащил вторую булавку и осторожно швырнул ее назад. Булавка со звоном упала на каминную решетку. К счастью, Джесси ничего по этому поводу не сказала, занятая ремонтом кресла.

Мистер Хупдрайвер не стал садиться, а подошел к столу и оперся на него, положив кончики пальцев на скатерть. Почему-то страшно долго не подавали завтрак. Он взял свою салфетку, внимательно осмотрел кольцо, пощупал ткань и положил салфетку обратно. Потом ему вдруг захотелось пощупать дупло в зубе мудрости, но, к счастью, он вовремя спохватился. Внезапно он заметил, что стоит за столом, словно за прилавком, и поспешил сесть. А сев, забарабанил пальцами по столу. Ему было страшно жарко и ужасно не по себе.

— Завтрак запаздывает, — сказала Джесси.

— Не правда ли?

Разговор не клеился. Джесси спросила, далеко ли до Рингвуда. Затем снова воцарилось молчание. Мистер Хупдрайвер, не зная, куда себя девать и изо всех сил стараясь выглядеть непринужденно, снова посмотрел на стол, потом

неторопливо приподнял кончиками пальцев скатерть за углы и стал сосредоточенно ее рассматривать. «По пятнадцать шиллингов три пенса», — подумал он.

— Что это вы делаете? — спросила Джесси.

— Что? — переспросил Хупдрайвер, выпуская из рук скатерть.

— Вы так смотрите на скатерть... Я еще вчера заметила.

Лицо Хупдрайвера стало совсем красным. Он начал нервно дергать себя за усы.

— Знаю, — сказал он. — Знаю. Это, видите ли, такая странная привычка. Но, видите ли, там, у нас, видите ли, слуги-гуземцы, и — конечно, об этом даже смешно говорить — приходится, видите ли, следить, все ли чисто. Это уже вошло в привычку.

— Как странно! — сказала Джесси.

— Не правда ли? — проямлил Хупдрайвер.

— Если бы я была Шерлоком Холмсом, — сказала Джесси, — я, наверное, по таким мелочам сразу определила бы, что вы из колоний. Но ведь я и так угадала это, правда?

— Да, — печально ответил Хупдрайвер, — угадали.

Почему бы не воспользоваться этим случаем для чистосердечного признания и не сказать: «К сожалению, на этот раз вы угадали неверно». Может быть, она догадывается? В этот психологически сложный момент горничная с грохотом открыла подносом дверь и внесла кофе и яичницу.

— У меня хорошая интуиция, — сказала Джесси.

Укоры совести, терзавшие его эти два дня, стали почти невыносимы. Какой же он жалкий лгун!

А главное, рано или поздно, он все равно себя выдаст.

XXXV

Мистер Хупдрайвер положил себе на тарелку яичницу, но вместо того, чтобы приняться за еду, оперся щекой на руку и стал наблюдать, как Джесси разливает кофе. Уши у него горели, глаза тоже. Он неуклюже взял свою чашку, откашлялся, потом вдруг откинулся на стуле и глубоко засунул руки в карманы.

— И все-таки я это сделаю, — сказал он громко.

— Что сделаете? — удивленно спросила Джесси, поднимая глаза от кофейника. Она как раз приступила к яичнице.

— Признаюсь во всем.

— Но в чем же?

— Мисс Милтон — я лжец!

Он склонил голову набок и смотрел на нее, хмурясь от сознания своей решимости. Затем, покачивая головой, размеренно произнес:

— Я продавец из мануфактурного магазина.

— Вы продавец? А я думала...

— Вы ошибались. Но рано или поздно это должно было выйти наружу. Булавки, манеры, привычки — все это достаточно ясно. Я младший продавец, получивший десятидневный отпуск. Всего-навсего младший продавец. Как видите, не так уж много. Приказчик.

— Младший продавец — не такая должность, которой надо стыдиться, — сказала она, приходя в себя и еще не совсем понимая, что все это значит.

— Нет, именно такая, — сказал он, — в наше время, в нашей стране, и для мужчины... Ведь я всего лишь подручный. И должен одеваться так, как прикажут, ходить в церковь, чтобы быть в чести у покупателей, и работать. Ни на одной работе не приходится выстаивать по столько часов. Какой-нибудь пьяный каменщик — король по сравнению с приказчиком.

— Но почему вы теперь мне все это рассказываете?

— Надо, чтобы вы это знали.

— Но мистер Бенсон...

— И это еще не все. Если вы не против, чтобы я немножко поговорил о себе, то я хочу сказать вам еще кое-что. Я больше не могу вас обманывать. Меня зовут не Бенсон. *Почему* я назвался Бенсоном, я и сам не знаю. Должно быть, потому, что я дурак. Видите ли, мне просто хотелось выглядеть получше. А фамилия моя Хупдрайвер.

— Да?

— И насчет Южной Африки и этого льва...

— Что?

— Все это ложь.

— Ложь!

— И алмазы, найденные на страусовой ферме. И нападение туземцев. Все это тоже ложь. И про жирафов — тоже. Я никогда не ездил на жирафе — я бы побоялся.

Он смотрел на нее с каким-то мрачным удовлетворением. Как бы там ни было, он успокоил свою совесть. А она глядела на него в полной растерянности. Человек этот повернулся сейчас к ней какой-то совсем новой стороной.

— Но зачем же... — начала она.

— Зачем я говорил вам все это? Сам не знаю. Очевидно, по глупости. Наверно, мне хотелось произвести на вас впечатление.

чатление. Но теперь почему-то мне хочется, чтобы вы знали правду.

Наступило молчание. Завтрак стоял нетронутым.

— Я решил все вам сказать,— продолжал мистер Хупдрайвер.— Это у меня, наверно, от зазнайства, не иначе. Я не спал почти всю эту ночь и думал о себе — о том, какой нестоящий я человек, и вообще.

— И у вас нет алмазных акций, и вы не собираетесь баллотироваться в парламент, и вы не...

— Все это ложь,— сказал Хупдрайвер замогильным голосом.— Ложь с начала и до конца. Как это вышло, я и сам не знаю.

Она смотрела на него непонимающим взглядом.

— Я никогда в жизни не видел Африки,— сказал мистер Хупдрайвер в заключение исповеди. Затем вынул правую руку из кармана и с безмятежным видом человека, для которого смертельная опасность миновала, стал пить кофе.

— Все это немного неожиданно,— неуверенно начала Джесси.

— Вы обдумайте,— сказал мистер Хупдрайвер.— Я искренне сожалею о случившемся.

И завтрак продолжался в молчании. Джесси ела очень мало и, видимо, была погружена в глубокое раздумье. Мистер Хупдрайвер, в припадке раскаяния и тревоги, съел необыкновенно много, по рассеянности расправляясь с яичницей ложкой для варенья. Глаза его были опущены. А Джесси то и дело поглядывала на него из-под ресниц. Раза два она чуть не прыснула со смеху, раза два приняла возмущенный вид.

— Право, не знаю, что и подумать о вас, братец Крис,— промолвила она наконец.— Я, видите ли, считала, что вы удивительно честный человек. И почему-то...

— Да?

— Я и теперь так думаю.

— Честный — после всего этого вранья!

— Не знаю.

— А я знаю,— сказал мистер Хупдрайвер.— Мне стыдно за себя. Но во всяком случае... теперь я уже вас не обманываю.

— Я думала,— сказала Юная Леди в Сером,— что в этой истории со львом...

— Господи! — воскликнул мистер Хупдрайвер.— Не напоминайте мне об этом.

— Я почему-то думала, я *чувствовала*, что не все там вполне правдиво.— Она вдруг рассмеялась, увидев выраже-

ние его лица. — Конечно, вы честный, — сказала она. — Как я могла в этом усомниться? Как будто я сама никогда не притворялась! Теперь мне все понятно.

Она вдруг поднялась и протянула ему руку через стол. Он нерешительно посмотрел на нее и увидел ее веселые дружелюбные глаза. Сначала он не понял. Он встал, продолжая держать ложку для варенья, и покорно взял протянутую руку.

— Господи! — вырвалось у него. — Какая же вы...

— Я все поняла. — Новое открытие внезапно испортило ей настроение. Она вдруг села, и он тоже сел. — Вы пошли на это, — продолжала она, — потому что хотели помочь мне. Вы думали, что условности не позволят мне принять помощь от человека, который ниже меня по общественному положению.

— Отчасти так оно и было, — сказал мистер Хупдрайвер.

— Как же вы неверно обо мне судили! — сказала она.

— Значит, вы не против?

— Это было благородно с вашей стороны. Мне только жаль, — сказала она, — что вы подумали, будто я могла стыдиться вас из-за того, что вы занимаетесь честным трудом.

— Но откуда мне было это знать? — сказал мистер Хупдрайвер.

Он растерялся. Ему возвращали чувство собственного достоинства. Он был полезным членом общества — это решено и подписано, — и ложь его была самой благородной ложью. Он начал верить, что именно так оно и есть. Кроме того, Джесси снова упомянула о его необыкновенной храбрости. Конечно, признался он в душе, он вел себя храбро. И в результате к концу завтрака он чувствовал себя таким счастливым, каким не видел себя даже в мечтах, — счастливым и покрытым славой, и они с Джесси выехали из маленького кирпичного Блэндфорда так, будто их отношения никогда не омрачала ни малейшая тень.

XXXVI

Но когда они сидели на обочине дороги среди сосен, на склоне холма между Уимборном и Рингвудом, дух откровенности самым странным и неожиданным образом снова заявил о себе, и мистер Хупдрайвер вернулся к вопросу о своем положении в обществе.

— Так вы думаете, — начал он вдруг, задумчиво вынимая изо рта сигарету, — что продавец тканей может быть честным гражданином?

— Почему же нет?

— А если он, например, подсовывает людям товар, который им не очень нужен?

— А разве это обязательно?

— Это торговля, — сказал Хупдрайвер. — Не обманешь — не продашь. И ничего тут не поделаешь. Ремесло это не очень честное и не очень полезное; не очень почетное; ни свободы, ни досуга — с семи до полдевятого, каждый день. Много ли человеку остается? Настоящие рабочие смеются над нами, а образованные — банковские клерки, или те, что служат у стряпчих, — эти смотрят на нас сверху вниз. Выглядишь-то ты прилично, а, по сути дела, тебя держат в общепитии, как в тюрьме, кормят хлебом с маслом и помыкают, как рабом. Все твое положение в том и состоит, что ты понимаешь, что никакого положения у тебя нет. Без денег ничего не добьешься; из ста продавцов едва ли один зарабатывает столько, чтобы можно было жениться; а если даже он и женится, все равно главный управляющий захочет — заставит его чистить ботинки, и он пикнуть не посмеет. Вот что такое приказчик. А вы говорите, чтобы я был доволен. Вы сами-то были бы довольны, если б вам пришлось служить продавщицей?

Она промолчала, и поле сражения осталось за ним.

Немного спустя он заговорил.

— Я все думаю... — начал он и остановился.

Она повернула к нему подпертое ладонью лицо. Глаза ее сияли и от этого казались нежными.

— Вы так скромны, — сказала она, — вы так себя принимаете.

Мистер Хупдрайвер ни разу не взглянул в ее сторону, пока говорил. Он смотрел на траву и каждое свое слово подкреплял движением рук с покрасневшими суставами, которые держал ладонями вверх. Теперь они вяло лежали у него на коленях.

— Я все думал, — повторил он.

— Да? — сказала она.

— Я все думал этим утром, — сказал мистер Хупдрайвер.

— О чем?

— Конечно, это глупо...

— Что?

— Ну в общем... Мне сейчас около двадцати трех. В школе я учился до пятнадцати. Восемь лет я уже не учусь. Начинать сейчас поздно? Я учился неплохо. Знал алгебру, прошел латынь до вспомогательных глаголов и спряжение по-французски. Так что основа у меня есть.

— И теперь вы подумали, не продолжить ли вам учение?
— Да,— сказал мистер Хупдрайвер.— Совершенно верно. Видите ли, в торговле тканями без капиталов много не сделаешь. Но если бы я мог получить хорошее образование...

— А почему бы и нет? — сказала Юная Леди в Сером. Хупдрайвера удивил такой решительный подход к делу.

— Вы думаете? — спросил он.

— Конечно. Ведь вы мужчина. И вы свободны.— И она пылко добавила: — Как бы я хотела быть на вашем месте, чтобы попробовать свои силы в такой борьбе!

— Только могу ли я назвать себя настоящим мужчиной,— промолвил Хупдрайвер, думая вслух.— Если бы еще не эти восемь лет! — добавил он, уже обращаясь к ней.

— Но вы можете наверстать их. Кто-кто, а вы, конечно, можете. Те, кого вы называете образованными, они ведь не развиваются дальше. Вы можете догнать их. Они всем довольны. Играют в гольф, думают о том, что бы сказать такое умное дамам, вроде моей мачехи, и ходят на обеды. А в одном вы уже и сейчас впереди них. Они думают, будто все знают. А вы так не думаете. А знают они очень мало. К тому же вы такой решительный, быстрый...

— Господи! — сказал Хупдрайвер.— Как вы можете ободрить человека!

— Вам мешает ваша скромность. Если бы я только могла вам помочь... — сказала она и многозначительно умолкла. Он снова задумался.

— Значит, вы все-таки не очень высокого мнения о работе приказчика? — спросил он вдруг.

— Для вас это, пожалуй, не место,— сказала она.— Но сотни великих людей вышли из самых низов. Бёрнс был пахарем; Хью Миллер — каменщиком, и многие другие... Додсли был даже лакеем...

— Но не приказчиком! Слишком мы... Слишком много в нас убогого аристократизма, который мешает нам выбиться в люди. Глядишь, как бы, упаси боже, не помять пиджак или манжеты...

— А по-моему, был один писатель — теолог по фамилии Кларк, который раньше был приказчиком.

— Был один, который открыл швейную фабрику,— о других я не слышал.

— Вы читали «Восставшие сердца»?

— Нет,— сказал мистер Хупдрайвер. И не дожидаясь, пока она объяснит, к чему клонился ее вопрос, поспешил поведать ей о своем литературном багаже.— Правду ска-

зять, я очень мало читал. В моем положении много и не читаешь. Есть у нас в магазине библиотека, так я всю ее прочитал. Много книг Безанта, а потом еще миссис Брэддон, и Райдара Хаггарда, и Мэри Корелли, и роман-другой Уйды. Это все, конечно, интересно, и писатели первоклассные, только меня все это мало волнует. Но, конечно, много есть на свете книг, про которые я слышал, а читать не читал.

— Вы ничего не читаете, кроме романов?

— Очень редко. Устаешь после работы, да и книг не достать. Я, конечно, ходил на популярные лекции; слушал курс «Драматургии-елизаветинцы», но это было слишком уж мудрено, и я занялся резьбой по дереву. Но из этого ничего не вышло, я порезал себе палец и бросил.

Он вверяя собою зрелище весьма непривлекательное: лицо растерянное, руки повисли. На мгновение уверенность ее поколебалась. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, что этот самый человек, словно разъяренный лев, выступил против хулиганов! Да еще считал, будто это сущие пустяки. До чего же непостижимы мужчины!

— Тошно подумать,— продолжал он,— как меня дурачили. Моего школьного учителя надо было бы выдрать как следует. Ведь он же вор. Обещал сделать из меня человека и украл двадцать три года моей жизни — набил мне голову всякой дребеденью. Вот он я перед вами. Ничего не знаю и ничего не умею, а время учиться уже прошло.

— Прошло? — повторила она. — Почему прошло?

Но он, казалось, не слышал ее.

— Мои старики не нашли ничего лучшего, как заплатить тридцать фунтов за мое обучение в магазине,— выложили тридцать фунтов наличными, чтобы сделать меня тем, что я есть,— приказчиком. Управляющий обещал научить меня ремеслу, а сделал из меня подручного. Так всегда бывает с учениками в магазинах. Если бы всех жуликов упрятали в тюрьму, вам не у кого было бы купить ленту или нитки. Очень хорошо, конечно, вспомнить про Бёрнса и прочих, но я не из таких. А ведь и я не такая уж дрянь, чтобы из меня ничего не вышло, если бы меня поучили. Интересно, кем были бы те, кто смеется и потешается надо мной, если бы их так же одурачили. Начинать сначала в двадцать три года, не поздно ли?

Он поднял на нее глаза с грустной усмешкой — перед нею был Хупдрайвер более печальный и мудрый, чем он рисовал себя в самых смелых своих мечтах.

— Все это сделали со мною *вы*, — сказал он. — Вы настоящий человек. И вы заставили меня задуматься над тем, что

же я такое и чем я мог бы стать. Представьте себе, что все сложилось бы иначе...

Она подумала, что его скромность может быть превратно истолкована всеми, кто понимал его не так хорошо, как она, и сказала:

— Ну и *сделайте* так, чтобы все сложилось иначе.

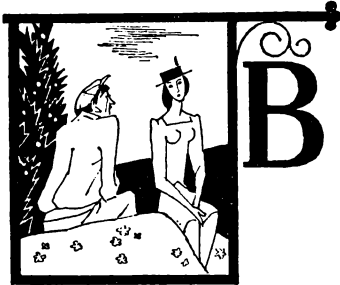
— Как?

— Работайте. Перестаньте плыть по течению. Вы уже доказали, что у вас есть смелость, решительность. Начинайте!

— Ах! — сказал Хупдрайвер, искоса взглянув на нее. — Но даже и тогда... Нет! Ничего из этого не выйдет. Слишком поздно начинать.

Наступило задумчивое молчание, и разговор на этом окончился.

XXXVII

В Рингвуде они позавтракали, а после завтрака Джесси ожидало разочарование. На почте для нее не оказалось письма. Напротив гостиницы «Клетчатый жеребец» помещался велосипедный магазин, в витрине которого был выставлен весьма и весьма подержанный трехколесный тандем марки «Марлборо клуб», а также объявление о том, что здесь можно

взять напрокат велосипеды и тандемы. Заведение это запомнилось мистру Хупдрайверу из-за странного его хозяина, который, перейдя через дорогу, принялся внимательно изучать их машины. Этот поступок вызвал у мистера Хупдрайвера ряд весьма неприятных мыслей, но, к счастью, ничего не повлек за собой.

Пока они завтракали, в комнату вошел высокий священник с покрасневшим лицом и сел за соседний столик. Одет он был по-своему празднично: его застегивающийся сзади, несколько пострадавший от жары воротничок был выше обычного, а вместо длиннополого сюртука на нем был черный, на редкость короткий, пиджак. На ногах у него красовались тусклые коричневые ботинки, брюки посерели от пыли, а на голове вместо обычной мягкой фетровой шляпы возвышалась пегая соломенная. Он был явно общительного десятка.

— До чего же чудесный день, сэр! — промолвил он звучным тенором.

— Чудесный, — повторил мистер Хупдрайвер, не отрываясь от пирога.

— Насколько я понимаю, вы совершаете поездку на велосипеде по этому дивному краю, — сказал священник.

— Катаемся,— пояснил мистер Хупдрайвер.

— Могу себе представить: если машина хорошо смазана, то нет более приятного и легкого способа ознакомления с местностью.

— Совершенно верно,— согласился мистер Хупдрайвер.— Неплохой способ передвижения.

— Я думаю, велосипед-тандем должен быть особенно приятен для молодой супружеской пары: он допускает такую восхитительную близость.

— Правильно,— согласился мистер Хупдрайвер, слегка покраснев.

— А у вас тандем?

— Нет, мы едем порознь,— сказал мистер Хупдрайвер.

— Движение на воздухе, бесспорно, способствует возвышенному настроению.— И, изрекши эту истину, священник повернулся и твердым, решительным голосом заказал официанту: чашку чаю, две желатиновые таблетки, хлеб с маслом, салат и в довершение всего пирог.— Желатин совершенно необходим. Он способствует выделению танина из чая,— заметил он, не обращая ни к кому в частности, и, сложив руки, упершись в них подбородком, уставился на картинку, висевшую над головой мистера Хупдрайвера.

— Я сам велосипедист,— произнес священник, внезапно опуская взор на мистера Хупдрайвера.— Все мы теперь велосипедисты.— И он широко улыбнулся.

— Вот как! — сказал мистер Хупдрайвер и схватился за усы.— А какая, позволю себе спросить, будет у вас машина?

— Я недавно приобрел трехколесную. Двухколесный велосипед, к сожалению, как бы это сказать... мои прихожане считают слишком несолидным. А ведь надо принимать в расчет и мнение малых сих, особенно в наши дни, когда церковь нуждается в помощи каждого. Поэтому я и завел себе трехколесный велосипед. Я как раз приволок его сюда.

— Приволокли?! — повторила удивленная Джесси.

— На шнурке от ботинка. А часть пути тащил его на спине.

Все вдруг замолчали. Джесси не в то горло крошка попала. На лице мистера Хупдрайвера отразились попеременно все стадии недоумения. Потом он догадался:

— Произошла авария?

— Едва ли это можно назвать аварией. Просто колеса внезапно перестали вертеться. И я оказался в пяти милях отсюда с совершенно неподвижной машиной.

— Вот как! — произнес мистер Хупдрайвер с понимаю-

щим видом, а Джесси только бросила взгляд на этого безумца.

— Оказалось,— продолжал священник, довольный тем впечатлением, какое он произвел,— что мой слуга тщательно промыл подшипники парафином, дал машине высохнуть, а смазать маслом потом забыл. В результате они основательно нагрелись, и колеса перестали вращаться. Уже вначале велосипед шел тяжело и со скрипом, а я приписал это тому, что плохо работаю ногами, и просто удвоил усилия.

— Жарко вам пришлось, не меньше, чем им,— заметил мистер Хупдрайвер.

— Трудно точнее выразиться. Такое уж у меня в жизни правило: что бы я ни делал, стараться изо всех сил. А подшипники, по-моему, раскалились докрасна. В конце концов одно колесо совсем остановилось. Это было боковое колесо, и остановка его неизбежно привела к тому, что вся машина перекувырнулась и я вместе с ней.

— Вы хотите сказать, что слетели с нее? — спросил мистер Хупдрайвер, внезапно оживившись.

— Вот именно. А так как я не желал признать себя побежденным, то летал не раз. Возможно, вы поймете меня: такой уж у меня характер. Я принялся увещевать велосипед — в шутку, конечно. К счастью, на дороге никого не было. Но под конец заело все оси, и я решил прекратить неравное сражение. Мой трехколесный велосипед стал ничуть не лучше тяжелого кресла без колесиков. Надо было либо тащить его, либо нести.

В дверях показалась еда священника.

— Целых пять миль,— произнес он. И начал поглощать хлеб с маслом.

— К счастью,— сказал он,— у меня хорошее пищеварение, и человек я энергичный — принципиально энергичный. Хорошо было бы, если б все люди были такими.

— Самое было бы правильное,— согласился мистер Хупдрайвер.

И священник прекратил разговор, отдав предпочтение хлебу с маслом.

— Желатин,— произнес вдруг священник, задумчиво помешивая ложечкой чай,— способствует выделению танина из чая и таким образом облегчает его усвоение.

— Очень полезные сведения,— заметил мистер Хупдрайвер.

— Пожалуйста, пользуйтесь ими,— сказал священник, откусывая большой кусок от двух бутербродов, сложенных вместе.

Под вечер наши путешественники не спеша поехали дальше, в направлении Стони-Кросса. Разговор не клеился, поскольку тему Южной Африки лучше было не трогать. Мистер Хупдрайвер молчал, обуреваемый неприятными мыслями. В Рингвуде он разменял последний соверен и осознал это обстоятельство только теперь. Только теперь, когда было уже поздно, задумался он над своими ресурсами. В сберегательной кассе на почте в Путни у него лежало фунтов двадцать, а то и больше, но его книжка была заперта в сундучке в заведении господ Энтробус, иначе этот влюбленный безумец тихонько вынул бы всю сумму, чтобы хоть на несколько дней продлить поездку. А теперь тень конца нависала над его счастьем. Как ни странно, но, несмотря на недавшую его тревогу и утреннее недомогание, настроение у него было отнюдь не мрачное. Он забыл о своем притворстве и своих выдумках, вообще забыл о себе и все больше восхищался своей спутницей. Единственно, что сейчас его понастоящему тревожило, — это необходимость обо всем рассказать ей.

Долгий подъем в гору утомил их, и, не доехав до Стони-Кросса, они слезли с велосипедов и присели в тени невысокого дуба. Близ вершины дорога делала петлю и, если посмотреть назад, уходила вниз, вправо от них, и снова возвращалась к ним слева. Вокруг все было покрыто буйно разросшимся вереском, а вдоль канавы, окаймлявшей дорогу, стояли дубы; дорога была песчаная, но под откосом она казалась серой, перерезанной тенью от высоких густых деревьев. Мистер Хупдрайвер нашарил сигареты.

— Мне нужно кое-что вам сказать, — заявил он, стараясь соблюдать возможно большее спокойствие.

— Да? — откликнулась она.

— Мне хотелось бы, понимаете ли, поговорить о ваших планах.

— Они очень неопределенны, — сказала Джесси.

— Вы собираетесь писать книги?

— Или заняться журналистикой, или преподавать, или делать что-нибудь в этом роде.

— И хотите стать независимой от мачехи?

— Да.

— Ну и сколько времени вам потребуется, чтобы, так сказать, пристроиться к делу?

— Право, не знаю. По-моему, на свете очень много женщин-журналисток, санитарных инспекторов, художниц-графиков. Но, наверно, на это требуется время. Знаете, Джордж Эджертон пишет, что редакторами в большинстве

журналов теперь сидят женщины. Мне, наверно, надо связаться с каким-нибудь литературным агентством.

— Конечно, это вполне подходящая работа,— сказал Хупдрайвер,— не то, что служить в магазине тканей.

— Умственный труд, учтите, тоже не такое легкое дело.

— Только не для вас,— любезно сказал мистер Хупдрайвер.

— Видите ли,— помолчав, продолжал он,— чертовски неприятно, конечно, говорить о таких вещах, но... у нас осталось очень мало денег.

Он почувствовал, как вздрогнула Джесси, хотя и не смотрел на нее.

— Я, конечно, рассчитывал, что ваша подруга откликнется и что вы сумеете предпринять сегодня какие-то шаги.— Выражение «предпринять какие-то шаги» он подслушал, когда последний раз менял деньги.

— Мало денег,— промолвила Джесси.— Я как-то не думала о деньгах.

— Смотрите-ка! Вон едет велосипед-тандем! — воскликнул вдруг мистер Хупдрайвер и ткнул вниз сигаретой.

Она посмотрела и увидела две фигуры, появившиеся среди деревьев у подножия горы. Велосипедисты согнулись в три погибели и сосредоточенно трудились, героически, но безуспешно пытаясь взять подъем. Машина была явно не приспособлена для езды по горам, а потому задний седок вскоре привстал на педалях и соскочил с велосипеда, предоставив своего товарища его судьбе. Передний седок, видимо, не был знаком с такими машинами и явно не знал, как с них слезают. Он пропетлял несколько ярдов в гору, и хвост машины вилял за ним. Наконец он попытался соскочить, как соскакивают с обычного велосипеда, задел сапогом за заднюю раму и грохнулся боком на землю. Джесси вскочила.

— Боже мой! — воскликнула она.— Надеюсь, он не расшибся.

Второй седок поспешил на помощь упавшему.

Хупдрайвер тоже встал.

Длинная неустойчивая машина была поднята и отведена в сторону, затем была оказана помощь упавшему ездоку, который медленно встал на ноги и принялся потирать ушибленное плечо. Никаких серьезных увечий у человека этого, видимо, не было, и пара вскоре занялась велосипедом, лежащим у дороги. Хупдрайвер заметил, что оба они не в велосипедных костюмах. На одном было нелепое одеяние, за которое косвенную ответственность несут обитатели Истэнда, открывшие игру в гольф. Даже на таком расстоянии

видна была большая кепка, ярко-рыжие кожаные гетры и клетчатые носки. Второй, тот, что ехал сзади, был человек невысокий, худой, в сером костюме.

— Любители,— изрек мистер Хупдрайвер.

Джесси внимательно смотрела прямо перед собой и думала о чем-то своем. Она уже не глядела на тех двоих, возившихся теперь у подножия горы с велосипедом.

— Сколько у вас денег? — спросила она.

Он сунул руку в карман, вытащил шесть монет, пересчитал их левым указательным пальцем и протянул ей.

— Тринадцать шиллингов и четыре пенса,— сказал мистер Хупдрайвер.— И больше ни гроша.

— У меня есть полсоверена,— сказала она.

— Где бы мы ни остановились, наш счет в гостинице...

Молчание его было красноречивее всяких слов.

— Вот уж никогда не думала, что деньги могут воздвигнуть такое препятствие на нашем пути,— сказала Джесси.

— Чертовски неприятно.

— Деньги! — воскликнула Джесси.— Неужели?.. Ну конечно же! Условности! Неужели только люди состоятельные могут жить так, как хотят? Как по-новому поворачивается...

Пауза.

— Смотрите, еще велосипедисты едут,— сказал мистер Хупдрайвер.

Двое мужчин все еще возились со своим велосипедом, когда среди деревьев показался массивный тандем марки «Марлборо клуб», на котором ехала стройная дама в сером и плотный мужчина в спортивной куртке. Следом за ними появилась высокая черная фигура в пегой соломенной шляпе, восседавшая на трехколесном велосипеде допотопного образца, с двумя большими колесами впереди. Человек в сером продолжал стоять, согнувшись над поломанным велосипедом, упершись животом в седло, но его спутник выпрямился и обменялся несколькими словами с ехавшими на велосипеде-тандеме. При этом он вроде бы показал на вершину холма, где стояли рядом мистер Хупдрайвер и его спутница. Вслед за тем произошло нечто еще более удивительное: дама в сером вынула носовой платок, взмахнула им и вроде бы по знаку ее спутника тут же его спрятала.

— Да ведь это... — промолвила Джесси, из-под руки всматриваясь вдаль.— Вот уж никогда бы...

Велосипед-тандем начал взбираться на гору, усиленно петляя, чтобы облегчить подъем. По тому, как вздымались плечи плотного мужчины и как низко он наклонил голову, видно было, что он старается изо всех сил. Священник на

трехколесном велосипеде изогнулся в вопросительный знак. Завершала эту процессию двуколка, в которой сидел мужчина в котелке, правивший экипажем, и дама в темно-зеленом платье.

— Похоже, вроде бы экскурсия, — заметил Хупдрайвер.

Джесси молчала. Она все еще смотрела вниз из-под руки.

— Так и есть, — сказала она.

Священник дергался, словно его сводили конвульсии. Трехколесный велосипед, на котором он ехал, вдруг как-то смешно подпрыгнул и круто повернул вбок, а священное лицо не то соскочило, не то просто вывалилось из седла. Однако он тотчас снова повернул машину и принялся карабкаться с ней в гору. Затем с тандема слез плотный джентльмен и галантно помог сойти даме в сером. Они немного поспорили, ибо дама непременно хотела помочь ему и подтолкнуть машину. Наконец дама уступила, и плотный джентльмен принялся собственными силами, без чьей-либо помощи, продвигать машину вверх по склону. Лицо его выделялось ярким пятном среди серых и зеленых тонов у подножия горы. К тому времени двое мужчин, видимо, починили свой велосипед-тандем, и он примкнул к процессии, — джентльмены катили его, шагая за двуколкой вместе с дамой в темно-зеленом платье и ее спутником, которые теперь тоже шли пешком.

— Мистер Хупдрайвер, — промолвила Джесси. — Эти люди... я почти убеждена...

— А, черт! — вырвалось у мистера Хупдрайвера, ибо то, чего она недосказала, он прочел на ее лице, и он кинулся поднимать свой велосипед. Но тут же бросил его и поспешил помочь Джесси сесть в седло.

При виде силуэта Джесси, отчетливо обрисовавшегося на гребне горы, компания, поднимавшаяся по склону, вдруг пришла в необычайное волнение, тем самым сразу положив конец сомнениям Джесси. Два носовых платка взлетели в воздух, кто-то крикнул. Джентльмены с велосипедом-тандемом бегом покатали его в гору, обгоняя остальных. Но наши молодые люди не стали дожидаться дальнейшего развития событий. Через минуту они уже скрылись из виду, быстро мчась вниз, под уклон, в направлении Стони-Кросса.

На опушке рощи, которая должна была скрыть их от преследователей, Джесси обернулась и увидела появившийся над гребнем тандем, на заднее сиденье которого как раз карабкался один из седоков.

— Они нагоняют нас! — воскликнула она и, как профессиональная гонщица, пригнулась к рулю.

Они с быстротою урагана спустились в долину, перелетели через белый мост и увидели впереди косматых пони, прыгавших по дороге. Оба невольно притормозили.

— Кыш! — произнес мистер Хупдрайвер, но пони только насмешливо взбрыкнули копытами.

Тогда мистер Хупдрайвер, потеряв над собою власть, ринулся прямо на них и чуть не наехал на одного, зато весь табун пустился наутек и, попрыгав через канаву, скрылся среди папоротников, под деревьями. Путь перед Джесси был таким образом расчищен.

Затем дорога не круто, но неуклонно снова пошла в гору, стало тяжело вращать педали, и дыхание с таким свистом вырывалось из груди мистера Хупдрайвера, словно у него была там пила. Когда внизу благодаря геронческим усилиям ездоков показался тандем, преследуемые еще не одолели подъема. Наконец — благодарение небесам! — вот и вершина и впереди — большой отрезок дороги с пологими подъемами и спусками, но только совершенно без тени, в которой можно было бы укрыться от нещадного полуденного солнца. Джентльмены, ехавшие на тандеме, очевидно, не выдержали и в гору катили свою машину, ибо очертания их появились на фоне раскаленного синего неба, лишь когда беглецы уже отъехали на добрую милю и достигли небольшой купы деревьев.

— Мы уходим от них, — проговорил мистер Хупдрайвер, чувствуя, как пот Ниагарой стекает с его лба на щеку. — Этот подъем...

Но то был лишь мираж успеха. Оба находились почти при последнем издыхании. А Хупдрайвер — и вовсе при последнем, и лишь чувство стыда поддерживало его слабые силы. С этой минуты тандем стал поддерживать нагонять их. Когда они добрались до гостиницы «Рыжий камень», тандем был всего в какой-нибудь сотне ярдов от них. Еще одно отчаянное усилие — и беглецы выбрались на дорогу, шедшую под гору среди густого соснового бора. А когда дорога идет под гору, ничто не может сравниться с хорошо смазанным велосипедом-тандемом. Мистер Хупдрайвер машинально поставил ноги на подножки, и Джесси сбавила ход. Через какую-нибудь минуту они услышали позади шуршание толстых резиновых шин, тандем пронесся мимо Хупдрайвера и поравнялся с Джесси. Когда эта гнусная машина проезжала мимо, у Хупдрайвера возникло было безумное желание налететь на нее и устроить крушение. Утешало его только то, что джентльмены были не менее растерзаны, чем он, и с головы до ног покрыты белой пылью.

Джесси вдруг остановилась и прыгнула на землю, и те, кто ехал на тандеме, промчались мимо них под уклон.

— Тормозите! — завопил Дэнгл, ехавший сзади, и приподнялся на педалях.

Скорость лишь увеличилась, а потом из-под переднего колеса, прижатого тормозом, взметнулась фонтаном пыль. Правая нога Дэнгла взлетела в воздух, и он упал на дорогу. Тандем завилал из стороны в сторону.

— Задержите меня! — крикнул через плечо Фиппс, мчась с горы. — Задержите, не то мне не сойти.

Он так нажал на тормоз, что машина остановилась как вкопанная, но, почувствовав, что она потеряла всякую устойчивость, снова заработал педалями.

— Да опустите же ногу на землю! — крикнул вслед ему Дэнгл.

Таким образом тандем и его седоки укатили на добрую сотню ярдов от своей добычи. Наконец Фиппс понял, что надо делать, приспустил тормоз и, когда машина накренилась, опустил на землю правую ногу. Все еще держа левую ногу на педали и сжимая руками руль, он обернулся и принялся в весьма нелестных выражениях распекать Дэнгла.

— Вы только о себе думаете, — заявил раскрасневшийся Фиппс.

— А о нас они и забыли, — заметила Джесси, поворачивая свой велосипед.

— Там, на вершине горы, была дорога на Линдхерст, — сказал Хупдрайвер, следуя ее примеру.

— Это уже не имеет значения. Все равно у нас денег нет. Значит, придется сдаться. Давайте вернемся в гостиницу. Я не хочу, чтобы нас привели туда как пленников.

И вот на глазах у двух остолбеневших преследователей Джесси и ее спутник сели на свои велосипеды и спокойно поехали обратно в гору. Когда они слезали с велосипедов у входа в гостиницу, тандем догнал их, а вслед за тем показала и двуколка. Дэнгл прыгнул на землю.

— Мисс Милтон, если не ошибаюсь, — произнес он, с трудом переводя дух, и приподнял промокшую кепку, обнажив спутанные влажные волосы.

— Послушайте, — окликнул его Фиппс, не в силах остановиться. — Опять вы за свое, Дэнгл? Помогите человеку!

— Одну минутку, — сказал Дэнгл и побежал за своим коллегой.

Джесси прислонила велосипед к стене и вошла в гостиницу. Хупдрайвер остался у дверей, еле держась на ногах, но исполненный боевого духа.

XXXVIII

Он скрестил на груди руки и стал ждать направлявшихся к нему Дэнгла и Фиппса. Фиппис был совершенно подавлен своей неспособностью сладить с тандемом, который он сейчас вел за руль, но Дэнгл был настроен воинственно.

— Это мисс Милтон?—кратко осведомился он.

Мистер Хупдрайвер наклонил голову, не меняя позы.

— Мисс Милтон там, внутри? — спросил Дэнгл.

— И не желает, чтобы ее беспокоили,— заявил мистер Хупдрайвер.

— Вы подлец, сэр,— сказал мистер Дэнгл.

— К вашим услугам,— сказал мистер Хупдрайвер.— Она ждет свою мачеху, сэр.

Мистер Дэнгл заколебался.

— Она с минуты на минуту будет здесь,— сказал он.— А вот и ее приятельница, мисс Мергл.

Мистер Хупдрайвер медленно рознял руки и с величайшим спокойствием сунул их в карманы брюк. Тут роковая неуверенность в себе заставила его усомниться, не слишком ли вульгарно-вызывающая такая поза, и он вынул обе руки, затем снова сунул одну из них в карман, а другой стал дергать свои жиденькие усики. Мисс Мергл застала его в полной растерянности чувств.

— Это и есть тот человек? — спросила она у Дэнгла и тут же возопила: — Да как вы смеее, сэр? Как вы смеее смотреть мне в лицо? Несчастливая девушка!

— Быть может, вы разрешите мне заметить... — начал было мистер Хупдрайвер, лихо растягивая слова и впервые видя себя в роли романтического злодея.

— Фу! — сказала мисс Мергл и вдруг с силой ткнула его под ложечку. Он покачнулся и влетел прямо в вестибюль гостиницы.

— Пропустите меня! — кипя от негодования, воскликнула мисс Мергл. — Как вы смеее загораживать мне дорогу! — И, пройдя мимо него, она направилась прямо в столовую, где укрылась Джесси.

Пока мистер Хупдрайвер пытался удержаться на ногах, ухватившись за подставку для зонтов, Дэнгл и Фиппс, следуя примеру мисс Мергл, в свою очередь, ворвались в вестибюль, причем Фиппс шел первым.

— Как вы смели не пускать эту даму? — спросил Фиппс.

Физиономия у мистера Хупдрайвера, по мнению Дэнгла, была упрямая и даже опасная, но он промолчал. В конце коридора появился пышущий здоровьем слуга и стал наста- роже.

— Такие люди, как вы, сэр, — сказал Фиппс, — позорят человеческий род.

Мистер Хупдрайвер сунул руки в карманы.

— Да кто вы такие, черт вас возьми? — свирепо воскликнул он.

— А кто вы такой, сэр? — ответил ему Фиппс. — Кто вы такой? Вот в чем вопрос. Что вы собой представляете и чем занимаетесь, странствуя с молоденькой несовершеннолетней девушкой?

— Не разговаривайте вы с ним, — сказал Дэнгл.

— Я вовсе не намерен раскрывать все свои секреты первому встречному, — сказал Хупдрайвер. — Этого вы от меня не дождетесь. — И со злостью добавил: — Я говорю это вам, сэр.

Они с Фиппсом стояли, расставив ноги, и крайне свирепо глядели друг на друга, и одному богу известно, до чего бы тут дошло, если бы в дверях не появился раскрасневшийся, но вполне спокойный долговязый священник.

— Ох уж эта анахроническая юбка, — буркнул долговязый священник в дверях, по-прежнему являя собой жертву предрассудков, требующих, чтобы особа духовного сана ездила только на трехколесном велосипеде и только в черном. С минуту он смотрел на Фиппса и Хупдрайвера, затем протянул руку, несколько раз повел пальцем перед лицом Хупдрайвера и сокрушенно произнес: — Ай-яй-яй!.. — Потом еще сказал: — Фу! — и, фыркнув с отвращением, скрылся в дверях столовой, откуда отчетливо доносился голос мисс Мергл, говорившей, что она просто не может этого понять.

Такое крайнее неодобрение сильно подорвало твердость духа мистера Хупдрайвера, а тут еще появился массивный Уиджери, и Хупдрайвер совсем сник.

— Это и есть тот человек? — мрачно спросил Уиджери особо предназначенным для такого случая голосом, исходящим откуда-то изнутри.

— Не делайте ему больно! — сжав руки, взмолилась миссис Милтон. — Как бы он с ней ни обошелся... Никакого насилия!

— Сколько вас еще там? — вызывающе осведомился Хупдрайвер, притиснутый к подставке для зонтов.

— Где же она? Что он с ней сделал? — спросила миссис Милтон.

— Не желаю я стоять здесь и слушать, как меня оскорбляют совершенно незнакомые мне люди, — заявил мистер Хупдрайвер. — И не думайте, что я стану это терпеть. Послушать вас, так я съел эту вашу мисс Милтон.

— Я здесь, мама, — услышался голос Джесси, внезапно появившейся на пороге столовой. Лицо ее было белым, как мел.

Миссис Милтон пробормотала что-то насчет родного ребенка и в порыве чувств бросилась к Джесси. Они, обнявшись, исчезли в столовой. Уиджери хотел было последовать за ними, но остановился.

— Убирайтесь-ка лучше подобру-поздорову, — сказал он, обращаясь к мистеру Хупдрайверу, — а то придется вам отвечать на весьма малоприятные вопросы.

— И не подумаю, — сказал мистер Хупдрайвер, и от такой смелости у него даже дух захватило. — Я здесь для того, чтобы защищать эту юную леди.

— Думается, вы уже достаточно причинили ей зла, — сказал Уиджери.

— Ясное дело! — угрожающе поддакнул Фиппс.

— Я выйду в сад и посижу там, — с достоинством заявил мистер Хупдрайвер. — Там я и буду.

— Не ссорьтесь вы с ним, — сказал Дэнгл.

На пороге столовой показался священник, он вышел, прикрыв за собой дверь.

Мистер Хупдрайвер с минуту вызывающе смотрел вокруг, затем направился в сад. Но за этой внешней храбростью таилась буря тревожных опасений. За кого они его приняли? Могут ли они ему что-нибудь сделать? Ведь он же не причинил никакого зла! Не под опекой же она находится! Во всяком случае, он надеялся услышать от ее мачехи благодарность.

Реальный мир снова обступил нас, и наше сентиментальное путешествие окончено. Представьте себе перед гостиницей «Рыжий камень» целую выставку различных средств передвижения на колесах, возле которой с важным и внушительным видом стоят Дэнгл и Фиппс, а также владелец изысканной двуколки из Рингвуда. Уиджери и священник маячат в вестибюле гостиницы, видимо прислушиваясь к приглушенным звукам, доносящимся изнутри. В саду за домом на скамейке в состоянии нервной прострации сидит мистер Хупдрайвер. Сквозь открытое окно одного из номеров доносятся женские голоса, они звучат то громче, то слабее, словно там идет совещание. Время от времени слышится что-то похожее на девичье всхлипывание.

— Ума не приложу, где, черт возьми, она могла его подцепить! — с возмущением говорит Фиппс, обращаясь к Дэнглу.

— Но кто же этот человек в коричневом костюме? — спрашивает священник, обращаясь к Уиджери. — Что-то я не пойму.

И тот же самый вопрос задают в гостинице.

Дама в темно-зеленом, да будет вам известно, — это мисс Мергл, школьная учительница Джесси, которая прежде всего разослала во все стороны множество коротких телеграмм и таким образом ускорила поимку беглянки. Священник по счастливому стечению обстоятельств был знаком с мисс Мергл и встретился им, когда они сошли с поезда в Рингвуде. Едва ли нужно добавлять, что гениальная мысль воспользоваться услугами велосипедного магазина родилась в наполеоновском мозгу Дэнгла.

Миссис Милтон склонна была закатить чувствительную сцену, однако Джесси мягко, но решительно отклонила изъявление чувств с ее стороны и открыла полемику.

— Почему это за мной устроили такую нелепую погоню? — спросила она, когда священник направился к выходу.

— А почему ты вела себя так нелепо? — спросила мисс Мергл.

— Джесси, — трепетным голосом воззвала к ней миссис Милтон. — Скажи мне...

— До чего дойдут нынешние девушки, — перебила ее мисс Мергл, — просто трудно себе представить. И откуда только они набираются таких сумасбродных идей? Все это хорошо в романах...

— Скажи, кто этот человек? — продолжала миссис Милтон. — Где ты с ним познакомилась? Почему ты вдруг убежала с ним?

— В жизни не видела, чтобы так нелепо и странно переиначивали все, чему я учила, — сказала мисс Мергл. — Просто не представляю себе, какое можно найти оправдание...

— Он выглядит таким простым, таким вульгарным...

— Разъезжать вот так по всей стране...

— Неужели тебе *ничего* сказать?

— Если бы, — сказала Джесси, — вы дали мне хоть слово выговорить...

— Говори же! — приказала миссис Милтон.

— Это так ужасно! — воскликнула мисс Мергл.

— Этот молодой человек, — начала Джесси, — один из самых храбрых, самых бескорыстных, самых деликатных...

— Конечно, конечно, — сказала миссис Милтон. — Но где ты все же могла познакомиться с таким человеком?

— С этим образцом совершенства? — добавила мисс Мергл.

— Он спас меня.

— Скажите пожалуйста!

— От вашего друга мистера Бичемела! — Тут нервы у Джесси не выдержали, и она расплакалась.

— Мистера Бичемела?! — воскликнула миссис Милтон, сразу предположив самое ужасное. — О!

— Что такое? — спросила мисс Мергл. — Уж конечно этот ужасный человек...

— Мистер Бичемел догадался, что я недовольна была своей жизнью дома. И он уговорил меня... наболтал мне всякой чепухи... — Джесси замялась.

— Ну и что же?

— Женщины пишут в книгах насчет свободы, и чтобы жить так, как хочется, и тому подобное. Но такой свободы не существует, человек должен работать для того, чтобы жить, если он не хочет жить за счет кого-то другого. Я обо всем этом не подумала. Мне хотелось чего-то добиться в жизни, стать кем-то, что-то делать — самоотверженное, благородное.

— Точка зрения в высшей степени эгоистическая, — прервала ее мисс Мергл, — все о себе, о своих мечтах...

— А мистер Бичемел? — с расстановкой повторила миссис Милтон.

— Он давал мне читать книги, настраивал меня против праздной жизни, которую я вела, уговаривал уехать с ним. Он говорил, что поможет мне занять свое место в жизни.

Она умолкла.

— Ну и что же дальше?

— Он хотел заставить меня выйти за него замуж!

— Господи помилуй! — воскликнула мисс Мергл. — Как же так? Это же двоеженство!

— Продолжай же, — сказала миссис Милтон, теребя носовой платок. — Продолжай. Расскажи нам, что же все-таки было... Он бросил тебя?

— Мы путешествовали как брат и сестра.

— Так, так!

— Но... этот вульгарный молодой человек, как вы его называли, который сидит сейчас на улице, увидел нас и кое о чем догадался.

— Ну и что же?

— И когда мне уже казалось, что... я попала в западню, он вмешался. Если бы вы знали, как мужественно, как решительно, как скромно он себя вел!.. Совсем по-рыцарски!

— Ну, а мистер Бичемел... — начала было миссис Милтон.

— Почему же ты не вернулась домой? Почему он не привез тебя сразу домой, — спросила мисс Мергл, — после того, как избавил от этого... человека?

— Наверно, потому, что мне было... очень стыдно. Потому, что мне не хотелось возвращаться домой после поражения. Я как-то всего этого не сознавала. Мне казалось, что я все-таки смогу жить независимо...

— Но он-то знал, что это не так, этот твой герой из мастеровых, — возразила мисс Мергл. — Уж он-то, конечно, знал. И не говори мне...

— Он изучал меня.

— Должно быть, он какой-то удивительно слабовольный молодой человек, если позволил своенравной девчонке, едва достигшей семнадцати лет, таскать себя по всем дорогам...

— Ничего не понимаю! — простила миссис Милтон.

— Какая дичь! Какое нелепое поведение! — негодовала мисс Мергл. — Я могу приписать твои действия только духу беспокойства...

— Я все сделала, чтобы уберечь тебя, Джесси, — сказала миссис Милтон.

— Уберечь меня! Что вы хотите этим сказать? — спросила Джесси.

— Я всем говорила, что ты отправилась в гости... к друзьям, которые живут далеко отсюда. Ни одна живая душа в Сэрбитоне...

— ...этому духу беспокойства, — продолжала мисс

Мергл, — который охватил столько женщин в наше суетно-праздное время...

— Но почему надо лгать? — спросила Джесси. — Почему люди не должны знать правду обо мне и о том, что я сделала? Я не вижу тут ничего такого...

— Дорогая моя! — воскликнула миссис Милтон. — Твоя репутация будет погублена!

— Но почему?

— Прочти «Сезам и лилии», — посоветовала мисс Мергл. — Почитай Шекспира... или Кристину Росетти. Там по крайней мере ты найдешь возвышенные идеалы...

Однако ни мачеха, ни падчерица не обратили ни малейшего внимания на ее слова.

— Почему моя репутация будет погублена? И что это значит?

— Никто в Сэрбитоне никогда больше не пригласит тебя к себе! — сказала миссис Милтон. — Ты станешь парией. Перед тобой закроются все двери...

— Но я же не сделала ничего плохого! — сказала Джесси. — Все это только условности...

— А все будут считать, что сделала.

— Неужели я должна лгать из-за того, что кто-то может не так подумать? Глупо! И потом, кому нужны люди, которые так думают?

— Милое мое дитя, ты просто не понимаешь...

А мисс Мергл тем временем, нимало не заботясь, слушают ее или нет, продолжала пространные рассуждения об Идеалах, Истинной Женственности, Необходимости блюсти сословные границы, о Здоровой Литературе и т. п.

— Простая, здоровая, честная жизнь... — говорила она.

— Вот и мисс Мергл скажет тебе то же самое, — воззвала к ее поддержке миссис Милтон, и мисс Мергл тотчас прервала свои излияния и подтвердила, как важно держать в тайне поездку Джесси.

— Люди считают, что ты уехала в гости, — сказала мисс Мергл, — и если не возбудить их подозрений, они никогда не станут расспрашивать тебя. Нет ни одного довода за то, чтобы люди это знали, и все за то, чтобы они ничего не знали...

— И это значит жить безбоязненно и честно!

— Если ты в самом деле хочешь жить безбоязненно и честно, ты не должна так безрассудно поступать, — изрекла мисс Мергл, озаренная блестящим наитием.

Тем временем мистер Хупдрайвер с грустным видом сидел в саду на солнышке. Кончилось его чудесное путешествие — во всяком случае, путешествие с ней; познав удар

судьбы, разделивший их, он понял, что значили для него эти дни. Он попытался угадать, каково же ее общественное положение. Конечно, ее вернут в тот мир, к которому она принадлежит, на недоступные ему светские высоты. И она снова станет неприступной Юной Леди.

Позволят ли ему проститься с ней?

Как необыкновенно все было! Ему вспомнилось, как он впервые увидел ее: она ехала по дороге вдоль реки, освещенная сзади солнцем; вспомнилась ему и чудесная ночь в Богноре, и ему казалось, что все произошло потому, что он этого хотел. Здорово он тогда себя показал! «Какой вы храбрый, какой храбрый!» — сказала она ему. А потом, когда она утром спустилась к нему — такая милая, такая уравновешенная, — она все время была уравновешенная. Но быть может, ему следовало уговорить ее вернуться домой? Он вспомнил, что такое намерение у него было. А теперь эти люди отобрали ее у него, словно он не имеет права жить с ней на одной планете. А ведь и в самом деле! Он чувствовал, что воспользовался ее незнанием жизни, иначе она не путешествовала бы с ним столько дней. Она была так изысканна, так мила, так спокойна. Он стал вспоминать выражение ее лица, блеск ее глаз, поворот головы.

К черту! Недостоин он даже того, чтобы идти по одной с ней дороге. И никто недостоин. Предположим, ему позволят проститься с ней. Что он ей скажет? *Это?* Да, скажет. Но они, конечно, не разрешат ему говорить с ней наедине. Тут будет ее мачеха в качестве — как это называется? — дуэньи. Сколько возможностей он упустил! А ведь ему еще ни разу не довелось признаваться в своих чувствах, да, собственно, только сейчас он начал понимать, что он чувствовал. Любовь! Нет, он никогда не посмеет произнести это слово. Скорее это — обожание. Если бы только ему представился хотя бы еще один случай! И этот случай должен представиться когда-нибудь, где-нибудь. Тогда он сумеет излить перед ней душу и будет красноречив. Он чувствовал, что будет красноречив и сумеет найти слова. Хоть он и пыль под ее ногами...

Размышления его были прерваны звуком открываемой двери. Дверь под балконом открылась, и в тени его показалась Джесси.

— Пойдемте отсюда, — сказала она Хупдрайверу, поднявшемуся ей навстречу. — Я возвращаюсь с ними домой. Придется нам проститься.

Мистер Хупдрайвер открыл было рот, закрыл его и молча последовал за ней.

Сначала они шли молча в сторону от гостиницы. Он услышал, как она вздохнула, искоса взглянул на нее и увидел, что губы у нее плотно сжаты, а по щеке катится слеза. Лицо у нее пылало. Она смотрела прямо перед собой. Не в силах придумать, что бы сказать, он засунул руки в карманы и намеренно не смотрел на нее. Через некоторое время заговорила она. Сначала сказала что-то бессвязное насчет пейзажа, потом насчет самообразования. Она взяла его адрес, вернее, адрес компании «Энтробус», и обещала прислать книги. И все же Хупдрайвер чувствовал, что разговор получается какой-то пустой, натянутый, боевой дух Джесси угас. Ему казалось, что она поглощена думами о последнем, проигранном, сражении, и это причиняло ему боль.

«Вот и все,— подумал он.— Она покончила с тобой, Хупдрайвер, старина».

Они спустились в лощину, затем пошли вверх по покато-му, поросшему лесом склону и наконец вышли на высокое открытое место, откуда было видно все вокруг. Там, будто сговорившись, они остановились. Они смотрели на лес, растилавшийся, словно волнистое море, у их ног,— один лесистый холм за другим терялся в синеватой дымке.

Она стояла чуть выше него, и потому, когда она наконец заговорила, ему пришлось смотреть на нее снизу вверх. Она стояла, озаренная солнечным светом, в сером платье, легкая и изящная, заложив за спину руки. Казалось, что она смотрит на него немного свысока. «Так оно и есть,— подумал он,— иначе и быть не может».

— Ну вот,— сказала она,— настала пора прощаться.

С полминуты он молчал. Затем набрался решимости. Кашлянул.

— Я должен сказать вам кое-что.

И умолк.

— Что же? — удивленно спросила она.

— Я ничего не жду. Но...

И снова умолк. Взгляды их встретились.

— Нет, ничего я не скажу. Ни к чему это. Сейчас это прозвучало бы нелепо. Я ничего не хотел вам сказать. Прощайте.

Она смотрела на него, в глазах ее читался испуг.

— Нет,— мягко сказала она.— И не забудьте, что надо работать. А также помните, братец Крис, что вы мой друг. Вы будете работать... Кем вы станете... чего может достичь человек за шесть лет?

Он упорно смотрел прямо перед собой: что-то в нем шевельнулось, и очертания его слабовольного рта словно бы стали тверже. Он знал: она поняла то, чего он не смог высказать. И эти ее слова насчет шести лет равносильны обещанию.

— Я буду работать,— сказал он только.

С минуту они стояли рядом. Потом, кивнув головой в направлении гостиницы, он сказал:

— Я не вернусь к ним туда. Можно? Вы дойдете одна?

Она подумала секунд десять.

— Да,— сказала она и, закусив нижнюю губу, протянула ему руку.

— До свидания,— прошептала она.

Он побелел, повернулся, посмотрел ей в глаза, нерешительно взял ее руку и вдруг, послушный внезапному порыву, поднес ее к губам. Она хотела было вырвать руку, но его пальцы только крепче сжали ее запястье. Она почувствовала прикосновение его губ, но он тотчас выпустил ее руку, отвернулся и зашагал вниз. Шагов через десять нога его попала в заячью нору, он споткнулся и чуть не упал.

Ни разу он не оглянулся назад. Она смотрела ему вслед, пока его фигура там, внизу, не стала совсем маленькой, затем, крепко сжав заложенные за спину руки, медленно пошла к Стони-Кроссу.

— А я и не знала,— шептали ее побелевшие губы,— не догадывалась. Даже сейчас... Нет, я ничего не понимаю.

XLI

так, рассказу нашему, дорогие читатели, пришел конец. Пусть мистер Хупдрайвер лежит в папоротниках, не будем больше за ним подглядывать и прислушиваться, ровно ли он дышит. А о том, что из всего этого получилось, что произошло по истечении шести лет и дальше, здесь не место рассказывать. Собственно говоря, мы и не можем об этом рассказать, ибо, сопоставив даты, вы быстро убедитесь, что эти годы еще впереди.

Но если вы увидели, как простой приказчик, неотесанный малый и к тому же еще дурак, может вдруг дойти до осознания некоторого несовершенства нашей жизни, и в какой-то мере посочувствовали ему, — цель моя достигнута. (Если же мне не удалось ее достигнуть, да простит нам обоим небо!) Не станем мы следовать и за безрассудной юной дамой его сердца в Сэрбитон, где ей предстоит снова сражаться против объединенных усилий Уиджери и миссис Милтон. Ибо, как она вскоре услышит, этот преданный поклонник получил свою награду. Давайте посочувствуем ей тоже.

Описание конца этого великого отпуска — а осталось еще пять дней — тоже лежит за пределами нашего повествования. Можете представить себе тощую, одинокую фигуру в пыльном коричневом костюме, пестрых носках и коричневых ботинках, не предназначенных для езды на велосипеде, мчашуюся в направлении Лондона через Хемпшир и Беркшир и Сэррей. Человек этот в дороге экономен по многим основательным причинам. День за днем продвигается он, и с каждым днем чуточку дальше, на северо-восток.

У этого человека узкие плечи, загорелый и обветренный нос и смуглые, с покрасневшими суставами руки. Вы заметите, что лицо его хранит задумчивое выражение. Время от времени он беззвучно посвистывает, а порой громко восклицает: «А все-таки чертовски здорово все получилось!», — но порой, по-моему, слишком часто он выглядит раздраженным и отчаявшимся.

— Я знаю, — говорит он, — знаю, что все кончено. Куда мне! Разве ты мужчина, Хупдрайвер? Посмотри на свои дурацкие руки! О господи! — И, охваченный внезапной яростью, он какое-то время мчитя во весь дух.

А потом лицо его снова проясняется. «Даже если я ее не увижу, — думает он, — она ведь обещала прислать мне книги». И мысль эта приносит ему некоторое облегчение. Потом приходит другая мысль: «Книги?! Ну что значат книги?» А иной раз воспоминания о пережитых приключениях оживляют его взор.

— А я все-таки сорвал его игру, — произносит он вслух. — Сорвал!

В такие минуты его можно даже назвать счастливым. Но бывают у него и минуты сомнений.

— А что, если человек будет стараться изо всех сил, что ему это даст?

Словом, в уме у этого человека царит полный хаос, и одному небу известно, что из всего этого получится. Слишком много в голове у него теснится всяких дум, а потому он больше не позирует и лишь изредка заговаривает с теми, кто встречается ему на пути. Машина его, заметьте, выкрашена серой эмалевой краской и снабжена звучным звонком.

Человек этот проезжает через Бейзингсток, Бэгшот, Стейнз, Хэмптон и Ричмонд. И наконец на Главной улице Путни, освещенной последними лучами теплого августовского солнца, в толпе учеников, деловито запирающих лавки, девушек-мастериц, возвращающихся после работы домой, служащих, покидающих свои конторы, среди белых автобусов, везущих запоздалых клерков и дельцов из Сити домой обедать, мы прощаемся с нашим героем. Он вернулся к себе. Завтра надо рано вставать, вытирать пыль, заниматься все той же обыденщиной, начинать все сначала, с той лишь разницей, что теперь появились чудесные воспоминания и еще более чудесные мечты, а на смену противоречивым желанием пришли честолобивые планы.

На углу Главной улицы он повернул, со вздохом слез с велосипеда и повел машину к воротам фирмы «Энтробус»,

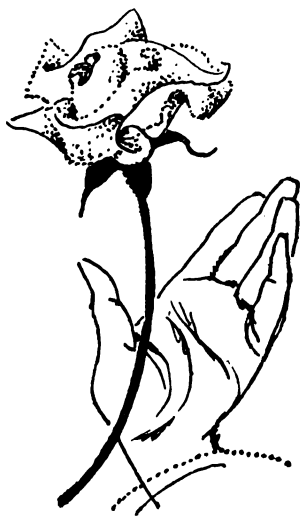
которые распахнул перед ним ученик в высоком воротничке. Послышались слова приветствия. Вы слышите: «Южное побережье» и «Погода стояла великолепная — просто великолепная». Он вздыхает: «Да, обменял за два соверена. Чертовски хорошая машина. Жаль только, какой-то идист выкрасил ее...»

Ворота за ним с грохотом захлопнулись, и он исчез с наших глаз.

1896

**ЛЮДИ
КАК БОГИ**

Книга первая

ВТОРЖЕНИЕ ЗЕМЛЯН

Глава первая

МИСТЕР БАРНСТЕЙПЛ РЕШАЕТ ОТДОХНУТЬ

1

Мистер Барнстейпл почувствовал, что самым настоящим образом нуждается в отдыхе, но поехать ему было не с кем и некуда. А он был переутомлен. И он устал от своей семьи.

По натуре он был человеком очень привязчивым; он нежно любил жену и детей и поэтому знал их наизусть, так что в подобные периоды душевной подавленности они его невыносимо раздражали. Трое его сыновей, дружно взрослевшие, казалось, с каждым днем становились все более широкоплечими и долговязыми; они усаживались именно в то кресло, которое он только что облюбовал для себя; они доводили его до иступления с помощью им же купленной пианолы; они сотрясали дом оглушительным хохо-

том, а спросить, над чем они смеются, было неудобно; они перебивали ему дорогу в безобидном отеческом флирте, до тех пор составлявшем одно из главных его утешений в этой юдоли скорби; они обыгрывали его в теннис; они в шутку затевали драки на лестничных площадках и с невообразимым грохотом по двое и по трое катились вниз. Их шляпы валялись повсюду. Они опаздывали к завтраку. Каждый вечер они укладывались спать под громовые раскаты: «Ха-ха-ха! Бац!» — а их матери это как будто было приятно. Они обходились недешево, но вовсе не желали считаться с тем, что цены растут в отличие от жалованья мистера Барнстейпла. А когда за завтраком или обедом он позволял себе без обиняков высказаться о мистере Ллойд Джордже или пытался придать хоть некоторую серьезность пустой застольной болтовне, они слушали его с демонстративной растерянностью... во всяком случае, так ему казалось.

Ему страшно хотелось уехать от своей семьи куда-нибудь подальше, туда, где он мог бы думать о жене и сыновьях с любовью и тихой гордостью или не думать совсем...

А кроме того, ему хотелось на некоторое время уехать подальше от мистера Пиви. Городские улицы стали для него источником мучений — он больше не мог выносить даже вида газет или газетных афишек. Его томило гнетущее предчувствие гигантского финансового и экономического краха, по сравнению с которым недавняя мировая война покажется сущим пустяком. И все это объяснялось тем, что он был помощником редактора и фактотумом в «Либерале», известном рупоре наиболее унылых аспектов передовой мысли, и неизбежный пессимизм его шефа, мистера Пиви, заражал его все больше и больше. Прежде ему удавалось как-то сопротивляться мистери Пиви, подшучивая над его мрачноватостью в частных беседах с другими сотрудниками, но теперь в редакции не было других сотрудников: мистер Пиви уволил их в особенно остром припадке финансового пессимизма. Практически теперь для «Либерала» писали регулярно только мистер Барнстейпл и мистер Пиви, так что мистер Барнстейпл оказался в полной власти мистера Пиви. Глубоко засунув руки в карманы брюк и сгорбившись в своем редакторском кресле, мистер Пиви весьма мрачно оценивал положение вещей, иногда не умолкая по два часа подряд. Мистер Барнстейпл от природы был склонен надеяться на лучшее и верил в прогресс, однако мистер Пиви безапелляционно утверждал, что вера в прогресс вот уже шесть лет как полностью устарела и что либерализму остается надеяться разве только на скорый приход какого-

нибудь Судного Дня. Затем, завершив передовицу, которую сотрудники редакции — когда в ней еще были сотрудники — имели обыкновение называть его «еженедельным несварением», мистер Пиви удалялся, предоставляя мистеру Барнстейплу заботиться об остальной части номера для следующей недели.

Даже в обычные времена терпеть общество мистера Пиви было бы нелегко, но времена отнюдь не были обычными; они слагались из крайне неприятных событий, которые давали достаточно оснований для мрачных предчувствий. Уже месяц в угольной промышленности длился широчайший локдаун, казалось, предвещавший экономическую гибель Англии; каждое утро приносило вести о новых возмутительных инцидентах в Ирландии — инцидентах, которые невозможно было ни простить, ни забыть; длительная засуха угрожала погубить урожай во всем мире; Лига Наций, от которой мистер Барнстейпл в великие дни президента Вильсона ожидал огромных свершений, оказалась жалкой самодовольной пустышкой; повсюду царили вражда и безумие; семь восьмых мира, казалось, стремительно приближались к состоянию хронического хаоса и социального разложения. Даже и без мистера Пиви было бы трудно сохранять оптимизм перед лицом таких фактов.

И действительно, организм мистера Барнстейпла переставал вырабатывать надежду, а для людей его типа надежда — необходимый фермент, без которого они оказываются неспособными переваривать жизнь. Свою надежду он всегда возлагал на либерализм и на его благородные усилия, но теперь он постепенно начинал склоняться к мысли, что либерализм способен только сидеть, сгорбившись и засунув руки в карманы, и брюзгливо ворчать по поводу деятельности людей менее возвышенного образа мыслей, но зато более энергичных, чьи свары неизбежно погубят мир.

И теперь мистер Барнстейпл днем и ночью терзался мыслями о положении в мире. И ночью даже больше, чем днем, поскольку у него началась бессонница. А кроме того, его неотступно преследовало отчаянное желание выпустить собственный номер «Либерала», целиком его собственный, — изменить макет после ухода мистера Пиви, выбросить все желчные излияния, все пустопорожние нападки на такую-то или такую-то ошибку, злорадное смакование жестокостей и несчастий, раздувание простых, естественных человеческих грешков мистера Ллойд Джорджа в преступления, выбросить все призывы к лорду Грью, лорду Ро-

берту Сесилию, лорду Лэнсдауну, королеве Анне или императору Фридриху Барбароссе (адресат менялся из недели в неделю) воскреснуть, дабы выразить и воплотить юные надежды возрожденного мира,— выбросить все это и взамен посвятить номер... Утопии! Сказать пораженным читателям «Либерала»: «Вот то, что необходимо сделать! Вот то, что мы собираемся сделать!» Как ошарашен будет мистер Пиви, когда в воскресенье за завтраком он откроет свою газету! От такого удара у него, пожалуй, повысится выделение желудочного сока, и ему, быть может, удастся переварить хотя бы этот завтрак!

Но все это были только пустые мечты... Дома его ждали три юных Барнстейпла, и он был обязан всемерно облегчить им начало самостоятельной жизни. А кроме того, хотя в мечтах это представлялось замечательным, мистер Барнстейпл в глубине души испытывал крайне неприятную уверенность, что для осуществления подобного замысла у него не хватит ни ума, ни таланта. Он обязательно все испортит...

Ведь из огня можно угодить и в поल्याна. «Либерал» был унылой, пессимистической, брюзгливой газетой, но его по крайней мере нельзя было назвать ни подлой, ни вредной газетой.

Но как бы то ни было, во избежание подобного катастрофического взрыва мистеру Барнстейплу настоятельно требовалось некоторое время отдохнуть от мистера Пиви. Он и так уже раза два начинал ему противоречить. Ссора могла вспыхнуть в любую минуту. И совершенно очевидно, что в качестве первого шага к отдыху от мистера Пиви надо было посетить врача. И вот мистер Барнстейпл отправился к врачу.

— У меня шалют нервы,— сказал мистер Барнстейпл.— Мне кажется, я становлюсь ужасным неврастеником.

— Вы больны неврастенией,— сказал врач.

— Я чувствую отвращение к моей работе.

— Вам необходимо отдохнуть.

— Вы полагаете, что мне следует переменить обстановку?

— Настолько радикально, насколько это возможно.

— Не посоветуете ли вы, куда мне лучше всего поехать?

— А куда вам хотелось бы поехать?

— Да никуда конкретно. Я думал, вы посоветуете...

— Облюбуйте какое-нибудь место... и поезжайте туда.

Ни в коем случае не насилуйте сейчас ваших желаний.

Мистер Барнстейпл заплатил доктору положенную гинеею и, вооружившись этими наставлениями, приготовился ждать подходящего случая, чтобы сообщить мистеру Пиви о своей болезни и о том, что ему требуется отпуск.

2

В течение некоторого времени этот будущий отдых оставался всего лишь новым добавлением к бремени тревог, терзавших мистера Барнстейпла. Решиться уехать значило столкнуться с тремя на первый взгляд непреодолимыми трудностями: каким образом уехать? Куда? И — поскольку мистер Барнстейпл принадлежал к числу людей, которым весьма быстро надоедает собственное общество, — с кем? Уныние, последнее время не сходившее с лица мистера Барнстейпла, теперь порой внезапно сменялось хитровой настороженностью тайного интригана. Впрочем, никто не обращал особого внимания на выражение лица мистера Барнстейпла.

Одно ему было совершенно ясно: домашние ни в коем случае не должны догадаться о его планах. Если миссис Барнстейпл проведает о них, то дальнейшее известно: она преданно и деловито возьмет на себя все заботы. «Тебе надо отдохнуть как следует!» — скажет она. Затем она выберет какой-нибудь отдаленный и дорогой курорт в Корнуэлле, Шотландии или Бретани, накупит массу дорожных вещей, будет то и дело что-нибудь добавлять, так что в последнюю минуту багаж обрастет множеством неудобных пакетов, и непременно захватит с собой сыновей. Она, возможно, кроме того, уговорит нескольких знакомых поехать туда же, «чтобы было весело». А эти знакомые, если они поедут, наверняка прихватят с собой худшие стороны своего характера и будут надоедать ему с поразительной неутомимостью. Говорить будет не о чем. Все будут вымученно смеяться. Играть в бесконечные игры... Нет!!!

Но может ли муж уехать отдыхать так, чтобы об этом не проведала его жена? Надо ведь уложить чемодан, незаметно вынести его из дому...

Однако в положении мистера Барнстейпла имелось одно обстоятельство, которое, с точки зрения мистера Барнстейпла, обещало надежду на благополучный исход: у него был маленький автомобиль, и пользовался им только он один. Естественно, что в его тайных планах этому автомобилю отводилась существенная роль. Он, казалось, давал

наиболее простую возможность уехать; он превращал ответ на вопрос «куда?» из точного названия конкретного места в то, что математики, если не ошибаюсь, называют траекторией; и в этой зверушке было что-то настолько уютно-добродушное, что она, хотя и в малой степени, но все же отвечала на вопрос «с кем?». Это был двухместный автомобильчик. В семье его называли «лоханкой», «горчицей Колмена» и «желтой опасностью». По этим прозвищам нетрудно догадаться, что это была низкая открытая машина пронзительно-желтого цвета. Мистер Барнстейпл ездил на ней из Сайденхеме в редакцию, потому что она расходовала всего один галлон бензина на тридцать три мили, и это обходилось намного дешевле сезонного билета. Днем автомобильчик стоял под окнами редакции во дворе, а в Сайденхеме жил в сарае, единственный ключ от которого мистер Барнстейпл всегда носил с собой. Благодаря этому сыновьям мистера Барнстейпла пока еще не удалось ни завладеть автомобилем, ни разобрать его на составные части. Иногда миссис Барнстейпл, отправляясь за покупками, заставляла мужа возить ее по Сайденхему, но в глубине души она недолюбливала автомобильчик, потому что он отдавал ее на произвол ветра, который покрывал ее пылью и трепал прическу. Все, что автомобильчик делал возможным, и все, что он делал невозможным, превращало его в наилучшее средство для столь необходимого отдыха. А кроме того, мистер Барнстейпл любил ездить на своем автомобиле. Правил он очень скверно, но зато крайне осторожно, и хотя автомобильчик порой останавливался и отказывался ехать дальше, он (во всяком случае, до сих пор) еще ни разу не позволил себе того, чего мистер Барнстейпл привык ожидать от большинства вещей, с которыми сталкивался в жизни, а именно не ехал прямо на восток, когда мистер Барнстейпл поворачивал рулевое колесо прямо на запад. И в его обществе мистер Барнстейпл чувствовал себя хозяином положения, а это было приятное чувство.

И все же окончательное решение мистер Барнстейпл принял почти внезапно. Ему неожиданно представился удобный случай. По четвергам он бывал в типографии и в этот четверг вернулся вечером домой совсем обессиленный. Палящая жара упорно не спадала и не становилась более сносной из-за того, что засуха сулила голод и горе половине населения земли. А лондонский сезон, элегантный и ухмыляющийся, был в полном разгаре: глупостью он, пожалуй, умудрился превзойти даже лето 1913 года — великого года танго, который в свете последующих событий мистер

Барнстейпл до сих пор считал глупейшим годом во всей истории человечества. «Стар» сообщала обычный набор скверных новостей, скромно ютившихся по соседству со спортивной и светской хроникой, занимавшими наиболее видное место. Продолжались бои между русскими и поляками, а также в Ирландии, Малой Азии, на индийской границе и в Восточной Сибири. Произошло еще три зверских убийства. Горняки по-прежнему бастовали, и вот-вот должна была вспыхнуть большая стачка машиностроительных рабочих. На скамьях пригородного поезда не нашлось ни одного свободного местечка, и он тронулся с опозданием на двадцать минут.

Дома мистер Барнстейпл нашел записку от жены: ее родственники прислали телеграмму из Уимблдона о том, что неожиданно возникла возможность посмотреть игру мадемуазель Ленглен и всех других теннисных чемпионов,— она уехала с мальчиками, и они вернутся очень поздно. Мальчикам необходимо посмотреть настоящий теннис, тогда они и сами станут играть лучше, писала она. Кроме того, сегодня у горничной и кухарки свободный вечер. Он не очень рассердится, если ему разок придется посидеть дома одному? Кухарка перед уходом оставит ему в столовой холодный ужин.

Мистер Барнстейпл прочел эту записку с чувством покорности судьбе. Ужиная, он просмотрел брошюру, которую ему прислал знакомый китаец, чтобы показать, как японцы сознательно уничтожают все, что еще сохранилось от китайской цивилизации и культуры.

И только когда мистер Барнстейпл после ужина устроился с трубкой в садике позади дома, он вдруг сообразил, какие возможности открывает перед ним его неожиданное одиночество.

Он начал действовать немедленно. Он позвонил мистеру Пиви, сообщил ему о заключении врача, объяснил, что именно сейчас его отъезд может пройти для «Либерала» почти безболезненно, и добился желанного отпуска. Потом он поспешил к себе в спальню, торопливо уложил необходимые вещи в старый саквояж, исчезновение которого вряд ли могло быть скоро замечено, и спрятал его в багажник автомобиля. Вернувшись в дом, он довольно долго трудился над письмом жене, которое затем засунул в нагрудный карман пиджака.

Когда с этим было покончено, он запер сарай и расположился в саду в шезлонге с трубкой и хорошей, обстоятельной книгой, посвященной банкротству Европы, чтобы

жена и сыновья, вернувшись домой, не заподозрили ничего необычного.

Вечером он словно между прочим сообщил жене, что у него последнее время пошаливают нервы и что на следующий день он поедет в Лондон посоветоваться с врачом.

Миссис Барнстейпл хотела было сама выбрать для него доктора, но он вышел из затруднения, заявив, что в этом вопросе ему следует считаться с желаниями Пиви и что Пиви настоятельно рекомендовал ему своего доктора (того самого, с которым он на самом деле уже советовался). А когда миссис Барнстейпл сказала, что, по ее мнению, им всем нужно как следует отдохнуть, он буркнул в ответ что-то невнятное.

Таким образом, мистеру Барнстейплу удалось уехать из дому, захватив все необходимое для нескольких недель отдыха и не вызвав сопротивления, которое ему вряд ли удалось бы преодолеть. На следующее утро, выехав на шоссе, он повернул в сторону Лондона. Движение по шоссе было оживленным, но не настолько, чтобы затруднить мистера Барнстейпла, и «желтая опасность» вела себя так хорошо и мило, что ее стоило бы переименовать в «золотую надежду». В Камберуэлле он свернул на Камберуэлл-ню-роуд и остановился у почты в конце Воксхолл-бридж-роуд. Пугаясь и радуясь собственной смелости, он пошел на почту и отправил жене следующую телеграмму:

«Доктор Пейген настоятельно рекомендует немедленный отдых одиночество отправляю Озерный край предполагая это захватил саквояж вещи подробности письмом».

Затем, выйдя на улицу, он порылся в кармане, вытащил письмо, которое так старательно сочинял накануне, и бросил его в ящик. Оно специально было написано каракулями, долженствовавшими навести на мысль об острой форме неврастении. Доктор Пейген, говорилось в нем, прописал немедленный отдых и посоветовал «побродить по северу». Ему полезно будет несколько дней или даже неделю не писать и не получать писем. Он не станет писать, если только не произойдет какого-нибудь несчастья. Нет вестей — значит, хорошие вести. И вообще все будет отлично. Как только он решит, где остановиться, он протелеграфирует адрес, но писать ему следует только в случае крайней необходимости.

После этого мистер Барнстейпл снова уселся за руль с блаженным чувством свободы, какого не испытывал с тех пор, как в первый раз уехал из школы на каникулы. Он собирался выбраться на Большое Северное шоссе, но попал

в затор у Гайд-парка Корнер и, следуя указанию полицейского, повернул в сторону Найтсбриджа, а когда оказался на перекрестке, где от Оксфордского шоссе ответвляется шоссе на Бат, то, не желая ожидать, пока тяжелый фургон освободит ему путь, свернул на дорогу в Бат. Это ведь не имело ни малейшего значения. Любое шоссе вело вдаль, а отправиться на север можно будет и позже.

3

День был ослепительно солнечный, как почти все дни великой засухи 1921 года. Однако он несколько не был душным. В воздухе даже чувствовалась свежесть, очень подходившая к бодрому настроению мистера Барнстейпла, и его не покидала уверенность, что ему предстоят всякие приятные приключения. Надежда вновь вернулась к нему. Он знал, что этот путь уведет его далеко от мира привычных вещей, но ему и в голову не приходило, какая пропасть отделит его от мира привычных вещей в конце этого пути. Он с удовольствием думал, что скоро остановится у какой-нибудь придорожной гостиницы и перекусит, а если ему станет скучно, то, отправившись дальше, он подвезет кого-нибудь, чтобы было с кем поговорить. А найти попутчика будет нетрудно: он готов ехать в любом направлении, лишь бы не назад к Сайденхему и редакции «Либерала».

Едва он выехал из Слау, как его обогнал огромный серый автомобиль. Мистер Барнстейпл вздрогнул и шарахнулся в сторону. Серый автомобиль, даже не просигналив, скользнул мимо, и хотя, согласно лишь чуть-чуть привиравшему спидометру, мистер Барнстейпл ехал со скоростью добрых двадцати семи миль в час, эта машина обогнала его за одну секунду. В ней, заметил он, сидело трое мужчин и одна дама. Все они сидели выпрямившись и повернув головы, словно интересуясь чем-то, оставшимся позади. Они промелькнули мимо очень быстро, и он успел разглядеть только, что дама ослепительно красива яркой и бесспорной красотой, а ее спутник, сидящий слева, похож на состарившегося эльфа.

Не успел мистёр Барнстейпл опомниться от этого происшествия, как другой автомобиль, наделенный голосом доисторического ящера, предупредил, что собирается его обогнать. Мистер Барнстейпл любил, чтобы его обгоняли именно так, после надлежащих переговоров. Он уменьшил скорость, освободил середину шоссе и сделал приглашающий жест. Большой, стремительный лимузин внял его раз-

решенно воспользоваться тридцатью с лишком футами освободившейся ширины дороги. В лимузине было много багажа, но из всех пассажиров мистер Барнстейпл успел заметить только молодого человека с моноклом в глазу, сидевшего рядом с шофером. Вслед за серым автомобилем лимузин исчез за ближайшим поворотом.

Однако даже механизированная лоханка возмутится, если ее столь высокомерно обгоняют в такое солнечное утро на свободной дороге. Акселератор мистера Барнстейпла пошел вниз, и он миновал этот поворот на добрых десять миль быстрее, чем позволяла его обычная осторожность. Шоссе впереди было пустынно.

Даже слишком пустынно. Оно отлично просматривалось на треть мили вперед. Слева его окаймляла низкая, аккуратно подстриженная живая изгородь, за ней виднелись купы деревьев, ровные поля, за ними — небольшие домики, одинокие тополя, а вдали — Виндзорский замок. Справа расстился ровный луг, стояла маленькая гостиница, а дальше тянулась цепь невысоких лесистых холмов. Самым ярким пятном на этом мирном ландшафте была реклама какого-то отеля на речном берегу в Мейденхед. Над полотном дороги колебалось жаркое марево и крутились крохотные пылевые смерчи. И нигде не было видно серого автомобиля, и нигде не было видно лимузина.

Мистеру Барнстейплу потребовалось почти целых две секунды, чтобы осознать всю поразительность этого факта. Ни справа, ни слева от шоссе не отвечалось ни одной дороги, на которую могли бы свернуть эти автомобили. Если они уже успели скрыться за дальним поворотом, это означало, что они мчались со скоростью двести, а то и триста миль в час!

У мистера Барнстейпла было похвальное обыкновение снижать скорость в тех случаях, когда он терялся. Он снизил скорость и сейчас. Он ехал не быстрее пятнадцати миль в час, изумленно озираясь по сторонам в поисках разгадки этого таинственного исчезновения. Как ни странно, у него не было ощущения, что ему угрожает какая-то опасность.

Но тут автомобиль словно наткнулся на что-то, и его занесло. Он повернул так стремительно, что на секунду мистер Барнстейпл совсем потерял голову. Он не мог вспомнить, что надо делать в таких случаях. Правда, ему смутно мерещилось, что полагается повернуть руль в сторону заноса, но в горячке волнения он никак не мог сообразить, в какую именно сторону занесло автомобиль.

Потом он вспоминал, что в это мгновение услышал какой-то звук. Именно такой, каким разрешается накапливавшееся давление, резкий, словно звон оборвавшейся струны, который слышишь, когда теряешь сознание под наркозом или когда приходишь в себя.

Ему казалось, что автомобиль завернуло к живой изгороди справа, однако дорога по-прежнему простиралась прямо перед ним. Он нажал было на акселератор, но тут же затормозил и остановился. Он остановился, пораженный удивлением.

Это было совсем не то шоссе, по которому он ехал всего тридцать секунд назад. Изгородь изменилась, деревья стали другими, Виндзорский замок исчез, и в качестве некоторой компенсации впереди вновь возник большой лимузин. Он стоял у обочины ярдах в двухстах дальше по дороге.

Глава вторая

УДИВИТЕЛЬНАЯ ДОРОГА

1

В течение некоторого времени внимание мистера Барнстейпла в очень неравной пропорции раздваивалось между лимузином, пассажиры которого тем временем вышли на дорогу, и окружавшим его ландшафтом. Этот последний был настолько удивителен и прекрасен, что группа людей впереди занимала мистера Барнстейпла лишь постольку, поскольку он предполагал, что они должны были разделять его изумление и восторг и, значит, могли как-то помочь ему рассеять его все растущее недоумение.

Сама дорога уже не была обычным английским шоссе из спрессованной гальки и грязи, покрытой варом, на который налип всякий мусор, пыль и экскременты животных. Оно, казалось, было сделано из стекла, то прозрачного, как вода тихого озера, то молочно-белого или жемчужного, пронизанного радужными прожилками или сверкающими облачками золотистых снежинок. Шириной она была ярдов в двенадцать-пятнадцать. По обеим ее сторонам зеленела трава, прекрасней которой мистеру Барнстейплу не приходилось видеть, хотя он был любителем и знатоком газонов, а за ней пестрело настоящее море цветов. У того места, где сидел в своем автомобиле ошеломленный мистер Барнстейпл, и еще ярдов на тридцать в обе стороны за полосой травы густо росли какие-то незнакомые цветы, голубые, как

незабудки. Дальше они все больше вытеснялись высокими, ослепительно-белыми кистями и в конце концов исчезали вовсе. По ту сторону дороги эти белые кисти были перемешаны с буйной массой каких-то также незнакомых мистеру Барнстейплу растений, увешанных семенными коробочками; они перемежались венчиками синих, палевых и лиловых оттенков, переходивших в конце концов в огненно-красную полосу. За этой великолепной цветочной пеной простиралась ровная луга, где паслись бледно-золотистые коровы. Три из них, стоявшие поблизости и, возможно, несколько пораженные внезапным появлением мистера Барнстейпла, жевали свою жвачку и поглядывали на него с задумчивым добродушием. У них были длинные рога и отвислые складки на шее, как у южноевропейского и индийского скота. Затем мистер Барнстейпл перевел взгляд от этих безмятежных созданий на бесконечный ряд деревьев, чья форма напоминала языки пламени, на бело-золотую колоннаду и на замыкавшие горизонт вершины гор. В ослепительно-синем небе плыли курчавые облака. Воздух показался мистеру Барнстейплу удивительно прозрачным и благоуханным.

Если не считать коров и группы людей у лимузина, вокруг не было видно ни одной живой души. Пассажиры лимузина стояли, недоуменно озираясь по сторонам. До мистера Барнстейпла донеслись раздраженные голоса.

Громкий треск, раздавшийся где-то сзади, заставил мистера Барнстейпла обернуться. Возле дороги, примерно в том же направлении, откуда мог попасть на нее его автомобиль, виднелись развалины каменного здания, очевидно разрушенного совсем недавно. Возле него торчали две только что сломанные яблони, скрученные и расщепленные, словно взрывом, а из развалин поднимался столб дыма и доносился рев разгорающегося огня. Поглядев на изуродованные яблони, мистер Барнстейпл вдруг заметил, что цветы у дороги рядом с ним тоже полегли в одном направлении, как будто от резкого порыва ветра. Но ведь он не слышал никакого взрыва, не чувствовал никакого ветра!

Несколько минут он недоуменно смотрел на развалины, а потом, словно ожидая объяснения, оглянулся на лимузин. Трое пассажиров шли теперь по дороге, направляясь к нему,—впереди высокий, худощавый седой господин в фетровой шляпе и длинном дорожном пыльнике. Лицо у него было маленькое, вздернутое кверху, а носик такой крохотный, что позолоченное пенсне еле-еле на нем удерживалось. Мистер Барнстейпл завел свой автомобиль и медленно поехал к ним навстречу.

Когда, по его расчетам, они сблизились настолько, что могли без труда слышать друг друга, он остановил «желтую опасность» и перегнулся через борт, собираясь задать вопрос. Но в ту же секунду высокий седой господин обратился к нему с этим же самым вопросом.

— Не могли бы вы сказать мне, сэр, где мы находимся? — спросил он.

2

— Пять минут назад, — ответил мистер Барнстейпл, — я сказал бы, что мы находимся на Мейденхедском шоссе. Вблизи Слау.

— Вот именно! — убежденным и назидательным тоном подтвердил высокий господин. — Вот именно! И я утверждаю, что нет ни малейших оснований предполагать, что сейчас мы находимся не на Мейденхедском шоссе.

В его тоне прозвучал вызов искусного спорщика.

— Но все это непохоже на Мейденхедское шоссе, — заметил мистер Барнстейпл.

— Согласен! Но должны ли мы исходить из видимости или из непрерывности собственного опыта? Мейденхедское шоссе привело нас сюда, оно непосредственно связано с этим местом, и поэтому я утверждаю, что это — Мейденхедское шоссе.

— А как же горы? — спросил мистер Барнстейпл.

— Там полагается быть Виндзорскому замку, — живо сказал высокий господин, словно делая гамбитный ход.

— Пять минут назад он там и был, — сказал мистер Барнстейпл.

— Отсюда неопровержимо следует, что эти горы — маскировка, — с торжеством заявил высокий господин, — а все происшедшее — какой-то, как выражаются в наши дни, «розыгрыш».

— В таком случае это разыграно удивительно ловко, — заметил мистер Барнстейпл.

Наступило молчание, и мистер Барнстейпл воспользовался им, чтобы рассмотреть спутников своего собеседника. Его самого он узнал сразу, так как не раз видел его на различных собраниях и торжественных банкетах. Это был мистер Сесиль Берли, знаменитый лидер консервативной партии. Он прославился не только своей политической деятельностью, но и был известен как человек безупречной репутации, философ и эрудит. Чуть позади него стоял невысокий, коренастый человек средних лет, не знакомый мисте-

ру Барнстейплу. Выражение высокомерной брезгливости, присущее его лицу, еще усиливалось благодаря моноклю. Их третий спутник показался мистеру Барнстейплу знакомым, но ему не удалось вспомнить, кто это такой. Чисто выбритая круглая пухлая физиономия, упитанное тело, а главное, костюм делали его похожим на священника Высокой церкви или даже на преуспевающего католического патера.

Теперь пронзительным фальцетом заговорил молодой человек с моноклем:

— Я проезжал по этому шоссе в Тэпλου-Корт всего месяц назад, и тут ничего подобного не было.

— Признаю, что мне не все ясно,— с наслаждением произнес мистер Берли.— Признаю, что мне многое неясно. Но все же осмелюсь полагать, что в своей основной предпосылке я прав.

— Вы ведь не думаете, что это Мейденхедское шоссе! — безапелляционно заявил мистеру Барнстейплу господин с моноклем.

— Все это выглядит слишком совершенным для того, чтобы быть подстроеным,— мягко, но упрямо сказал мистер Барнстейпл.

— Что вы, дорогой сэръ! — запротестовал мистер Берли.— Это шоссе на всю страну знаменито своими садоводами, и они иногда устраивают самые поразительные выставки. Для рекламы, знаете ли.

— В таком случае почему мы не едем сейчас в Тэпλου-Корт? — спросил господин с моноклем.

— Потому что,— ответил мистер Берли с легким раздражением человека, вынужденного повторять всем известный факт, с которым упрямо не желают считаться,— потому что Руперт утверждает, будто мы попали в какой-то другой мир. И отказывается ехать дальше. Вот почему. Он всегда страдал избытком воображения. Он считает, что несуществующее может существовать. А сейчас он внушил себе, что произошло нечто в духе научно-фантастических романов и мы очутились вне нашего мира. В каком-то ином измерении. Порой мне кажется, что для нас всех было бы лучше, если бы Руперт начал писать фантастические романы вместо того, чтобы пытаться воплощать их сюжеты в жизнь. Если вы, как его секретарь, полагаете, что вам удастся убедить его поторопиться в Теплоу-Корт, чтобы не опоздать к завтраку с виндзорским обществом...

И мистер Берли взмахнул рукой, заканчивая мысль, для которой у него не нашлось достаточно весомых слов.

Мистер Барнстейпл уже заметил медлительного рыжеватого человека в сером цилиндре с черной лентой, прославленным карикатуристами. Он внимательно исследовал цветочную чашу около лимузина. Значит, это действительно не кто иной, как сам Руперт Кэтскилл, военный министр. И впервые в жизни мистер Барнстейпл почувствовал, что полностью согласен с этим чрезмерно склонным к авантюрам государственным мужем. Они действительно попали в иной мир. Мистер Барнстейпл вылез из автомобиля и сказал, обращаясь к мистеру Берли:

— Я полагаю, сэр, что мы получим гораздо более ясное представление о том, где мы находимся, если рассмотрим поближе вон то горящее здание. Мне кажется, дальше, на склоне, кто-то лежит. Если бы нам удалось поймать кого-нибудь из этих шутников...

Он умолк, так как на самом деле вовсе не верил в то, что они стали жертвой шутки. За последние пять минут мистер Берли чрезвычайно упал в его глазах.

Все четверо повернулись к дымящимся развалинам.

— Поразительно, что нигде не видно ни одной живой души,— заметил господин с моноклем, оглядывая даль.

— Ну, я не усматриваю ничего нежелательного в том, чтобы выяснить, что там горит,— сказал мистер Берли и первым направился к разрушенному дому среди сломанных деревьев — на его интеллигентном лице было написано ожидание.

Но не успел он сделать и пяти шагов, как их внимание было снова привлечено к лимузину: сидевшая в нем дама вдруг испустила громкий вопль ужаса.

3

— Нет, это уже переходит все границы! — воскликнул мистер Берли с искренним негодованием. — Несомненно, полицейские установления запрещают что-либо подобное.

— Он сбежал из какого-нибудь бродячего зверинца,— заметил господин с моноклем. — Что нам следует предпринять?

— С виду он совсем ручной,— сказал мистер Барнстейпл, не проявляя, однако, ни малейшего желания проверить свою теорию на практике.

— И все-таки он может опасно напугать людей,— заявил мистер Берли и с тем же невозмутимым спокойствием крикнул: — Не бойтесь, Стелла! Он, разумеется, ручной и не причинит вам ни малейшего вреда. Только не дразните

его этим зонтиком. Он может броситься на вас. Стел-л-ла!

«Он» был крупным, необычайно пестрым леопардом, который бесшумно вынырнул из цветочного моря и, словно огромный кот, уселся на стеклянной дороге возле лимузина. Он растерянно мигал и ритмично помахивал головой, с недоумением и интересом наблюдая, как молодая дама, следуя лучшим традициям, принятым в подобных случаях, со всей возможной быстротой открывала и закрывала перед его мордой свой солнечный зонтик. Шофер укрылся за автомобилем. Мистер Руперт Кэтскилл стоял по колено в цветах и с удивлением взирал на зверя, очевидно заметив его — как и мистер Берли со спутниками,— только когда услышал вопль.

Первым опомнился мистер Кэтскилл и показал, из какого материала он скроен. Его действия были одновременно и осторожными и смелыми.

— Перестаньте хлопать зонтиком, леди Стелла,— сказал он.— Разрешите мне... я отвлеку его внимание на себя.

Он обошел лимузин и очутился прямо перед леопардом. Тут он на мгновение остановился, словно выставляя себя напоказ,— решительный человек в сером сюртуке и цилиндре с черной лентой. Осторожно, стараясь не раздражить зверя, он протянул к нему руку.

— Ки-иса! — сказал он.

Леопард, очень довольный исчезновением зонтика леди Стеллы, поглядел на него с живым любопытством. Мистер Кэтскилл сделал шаг вперед. Леопард вытянул морду и понюхал воздух.

— Только бы он позволил мне погладить себя,— говорил мистер Кэтскилл, приблизившись к леопарду на расстояние вытянутой руки.

Зверь недоверчиво обнюхал его пальцы. Затем с внезапностью, заставившей мистера Кэтскилла отскочить назад, он чихнул. Потом чихнул второй раз — еще сильнее, с упреком посмотрел на мистера Кэтскилла, легко перескочил полосу цветов и длинными прыжками понесся в сторону бело-золотой колоннады. Мистер Барнстейпл заметил, что пасущиеся коровы смотрят ему вслед без малейшего страха.

Мистер Кэтскилл, выпятив грудь, стоял посреди дороги.

— Ни одно животное,— объявил он,— не может выдерживать пристального взгляда человеческих глаз. Ни одно. Пусть-ка материалисты попробуют это объяснить!.. Не присоединимся ли мы к мистеру Сесилю, леди Стелла? Он как будто обнаружил там нечто интересное. Владелец желто-

го автомобильчика, возможно, знает, что это за место. Ну, так как же?

Он помог леди Стелле выйти из автомобиля, и они направились к группе мистера Барнстейпла, уже приблизившейся к горящему зданию. Шофер, не решаясь, по-видимому, оставаться наедине с лимузином в этом мире невероятных происшествий, следовал за ними настолько близко, насколько позволяла почтительность.

Глава третья

МИР КРАСИВЫХ ЛЮДЕЙ

1

Пожар, казалось, затихал. Над маленьким зданием теперь поднималось меньше дыма, чем в ту минуту, когда мистер Барнстейпл заметил его. Подойдя поближе, они обнаружили среди развалин множество скрученных кусков какого-то блестящего металла и осколки стекла. Больше всего это походило на остатки взорвавшейся научной аппаратуры. Затем они почти одновременно увидели в траве позади здания неподвижное тело. Это был труп молодого мужчины — совершенно обнаженного, если не считать нескольких браслетов, ожерелья и набедренной повязки. Из его рта и ноздрей сочилась кровь. Мистер Барнстейпл почти благоговейно опустился на колени рядом с погибшим и прижал руку к его груди — сердце не билось. Впервые в жизни видел он такое прекрасное тело и лицо.

— Умер, — сказал он шепотом.

— Посмотрите! — раздался пронзительный голос человека с моноклем. — Еще один!

Обломок стены помешал мистеру Барнстейплу увидеть, на что он указывает. Только поднявшись на ноги и перебравшись через груды мусора, он наконец увидел второй труп. Это была тоненькая девушка, тоже почти нагая. По-видимому, ее с огромной силой ударило о стену, и смерть наступила мгновенно. Лицо ее несколько не пострадало, хотя затылок был разможен; изумительно очерченные губы и зеленовато-серые глаза были чуть приоткрыты, словно она все еще размышляла над какой-то трудной, но интересной проблемой. Она казалась не мертвой, а просто отрешенной от окружающего. Одна рука все еще держала какой-то медный инструмент с ручкой из стекла, пальцы другой были бессильно разжаты.

Несколько секунд все молчали, как будто опасаясь прервать ее мысли.

Затем мистер Барнстейпл услышал позади себя голос человека, похожего на священника.

— Какая совершенная оболочка! — негромко сказал тот.

— Признаю, что я ошибся, — медленно произнес мистер Берли. — Я ошибся. Перед нами не земные люди. Это очевидно. Отсюда следует, что мы не на Земле. Не представляю, что случилось и где мы находимся. Перед лицом достаточно веских фактов я всегда без колебаний отказывался от своего прежнего мнения. Мир, в котором мы сейчас находимся, — не наш мир. Это нечто... — Он помолчал и закончил: — Это нечто поистине чудесное.

— А виндзорскому обществу, — заметил мистер Кэтскилл как будто без малейшего сожаления, — придется завтракать без нас.

— Но в таком случае, — спросил человек, похожий на священника, — в каком мире мы находимся и как мы в него попали?

— На этот вопрос, — невозмутимо сказал мистер Берли, — мое скудное воображение не в состоянии подсказать никакого ответа. Мы находимся в каком-то мире, необыкновенно похожем на наш мир и необыкновенно на него непохожем. Между ним и нашим миром, несомненно, существует какая-то связь, иначе мы здесь не находились бы. Но что это за связь, признаюсь, сказать не могу: для меня это неразрешимая тайна. Возможно, мы попали в другое, неизвестное нам пространственное измерение. Но при одной мысли об этих измерениях моя бедная голова идет кругом. Я... я в недоумении... в полном недоумении.

— Эйнштейн, — коротко и внушительно обронил господин с моноклем.

— Вот именно! — отозвался мистер Берли. — Эйнштейн мог бы объяснить нам это. И милейший Холдейн мог бы взяться за объяснение и совсем сбил бы нас с толку своим туманным гегельянством. Но я не Холдейн и не Эйнштейн. Мы оказались в каком-то мире, который с практической точки зрения — в том числе и с точки зрения наших планов на воскресенье — можно назвать «Нигде». Или, если вы предпочитаете греческое слово, мы в утопии. И поскольку я не вижу, каким образом мы можем из нее выбраться, то нам, как разумным существам, следует как-то приспособиться к создавшемуся положению. И выждать удобной возможности. Мир этот, вне всякого сомнения, прелестен. И прелесть его даже превосходит его загадочность. Кроме

того, тут живут люди — существа, наделенные разумом. Судя по тому, что нас сейчас окружает, я заключаю, что этот мир, где широко ставятся химические опыты — ставятся, чего бы это ни стоило, — среди поистине идиллической природы. Химия... и нагота! Будем ли мы считать эту пару, по-видимому только что взорвавшую себя, греческими богами или голыми дикарями, — по моему мнению, это зависит от наших личных вкусов. Что до меня, то мне больше импонирует греческий бог... и богиня.

— Этому мешает только одно: как-то трудно представить себе двух мертвых бессмертных! — победоносно взвизнул господин с моноклем.

Мистер Берли собирался уже ответить, — и, судя по негодующему выражению его лица, это была бы краткая, но энергичная нотация, — но вместо этого он испустил удивленное восклицание и обернулся. В тот же момент все общество заметило, что около развалин стоят два нагих Аполлона и смотрят на землян с не меньшим изумлением, чем те на них.

Один из новоприбывших заговорил, и мистер Барнстейпл был необычайно поражен, обнаружив, что в его мозгу, будто эхо, возникают вполне понятные и знакомые слова.

— Красные боги! — воскликнул утопиец. — Что вы такое? И откуда вы взялись?

(Родной язык мистера Барнстейпла! Если бы он заговорил по-древнегречески, это было бы менее поразительно. Но как поверить, что они говорят на одном из живых земных языков!)

2

Мистер Сесиль Берли был ошеломлен гораздо меньше остальных.

— Теперь, — заметил он, — у нас есть основания полагать, что мы сможем узнать нечто определенное, поскольку перед нами разумные, наделенные даром речи существа.

Он кашлянул, взялся длинными, нервными пальцами за лацканы своего длиннополого пыльника и заговорил от лица всех своих спутников.

— Мы не в состоянии, господа, объяснить наше появление здесь, — сказал он. — Оно кажется нам столь же загадочным, как и вам. Мы внезапно заметили, что из своего мира перенеслись в ваш, — вот и все.

— Вы появились из другого мира?

— Вот именно. Из совершенно иного мира. Где у каждого из нас есть свое естественное и надлежащее место.

Мы ехали по нашему миру в... э... неких экипажах, как вдруг очутились здесь. Непрошенные гости, готов признать, но уверяю вас, не по собственному желанию и не по своей вине.

— Вы не знаете, почему не удался опыт Ардена и Гринлейк и почему они погибли?

— Если Арден и Гринлейк — имена этих красивых молодых людей, то мы ничего не знаем о них, кроме того, что нашли их здесь в том положении, в каком вы их видите, когда направились сюда вон с той дороги, чтобы узнать, а вернее сказать, осведомиться...

Он кашлянул и оборвал свою речь на этой неопределенной ноте.

Утопиец (если, удобства ради, нам будет позволено называть его так), первым заговоривший с ними, теперь посмотрел на своего спутника, словно безмолвно о чем-то его спрашивая. Затем он снова повернулся к землянам. Он заговорил, и опять мистеру Барнстейплу показалось, что этот мелодичный голос звучит у него не в ушах, а в мозгу.

— Вам и вашим друзьям лучше не бродить среди этих развалин. Вам лучше вернуться на дорогу. Пойдемте со мной. Мой брат потушит огонь и сделает для нашего брата и сестры все, что необходимо. А потом это место исследуют те, кто разбирается в опытах, которые здесь проводились.

— У нас нет иного выхода, кроме как прибегнуть к вашему гостеприимству, — сказал мистер Берли. — Мы всецело в вашем распоряжении. Позвольте мне только повторить, что эта встреча произошла помимо нашей воли.

— Хотя, разумеется, мы сделали бы все для того, чтобы она осуществилась, подозревай мы о такой возможности, — добавил мистер Кэтскилл, ни к кому в частности не обращаясь, но поглядев на мистера Барнстейпла, словно ожидая от него подтверждения. — Ваш мир кажется нам чрезвычайно привлекательным.

— При первом знакомстве, — подтвердил господин с моноклом, — он кажется чрезвычайно привлекательным.

Когда они вслед за утопийцем и мистером Берли по густому ковру цветов направились к шоссе, леди Стелла оказалась рядом с мистером Барнстейплом. Она заговорила, и на фоне окружавшего их чуда ее слова ошеломили его своей безмятежной и непобедимой обычностью:

— Мне кажется, мы уже встречались... на званом завтраке или... мистер... мистер..?

Быть может, все окружающее ему только чудится? Он

несколько секунд растерянно смотрел на нее, прежде чем сообразил подсказать:

— Барнстейпл.

— Мистер Барнстейпл?

Он настроился на ее лад.

— Я не имел этого удовольствия, леди Стелла. Хотя, разумеется, я знаю вас — знаю очень хорошо благодаря вашим фотографиям в иллюстрированных еженедельниках.

— Вы слышали, что сейчас говорил мистер Сесиль? О том, что мы в Утопии?

— Он сказал, что мы *можем назвать* этот мир Утопией?

— Как это похоже на мистера Сесиль! Но все-таки это Утопия? Настоящая Утопия? — И, не дожидаясь ответа мистера Барнстейпла, леди Стелла продолжала: — Я всегда мечтала побывать в Утопии! Как великолепны эти два утопийца! Я убеждена, что они принадлежат к местной аристократии, несмотря на их... несколько домашний костюм. Или даже благодаря ему.

Мистеру Барнстейплу пришла в голову счастливая мысль.

— Я тоже узнал мистера Берли и мистера Руперта Кэтскилла, леди Стелла, но я был бы крайне вам обязан, если бы вы сказали мне, кто этот молодой человек с моноклем и его собеседник, похожий на священника. Они идут следом за нами.

Очаровательно-доверительным шепотом леди Стелла сообщила просимые сведения.

— Монокль, — прожурчала она, — это (я скажу по буквам) Ф-р-е-д-д-и М-а-ш. Вкус. Изысканный вкус. Он удивительно умеет отыскивать молодых поэтов и всякие другие новости литературы. Кроме того, он секретарь Руперта. Все говорят, что, будь у нас литературная Академия, он непременно стал бы ее членом. Он ужасно критичен и саркастичен. Мы ехали в Тэплоу-Корт, чтобы провести интеллектуальный вечер, словно в добрые старые времена. Разумеется, после того, как виндзорское общество нас покинуло бы... Должны были приехать мистер Госс, и Макс Бирбом... и другие. Но теперь постоянно что-то случается. Постоянно. Неожиданности чуть-чуть даже в избытке... Его спутник в костюме духовного покроя, — она оглянулась, не слышит ли ее владелец костюма, — это отец Эмертон, ужасно красноречивый обличитель грехов общества и прочего в том же роде. Как ни странно, вне церковных стен он всегда застенчив и тих и пользуется ножами и вилками не слишком умело. Парадоксально, не правда ли?

— Ну конечно же! — воскликнул мистер Барнстейпл.— Теперь я припоминаю. Его лицо показалось мне знакомым, но я никак не мог сообразить, где я его видел. Очень вам благодарен, леди Стелла.

3

Мистер Барнстейпл почерпнул какую-то спокойную уверенность в общении с этими знаменитыми и почитаемыми людьми, и особенно в разговоре с леди Стеллой. Она его просто ободрила: так много милого, прежнего мира принесла она с собой и такая в ней чувствовалась решимость при первом удобном случае подчинить его нормам и этот новый мир. Волны восторга и упоения красотой, грозившие поглотить мистера Барнстейпла, разбивались о созданный ею невидимый барьер. Знакомство с ней и с ее спутниками для человека его положения само по себе было достаточно значительным приключением, и это помогло ему в какой-то мере преодолеть пропасть, отделявшую его прежнее однообразное существование от этой чрезмерно бодрящей атмосферы Утопии. Эта встреча овеществляла, она (если позволительно воспользоваться этим словом в подобной связи) *низводила* окружающее их сияющее великолепие до степени полнейшей вероятности, поскольку и леди Стелла и мистер Берли также видели Утопию и высказали по ее поводу свое мнение, и к тому же она созерцалась сквозь скептический монокль мистера Фредди Маша. И тем самым все это попадало в разряд явлений, о которых сообщают газеты. Если бы мистер Барнстейпл оказался в Утопии один, испытываемый им благоговейный трепет мог бы даже серьезно нарушить его умственное равновесие. А теперь учтивый загорелый бог, который в настоящую минуту беседовал с мистером Берли, стал благодаря посредничеству этого великого человека интеллектуально доступным.

И все же у мистера Барнстейпла чуть не вырвался восторженный возглас, когда его мысли вновь обратились от его высокопоставленных спутников к прекрасному миру, в который все они попали. Каковы на самом деле были люди этого мира, где буйные сорняки, казалось, уже не заглушали цветов и где леопарды, утратившие злобное кошачье коварство, дружелюбно посматривали на всех проходящих мимо?

И как удивительно, что первые увиденные ими два обитателя этого мира покоренной природы были мертвы — насколько можно было судить, пали жертвами какого-то рис-

кованного опыта! Но еще более удивительным было то, что вторые двое, назвавшиеся братьями погибших юноши и девушки, не проявили при виде этой трагедии никаких признаков горя или отчаяния! Мистер Бранстейпл вдруг осознал, что они вообще не выразили никакой печали — не были потрясены, не заплакали. Их поведение говорило скорее о недоумении и любопытстве, а не об ужасе и горе.

Утопиец, оставшийся возле развалин, отнес тело девушки туда, где лежал ее мертвый товарищ, и, когда мистер Барнстейпл обернулся, он внимательно рассматривал обломки неведомого аппарата.

Но теперь к месту происшествия уже спешили другие утопийцы. В этом мире существовали аэропланы — два небольших летательных аппарата, быстрые и бесшумные, словно ласточки, как раз опустились на ближнем лугу. По шоссе к ним приближался человек на маленькой машине, похожей на двухместный автомобиль всего с двумя колесами, расположенными друг за другом, как у велосипеда; эта машина была несравненно легче и изящней земных автомобилей и таинственным образом продолжала сохранять полное равновесие на своих двух колесах, даже когда остановилась. Взрывы смеха, раздавшиеся на шоссе, привлекли внимание мистера Барнстейпла к небольшой группе утопийцев, которые, по-видимому, находили невообразимо потешным мотор лимузина. Большинство из них было так же прекрасно сложено и столь же скудно одето, как и двое погибших экспериментаторов, хотя головы двоих-троих покрывали большие соломенные шляпы, а женщина, по-видимому, постарше, лет тридцати, носила белое одеяние с ярко-алой каймой. В это мгновение она заговорила с мистером Берли.

Хотя их разделяло еще шагов двадцать пять, ее слова отразились в мозгу мистера Барнстейпла с величайшей четкостью.

— Мы пока еще не знаем, какая связь существует между вашим появлением в нашем мире и недавним взрывом, не знаем даже, связаны ли они вообще. Мы собираемся исследовать оба эти вопроса. Мы полагаем, что разумнее всего будет проводить вас вместе со всем вашим имуществом в находящееся неподалеку отсюда место, удобное для совещания. Мы уже вызвали машины, которые доставят вас туда. Там вас можно будет накормить. Скажите, когда вы привыкли есть?

— Нам действительно не мешало бы перекусить в ближайшем будущем, — сказал мистер Берли, которому это

предложение пришлось очень по душе.— По правде говоря, если бы мы не перенесли так внезапно из нашего мира в ваш, то в настоящий момент мы бы уже завтракали — завтракали бы в самом избранном обществе.

«Чудо — и завтрак!» — подумал мистер Барнстейпл. Человек создан так, что должен есть, какие бы чудеса его ни окружали. И сам мистер Барнстейпл вдруг почувствовал, что сильно проголодался и что воздух, которым он дышит, необыкновенно способствует пробуждению аппетита.

Утопийке, казалось, пришла в голову новая мысль.

— Вы едите несколько раз в день? Что вы едите?

— Ах, неужели они вегетарианцы? Не может быть! — возмущенно воскликнул мистер Маш, роняя из глаза монокль.

Они все очень проголодались, что нетрудно было заметить по их лицам.

— Мы привыкли есть по нескольку раз в день, — сказал мистер Берли. — Пожалуй, мне следует сообщить вам краткий перечень потребляемых нами пищевых продуктов. Возможно, в этом отношении между нами существуют некоторые различия. Как правило, мы начинаем с чашки чая и тоненького ломтика хлеба с маслом, который нам подают в постель. Затем завтрак...

И он дал мастерское резюме гастрономического содержания своих суток, точно и заманчиво описывая характерные черты первого английского завтрака, яйца к которому следует варить четыре с половиной минуты, не больше и не меньше, второго завтрака, к которому подается легкое вино любых марок, чая — еды, имеющей более светскую, нежели питательную функцию, обеда — с приличествующими подробностями, и наконец ужина — еды необязательной. Это была краткая и энергичная речь, которая, несомненно, пришлась бы по вкусу палате общин: нисколько не тяжеловесная, даже с блестками остроумия и все же достаточно серьезная. Утопийка смотрела на мистера Берли с возрастающим интересом.

— И вы все едите вот таким образом? — спросила она.

Мистер Берли обвел взглядом своих спутников.

— Я не могу поручиться за мистера... мистера..?

— Барнстейпла... Да, и я ем примерно так же.

Утопийка почему-то улыбнулась ему. У нее были очень красивые карие глаза, но, хотя ему нравилась ее улыбка, на этот раз он предпочел бы, чтобы она не улыбалась.

— А как вы спите? — спросила она.

— От шести до десяти часов, в зависимости от обстоятельств,— сообщил мистер Берли.

— А как вы любите?

Этот вопрос поверг наших землян в недоумение и до некоторой степени шокировал их. Что, собственно говоря, она имеет в виду? Несколько секунд все растерянно молчали. В мозгу мистера Барнстейпла пронесся вихрь странных предположений.

Но тут на выручку пришли тонкий ум мистера Берли и его умение быстро и изящно уклоняться от ответа, обязательное для всякого крупного политика современности.

— Не постоянно, уверяю вас,— сказал он.— Отнюдь не постоянно.

Женщина в одеянии с алой каймой несколько мгновений обдумывала его слова, затем чуть-чуть улыбнулась.

— Нам следует поскорее отправиться туда, где мы сможем подробно поговорить обо всем этом,— сказала она.— Вы, несомненно, явились из какого-то странного другого мира. Наши ученые должны встретиться с вами и обменяться сведениями.

4

Еще в половине одиннадцатого мистер Барнстейпл проехал на своем автомобиле по шоссе через Слау, а теперь, в половине второго, он летел над страной чудес, почти забыв про свой привычный мир.

— Изумительно! — твердил он.— Изумительно! Я знал, что мое путешествие будет интересным. Но это, это...

Он был удивительно счастлив — тем ясным, безоблачным счастьем, которое бывает только во сне. Впервые в жизни познал он восторг открывателя новых земель — он и не надеялся, что ему когда-либо доведется испытать это чувство. Всего три недели назад он написал для «Либерала» статью, в которой оплакивал «конец века открытий», — статью настолько беспросветно и беспричинно унылую, что она чрезвычайно понравилась мистеру Пиви. Теперь он вспомнил эту статью, и ему стало немножко стыдно.

Компания землян была распределена по четырем маленьким аэропланам: когда мистер Барнстейпл и его спутник отец Эмертон взмыли в воздух, он поглядел вниз и увидел, что оба автомобиля вместе с багажом были без всякого труда погружены в два легких грузовика. Каждый грузовик выбросил пару сверкающих лап и подхватил свой автомобиль, словно нянька младенца.

По современным земным представлениям о безопасности авиатор вел их аэроплан слишком близко к земле. Иногда они пролетали между деревьями, а не над ними — благодаря этому мистер Барнстейпл, хотя сначала и несколько испуганный, мог подробно рассмотреть окружающую местность. Сперва они летели над цветущими лугами, где паслись бледно-золотистые коровы, — время от времени зелень травы перемежалась яркими пятнами неизвестной мистери Барнстейплу растительности. Там и сям змеились узкие дорожки, предназначенные то ли для пешеходов, то ли для велосипедистов. Порой внизу мелькало шоссе, окаймленное цветочными газонами и фруктовыми деревьями.

Домов было очень мало, и он не увидел ни одного города или деревни. Отдельные же дома были самых разных размеров — от небольших отдельных зданий, которые он счел изящными летними виллами или небольшими храмами, до сложного лабиринта всяческих кровель и башенок, словно у старинных замков, — это могла быть большая сельскохозяйственная или молочная усадьба. Кое-где в полях работали люди, иногда кто-нибудь шел или ехал по дороге, но, в общем, создавалось впечатление, что этот край очень мало населен.

Он уже понял, что их аэроплан собирается пересечь горный хребет, так внезапно заслонивший далекий Виндзорский замок.

По мере приближения к горам зелень лугов сменялась широкими золотистыми полосами хлебных злаков, а затем и других самых разнообразных культур. На солнечных склонах он заметил нечто похожее на виноградники; домов и работающих людей стало заметно больше. Маленькая эскадрилья летела вдоль широкой долины по направлению к перевалу, так что мистер Барнстейпл успел хорошо рассмотреть горный пейзаж. Внизу мелькали рощи каштанов, затем появились сосны. Бурные потоки были перегорожены гигантскими турбинами, рядами тянулись низкие здания со множеством окон — очевидно, заводы или мастерские. К перевалу поднималась искусно проложенная дорога, виадук которой стлчались удивительной смелостью, легкостью и красотой. Мистер Барнстейпл решил, что в горах людей значительно больше, чем на равнинах, хотя и гораздо меньше, чем в схожих районах у нас на Земле.

Около десяти минут аэроплан летел над пустыней занесенного снегом ледника, по краю которого высились скалистые пики, а затем снизился в высокогорной долине, где, очевидно, находилось Место Совещаний. Эта долина пред-

ставляла собой своеобразную складку в склоне, пересеченную каменными уступами, так искусно сложенными, что они казались частью геологической структуры самой горы. Долина выходила на широкое искусственное озеро, отделенное от ее нижнего конца могучей плотиной. На плотине через правильные интервалы высились каменные столбы, смутно походившие на сидящие фигуры. За озером мистер Барнстейпл успел заметить широкую равнину, напомнившую ему долину реки По, но тут аэроплан пошел на посадку и верхний край плотины заслонил даль.

На уступах, главным образом на нижних, располагались группы легких, изящных зданий; дорожки, лестницы, бассейны с прозрачной водой делали всю местность похожей на сад.

Аэропланы мягко приземлились на широкой лужайке. Совсем рядом над водой озера виднелось изящное шале; его терраса служила пристанью, у которой стояла целая флотилия пестро раскрашенных лодок.

То, что деревень почти не видно, первым заметил Эмертон. И теперь он же сказал, что тут нигде нет церкви и что во время полета они не видели ни единой колокольни. Однако мистер Барнстейпл предположил, что некоторые из небольших зданий могли быть храмами или святилищами.

— Религия здесь, возможно, имеет другие формы,— сказал он.

— А как мало тут младенцев и маленьких детей! — заметил отец Эмертон.— И я не видел ни одной матери с ребенком.

— По ту сторону горы мы пролетали над местом, похожим на площадку для игр при большой школе. Там было много детей и несколько взрослых, одетых в белое.

— Я заметил их. Но я говорил о младенцах. Сравните то, что мы видим тут, с тем, что можно увидеть в Италии. Такие красивые и привлекательные молодые женщины,— прибавил преподобный отец.— Чрезвычайно привлекательные — и ни признака материнства!

Их авиатор, загорелый блондин с синими глазами, помог им спуститься на землю, и они остановились, ожидая остальных. Мистер Барнстейпл с удивлением отметил про себя, что он необыкновенно быстро свыкся с красками и гармоничностью этого нового мира: теперь странными ему казались уже фигуры и одежда его соотечественников. Мистер Рупер Кэтскилл в своем прославленном сером цилиндре, мистер Маш с нелепым моноклем, характерная стройность мистера Берли и квадратный, облеченный в кожа-

ную куртку торс шофера казались ему гораздо более необычными, чем изящные утопийцы вокруг.

Интерес, с которым авиатор посматривал на них, и его усмешка еще усилили это ощущение. И вдруг его окватила мучительная неуверенность.

— Ведь это реальная реальность? — спросил он отца Эмертона.

— Реальная реальность? Но чем же еще это может быть?

— Нам ведь это не снится?

— Мог ли совпасть ваш сон с моим?

— Да, конечно. Но ведь кое-что в этом невозможно. Просто невозможно.

— Что, например?

— Ну, скажем, то, что эти люди говорят с нами на нашем языке, как будто он их родной.

— Я как-то не подумал об этом. Действительно, странно. Друг с другом они на нем не говорят.

Мистер Барнстейпл уставился на отца Эмертона остановившимися глазами — его вдруг поразил еще более невероятный факт.

— Они вообще друг с другом не разговаривают, — проворчал он. — А мы этого до сих пор не замечали!

Глава четвертая

НА РОМАН ПАДАЕТ ТЕНЬ ЭЙНШТЕЙНА, НО ТУТ ЖЕ ИСЧЕЗАЕТ

1

Если не считать того непонятого факта, что все утопийцы, по-видимому, свободно владели его родным языком, мистер Барнстейпл не мог найти ни одной логической неувязки в своем непрерывно обогащающемся представлении об этом новом мире — несомненно, ни один сон не мог развиваться с такой последовательностью. Все было настолько оправданно, настолько упорядоченно, что мир этот уже перестал производить на него впечатление чего-то необычного; ему начинало казаться, что они просто приехали в чужую, но высокоцивилизованную страну.

Кареглазая женщина в одеянии с алой каймой отвела земляни в предназначенные для них необыкновенно удобные жилища вблизи от Места Совещаний. Шестеро юношей и девушек заботливо посвятили их во все тонкости домашне-

го утопийского обихода. Отдельные домики, в которых их поселили, все имели уютные спальни: кровати с тончайшими простынями и очень легкими пушистыми одеялами стояли в открытых лоджиях — чересчур открытых, заметила леди Стелла, но ведь, как она выразилась, «тут чувствуешь себя так спокойно». Прибыл багаж, и чемоданы разнесли по комнатам, словно в каком-нибудь гостеприимном земном поместье.

Однако прежде, чем леди Стелла смогла открыть свой несессер и освежить цвет лица, ей пришлось выставить из своей спальни двух услужливых юношей.

Через несколько минут в убежище леди Стеллы раздались взрывы смеха и шум шутилкой, но отчаянной борьбы, что вызвало некоторое замешательство. Оставшаяся там девушка проявила чисто женское любопытство к ее одежде и туалетным принадлежностям и в конце концов обратила внимание на необыкновенно очаровательную и прозрачную ночную рубашку. По какой-то непонятной причине эта тщательно спрятанная изящная вещица показалась юной утопийке чрезвычайно забавной, и леди Стелле лишь с трудом удалось воспрепятствовать ее намерению облачиться в нее и выбежать наружу, дабы представить ее на всеобщее обозрение.

— Ну, так сами ее наденьте! — потребовала девушка.

— Как вы не понимаете! — воскликнула леди Стелла. — Она же... она же почти священна! Ее никому нельзя видеть, никому!

— Но почему? — с глубочайшим недоумением спросила утопийка.

Леди Стелла не нашла, что ответить.

Поданная затем легкая закуска была, по земным представлениям, во всех отношениях превосходной. Тревога мистера Фредди Маша оказалась напрасной: их угостили холодными дыплятами, ветчиной и отличным мясным паштетом. Кроме того, хлеб, правда, из муки довольно грубого помола, но очень вкусный, свежее масло, изумительный салат, сыр, напоминающий грюйерский, и легкое белое вино, которое заставило мистера Берли воскликнуть, что «Мозель не производил ничего лучше!».

— Значит, наша пища похожа на вашу? — спросила жейщина в одеянии с алой каймой.

— Чудешно! — отозвался мистер Маш с набитым ртом.

— За последние три тысячи лет пища почти не менялась. Люди научились готовить наиболее лакомые блюда еще задолго до Последнего Века Хаоса,

«Это слишком реально, чтобы быть реальностью! — повторял про себя мистер Барнстейпл. — Слишком реально».

Он взглянул на своих спутников: они оживленно и с интересом посматривали по сторонам и ели с большим удовольствием.

Если бы только не одна эта нелепость — если бы только он не понимал утопийцев с такой легкостью, что ясность знакомых слов отдавалась в его мозгу ударами молота, — мистер Барнстейпл не усомнился бы в реальности происходящего.

За каменным, не покрытым скатертью столом никто не прислуживал: два авиатора и кареглазая женщина ели вместе с гостями, а те сами передавали друг другу требуемые блюда. Шофер мистера Берли хотел было скромно сесть в сторонке, но знаменитый государственный муж снисходительно подозвал его:

— Садись тут, Пенк. Рядом с мистером Машем.

На большую веранду с колоннами, где была подана еда, сходились все больше утопийцев, дружески, но внимательно рассматривавших землян. Они стояли или сидели, как кто хотел, — не было ни официальных представлений, ни других церемоний.

— Все это чрезвычайно приятно, — сказал мистер Берли. — Чрезвычайно. Должен признать, что эти персики куда лучше четсуортских. Дорогой Руперт, в коричневом кувшинчике перед вами, по-моему, сливки?.. Я так и думал. Если вам, правда, достаточно, Руперт... Благодарю вас.

2

Некоторые из утопийцев сказали землянам свои имена. Все их голоса казались мистеру Барнстейплу одинаковыми, а слова обладали четкостью печатного текста. Кареглазую женщину звали Ликнис. Бородатый утопиец, которому мистер Барнстейпл дал лет сорок, был не то Эрфредом, не то Адамом, не то Эдомом — его имя, несмотря на всю чеканность произношения, оказалось очень трудно разобрать. Словно крупный шрифт вдруг расплылся. Эрфред сообщил, что он этнолог и историк и что он хотел бы как можно больше узнать о мире землян. Мистер Барнстейпл подумал, что непринужденностью манер он напоминает какого-нибудь земного банкира или влиятельного владельца многих газет: в нем не было и следа робости, которая в нашем будничном мире обычно свойственна большинству ученых. И другой из их хозяев, Серпентин, к большому удивлению мистера Барнстейпла — ибо он держался почти властно, —

также оказался ученым. Мистер Барнстейпл не разобрал, чем он занимается. Он сказал что-то вроде «атомной механики», но это почему-то прозвучало почти как «молекулярная химия». И тут же мистер Барнстейпл услышал, что мистер Берли спрашивает у мистера Маша:

— Он ведь сказал «физико-химия»?

— По-моему, он просто назвал себя материалистом,— отозвался мистер Маш.

— А по-моему, он объяснил, что занимается взвешиванием,— заметила леди Стелла.

— Их манера говорить обладает заметными странностями,— сказал мистер Берли.— То они произносят слова до неприятности громко, а то словно проглатывают звуки.

После еды все общество отправилось к другому небольшому зданию, по-видимому предназначенному для занятий и бесед. Его завершало нечто вроде апсиды, окаймленной белыми плитами, которые, очевидно, служили досками для лекторов — на мраморном выступе под ними лежали черные и цветные карандаши и тряпки. Человек, читающий лекцию, мог по мере надобности переходить от одной плиты к другой. Ликнис, Эрфред, Серпентин и земляне расположились на полукруглой скамье, чуть ниже лекторской площадки. Напротив них находились сиденья, на которых могло разместиться до ста человек. Все места были заняты, и позади у кустов, напоминающих рододендроны, живописными группами расположилось еще несколько десятков утопийцев. В просветах между кустами виднелись зеленые лужайки, спускающиеся к сверкающей воде озера.

Утопийцы собирались обсудить это внезапное вторжение в свой мир. Что могло быть разумнее такого обсуждения? Что могло быть более фантастичным и невероятным?

— Странно, что не видно ласточек,— неожиданно прошептал на ухо мистеру Барнстейплу мистер Маш.— Не понимаю, почему тут нет ласточек.

Мистер Барнстейпл взглянул на пустынное небо.

— Вероятно, тут нет мух и комаров...— предположил он.

Странно, как он сам прежде не заметил отсутствия ласточек.

— Шшш! — сказала леди Стелла.— Он начинает.

3

И это невероятное совещание началось. Первым выступил тот, кого звали Серпентином: он встал и, казалось, обратился к присутствующим с речью. Его губы шевелились,

он жестикулировал, выражение его лица менялось. И все же мистер Барнстейпл почему-то смутно подозревал, что Серпентин на самом деле не произносит ни слова. Во всем этом было что-то необъяснимое. Иногда сказанное отдавалось в его мозгу звонким эхом, иногда оно было нечетким и неуловимым, как очертания предмета под волнующейся водой, а иногда, хотя Серпентин по-прежнему жестикулировал красивыми руками и смотрел на своих слушателей, вдруг наступало полное безмолвие, словно мистер Барнстейпл на мгновение делался глухим... И все же это была связная речь. Она была логична и захватила мистера Барнстейпла.

Серпентин говорил так, словно прилагал большие усилия, чтобы возможно проще изложить трудную проблему. Он словно сообщая аксомы, делая после каждой паузы.

— Давно известно,— начал он,— что возможное число пространственных измерений, как и число всего, что поддается счету, совершенно безгранично.

Это положение мистер Барнстейпл, во всяком случае, понял, хотя мистери Машу оно оказалось не по зубам.

— О господи! — вздохнул он.— Измерения! — И, уронив монокль, погрузился в унылую рассеянность.

— Практически говоря,— продолжал Серпентин,— каждая данная вселенная, каждая данная система явлений, в которой мы находимся и часть которой мы составляем, может рассматриваться как существующая в трехмерном пространстве и подвергающаяся изменениям, каковые изменения являются в действительности протяженностью в четвертом измерении — *времени*. Такая система явлений по необходимости является гравитационной системой.

— Э? — внезапно перебил его мистер Берли.— Извините, но я не вижу, из чего это следует.

Значит, он, во всяком случае, тоже пока еще понимает Серпентина.

— Всякая вселенная, существующая во времени, по необходимости должна находиться в состоянии гравитации,— повторил Серпентин, словно это само собой разумелось.

— Хоть убейте, я этого не вижу,— после некоторого размышления заявил мистер Берли.

Серпентин секунду задумчиво смотрел на него.

— Однако это так,— сказал он и продолжал свою речь.

— Наше сознание,— говорил он,— развивалось на основе этого практического восприятия явлений, принимало его за истинное; и в результате только путем напряженного и последовательного анализа мы сумели постигнуть, что

та вселенная, в которой мы живем, не только имеет протяженность, но и, так сказать, несколько искривлена и вложена в другие пространственные измерения, о чем прежде и не подозревали. Она выходит за пределы своих трех главных пространственных измерений в эти другие измерения точно так же, как лист тонкой бумаги, практически имеющий лишь два измерения, обретает третье измерение не только за счет своей толщины, но и за счет вмятин и изгибов.

— Неужели я гложу? — театральным шепотом спросила леди Стелла. — Я не в состоянии разобрать ни единого слова.

— И я тоже, — заметил отец Эмертон.

Мистер Берли сделал успокаивающий жест в сторону этих несчастливцев, не отводя взгляда от лица Серпентина. Мистер Барнстейпл нахмурил брови и сжал руками колени в отчаянном усилии сосредоточиться.

Он должен услышать! Да, он слышит!

Далее Серпентин объяснил, что, как в трехмерном пространстве бок о бок может лежать любое число практически двухмерных миров, подобно листам бумаги, точно так же многомерное пространство, которое плохо приспособленный к таким представлениям человеческий разум еще только начинает с большим трудом постигать, может включать в себя любое число практически трехмерных миров, лежащих, так сказать, бок о бок и приблизительно параллельно развивающихся во времени. Теоретические работы Лоунстона и Цефала уже давно создали основу для твердой уверенности в реальном существовании бесчисленного множества таких пространственно-временных миров, параллельных друг другу и подобных друг другу, хотя и не вполне, как подобны страницы одной и той же книги. Все они должны обладать протяженностью во времени, все они должны представлять собой гравитирующие системы...

(Мистер Берли покачал головой в знак того, что он по-прежнему не видит, из чего это следует.)

...причем наиболее близко соседствующие должны обладать наиболее близким сходством. А насколько близким, они теперь получили возможность узнать совершенно точно. Ибо смелые попытки двух величайших гениев, Ардена и Гринлейк, использовать (неразборчиво) атомный удар, чтобы повернуть участок утопийской материальной вселенной в другое измерение, в измерение F, в которое, как давно уже было известно, он внедряется примерно на длину человеческой руки, — повернуть, как поворачиваются на

петлях створки ворот,— эти попытки увенчались полным успехом. Створки захлопнулись, принеся с собой волну душного воздуха, пылевую бурю и — к величайшему удивлению утопийцев! — три экипажа с гостями из неведомого мира.

— Три? — с сомнением прошептал мистер Барнстейпл.— Он сказал, три?

(Серпентин не обратил на него внимания.)

— Наш брат и сестра были убиты непредвиденным высвобождением энергии, но их эксперимент раз и навсегда открыл путь из нынешних ограниченных пространственных пределов Утопии в бесчисленные вселенные, о существовании которых мы прежде и не подозревали. Совсем рядом с нами, как много веков тому назад угадал Лоунстон, ближе к нам, как он выразился, чем кровь наших сердец...

(— «Ближе к нам, чем дыхание, дороже рук и ног», — несколько вольно процитировал отец Эмертон, внезапно очнувшись.— Но о чем он говорит? Я почти ничего не могу расслышать.)

...мы открыли новую планету, примерно такого же размера, как наша, если судить по сложности ее обитателей, вращающуюся, как мы можем с уверенностью предположить, вокруг такого же Солнца, как то, которое озаряет наши небеса,— планету, породившую жизнь и медленно покоряющуюся разуму, который, по-видимому, эволюционировал в условиях, практически параллельных условиям нашей собственной эволюции. Эта наша сестра-вселенная, насколько мы можем судить по внешним данным, несколько отстала во времени от нашей. Одежда наших гостей и их внешность напоминают одежду и внешность наших предков в Последний Век Хаоса... У нас еще нет оснований утверждать, что их история развивалась строго параллельно нашей. В мире не найдется двух абсолютно подобных материальных частиц, двух абсолютно подобных волн. Во всех измерениях бытия, во всех божьих вселенных не было и не может быть точного повторения. Это, как мы неопровержимо установили,— единственная невозможная вещь. Тем не менее этот мир, который вы именуете Землей, явно близок нашей вселенной и очень ее напоминает... Мы очень хотим многое узнать от вас, землян, хотим проверить нашу собственную, еще далеко не познанную историю через вашу, хотим ознакомить вас с нашими знаниями, установить, какое общение и помощь возможны и желательны между обитателями вашей планеты и нашей. Мы тут постигли лишь самые начатки знания, мы пока сумели узнать лишь всю

необъятность того, что нам еще только предстоит открыть и научиться делать. Есть миллионы сходных проблем, в разрешении которых два наших мира, наверное, могут оказать друг другу взаимную помощь, поделившись своими знаниями... Возможно, на вашей планете существуют линии наследственности, которые не стали развиваться или же захирели на нашей. Возможно, в одном мире есть элементы или минералы, в которых нуждается другой... Структура ваших атомов (?)... наши миры могут скреститься (?)... для взаимного жизненного толчка...

Речь его стала беззвучной именно тогда, когда мистер Барнстейпл был особенно глубоко взволнован и с нетерпением ждал его дальнейших слов. Однако глухой не усомнился бы, что Серпентин продолжает говорить. Глаза мистера Барнстейпла встретились с глазами мистера Руперта Кэтскилла — в них было то же тревожное недоумение. Отец Эмертон сидел, закрыв лицо руками. Леди Стелла и мистер Маш о чем-то шепотом переговаривались — они уже давно перестали притворяться, что слушают.

— Такова, — сказал Серпентин, вдруг снова становясь слышным, — наша первая примерная оценка вашего появления в нашем мире и возможностей нашего взаимного общения. Я изложил вам наши предположения, как мог проще и яснее. Теперь я хотел бы предложить, чтобы кто-нибудь из вас сказал нам просто и ясно, что вы считаете истиной о вашем мире и об его отношении к нашему.

Глава пятая

УПРАВЛЕНИЕ УТОПИИ И ЕЕ ИСТОРИЯ

1

Наступило молчание. Земляне переглядывались и один за другим поворачивались к мистеру Сесилью Берли. Государственный муж сделал вид, будто он не понимает, чего от него ждут.

— Руперт, — сказал он. — Может быть, вы?

— Я выскажу свое мнение потом, — ответил мистер Кэтскилл.

— Отец Эмертон, вы привыкли рассуждать об иных мирах.

— Однако не в вашем присутствии, мистер Сесиль. Нет, не в вашем.

— Но что я им скажу?

— То, что вы обо всем этом думаете,— посоветовал мистер Барнстейпл.

— Вот именно,— подхватил мистер Кэтскилл.— Скажите им, что вы обо всем этом думаете.

Других подходящих кандидатов, очевидно, не было, и мистер Берли, медленно поднявшись, задумчиво направился к середине полукружья. Взявшись за лацканы своего куртка, он несколько мгновений стоял, опустив голову и словно собираясь с мыслями.

— Мистер Серпентин,— начал он наконец, повернув к слушателям дышащее искренностью лицо и устремив взгляд сквозь пенсне на небо над дальним берегом озера.— Мистер Серпентин, уважаемые дамы и господа...

Он собирался произнести речь! Словно он находился на званом чаепитии, устроенном «Лигой подснежника», или в Женеве. Это было нелепо, но что еще оставалось делать?

— Должен признаться, сэръ, что, хотя это отнюдь не первое мое появление на ораторской трибуне, сейчас я несколько растерян. Ваше замечательное выступление, сэръ, простое, деловитое, ясное, сжатое и временами истинно красноречивое, подало мне пример, которому я от души хотел бы последовать — но это, к сожалению, не в моих скромных силах. Вы просите меня со всей возможной ясностью изложить вам факты, известные нам об этом родственном вам мире, откуда мы столь неожиданно попали к вам. Насколько я вообще способен понимать или обсуждать столь сложные материи, я полагаю, что не могу не только расширить ваше замечательное изложение математического аспекта проблемы, но хотя бы что-либо к нему добавить. То, что вы говорите, воплощает самые последние, самые смелые идеи земной науки и namного их превосходит. По некоторым частностям, например, по взаимоотношению времени и гравитации, признаюсь, я не могу согласиться с вами, но не потому, что у меня есть какие-либо позитивные возражения, а просто потому, что мне трудно понять ваши предпосылки. Относительно общего взгляда на сущность вопроса между нами, видимо, нет никаких противоречий. Мы принимаем ваше основное положение безоговорочно; а именно, мы признаем, что обитаем в параллельной вселенной, на планете, являющейся подлинной сестрой вашей планеты и удивительно похожей на вашу, даже принимая во внимание все те возможные отличия, которые мы тут наблюдали. Мы находим разумным и склонны принять ваше предположение, что наша система, по всей вероятности, несколько менее приблизилась к зрелости, несколько

менее смягчена рукой времени, нежели ваша, и отстает от нее на столетия, если не на тысячелетия. Ввиду всего этого наше отношение к вам, сэр, неизбежно должно быть окрашено некоторым смирением. Как младшим, нам более к лицу учиться, нежели поучать. Это нам подлежит спрашивать: «Что вы сделали? Чего достигли?» — вместо того, чтобы с простодушной гордостью продемонстрировать вам все, чего мы еще не знаем, все, чего мы еще не сделали...

«Нет! — сказал себе мистер Барнстейпл. — Это сон... Будь это что-нибудь другое...»

Он протер глаза, а потом вновь открыл их, но он по-прежнему сидел рядом с мистером Машем, окруженный нагими олимпийцами. А мистер Берли, этот утонченнейший из скептиков, который никогда ничему не верил, который никогда ничему не удивлялся, стоял на носках, слегка наклонившись вперед, и говорил, говорил с уверенностью человека, произнесшего на своем веку десять тысяч речей. Он так же не сомневался в себе и в реакции своих слушателей, словно выступал в лондонской ратуше. И они действительно понимали его! А это была уже полная нелепость!

Оставалось только одно: смириться с этой беспредельной бессмыслицей, сидеть и слушать. Иногда мысли мистера Барнстейпла уводили его далеко от речи мистера Берли. Потом, очнувшись, он делал отчаянные попытки следить за его словами. С обычной медлительной парламентской манерой, то протирая пенсне, то берясь за лацканы сюртука, мистер Берли давал утопийцам общее представление о мире людей: стараясь говорить просто, ясно и логично, он рассказывал им о государствах и империях, о войнах и о Мировой войне, об организованной экономике и о хаосе, о революциях и о большевизме, о начинающемся в России страшном голоде, о коррупции государственных деятелей и чиновников, среди которых так редко можно найти честных людей, и о бесполезности газет — обо всех мрачных и смутных сторонах человеческой жизни. Серпентин употребил выражение «Последний Век Хаоса», и мистер Берли ухватился за него и всячески его обыгрывал...

Это была великолепная ораторская импровизация. Длилась она примерно час, и утопийцы слушали ее с напряженным вниманием и интересом, иногда кивали в знак согласия и понимания.

«Очень похоже, — отдавалось в мозгу мистера Бернстейпла. — Так же было и у нас — в Век Хаоса».

Наконец мистер Берли с рассчитанной неторопливостью искушенного парламентария завершил свою речь несколь-

кими любезными фразами. Он поклонился. Он кончил. Мистер Маш заставил всех вздрогнуть, энергично захлопав в ладоши, но никто к нему не присоединился.

Мистер Барнстейпл почувствовал, что не может больше выносить смятения своих мыслей.

Он вскочил.

2

Он стоял, растерянно и умоляюще жестикулируя, как это обычно бывает с неопытными ораторами.

— Уважаемые дамы и господа! — сказал он. — Утопийцы, мистер Берли! Прошу у вас минуту внимания. Одна мелочь. Ею нужно заняться немедленно.

На несколько секунд он утратил дар речи.

Внимательный взгляд Эрфреда ободрил его.

— Я кое-чего не понимаю. Это невероятно... Я хочу сказать, непостижимо. Маленькое несоответствие, но оно превращает все в бессмысленную фантазмагорию.

Интерес в глазах Эрфреда ободрял и поддерживал его. Мистер Барнстейпл отказался от попытки обращаться ко всему обществу и заговорил непосредственно с Эрфредом:

— Вы в Утопии живете на сотню тысяч лет впереди нас. Так каким же образом вам известен наш язык со всеми его современными особенностями? Каким образом вы говорите на нем с такой же легкостью, как и мы сами? Я спрашиваю вас, как это так? Это нелегко. Это нелогично. Это превращает вас в сновидение. Но ведь вы все-таки не сон? От этого я чувствую себя... сумасшедшим.

Эрфред ласково улыбнулся ему.

— Мы не говорим на вашем языке, — сказал он.

Мистер Барнстейпл почувствовал, что земля разверзается под его ногами.

— Но ведь я слышу это своими ушами, — запротестовал он.

— И все-таки это не так, — сказал Эрфред. Улыбнувшись еще шире, он добавил: — Мы в обычных обстоятельствах вообще не говорим.

Мистер Барнстейпл, чувствуя, что голова у него идет кругом, сохранил позу почтительного внимания.

— Много веков назад, — продолжал Эрфред, — мы, разумеется, пользовались для общения различными языками. Мы издавали звуки и слышали их. Люди сначала думали, а потом подбирали необходимые слова и произносили их в соответствующем порядке. Слушающий слышал, восприни-

мал и вновь переводил звуки в мысли. Затем — каким образом, мы до сих пор полностью не понимаем, — люди начали воспринимать идею прежде, чем она облекалась в слова и выражалась звуками. Они начали слышать мозгом, как только говоривший организовывал свои мысли, — прежде, чем он подбирал для них словесные символы даже в уме. Они знали, что он хочет сказать, прежде чем он успевал это сказать. Этот прямой обмен мыслями вскоре широко распространился; оказалось, что ценой небольшого усилия почти всякий человек способен до некоторой степени проникать в мозг другого, и началось систематическое развитие этого нового способа общения. И в нашем мире он стал теперь наиболее обычным. *Мы непосредственно мыслим друг другу.* Мы решаем сообщить мысль, а она тут же сообщается — при условии, что расстояние не слишком велико. Мы в нашем мире пользуемся теперь звуками только в поэзии, для удовольствия, в минуты эмоционального возбуждения или чтобы крикнуть на далекое расстояние, или же в общении с животными, но не для передачи идей родственным умам. Когда я думаю вам, эта мысль, *в той же мере, в какой она находит соответствующие понятия и подходящие слова в вашем мозгу,* отражается там. Моя мысль облекается в слова в вашем мозгу, а вам кажется, что вы эти слова слышите, — и естественно, что мыслите вы на своем языке с помощью наиболее привычной вам фразеологии. Весьма возможно, что эту мою речь, обращенную к вам, ваши товарищи слышат с некоторыми различиями за счет их индивидуальных речевых привычек и словаря.

На протяжении этого объяснения мистер Барнстейпл не раз энергично кивал в знак понимания, и порой казалось, что он вот-вот перебьет Эрфреда. Теперь он воскликнул:

— Так вот почему иногда — как, например, во время замечательной речи мистера Серпентина, — когда вы воспаряете к идеям, которые недоступны для нашего мозга, мы просто ничего не слышим!

— А разве такие паузы были? — спросил Эрфред.

— Боюсь, что неоднократно... и у всех нас, — ответил мистер Берли.

— Слово вдруг наступает полоса глухоты, — пояснила леди Стелла. — Большая полоса.

Отец Эмертон кивнул в знак согласия.

— И поэтому-то мы не могли разобрать, зовут ли вас Эрфред или Адам, а имя Арден казалось мне похожим на Лес.

— Надеюсь, ваше мучительное недоумение теперь исчезло? — сказал Эрфред.

— О, совершенно! — ответил мистер Барнстейпл. — Совершенно! И, принимая во внимание все обстоятельства, мы можем только радоваться, что у вас существует такой способ общения. Иначе нам пришлось бы потратить несколько томительных недель на изучение основных принципов вашей грамматики, логики, семантики и всего прочего, — по большей части вещей очень скучных, — прежде чем нам удалось бы достигнуть нашей нынешней степени взаимопонимания.

— Очень удачно схвачено, — сказал мистер Берли, поворачиваясь к мистеру Барнстейплу самым дружеским образом. — Очень, очень удачно. Я сам никогда бы этого не заметил, если бы вы не обратили на это мое внимание. Как странно! Я совсем не заметил этой... этой разницы. Впрочем, признаюсь, я был совершенно поглощен своими мыслями. Мне казалось, что они говорят на нашем языке. И я счел это само собой разумеющимся.

3

Теперь это удивительное происшествие обрело для мистера Барнстейпла такую логическую законченность, что удивляться оставалось лишь полнейшей его реальности. Он сидел в открытой апсиде прелестного здания, любовался волшебными цветниками и сверкающим озером, видел вокруг странное смешение английских загородных костюмов и более чем олимпийской наготы, которую уже переставал замечать, и слушал завязавшуюся теперь оживленную беседу, иногда сам вставляя какое-нибудь замечание или отвечая на вопрос. В течение этой беседы раскрылись разительные различия в этических и социальных воззрениях двух миров. Но, уверовав в абсолютную реальность окружающего, мистер Барнстейпл ловил себя на мысли, что скоро он отправится домой описывать случившееся в статье для «Либерала» и рассказывать жене — с некоторыми разумными опущениями — про обычаи и костюмы этого до сих пор неизвестного мира. Он даже не чувствовал, что находится где-то далеко. Сайденхем был как будто совсем рядом, за углом.

Вскоре две хорошенькие девушки приготовили чай на передвижном столике среди рододендронов и подали его присутствующим. Чай! Своим тонким ароматом он напомнил наши китайские сорта, и подавали его в чашечках без ручек на китайский манер, но это был самый настоящий чай, и очень освежающий.

Прежде всего земляне осведомились о том, как управляется Утопия. Это было вполне естественно: ведь среди них находились два таких политических светила, как мистер Берли и мистер Кэтскилл.

— Какая у вас форма правления? — осведомился мистер Берли. — Самодержавие, конституционная монархия или же чистая демократия? Разделены ли у вас исполнительная и законодательная власть? И управляет ли вашей планетой одно центральное правительство, или их существует несколько?

Утопийцам после некоторых затруднений удалось объяснить мистеру Берли и остальным землянам, что в Утопии вообще не существует центрального правительства.

— Но все-таки, — сказал мистер Берли, — у вас же должно быть какое-то лицо или учреждение — совет, бюро или еще что-нибудь в том же роде — для принятия окончательного решения, когда дело касается коллективных действий, направленных на благо всего общества. Какой-то верховный пост или суверенный орган, мне кажется, необходим...

Нет, заявили утопийцы, в их мире подобного сосредоточения власти не существует. В прошлом это имело место, но постепенно власть вернулась к обществу во всей его совокупности. Решения в каждом конкретном случае принимаются теми, кто лучше остальных осведомлен в данном вопросе.

— Но предположим, это решение должно быть обязательно для всех? Правило, касающееся общественного здравоохранения, например? Кто будет осуществлять его принудительное выполнение?

— Но ведь никого не придется принуждать. Зачем?

— А предположим, кто-нибудь откажется выполнять это правило?

— Будет выяснено, почему он или она его не выполняет. Ведь могут быть особые причины.

— А если их нет?

— Тогда мы проверим, насколько этот человек душевно и нравственно здоров.

— Психиатры в роли полицейских, — заметил мистер Берли.

— Я предпочту полицейских, — сказал мистер Руперт Кэтскилл.

— Вы, Руперт? О, несомненно, — заявил мистер Берли, словно желая сказать: «Что, съел?»

— Следовательно, — с сосредоточенным видом продолжал он, обращаясь к утопийцам, — жизнью вашего общества

управляют специальные учреждения или организации (право, затрудняешься, как их назвать) без какой-либо централизованной координации их деятельности?

— Вся деятельность в нашем мире координируется идеей обеспечения общей свободы,— ответил Эрфред.— Определенное число ученых занимается общей психологией всего нашего человечества и взаимодействием различных коллективных функций.

— Так разве эта группа ученых не является правящим классом? — спросил мистер Берли.

— Нет,— в том смысле, что у них нет власти произвольно навязывать свои решения,— ответил Эрфред.— Они занимаются проблемой коллективных взаимоотношений, только и всего. Но это не дает им никаких особых прав и ставит их выше всех остальных не более, чем стоит философ выше узкого специалиста.

— Вот это поистине республика! — воскликнул мистер Берли.— Но как она функционирует и как она сложилась, просто не могу себе представить. Ваше государство, вероятно, в высокой степени социализировано?

— А вы до сих пор живете в мире, в котором почти все, кроме воздуха, больших дорог, открытого моря и пустынь, принадлежит частным владельцам?

— Да,— ответил мистер Кэтскилл.— Принадлежит и составляет объект конкуренции.

— Мы тоже прошли через эту стадию. Но в конце концов мы обнаружили, что частная собственность на все, кроме предметов сугубо личного обихода, является недопустимой помехой на пути развития человечества. И мы покончили с ней. Художник или ученый имеет в своем распоряжении весь необходимый ему материал, у каждого из нас есть свои инструменты и приборы, свое жилище и личный досуг, но собственности, которой можно было бы торговать или спекулировать, не существует. Такая вот воинствующая собственность, собственность, дающая возможность для всяческих маневров, уничтожена полностью. Однако как мы от нее избавились — это долгая история. На это потребовалось много лет. Преувеличенная роль частной собственности была естественной и необходимой на определенном этапе развития человеческой природы. В конце концов это привело к чудовищным и катастрофическим результатам, однако только благодаря им люди постигли, какую опасность представляет собой частная собственность и чем это объясняется.

Мистер Берли принял позу, которая была для него явно привычной. Он откинулся в своем кресле, вытянув и скре-

стив длинные ноги и прижав большой и указательный пальцы одной руки к большому и указательному пальцам другой.

— Должен признаться,— сказал он,— что меня очень интересует эта своеобразная форма анархии, которая, судя по всему, здесь господствует. Если я хоть в какой-то мере правильно вас понял, каждый человек у вас занимается своим делом, как слуга государства. Насколько я понимаю — пожалуйста, поправьте меня, если я заблуждаюсь,— у вас значительное число людей занято производством, распределением и приготовлением пищи; они, если не ошибаюсь, определяют потребности всего населения и удовлетворяют их, но в том, как они это делают,— они сами для себя закон. Они ведут научные изыскания, ставят опыты. Никто их не принуждает, не обязывает, не ограничивает, никто не препятствует им. («Люди высказывают им свое мнение о результатах их деятельности»,— с легкой улыбкой сказал Эрфред.) Другие, в свою очередь, добывают, обрабатывают и изучают металлы для всего человечества, и опять-таки в этой области они сами для себя закон. Третьи, в свою очередь, занимаются проблемой жилья для всей вашей планеты, создают планы этих восхитительных зданий, организуют их строительство, указывают, кто будет ими пользоваться и для каких целей они предназначены. Четвертые занимаются чистой наукой. Пятые экспериментируют с чувственными восприятиями и силой воображения — это художники. Шестые учат.

— Их работа очень важна,— вставила Ликнис.

— И все они занимаются своим делом в гармонии друг с другом, соблюдая надлежащие пропорции. Причем обходятся без центральной административной или законодательной власти. Признаюсь, все это кажется мне восхитительным — и невозможным. В мире, из которого мы попали к вам, никто никогда не предлагал ничего подобного.

— Нечто подобное уже давно было предложено «гильдейскими социалистами»,— сказал мистер Барнстейпл.

— Неужели? — заметил мистер Берли.— Я почти ничего не знаю о «гильдейских социалистах». Что это было за учение? Расскажите мне.

Мистер Барнстейпл уклонился от такой сложной задачи.

— Наша молодежь прекрасно знакома с этой идеей,— сказал он только.— Ласки называет такое государство плюральным в отличие от монистичного государства, в котором власть концентрирована. Это течение существует даже у китайцев. Пекинский профессор господин Чан написал бро-

шюру о том, что он называет «профессионализмом». Я прочитал ее недели две-три назад. Он прислал ее в редакцию «Либерала». В ней он указывает, насколько нежелательно и не нужно Китаю проходить стадию демократии западного образца. По его мнению, в Китае должно непосредственно возникнуть сотрудничество независимых функциональных классов — мандарinov, промышленников, крестьян и так далее, то есть примерно то же, что мы находим тут. Хотя это, разумеется, требует революции в области образования и воспитания. Нет, зачатки того, что вы назвали здешней анархией, несомненно, носятся в воздухе и у нас.

— Неужели? — сказал мистер Берли с еще более сосредоточенным и внимательным выражением. — Вот как! А я не имел ни малейшего понятия.

4

Беседа и дальше велась так же беспорядочно, однако обмен мыслями шел быстро и успешно. За самое короткое время, как показалось мистеру Барнстейплу, у него сложилось достаточно полное представление об истории Утопии от Последнего Века Хаоса по настоящий день.

Чем больше он узнавал об этом Последнем Веке Хаоса, тем больше сходства находил в нем с современной жизнью на Земле. В те дни утопийцы носили множество одежд и жили в городах совсем по-земному. Счастливое стечение обстоятельств, в котором сознательной деятельности принадлежала крайне малая роль, обеспечило им несколько столетий широких возможностей и быстрого развития. После долгого периода непрерывной нужды, эпидемий и губительных войн судьба улыбнулась населению их планеты: наступили благодетельные климатические и политические изменения. Впервые перед утопийцами открылась возможность изучить всю свою планету, и в результате этих исследований топор, лопата и плуг проникли в самые глухие ее дебри. Это принесло с собой резкое увеличение материальных богатств и досуга и открыло новые пути его использования. Десятки тысяч людей были вырваны из прежнего жалкого существования и при желании могли думать и действовать со свободой, о которой прежде нельзя было и мечтать. И некоторые воспользовались этой возможностью. Число их было невелико, но и его оказалось достаточно. Началось бурное развитие наук, повлекшее за собой множество важнейших изобретений, и все это чрезвычайно расширило власть человека над природой.

В Утопии и прежде бывали периоды подъема наук, но ни один из них не происходил при столь благоприятных обстоятельствах и не длился достаточно времени, чтобы принести такие обильные плоды. И вот за два века утопийцы, которые до тех пор ползали по своей планете как неуклюжие муравьи или паразитически ездили на более сильных и быстрых животных, научились стремительно летать и разговаривать с любым уголком своей планеты. Кроме того, они стали господами неслыханной доселе механической мощи, и не только механической: вслед за физикой и химией внесли свою лепту физиология и психология, и утопийцы оказались на пороге нового дня, обещавшего им колоссальные возможности контроля над человеческим телом и жизнью общества. Однако эти перемены, когда они наконец наступили, произошли так быстро и беспорядочно, что лишь незначительное меньшинство утопийцев отдавало себе отчет, какие перспективы открывает это колоссальное накопление знаний, выражавшееся пока только в чисто практическом применении. Остальные же принимали новые изобретения, как нечто само собой разумеющееся, и даже и не думали о необходимости приспособлять свое мышление и привычки к новым требованиям, заложенным в нововведениях.

Первой реакцией основной массы населения Утопии на обретенные могущество, досуг и свободу было усиленное размножение. Человечество размножалось так же усердно и бездумно, как животные или растения в подобных же благоприятных обстоятельствах. Оно размножалось до тех пор, пока все новые ресурсы не были полностью истощены. В бессмысленном и хаотическом воспроизведении обычной убогой жизни оно транжирило великие дары науки с такой же быстротой, с какой их получало. В Последнем Веке Хаоса наступил момент, когда население Утопии превысило два миллиарда человек...

— А каково оно сейчас? — спросил мистер Берли.

Примерно двести пятьдесят миллионов, ответили утопийцы. Таково было максимальное число, которому площадь Утопии предоставляла до сих пор возможность для полной и гармоничной жизни. Но теперь, с увеличением материальных ресурсов, увеличивается и население.

У отца Эмертона вырвался стон ужаса. Его зловещее предчувствие оправдалось. Это было посягательство на основу основ его нравственных убеждений.

— И вы осмеливаетесь регулировать прирост населения?! Вы его контролируете?! Ваши женщины соглашаются рожать или не рожать в зависимости от статистики?!

— Разумеется,— ответил Эрфред.— А чем это плохо?

— Так я и знал! — воскликнул отец Эмертон. Он склонил голову и закрыл лицо руками, бормоча: — Это носилось в воздухе. Человечий племенной завод! Отказываются творить души живые! Что может быть гнуснее и греховнее! О господи!

Мистер Берли наблюдал сквозь свое пенсне за переживаниями преподобного отца с легкой брезгливостью. Он терпеть не мог банальностей. Однако отец Эмертон представлял очень влиятельные консервативные слои общества. Мистер Берли вновь повернулся к утопийцу.

— Это очень интересно,— сказал он.— Даже в настоящее время население, которое кормит наша Земля, в пять раз, если не больше, превышает эту цифру.

— Однако зимой этого года, как вы нам только что говорили, около двадцати миллионов человек должны умереть от голода в месте, которое называется «Россия». И ведь лишь незначительная часть остальных ведет жизнь, которую даже по вашим меркам можно назвать полной и ничем не стесненной?

— Тем не менее соотношение этих цифр поразительно,— сказал мистер Берли.

— Это ужасно,— бормотал отец Эмертон.

Однако утопийцы продолжали утверждать, что перенаселенность планеты в Последнем Веке Хаоса была главным злом, порождавшим все остальные несчастья тогдашнего человечества. Мир захлебывался во все растущем потоке новорожденных, и интеллигентное меньшинство было бесчеловечно воспитать хотя бы часть молодого поколения так, чтобы оно могло во всеоружии встретить требования новых и по-прежнему быстро меняющихся условий жизни. К тому же положение этого интеллигентного меньшинства не давало ему никакой возможности заметно влиять на судьбы человечества. Огромные массы населения, неизвестно зачем появившиеся на свет, покорные рабы устаревших, утративших смысл традиций, податливые на грубейшую ложь и лесть, представляли собой естественную добычу и опору любого ловкого демагога, проповедующего доктрину успеха, достаточно низкопробную, чтобы прийтись им по вкусу. Экономическая система, неуклюже и судорожно приспособившаяся к новым условиям производства и распределения, становилась средством, с помощью которого алчная кучка хищников все более жестоко и бесстыдно эксплуатировала гигантские скопления простого люда. А этот слишком уж простой «простой люд» от колыбели до могилы

знал только нищету и порабощение; его улещивало и обманывало, его покупало, продавало и подчиняло себе наглос меньшинство, которое было смелее и, несомненно, предприимчивее его, но в интеллектуальном отношении несколько его не превосходило. Современный утопиец, сказал Эрфред, не в силах передать всю меру чудовищной глупости, расточительности и душевного ничтожества, которые были свойственны этим богатым и могущественным властителям Последнего Века Хаоса.

(— Мы не станем вас затруднять,— сказал мистер Берли.— К несчастью, нам это известно... слишком хорошо известно!)

И вот на это чудовищно раздувшееся разлагающееся население в конце концов обрушились всяческие беды — так слетаются осы на груды гниющих фруктов. Это была его естественная, неизбежная судьба. Война, охватившая почти всю планету, нанесла непоправимый удар ее хрупкой финансовой системе и экономике. Гражданские войны и неуклюжие попытки социальных революций еще больше способствовали всеобщему развалу. Несколько последовавших друг за другом неурожайных лет сделали обычную всемирную угрозу голода еще более грозной. А недалёковидные эксплуататоры, по глупости своей не понимавшие происходящего, продолжали обманывать и надувать массы и втихомолку расправлялись с честными людьми, пытавшимися сплотиться против них,— так осы продолжают есть, даже если их туловище отсечено. Стремление творить исчезло из жизни Утопии, триумфально вытесненное стремлением получать. Производство постепенно сошло на нет. Накопленные богатства истощились. Жесточайшая долговая система, рон кредиторов, не способных поступиться своей выгодой во имя общего блага, сделали какую-либо новую инициативу невозможной.

Длительная диастола, которая наступила в жизни Утопии с эпохой великих открытий, перешла в фазу быстрой систолы. Чем меньше оставалось в мире изобилия и радостей, тем более жадно их захватывали напористые финансисты и спекулянты. Организованная наука давно уже была поставлена на службу коммерции и «прикладывалась» теперь в основном лишь для поисков выгодных патентов и перехвата необходимого сырья. Оставленный в пренебрежении светильник чистой науки тускнел, мигал и грозил совсем погаснуть, оставив Утопию перед началом новой вереницы Темных веков, подобных тем, которые предшествовали эпохе открытий...

— Право, это очень похоже на мрачные прогнозы нашего собственного будущего,— заметил мистер Берли.— Удивительно похоже! Какое удовольствие доставило бы все это настоятелю Ингу!

— Еретика его толка, конечно, это очень понравилось бы,— невнятно пробормотал отец Эмертон.

Их реплики раздосадовали мистера Барстейпла, которому не терпелось услышать, что было дальше.

— А потом,— спросил он Эрфреда,— что было потом?

5

А потом, насколько мог понять мистер Барстейпл, произошел сознательно подготовленный переворот в мировоззрении утопийцев. Все большее число людей начало понимать, что с тех пор, как наука и высокая организация дали в руки человеку могучие и легко высвобождаемые силы, старая концепция социальной жизни государства, как законенной внутри определенных рамок борьбы людей, стремящихся взять верх друг над другом, стала слишком опасной, а возросшая мощь современного оружия сделала слишком опасной суверенность отдельных стран. Должны были появиться новые идеи и новые формы общества, иначе его история завершилась бы полной и непоправимой катастрофой.

До тех пор основой всякого общественного строя было обуздание с помощью законов, моральных запретов и договоров той первобытной воинственности, которую человек унаследовал от своего обезьяноподобного предка; этот древний дух самоутверждения теперь нужно было подчинить новым ограничениям, которые отвечали бы новому опасному могуществу, обретенному человечеством. Идея соперничества за право обладания как основной принцип общения людей между собой теперь, словно плохо отрегулированный котел, грозила разнести вдребезги ту машину, которую прежде снабжала энергией для движения вперед. Ее должна была заменить идея творческого служения. Социальная жизнь могла сохраниться только в том случае, если человеческий разум и воля воспримут эту идею. Мало-помалу выяснялось, что положения, которые в предшествующие века считались неосуществимыми идеалами, порожденными воображением вдохновенных мечтателей, представляют собой даже не просто трезвую психологическую истину, но истину, требующую немедленного практического применения. Объясняя это, Эрфред выражал свою мысль

таким образом, что в мозгу мистера Барнстейпла всплыли отголоски каких-то очень знакомых фраз: Эрфред словно утверждал, что тот, кто хочет жизнь свою сберечь, тот теряет ее, а тот, кто теряет жизнь свою, тот приобретет весь мир.

В мозгу отца Эмертона возникли, очевидно, те же ассоциации, так как он неожиданно перебил Эрфреда восклицанием:

— Но ведь вы цитируете Священное писание!

Эрфред подтвердил, что ему действительно пришла на ум цитата, отрывок из поучений человека, наделенного большим поэтическим даром и жившего очень давно, в эпоху звучащих слов.

Затем Эрфред собирался продолжать свой рассказ, но отец Эмертон в сильном волнении засыпал его градом вопросов:

— Но кто был этот учитель? Где он жил? Каковы обстоятельства его рождения? Как он умер?

В мозгу мистера Барнстейпла проплыла картина: бледный, исполненный скорби человек, избитый, весь в крови, окруженный стражей, в самой гуще возбужденной толпы смуглых людей, колышущейся в узкой улочке между высокими стенами. Позади несли какое-то большое, зловещего вида приспособление, которое дергалось и покачивалось в такт движению толпы...

— Неужели он умер на кресте и в этом мире тоже? — вскричал отец Эмертон. — Он умер на кресте?

Этот утопийский пророк, узнали они, умер очень мучительной смертью, но не на кресте. Его сначала подвергли пыткам, но ни утопийцы, ни эти земляне не обладали необходимыми знаниями, чтобы получить ясное представление о том, в чем они заключались, а затем его как будто привязали к колесу, которое медленно вращалось, пока он не умер. Это была гнусная казнь, изобретенная жестокими завоевателями, и пророка казнили так потому, что его доктрина всеобщего служения напугала богатых и власть имущих, которые никому не служили. Перед глазами мистера Барнстейпла на миг возникло изломанное тело на пыточном колесе под палящим солнцем. Но какая великолепная победа над смертью! Из мира, способного на такие чудовищные деяния, родились окружающие его сейчас великий покой и всепроникающая красота!

Однако отец Эмертон еще не кончил свои расспросы:

— Но разве вы не поняли, кто это был? Ваш мир не догадался об этом?

Очень многие считали, что этот человек был богом. Но он обыкновенно называл себя просто сыном божьим или сыном человеческим.

Отец Эмертон продолжал настойчиво идти к своей цели:

— А теперь вы ему поклоняетесь?

— Мы следуем его учению, потому что оно было великим и в нем заключалась истина,— ответил Эрфред.

— Но не поклоняетесь ему?

— Нет.

— И никто не поклоняется? Ведь вы же сказали, что прежде были люди, которые ему поклонялись?

Да, были, те, кто отступил перед суровым величием его учения и в то же время мучительно сознавал, что в нем скрыта глубокая правда. И вот такие люди пытались одурочить свою встревоженную совесть, поклоняясь ему, как божку, наделенному волшебной силой, вместо того, чтобы признать его путеводным маяком своей души. Они придали его казни то же магическое значение, которое придавали некогда ритуальным убийствам царей. Вместо того, чтобы просто и честно следовать его идеям, претворяя их в свое мировоззрение и волю, они предпочитали мистически вкушать его, претворяя в свое тело. Они превратили колесо, на котором он погиб, в чудотворный символ и видели его в экваторе, в солнце, в эклипике — короче говоря, в любом круге. В случае неудачи, болезни, скверной погоды верующие считали очень полезным описать в воздухе указательным пальцем круг.

А так как память об учителе, благодаря его кротости и милосердию, была очень дорога невежественным массам, этим воспользовались хитрые властолюбцы, которые объявили себя защитниками и опорой колеса, во имя его богаты и становились все могущественнее, заставляли народы воевать за него и, прикрываясь им, оправдывали свою зависть, ненависть, тиранию и удовлетворение самых темных своих страстей. И, наконец, люди стали даже говорить, что, вернись древний пророк в Утопию вновь, его собственное торжествующее колесо вновь изломало бы его тело...

Эти подробности не заинтересовали отца Эмертона. У него была своя точка зрения.

— Но все же,— нетерпеливо сказал он,— хоть частичка этих верующих должна же была сохраниться? Пусть их презирают, но они все-таки есть?

Нет, и частички не сохранилось. Весь мир следует идеям этого Величайшего Учителя, но никто ему не поклоняется. На стенах некоторых старинных, тщательно охраняемых

зданий уцелели вырезанные знаки колеса, иногда усложненные самыми фантастическими декоративными украшениями. Кроме того, в музейных коллекциях можно увидеть множество картин, статуй, амулетов и других предметов его культа.

— Не понимаю! — сказал отец Эмертон. — Как это ужасно! Я не знаю, что и подумать. Я не в силах этого понять.

6

Белокурый худощавый человек с тонкими изящными чертами лица, которого, как позднее узнал мистер Барнстейпл, звали Лев, вскоре освободил Эрфреда от тяжелой обязанности давать землянам объяснения и отвечать на их вопросы.

Он был одним из утопийских координаторов образования. Он рассказал, что наступившие в Утопии перемены не явились результатом внезапной революции. Новая система законов и обычаев, новый метод экономического сотрудничества, опирающийся на идею общего служения коллективному благу, вовсе не возникли в одно мгновение законченными и совершенными. На протяжении длительного периода перед Последним Веком Хаоса и во время него все возрастающее количество исследователей и творцов закладывало основы государства нового типа, работая без какого-либо заранее составленного плана или готового метода, но бессознательно сотрудничая друг с другом, потому что их объединяло присущее им всем желание служить человечеству, а также ясность и благородство ума. Только к самому завершению Последнего Века Хаоса в Утопии психологическая наука начала наконец развиваться в темпах, сравнимых с темпами развития географических и физических наук в предыдущие столетия. Это объяснялось тем, что социальный и экономический хаос, ставивший рогатки на пути экспериментальной науки и уродовавший организованную работу университетов, в то же время делал необходимым исследование процесса взаимодействия людей — и оно велось с напряжением отчаяния.

Насколько понял мистер Барнстейпл, речь шла не об одном из тех бурных переворотов, которые наш мир привык называть революциями, но о постепенном рассеивании мрака, о наступлении зари новых идей, под влиянием которых прежний порядок вещей медленно, но верно менялся, и в конце концов люди начали поступать по-иному, так, как этого требовал от них простой здравый смысл.

Новый порядок зарождался в научных дискуссиях, в книгах и психологических лабораториях, его питательной средой стали школы и университеты. Старый порядок скудно оплачивал школьных учителей, и те, кто властвовал в нем, были слишком заняты борьбой за богатство и могущество, чтобы думать о вопросах образования и воспитания; их они оставили на усмотрение тех, кто был готов, не заботясь о материальном вознаграждении, посвятить свой ум и труд пробуждению нового сознания у подрастающего поколения. И они этого добились. В мире, где все еще правили демагогические политики, в мире, где власть принадлежала хищным предпринимателям и ловким финансистам, в этом мире все больше утверждалось учение о том, что крупная частная собственность является социальным злом и что государство не может нормально функционировать, а образование — приносить желаемые плоды, пока существует класс безответственных богачей. Ибо по самой своей природе этот класс должен был губить, портить и подрывать любое государственное начинание; их паразитическая роскошь искажала и компрометировала все истинные духовные ценности. Их надо было уничтожить для блага всего человечества.

— А разве они не боролись? — с вызовом спросил мистер Кэтскилл.

Да, они боролись — бестолково, но яростно. В течение почти пятисот лет в Утопии шла сознательная борьба за то, чтобы не допустить возникновения всемирного научного государства, опирающегося на воспитание и образование, или хотя бы задержать его возникновение. Это была борьба алчных, разнузданных, предубежденных и своекорыстных людей против воплощения в жизнь новой идеи коллективного служения. Стоило где-нибудь появиться этой идее, как с ней начиналась борьба: с ней боролись увольнениями, угрозами, бойкотами, кровавыми расправами, с ней боролись ложью и клеветническими обвинениями, с ней боролись судом и тюрьмой, веревкой линчевателей, дегтем и перьями, огнем, дубиной и ружьем, бомбами и пушками.

Но служение этой новой идее не прекращалось ни на миг; с непреодолимой силой она овладела умами и душами людей, в которых нуждалась. Прежде чем в Утопии утвердилось научное государство, во имя его утверждения погибло более миллиона мучеников — а тех, кто просто терпел ради него беды и страдания, сосчитать вообще невозможно. Все новые и новые позиции отвоевывались в системе образования, в социальных законах, в экономике. Точной даты

перемены не существует. Просто Утопия в конце концов увидела, что заря сменилась солнечным днем и новый порядок вещей окончательно вытеснил старый...

— Да так и должно случиться,— сказал мистер Барнстейпл, словно вокруг него не было преобразенной Утопии.— Так и должно случиться.

Лев тем временем начал отвечать на чей-то вопрос. Каждого ребенка в Утопии обучают в полную меру его способностей, а затем поручают ему работу, соответствующую его склонностям и возможностям. Он рождается в самых благоприятных условиях. Он рождается от здоровых родителей — после того, как его мать решит иметь ребенка и достаточно подготовится к этому. Он растет в абсолютно здоровой обстановке; его природная потребность играть и любознательность удовлетворяются, согласно самым тонким методам воспитания; его руки, глаза и тело получают все необходимое для тренировки и нормального развития; он учится рисовать, писать и выражать свои мысли, пользуясь для этого множеством самых разнообразных символов. Доброжелательность и вежливость воспитываются сами собой — ведь все вокруг добры и вежливы. Особенное внимание уделяется развитию детского воображения. Ребенок знакомится с удивительной историей своего мира и человеческого рода: он узнает, как боролся и борется человек, чтобы преодолеть свою изначальную животную узость и эгоизм и добиться полной власти над своей внутренней сущностью, которую он еще только-только начинает прозревать сквозь густое покрывало неведения. Все его желания облагораживаются. Поэзия, пример и любовь тех, кто его окружает, учат его в любви забывать о себе ради другого; его чувственная страсть, таким образом, становится оружием против его эгоизма, его любопытство превращается в одержимость наукой, его воинственность обращается против нарушения разумного порядка, его гордость и самолюбие воплощаются в стремление внести почетную долю в общие достижения. Он выбирает работу, которая ему нравится, и сам решает, чем ему заниматься.

Если индивид ленив, это не страшно, так как утопийского изобилия хватит на всех, но такой человек не найдет себе пары, у него не будет детей, потому что ни один юноша, ни одна девушка в Утопии не полкуют того, кто лишен энергии и не хочет ни в чем отличиться. Утопийская любовь опирается на гордость за друга или подругу. И в Утопии нет ни паразитического «светского общества» богачей, ни игр и зрелищ, рассчитанных на развлечение бездельников. Для

бездельников в ней вообще ничего нет. Это очень приятный мир для тех, кто время от времени отдыхает от работы, но не для тех, кто вообще ничего не желает делать.

Уже несколько столетий назад утопийская наука научилась управлять наследственностью, и чуть ли не каждый ныне живущий утопиец принадлежит к типу, который в далеком прошлом именовался деятельным и творческим. В Утопии почти нет малоспособных людей, а слабоумные отсутствуют вовсе; лентяи, люди, склонные к апатии или наделенные слабым воображением, постепенно вымерли; меланхолический тип уже давно забыт; злобные и завистливые характеры уже в значительной степени исчезли. В подавляющем большинстве утопийцы энергичны, инициативны, изобретательны, восприимчивы и доброжелательны.

— И у вас нет даже парламента? — спросил мистер Берли, который никак не мог с этим примириться.

Нет, в Утопии нет ни парламента, ни политики, ни частного богатства, ни коммерческой конкуренции, ни полиции, ни тюрем, ни сумасшедших, ни слабоумных, ни уродов. А всего этого нет потому, что в Утопии есть школы и учителя, которые в полной мере осуществляют главную задачу любой школы и любого учителя. Политика, коммерция и конкуренция — это формы приспособления к жизни общества, еще очень далекого от совершенства. Утопия отказалась от них уже тысячелетие назад. Взрослые утопийцы не нуждаются ни в контроле, ни в правительстве, потому что их поведение в достаточной мере контролируется и управляется правилами, усвоенными в детстве и ранней юности.

И Лев закончил так:

— *Наше воспитание и образование — вот наше правительство.*

Глава шестая

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ЗЕМЛЯН

1

В течение этого достопамятного дня и вечера мистеру Барнстейплу по временам начинало казаться, что он всего лишь разговаривает с кем-то о формах правления и об истории, но разговор этот непонятным образом обрел зрительное воплощение; ему чудилось даже, что все это происходит только в его мозгу, но тут же он вновь осознавал абсолютную реальность случившегося, и поразительность

ситуации отвлекала его внимание от обсуждения несомненно интересных проблем. В такие минуты его взгляд скользил по лицам сидевших вокруг утопийцев, на мгновение переходил на какую-нибудь особенно красивую архитектурную деталь, а затем вновь обращался к этим божественно прекрасным людям.

Затем, словно не веря глазам, он поворачивался к своим собратьям — землянам.

У всех без исключения утопийцев лица были открытыми, одухотворенными и красивыми, как лица ангелов на итальянских картинах. Одна из женщин чем-то походила на Дельфийскую Сивиллу Микеланджело. Они сидели в непринужденных позах, мужчины и женщины вперемешку, и внимательно следили за беседой, однако порой мистер Барнстейпл встречал устремленный на него внимательный, хотя и дружеский взгляд, или обнаруживал, что какой-нибудь утопиец с любопытством рассматривает платье леди Стеллы или монокль мистера Маша.

Сначала мистери Барнстейплу показалось, что все утопийцы очень молоды, но теперь он заметил, что многие лица помечены печатью деятельной зрелости. Ни на одном нельзя было отыскать признаков старости, обычных для нашего мира, но у губ, под глазами и на лбу Эрфреда и Льва пролегли складки, которые оставляют размышления и жизненный опыт.

При взгляде на этих людей мистер Барнстейпл испытывал двойственное ощущение: словно он видел что-то невероятное и в то же время очень знакомое. Ему казалось, будто он всегда знал о существовании подобных людей, и именно это сознание определяло его отношение к тысячам различных аспектов земной жизни, но в то же время он был настолько ошеломлен, оказавшись в одном с ними мире, что все еще опасался, не грезит ли он. Они одновременно представлялись ему и чем-то естественным и безмерно чудесным по сравнению с ним самим и его спутниками, которые, в свою очередь, казались одновременно и чем-то нелепым и само собой разумеющимся.

И вместе с горячим желанием стать близким и своим для этих прекрасных и милых людей, причислить себя к ним, обрести общность с ними через служение единой цели и взаимные услуги, в его душе жил благоговейный страх перед ними, который заставлял его избегать какого-либо контакта с ними и вздрагивать от их прикосновения. Он так жаждал, чтобы они признали в нем собрата и товарища, что ощущение собственной ненужности и недостойности

совсем его подавляло. Ему хотелось пасть перед ними ниц. Ясность и прелесть того, что его окружало, порождали в нем невыносимо мучительное предчувствие, что в конце концов этот новый мир отвергнет его.

Утопийцы произвели на мистера Барнстейпла такое глубокое впечатление, он с такой полнотой отдался радостному созерцанию их изящества и красоты, что некоторое время не замечал, насколько мало разделяют его восторг некоторые из землян. Утопийцы были так далеки от земной нелепости, безобразия и жестокости, что он готов был безоговорочно одобрить любые их институты и весь их образ жизни.

Но тут поведение отца Эмертона открыло ему глаза на тот факт, что эти замечательные люди могут вызывать злобное неодобрение и даже прямую враждебность. Сначала округлившись глаза отца Эмертона и все его круглое лицо над круглым воротником выражали только простодушное изумление; он покорно следовал за тем, кто проявлял какую-нибудь инициативу, и не сказал ни слова до тех пор, пока нагая красота мертвой Гринлейк не вырвала у него восклицания излишне мирского восторга. Однако за время полета к озеру, завтрака и приготовлений к беседе его наивное и смиренное удивление успело смениться упрямым протестом и враждебностью. Слово этот новый мир из зрелища превратился в некую догму, которую он должен был принять или отвергнуть. Возможно, привычка порицать общественные нравы была в нем слишком сильна, и он чувствовал себя хорошо только тогда, когда начинал обличать. А возможно, его искренне возмущала и пугала почти абсолютная нагота прелестных тел вокруг. Но как бы то ни было, вскоре он принялся хмыкать и покашливать, ворчать себе под нос и всяческими другими способами выразить нетерпение.

В первый раз он дал волю своему негодованию, когда речь зашла о численности населения. Затем на короткий срок его рассудок взял верх над эмоциональной бурей — пока им рассказывали о колесованном пророке, — но теперь он вновь подпал под власть все растущего возмущения. Мистер Барнстейпл услышал, что он бормочет:

— Я должен говорить. Я не могу более молчать.

И он начал задавать вопросы.

— Мне хотелось бы получить ясное представление о некоторых вещах, — сказал он. — Я хочу знать, каково состояние нравственности в этой так называемой Утопии. Прошу прощения!

Он вскочил. Несколько секунд он стоял, размахивая руками, не в состоянии говорить. Затем он прошел в конец ряда кресел и встал так, чтобы можно было положить руки на спинку крайнего из них. Он провел ладонью по волосам и глубоко вздохнул. Его глаза засверкали, лицо покраснело и залоснилось. В голове мистера Барнстейпла мелькнуло ужасное подозрение: наверное, именно в этой позе отец Эмертон начинал свои еженедельные проповеди, эти свои бесстрашные обличения всех и вся в вест-эндской церкви Святого Варнавы. Это подозрение тут же перешло в еще более ужасную уверенность.

— Друзья, братья из этого нового мира! Я должен говорить с вами и не могу этого откладывать. Я хочу задать вам несколько проникновенных вопросов. Я хочу прямо говорить с вами о неких простых и ясных, но самых важных вещах. Я хочу откровенно, как мужчина с мужчинами, обсудить с вами без экивоков существеннейшие, хотя и очень деликатные вопросы. Позвольте мне без лишних слов перейти к делу. Я хочу спросить у вас: уважаете ли вы, почитаете ли вы еще в этом так называемом государстве Утопии самое священное, что только есть в жизни общества? Читаете ли вы еще узы брака?

Он умолк, и во время этой паузы мистер Барнстейпл уловил ответ кого-то из утопийцев:

— В Утопии нет никаких уз.

Однако отец Эмертон задавал вопросы вовсе не для того, чтобы получать на них ответы, это был всего лишь риторический прием опытного проповедника.

— Я хочу знать,— гремел он,— почитается ли здесь священный союз, открытый нашим прародителям в Эдеме? Является ли главным правилом вашей жизни благословенная свыше близость одного мужчины и одной женщины в счастье и в беде, близость, не допускающая никакой иной близости? Я хочу знать...

— Но он вовсе не хочет знать!— перебил кто-то из утопийцев.

— ...была ли эта лелеемая и охраняемая обоюдная чистота...

Мистер Берли поднял руку с длинными белыми пальцами.

— Отец Эмертон,— сказал он настойчиво.— Будьте так добры...

Рука мистера Берли была весьма могущественной рукой, по-прежнему способной указать наиболее предпочтительный путь. Когда отец Эмертон отдавался во власть од-

ной из своих душевных бурь, мало что в мире могло заставить его остановиться, но рука мистера Берли принадлежала к немногим исключениям.

— ...отвергнута и отринута здесь вслед за другим еще более бесценным даром? В чем дело, мистер Берли?

— Мне представляется желательным, отец Эмертон, чтобы в настоящий момент вы более не касались этих вопросов. Погодите, пока мы не узнаем больше. Совершенно ясно, что здешние институты заметно отличаются от наших. Даже институт брака может быть здесь иным.

Лицо проповедника потемнело.

— Мистер Берли,— сказал он,— это мой долг. Если мои подозрения справедливы, я хочу сорвать с этого мира обманчивый покров здоровья и добродетели...

— Что уж тут срывать! — довольно громко пробормотал шофер мистера Берли.

Голос мистера Берли стал почти резким.

— В таком случае задавайте вопросы,— сказал он.— Задавайте вопросы. Вудьте добры, обходитесь без риторики. Они не интересуются нашей риторикой.

— Я спросил то, что хотел спросить,— оскорбленно пробурчал отец Эмертон и, смерив Эрфреда вызывающим взглядом, остался стоять в прежней позе.

Он получил ясный и исчерпывающий ответ. В Утопии мужчин и женщин не обязывают разбиваться на пары, связанные нерасторжимым союзом. Для большинства утопийцев это было бы неудобно. Очень часто мужчины и женщины, которых тесно сближала общая работа, становились любовниками и почти все время проводили вместе, как, например, Арден и Гринлейк. Но на то была их добрая воля.

Такая свобода существовала не всегда. В былые дни перенаселения и противоречий мужчины и женщины Утопии, вступавшие в любовные отношения, связывались на всю жизнь под угрозой тяжелых наказаний — особенно в среде сельскохозяйственных рабочих и других подчиненных сословий. Такие пары жили вместе в крохотном жилище, которое женщина убирала и содержала в порядке для мужчины, она была его служанкой и рожала ему как можно больше детей, а он добывал пищу для всех них. Иметь детей они хотели потому, что ребенок вскоре начинал приносить пользу, помогая обрабатывать землю или работая по найму. Но неблагоприятные условия, обрекавшие женщину на такого рода спаривание, давно исчезли.

Люди по-прежнему живут парами со своими избранниками, но поступают они так в силу внутренней потребности, а не подчиняясь внешнему принуждению.

Отец Эмертон слушал все это с плохо скрываемым нетерпением. Наконец он не выдержал и закричал:

— Так, значит, я был прав, и вы уничтожили семью?! — Его указующий на Эрфреда перст превращал эти слова почти в личное обвинение.

Нет, Утопия не уничтожила семью. Она освятила семью и раздвинула ее рамки, пока та не обняла все человечество. В давние времена колесованный пророк, который, как кажется, внушает отцу Эмертону большое уважение, проповедовал именно такое расширение древней узости домашнего очага. Как-то во время одной из его проповедей ему сказали, что снаружи его ожидают мать и братья, но он не пошел к ним, а указал на слушающую его толпу и ответил: «Вот моя мать и мои братья!»

Отец Эмертон ударил кулаком по спинке кресла с такой силой, что все вздрогнули.

— Увертка! Жалкая увертка! — крикнул он. — И Сатана может ссылаться на Писание!

Мистеру Барнстейплу было ясно, что отец Эмертон не владеет собой. Он сам пугался своего поведения, но остановиться не мог. В своем волнении он утратил ясность мысли и потерял власть над голосом — он кричал, он вопил, как безумный. Он «дал себе волю» и надеялся, что привычки, приобретенные на кафедре церкви святого Варнавы, помогут ему и тут.

— Теперь я понимаю, как вы живете. Слишком хорошо понимаю! С самого начала я догадывался об этом. Но я ждал — ждал, чтобы удостовериться, прежде чем выступить со своим свидетельством. Ваш образ жизни сам говорит за себя — бесстыдство ваших одеяний, распущенность ваших нравов! Юноши и девушки улыбаются, берутся за руки, чуть ли не ласкаются, когда потупленные глаза — потупленные глаза! — были бы наименьшей данью стыдливости. А эти гнусные рассуждения о любовниках, любящих без уз и без благословения, без установлений и ограничений! Что они означают? И куда они ведут? Не воображайте, что, будучи священнослужителем, человеком чистым и девственным вопреки великим искушениям, я не способен понять всего этого! Или мне не открыты сокровенные тайны людских сердец? Или наказанные грешники — разбитые сосуды — не влекутся ко мне с исповедью, достойной гнева и жалости? Так неужели я не скажу вам прямо, кто вы такие

и куда идете? Эта ваша так называемая свобода не что иное, как распутство. Ваша так называемая Утопия предстала передо мной адом дикого разгула всех плотских страстей! Дикого разгула!

Мистер Берли протестующе поднял руку, но эта преграда уже не могла остановить красноречия отца Эмертона.

Он бил кулаком по спинке кресла.

— Я буду свидетельствовать! — кричал он. — Я буду свидетельствовать! Я не побоюсь сказать всю правду. Я не побоюсь назвать вещи своими именами, говорю я вам! Вы все живете в свальном грехе! Вот слово для этого! Как скоты! Как непотребные скоты!

Мистер Берли вскочил на ноги. Подняв ладони, он жестом приказывал лондонскому Иеремии скорее сесть.

— Нет, нет! — воскликнул государственный муж. — За молчите, мистер Эмертон! Право, вам следует замолчать. Ваши слова оскорбительны. Вы не понимаете. Сядьте же, будьте добры. Я требую, чтобы вы сели.

— Сядьте и успокойтесь, — сказал звонкий голос. — Или вас уведут.

Что-то заставило отца Эмертона оглянуться на неподвижную фигуру, возникшую чуть позади него. Он встретился взглядом со стройным юношей, который внимательно его рассматривал, словно художник нового натурщика. В выражении его лица не было ничего угрожающего, он стоял неподвижно, и все же отец Эмертон весь как-то удивительно съезжился. Поток его обличительного красноречия внезапно иссяк.

Послышался невозмутимо-любезный голос мистера Берли, спешившего уладить конфликт:

— Мистер Серпентин, сэръ! Я взываю к вашей терпимости и приношу извинения. Он не вполне отвечает за свои поступки. Мы, все остальные, очень сожалеем об этом отступлении, этом досадном инциденте. Прошу вас, не уводите его, что бы это ни означало. Ручаюсь, что такая выходка больше не повторится... Да сядьте же, мистер Эмертон, будьте так добры, и немедленно, или я умою руки.

Отец Эмертон колебался.

— Мое время настанет, — сказал он, несколько секунд смотрел в глаза юноши, а затем вернулся на свое место.

Эрфред сказал спокойно и внятно:

— Вы, земляне, оказались нелегкими гостями. И это еще не все... Совершенно очевидно, что у этого человека очень грязный ум. Его сексуальное воображение, несомненно, болезненно возбуждено и извращено. Он рассержен и

стремится оскорблять и причинять боль. И производимый им шум невыносим для слуха. Завтра его придется осмотреть и заняться им.

— Что? — пробормотал отец Эмертон, и его круглое лицо вдруг приобрело землистый оттенок. — Как это «заниматься»?

— Пожалуйста, замолчите, — сказал мистер Берли. — Пожалуйста, больше ничего не говорите. Вы и так уже наговорили много лишнего.

Инцидент, казалось, был исчерпан, но в душе мистера Барнстейпла он оставил странный осадок страха. Эти утопийцы были очень любезны, их манеры были удивительно мягки, но на мгновение над землянами словно нависла властная рука. Вокруг них сияла залитая солнечным светом красота, но тем не менее они были чужестранцами — и беззащитными чужестранцами — в неведомом мире. Лица утопийцев казались добрыми, их взгляды — любопытными и в какой-то мере дружелюбными, однако гораздо более наблюдающими, чем дружелюбными. Словно смотревшие находились на другой стороне непреодолимой пропасти различия.

Но тут совсем расстроившийся мистер Барнстейпл встретил взгляд карих глаз Ликнис, и они показались ему добрее глаз остальных утопийцев. Во всяком случае, она, решил он, поняла, какой страх его мучает, и хочет его успокоить, заверить в своей дружбе. И мистер Барнстейпл, посмотрев на нее, почувствовал то же, что, наверное, чувствует заблудившаяся собачонка, когда, приблизившись к людям, которые могут оказаться и врагами, она вдруг встречает ласковый взгляд и слышит приветливое слово.

2

Другой душой, активно восставшей против Утопии, была душа мистера Фредди Маша. Его ничуть не возмущали религия, нравственность или социальная организация Утопии. Он уже давно твердо усвоил, что истинный джентльмен-эстет не интересуется подобными вещами. Он исходил из гипотезы, что его восприятие слишком утонченно для них. Однако, как он вскоре заявил, научные методы утопийцев уничтожили нечто весьма древнее и прекрасное, именуемое «Равновесием Природы». В чем заключалось это «Равновесие Природы» и как оно осуществлялось на Земле, ни утопийцы, ни мистер Барнстейпл так и не смогли по-

нять. Когда его попытались расспросить подробнее, мистер Маш порозовел, стал нервничать, и его монокль обиженно заблестел.

— Я сужу по ласточкам,— твердил он.— Если вы и это не считаете доказательством, то, право, не знаю, что еще я могу сказать.

Он вновь и вновь повторял только одно, что в Утопии не видно ласточек. Ласточек же в Утопии не было видно потому, что в ней не было комаров и мошкеры. В Утопии произошло сознательное уничтожение значительной части мира насекомых, а это тяжело отразилось на всех существах, чья жизнь прямо или косвенно зависела от насекомых. Едва новый порядок прочно утвердился в Утопии и научное государство начало свою деятельность, утопийское общество обратилось к осуществлению давней мечты о систематическом уничтожении вредных и неприятных животных и растений. Проводилось тщательное исследование того, насколько вредны и подлежат ли уничтожению, например, домашние мухи, осы и шершни, различные виды мышей и крысы, кролики и жгучая крапива. Десять тысяч видов, начиная с болезнетворных микробов и кончая носорогами и гиенами, были подвергнуты суду. Каждому виду был дан защитник. О каждом спрашивалось: какую он приносит пользу? Какой вред? Как можно его уничтожить? Что еще может исчезнуть вслед за ним, если он исчезнет? Стоит ли его уничтожение связанных с этим хлопот? Или его можно обезвредить и сохранить? И даже когда тому или иному виду наносился окончательный смертный приговор, Утопия приступала к его уничтожению с большой осмотрительностью. В каком-нибудь надежно изолированном месте сохранялся достаточный резерв особей осужденного вида — в некоторых случаях он сохранялся еще и по сей день.

Большинство инфекционных лихорадок было уничтожено полностью — с одними удалось покончить без особого труда, но для того, чтобы избавить человечество от других, пришлось объявить им настоящую войну и подчинить все население планеты строжайшей дисциплине. Кроме того, были полностью истреблены многие виды, паразитировавшие на человеке и животных. Мир был совершенно очищен от вредных насекомых, сорняков, всяческих гадов и животных, опасных для человека. Исчезли москиты, домашняя муха, навозная муха и еще множество всяких мух; они исчезли в результате широчайшей кампании, потребовавшей огромных усилий и длившейся несколько веков. Было несравненно легче избавиться от таких крупных врагов, как

гнены и волки, чем от этих мелких вредителей. Война против мух потребовала полнейшей перестройки значительной части утопийских домов и проведения тщательной дезинсекции на всей планете.

Наиболее сложная проблема, которую пришлось разрешать утопийцам в этой связи, заключалась в возможных губительных последствиях такой чистки для других растений и животных. Например, некоторые насекомые в стадии личинки были вредны и неприятны, были губительны в стадии гусеницы или окукливания, но затем либо радовали глаз своей красотой, либо были необходимы для опыления каких-нибудь полезных или красивых цветов. Другие, сами по себе вредоносные, оказывались единственной пищей нужных и приятных созданий. Неверно, что ласточки совсем перевелись в Утопии, но они стали очень редкими птицами, как и значительное число насекомыхных пичужек, вроде мухоловки, этой воздушной гимнастки. Однако они не вымерли: истребление насекомых не было доведено до такой крайней степени; было сохранено достаточно видов, чтобы сделать некоторые области планеты по-прежнему пригодными для обитания этих прелестных птичек.

Многие вредные сорняки в то же время были удобным источником сложных химических веществ, получать которые синтетическим путем было либо дорого, либо сложно, поэтому такие растения были в ограниченных количествах сохранены. Вообще растения и цветы гораздо легче поддаются гибридизации и другим внешним воздействиям, нежели животные, и поэтому в Утопии они сильно изменились. Земляне увидят сотни новых форм листвы и прелестных душистых цветов, о которых они не имеют ни малейшего представления. Путем отбора и особого ухода, как узнал мистер Барнстейпл, были выведены растения, вырабатывающие новые и крайне ценные соки, смолы, эфиры, масла и другие полезные вещества.

Большие звери приручались и укрощались. Крупные хищники, вычесанные и вымытые, приученные к чисто молочной диете, забывшие былую злобность и превратившиеся, короче говоря, в ласковых кошек, стали в Утопии товарищами детских игр и украшением пейзажа. Почти вымершие слоны теперь вновь стали размножаться, и Утопия спасла своих жирафов. Бурый медведь всегда был склонен к сладостям и вегетарианской пище, а, кроме того, его интеллект очень развился. Собаки перестали лаять и превратились в относительную редкость. Охотничьи породы и комнатные собачки перевелись вовсе.

Лошадей мистер Барнстейпл не видел в Утопии ни разу, но, будучи современным городским жителем, он попросту не заметил, что их нет, и не расспрашивал о них, пока находился там. Он так и не узнал, вымерли они или еще существуют.

Когда в первый день своего пребывания в этом мире он услышал о том, что человечество здесь меняло и переделывало, очищало и облагораживало царство природы, эта деятельность показалась ему вполне естественной и необходимой фазой человеческой истории.

«Что ни говори,— подумал он,— а миф о том, что первый человек был сотворен садовником, очень неглуп!»

И вот теперь человек очищал и облагораживал свою собственную породу...

Утопийцы рассказывали про зарождение еugenики, про новые и более точные способы отбора родителей, про все большую безошибочность науки о наследственности; и, сравнивая ясную, совершенную красоту лица и тела любого утопийца с негармоничными чертами и непропорциональным сложением своих собратьев-землян, мистер Барнстейпл понял, что, обогнав их всего на каких-нибудь три тысячи лет, утопийцы уже переставали быть людьми в привычном для него смысле и превращались в нечто более высокое и благородное. Их отличие от землян становилось уже видовым отличием.

3

Это был уже иной вид.

По мере того как продолжались вопросы, ответы и обмен мнениями, мистер Барнстейпл со все большей очевидностью убеждался, что телесные различия между ними были просто ничтожными по сравнению с различием в их духовном облике. Уже с рождения наделенные большими умственными способностями, эти дети света росли в условиях, освобожденных от тех чудовищных противоречий, утайаний, путаницы и невежества, которые калечат умы юных землян. Всем им была свойственна ясность мысли, открытость и прямота. В них не развивалось то оборонительное недоверие к наставнику, то сопротивление воспитанию, которое является естественной реакцией на форму обучения, в значительной мере сводящуюся к насильственному навязыванию и подавлению. Они были изумительно доверчивы в своем общении с другими. Ирония, умалчивание, неискренность, хвастливость и искусственность земных раз-

говоров были им незнакомы. Эта их духовная обнаженность показала мистеру Барнстейплу столь же упоительной и бодрящей, как горный воздух, которым он дышал. Его поражали терпение и снисходительность, которые они проявляли в отношении столь неразвитых существ.

«Неразвитые» — именно это слово употребил он мысленно. И самым неразвитым он чувствовал себя. Он робел перед утопийцами, готов был заискивать и пресмыкаться перед ними, словно неотесанный земной мужлан, очутившийся в светской гостиной, и эта его приниженность вызывала в его душе горькое чувство стыда. Во всех других землянах, за исключением леди Стеллы и мистера Берли, чувствовалась злобная ощеренность людей, сознающих свою неполноценность и пытающихся подавить в себе это сознание.

Как и отец Эмертон, шофер мистера Берли был, по-видимому, возмущен и оскорблен наготой утопийцев; его негодование находило выражение в жестах, гримасах и саркастических замечаниях, вроде «Ну и ну!» или «Ишь ты!», с которыми он обращался к мистеру Барнстейплу, — владелец такого старого и маленького автомобиля внушал ему, очевидно, порядочное презрение, но в то же время казался почти своим. Он то и дело щурился, подымал брови и гримасничал, стараясь привлечь внимание мистера Барнстейпла к тем жестам или позам утопийцев, которые представлялись ему примечательными. При других обстоятельствах его способ указывать с помощью губ и носа мог бы позабавить мистера Барнстейпла.

Леди Стелла, которая сначала показалась мистеру Барнстейплу истинной леди, в самом лучшем и современном смысле этого слова, теперь, насколько он мог судить, испытывала большую растерянность и маскировала ее подчеркнуто светской манерой держаться. Однако мистер Берли в значительной мере сохранил свой аристократизм. На Земле он всю жизнь был великим человеком и, очевидно, не видел причин, которые помешали бы ему остаться великим человеком и в Утопии. На Земле он почти ничего не делал, ограничиваясь высокоинтеллектуальным восприятием, и с самыми счастливыми результатами. Его острый, скептический ум, свободный от каких-либо убеждений, верований или революционных желаний, помог ему чрезвычайно легко приспособиться к позе почетного гостя, который с доброжелательным, но ни к чему не обязывающим интересом знакомится с институтами чужого государства. Любезное «скажите мне» было его лейтмотивом на протяжении всей беседы.

Уже вечерело, и ясное утопийское небо горело закатным золотом, а курчавые башни облаков над озером меняли цвета, становясь из розовых темно-лиловыми, когда внимание мистера Барнстейпла внезапно привлек мистер Руперт Кэтскилл. Он нетерпеливо ерзал на своем сиденье.

— Я хочу кое-что сказать,— бормотал он.— Я хочу кое-что сказать.

Затем он вскочил и направился к центру полукружия, где ранее произносил свою речь мистер Берли.

— Мистер Серпентин! — сказал он.— Мистер Берли, я был бы рад высказать кое-какие соображения, если вы мне разрешите.

4

Мистер Кэтскилл снял с головы серый цилиндр, вернулся к своему месту и положил его на сиденье, а затем вновь направился к центру апсиды. Он откинул полы своего сюртука, упер руки в бедра, выставил вперед голову, несколько секунд обводил своих слушателей испытующим и вызывающим взглядом, что-то бормоча себе под нос, а затем начал говорить.

Его вступление не было особенно внушительным. Он страдал некоторым недостатком речи, чем-то вроде пришепетывания, и, стремясь его преодолеть, говорил гортанно. Первые несколько фраз вырвались у него как бы толчками. Затем мистер Барнстейпл понял, что мистер Кэтскилл излагает очень четкую точку зрения — по-своему обоснованную и стройную картину Утопии. Мистер Барнстейпл не был согласен с его критикой, она его глубоко возмутила. Но он не мог отрицать, что она логически вытекала из определенного образа мышления.

Мистер Кэтскилл начал с того, что полностью признал красоту и упорядоченность Утопии. Он похвалил «румянец здоровья», который он видит «на каждой щеке», похвалил изобилие, безмятежность и удобства утопийской жизни. Они здесь «укротили силы природы и полностью подчинили их себе во имя единственной цели — материального благополучия своего человечества».

— А как же Арден и Гринлейк? — пробормотал мистер Барнстейпл, но мистер Кэтскилл либо не расслышал его слов, либо не обратил на них внимания и продолжал:

— В первый момент, мистер спикер,— мистер Серпентин, хотел я сказать,— в первый момент все это производит на земной ум поистине ошеломляющее впечатление. Нужно ли удивляться,— тут он взглянул на мистера Берли и мис-

тера Барнстейпла,— что восхищение совсем вскружило голову некоторым из нас? Нужно ли удивляться, что на какой-то срок почти колдовская красота вашей планеты настолько зачаровала нас, что мы забыли о многом, заложенном в самой нашей природе,— забыли сокрытую в ней могущественную и таинственную жажду стремления, потребности и были готовы сказать: «Вот, наконец, страна блаженного покоя! Останемся же здесь, приспособимся к этому продуманному и упорядоченному великолепию, проведем здесь всю свою жизнь до самой смерти!» И я, мистер... э... мистер Серпентин, на время поддался этим чарам. Но только на время. Уже сейчас, сэр, меня начинают одолевать всяческие сомнения...

Его блестящий прямолинейный ум вцепился в тот факт, что каждый этап очищения Утопии от вредителей, паразитов и болезней сопровождался возможностью каких-то ограничений и утрат. Впрочем, точнее будет сказать, что этот факт вцепился в его ум. Он не хотел считаться с тем, что каждый шаг этого процесса надежного оздоровления мира и превращения его в безопасное поле человеческой деятельности рассчитывался с крайней осторожностью и предусмотрительностью. Он упрямо исходил из того, что каждое достижение сопровождалось потерями, сильно преувеличил эти потери, а затем умело подвел свою речь к неизбежной метафоре о младенце, которого выплескивают из ванны вместе с водой,— неизбежной, разумеется, для английского парламентского деятеля. Утопийцы, заявил он, ведут жизнь удивительно спокойную, легкую и — «если мне будет разрешено так выразиться — перенасыщенную удовольствиями». («Они же трудятся», — пробормотал мистер Барнстейпл.) Но вместе с тысячами опасностей и неудобств разве не исчезло из их жизни и нечто иное, великое и драгоценное? Жизнь на Земле, признал он, полна опасностей, боли и тревог, полна даже страданий, горестей и бед, но, кроме того — а вернее, благодаря этому,— она включает в себя упоительные мгновения полного напряжения сил, надежд, радостных неожиданностей, опасений и свершений, каких не может дать упорядоченная жизнь Утопии. «Вы закончили с противоречиями и нуждой. Но не закончили ли вы тем самым с живыми и трепещущими проявлениями жизни?»

Он разразился панегириком земной жизни. Он превозносил ее созидующую энергию, словно в окружающем его дивном великолепии не были заключены признаки самого высокого созидания. Он говорил о «громе наших перенасе-

ленных городов», о «силе наших скученных миллионеров», о «приливной волне нашей коммерции, промышленности и войн», которые «накатываются и бушуют, сотрясая улы и тихие гавани нашей расы».

Он умел облечь свои мысли в удачные фразы с той искрой фантазии, которая сходит за красноречие. Мистер Барнстейпл уже не замечал легкого пришепетывания, не замечал гортанности его голоса. Мистер Кэтскилл смело указал на земные опасности и беды, о которых умолчал мистер Берли. То, что говорил мистер Берли, было правдой. То, что он сказал, далеко не исчерпывало всей правды. Да, мы знаем голод и смертоносные эпидемии. Мы становимся жертвами тысяч болезней, о которых Утопия давно забыла. Мы страдаем от тысяч бедствий, которые в Утопии известны только из древних легенд. Крысы грызут, мухи летом не дают покоя, сводят с ума. Порой жизнь бывает зловонной. Я признаю это, сэр, я это признаю. Вам неведомы наши бездны бедствий и печали, тревог, телесных и душевных страданий, горечи, ужаса и отчаяния. О да! Но доступны ли вам наши высоты? Ответьте мне на это! Что можете вы знать в нерушимой своей безопасности о напряжении всех сил, об отчаянном, подстегиваемом ужасом напряжении, которое порождает многие из наших свершений? Что можете вы знать о передышках, светлых промежутках, избавлении? Подумайте, какие глубины нашего счастья вовсе вам не доступны! Что вы знаете здесь о сладостных днях выздоровления после тяжелой болезни? О радости, которую дарит возможность уехать и отдохнуть от окружающего тебя убожества? О торжестве после благополучного завершения какого-нибудь рискованного предприятия, когда на карту была поставлена твоя жизнь или все состояние? О выигрыше безнадежного пари? Об освобождении из тюрьмы? И ведь известно, сэр, что в нашем мире есть люди, находящие упоение в самом страдании. Да, именно потому, сэр, что наша жизнь несравненно ужаснее вашей, в ней есть и должны быть такие светлые мгновения, каких вы не можете знать. Там, где у нас титаническая борьба, у вас — всего лишь упорядоченная рутина. И мы воспитаны этой борьбой, закалены в ней. Наша сталь несравненно тверже и острее вашей. Вот об этом-то я и хотел сказать. Предложите нам отказать от нашего земного хаоса, от наших горестей и бед, от нашей высокой смертности и наших мучительных болезней, и на первое такое предложение каждый человек нашего мира ответит: «Да! От всего сердца — да!» Но на первое такое предложение, сэр.

На мгновение мистер Кэтскилл умолк, указуя перстом на своих слушателей.

— Но затем мы задумаемся. Мы спросим, как, по вашим словам, спрашивали ваши естествоиспытатели про ваших мух и подобную им докучливую мелочь,— мы спросим: «Что должно исчезнуть вместе со всем этим? Какова цена?» И когда мы узнаем, что за это придется заплатить отказом от той напряженности жизни, той бурной энергии, той рожденной в горниле опыта и бед закаленности, того крысиного, волчьего упорства, которым одаряет нас наша вечная борьба, когда мы узнаем это, наша решимость поколеблется. Да, она поколеблется. И в конце концов, сэр, я верю, я надеюсь и верю, молюсь и верю, что мы ответим: «Нет!» Мы ответим: «Нет!»

К этому времени мистер Кэтскилл впал в настоящий экстаз. Он все чаще выбрасывал вперед сжатый кулак. Его голос становился то звонким, то тихим, то начинал греметь. Он раскачивался, поглядывал на своих собратьев-землян, ожидая их одобрения, посылал мимолетные улыбки мистери Берли.

Он сам уже совершенно уверовал, будто наш жалкий, раздираемый сварами, бесхребетный, подчиненный случайностям мир на самом деле представляет собой стройную систему яростной и могучей борьбы, рядом с которой меркнет вечерняя благодать завершенной и иссякшей Утопии.

— Никогда еще, сэр, я так ясно и отчетливо не понимал высокие, грозные, исполненные благородного риска судьбы нашей земной расы. Я смотрю на вашу страну безмятежного золотого покоя, на эту страну, доведенную до божественного совершенства, из которой изгнано самое понятие противоречий и столкновений...

Мистер Барнстейпл заметил легкую улыбку на губах женщины, похожей на Дельфийскую Сивиллу.

— ...и я признаю и хвалю ее порядок и красоту — так запыленный паломник, неумоимо стремящийся к высокой и таинственной цели, может замедлить шаг, чтобы полюбоваться порядком и красотой ухоженного сада какогонибудь богатого сибарита. И, как этот паломник, сэр, я беру на себя смелость усомниться в мудрости вашего образа жизни. Ибо я считаю, сэр, доказанным, что жизнь и вся ее энергия и красота порождены борьбой, конкуренцией, противоречиями и столкновениями; нас формирует и закаляет нужда, как когда-то она формировала и закаляла и вас, сэр. И все же вы здесь убаюкиваете себя уверенностью, что навсегда уничтожили самую возможность противоречий и столкновений.

Ваша экономическая система, насколько я могу судить, является какой-то разновидностью социализма; вы уничтожили конкуренцию во всех отраслях мирного труда. Ваша политическая система представляет собой всемирное единство, и из вашего мира полностью исчезла подстегивающая и облагораживающая угроза войны, исчез ее устрашающий и очищающий пожар. Все продумано, все обеспечено. Воцарилось полное благополучие. Полное благополучие, сэр, если не считать одного... Мне неприятно тревожить вас, сэр, но я должен назвать вслух то, о чем вы забыли,— *дегенерация!* Что здесь может воспрепятствовать дегенерации? Чем вы препятствуете дегенерации? Как теперь наказуется лень? Как вознаграждается исключительная энергия и деятельность? Что может поддерживать в людях трудолюбие и что может поддерживать в них бдительность, когда наглядность личных опасностей, личных потерь исчезла и остается только отвлеченная мысль о возможном вреде для всего общества? В течение некоторого времени вы сможете продержаться на своеобразной инерции. Сможете поддерживать видимость успеха. Я признаю, на первый взгляд может показаться, что вы действительно добились прочного успеха. Осеннее золото! Великолепие заката! *А рядом с вами во вселенных, параллельных вашей, параллельные расы все еще трудятся, все еще страдают, все еще конкурируют и через гибель слабых накапливают силу и энергию!*

Мистер Кэтскилл торжествующе взмахнул рукой перед лицами утопийцев.

— Мне не хотелось бы, сэр, чтобы у вас создалось впечатление, будто эта критика вашего мира продиктована враждебностью к нему. О нет, она порождена самыми дружескими чувствами и желанием помочь. Я череп на вашем пиру, но дружески настроенный и смущенный череп. Я задаю тревожные и неприятные вопросы потому, что это мой долг. Действительно ли вами выбран правильный путь? У вас есть красота, и свет, и досуг. Согласен. Но раз существует это множество вселенных, о которых вы, мистер Серпентин, рассказали нам так понятно и исчерпывающе, и раз одна из них может внезапно открыться в другую, как наша открылась в вашу, то, спрошу я вас со всей серьезностью, действительно ли ничто не угрожает вашей красоте, вашему свету и вашему досугу? Вот мы разговариваем здесь, а от бесчисленных миров нас отделяет лишь тонкая преграда — мы даже не знаем, насколько тонкая. И при этой мысли, сэр, мне, стоящему здесь, среди безграничного золотого поля вашей планеты, мне кажется, что я уже слышу топот

голодных мириад, столь же яростных и столь же упорных, как крысы и волки, слышу рычание рас, закаленных в боли и жестокости,— слышу угрозу беспощадного героизма и безжалостной агрессии...

Он внезапно оборвал свою речь. Он чуть-чуть улыбнулся, мистеру Барнстейплу показалось, что он уже торжествует победу над Утопией. Он стоял, уперев руки в бока, и, словно согнув руками свой торс, вдруг угловато поклонился.

— Сэр,— сказал он с еле заметным пришепыванием, устремив глаза на мистера Берли.— Я сказал все, что имел сказать.

Он повернулся и несколько мгновений смотрел на мистера Барнстейпла, сморщив лицо так, что казалось, будто он вот-вот подмигнет. Затем дернул головой, словно забивая затылком гвоздь, и вернулся на свое место.

5

Эрфред продолжал сидеть, опираясь локтем на колено и положив подбородок на ладонь. Он не столько отвечал мистеру Кэтскиллу, сколько рассуждал сам с собой.

— Энергия грызущей крысы, жадная настойчивость волка, механическое упорство ос, мух и болезнетворных микробов исчезли из нашего мира. Это верно. Мы уничтожили многие силы, пожиравшие жизнь. И при этом не потеряли ничего, о чем стоило бы жалеть. Боль, грязь, унижение как для нас самих, так и для любого другого существа уже исчезли без следа или же скоро исчезнут. Но неверно, что из нашего мира исчезло соревнование. Почему он утверждает это? Все наши мужчины и женщины работают в полную силу — ради общего блага и личной славы. Никому не дано освободить себя от труда и обязанностей, как освобождались от них люди в Век Хаоса, когда бесчестные и жадные жили и размножались в роскоши, пользуясь нерасчетливостью более благородных натур. Почему он утверждает, что мы дегенерируем? Ему ведь уже все объяснили. Для ленивых и малоспособных у нас нет питательной почвы. И почему он грозит нам воображаемыми вторжениями из других, более жестоких, более варварских миров? Ведь это мы по желанию можем открыть дверь в другую вселенную или опять ее захлопнуть. Ибо мы обладаем знанием. Мы можем пойти к ним — и когда мы будем знать достаточно, то так и поступим, — но они не могут прийти к нам. Только знание устраняет перегородки, разделяющие жизнь... Чем болен разум этого человека? Его собратья-зем-

ляне стоят еще только у самых начатков знания. С практической точки зрения они еще находятся на том этапе страха и религиозных запретов, который пережила и Утопия, прежде чем наступил век уверенности в себе и понимания. Именно этот этап и преодолевал наш мир в Последнем Веке Хаоса. Сознание этих землян изуродовано страхами и запретами, и, хотя они уже смутно чувствуют, что могут управлять своей вселенной, такая мысль слишком ужасна, чтобы они решились в нее поверить. Они чураются ее. Они по-прежнему хотят верить, как верили их отцы, что кто-то управляет их вселенной, и управляет лучше, чем способны это делать они сами. Ведь в таком случае они получают свободу любыми средствами добиваться своих мелких, своекорыстных целей. Предоставьте мир на усмотрение бога, вопят они, или на усмотрение конкуренции.

— Мы предпочитаем для этого словечко «эволюция», — заметил мистер Барнстейпл, глубоко заинтересованный его речью.

— Это одно и то же: бог ли, эволюция ли, — какое это имеет значение, если в любом случае вы подразумеваете силу, более могущественную, чем вы сами, оправдывая тем самым свое нежелание исполнять лежащий на вас долг. Утопия говорит: «Не предоставляйте мир самому себе. Подчиняйте его». Но эти земляне все еще не умеют видеть действительность такой, какова она есть. Вон тот человек в белом полотняном ошейнике боится даже смотреть на мужчин и женщин в их естественном виде. Его охватывает гнусное возбуждение при взгляде на самое обыкновенное человеческое тело. Вон тот человек с оптической линзой в левом глазу изо всех сил внушает себе, что за внешним миром таится мудрая Мать Природа, сохраняющая его в равновесии. Что может быть нелепее его Равновесия Природы? Неужели, имея глаза и оптическую линзу, он совсем слеп? А тот, кто говорил последним, и говорил с таким жаром, считает, что эта же самая старуха Природа становится неисчерпаемым источником воли и энергии, стоит нам только подчиниться ее капризам и жестокостям, стоит нам начать подражать самым диким ее выходкам и угнетать, убивать, обворовывать и насиловать друг друга... Кроме того, он проповедует древний фатализм, считая его научной истиной... Эти земляне боятся увидеть, какова на самом деле наша Мать Природа. В глубине их душ еще живет желание отдаться на ее милость. Они не понимают, что она слепа и лишена воли, если отнять у нее наши глаза и нашу целеустремленность. Она не исполнена грозного величия, она от-

вратительна. Она не признает наших понятий о совершенстве — да и вообще никаких наших понятий. Она сотворила нас случайно. Все ее дети — незаконнорожденные, которых она не хотела и не ждала. Она лелеет их или бросает без ухода, ласкает, морит голодом или мучает без всякого смысла или причины. Она ничего не замечает. Ей все равно. Она может вознести нас на вершины разума и силы или унижить до жалкой слабости кролика или белой слизистой мерзости десятков тысяч изобретенных ею паразитов. В ней, безусловно, есть что-то хорошее, поскольку всем, что есть хорошего в нас, мы обязаны ей, но она исполнена и безграничного зла. Неужели вы, земляне, не видите ее грязи, жестокости и бессмысленной гнусности многих ее творений?

— Ого! Это, пожалуй, похуже, чем «Природа с окровавленными когтями и клыками!» — пробормотал мистер Фредди Маш.

— Все это очевидно, — размышлял Эрфред. — Если бы только они не боялись взглянуть в лицо правде! Когда мы впервые взялись за эту старую ведьму, нашу Матерь, на нашей планете многие живые организмы, даже более половины всех живых видов, тоже были безобразны или вредоносны, бессмысленны, несчастны, замучены всяческими сложными болезнями и до жалости не приспособлены к постоянно меняющимся условиям Природы. После долгих столетий борьбы мы сумели подавить ее наиболее отвратительные фантазии, умыли ее, причесали и научили уважать и почитать последнее дитя ее распутства — Человека. С Человеком в мир вошел Логос — Слово и Воля, чтобы наблюдать вселенную, страшиться ее, познавать и утрачивать страх, чтобы постичь ее, осмыслить и покорить. И вот теперь мы, люди Утопии, уже перестали быть забитыми, голодными, детьми Природы — мы теперь ее свободные и взрослые сыновья. Мы взяли на себя управление именем нашей родительницы. Каждый день мы добиваемся все новой власти над нашей маленькой планетой. Каждый день наши мысли со все большей уверенностью устремляются к нашему наследию — к звездам. И к безднам за звездами и под ними.

— Вы уже достигли звезд? — воскликнул мистер Барнстейпл.

— Пока еще нет. Мы не побывали даже на соседних планетах. Но уже близко время, когда эти колоссальные расстояния станут доступными для нас... — Он помолчал. — Многим из нас придется отправиться в глубины пространства... Чтобы никогда не вернуться... Отдать жизнь... И в

эти непознанные пространства бесчисленные мужественные люди...

Эрфред повернулся к мистеру Кэтскиллу и обратился прямо к нему:

— Ваши откровенно изложенные мысли показались нам наиболее интересными из всего, что мы услышали сегодня. Они помогут нам яснее понять прошлое нашего собственного мира. Они помогут нам разрешить важнейшую проблему, о которой мы сейчас вам расскажем. В нашей древней литературе двух-трехтысячелетней давности содержатся мысли и идеи, подобные вашим,— та же самая проповедь своекорыстного насилия как некоей добродетели. Однако даже тогда умные люди понимали всю ее ошибочность, как могли бы понять и вы, если бы не цеплялись упрямо за неверные взгляды. Но ваша манера держаться и говорить ясно показывает, что, произвольно признав что-либо истиной, вы будете настаивать на ней вопреки очевидности. Вы должны признать, что ваша внешность не слишком красива, и, возможно, ваши удовольствия и самая манера жить также не очень красивы. Но вы наделены бурной энергией, и естественно, что вы любите волнения, связанные с риском, что лучшим даром жизни вы считаете ощущение борьбы и победы над противником. Кроме того, экономический хаос мира, подобного вашему, означает необходимость бесконечного и тяжелого труда — причем труда настолько неприятного, что всякий не совсем бесхарактерный человек старается, насколько возможно, избавиться от него и требует для себя исключения, ссылаясь на благородство происхождения, заслуги или богатство. Люди вашего мира, несомненно, легко внушают себе, что они имеют полное право на подобную привилегию,— это внушили себе и вы. Вы живете в классовом мире. Вашему плохо тренированному уму не пришлось самому отыскивать оправдания вашему привилегированному положению: класс, в котором вы родились, давно приготовил их для вас. И поэтому вы без малейших угрызений совести забираете себе все самое лучшее и пускаетесь во всевозможные рискованные авантюры, в основном за счет чужих жизней, причем ваше сознание, сформированное окружающей его средой, упорно отказывается допустить даже мысль о возможности обеспеченного и упорядоченного и в то же время деятельного и счастливого человеческого общества. Вы всю свою жизнь боролись против такой идеи, словно видели в ней своего личного врага. Она и была вашим личным врагом: она безоговорочно осуждает ваш образ жизни, она лишает ваши авантюры какого-либо оправ-

дания. И теперь, своими глазами увидев прекрасную жизнь, сотворенную сознательно и последовательно, вы по-прежнему сопротивляетесь; вы сопротивляетесь, чтобы не впасть в отчаяние; вы пытаетесь доказать, что наш мир неромантичен, лишен деятельной энергии, упадочен, слаб. Ну... что касается вопроса о физической силе, пожмите руку юноши, который сидит рядом с вами.

Мистер Кэтскилл взглянул на протянутую ему руку и покачал головой с видом человека, которого не проведешь.

— Нет, лучше я послушаю вас,— сказал он.

— И все же, когда я говорю вам, что и наша воля и наши тела гораздо сильнее ваших, ваше сознание упрямо сопротивляется этому. Вы не хотите этому верить. Если на мгновение ваше сознание и признает это, оно тут же прячется за систему взглядов, предназначенную для защиты вашего самоуважения. Только один из вас приемлет наш мир, но и это объясняется тем, что его отталкивает ваш мир, а не тем, что его влечет наш. Я прихожу к заключению, что это неизбежно. Ваше сознание — это сознание Века Хаоса, воспитанное на противоречиях, на неуверенности в завтрашнем дне и на тайном своекорыстии. Так Природа и ваше государство научили вас жить, и так вы будете жить до самой смерти. Такие уроки могут быть забыты только через сто поколений, после трех тысячелетий правильного воспитания. И нас смущает вопрос: что с вами делать? Если вы будете уважать наши законы и обычаи, мы постараемся сделать для вас все, что в наших силах. Но мы понимаем, что это будет нелегко. Вы даже не представляете себе, насколько трудно будет вам преодолеть ваши привычки и предубеждения. Вы, здесь присутствующие, до сих пор вели себя очень разумно и корректно — если не в мыслях, то по крайней мере в поступках. Но сегодня нам пришлось узнать землю и с другой стороны — знакомство это было гораздо более трагичным. Ваше предсказание о вторжении к нам более жестоких и варварских миров уже сегодня нашло гротескное воплощение в реальности. Это правда: в людях Земли есть что-то хищное, крысиное и опасное. Вы не единственные земляне, проникшие в Утопию через дверь, которая на мгновение распахнулась сегодня. И другие тоже...

— Ну конечно же! — воскликнул мистер Барнстейпл. — И как это я раньше не догадался? Третий экипаж!

— В Утопию попала еще одна из этих ваших странных самодвижущихся машин.

— Серый автомобиль! — сказал мистер Барнстейпл мистеру Берли. — Он был впереди вас ярдов на сто, не больше.

— Старался обойти нас от самого Хайнслоу,— заметил шофер мистера Берли.— Машина — зверь!

Мистер Берли повернулся к мистеру Фредди Машу.

— Кажется, вы тогда узнали кого-то из пассажиров этого автомобиля?

— Я уверен, что видел лорда Барралонга, сэра, и, по-моему, мисс Гриту Грей.

— Там были еще двое,— добавил мистер Барнстейпл.

— Они осложнят положение,— заметил мистер Берли.

— Они его уже осложнили,— сказал Эрфред.— Они убили человека.

— Утопийца?

— Эти другие земляне — их пятеро,— чьи имена вы, по-видимому, знаете, попали в Утопию перед вашими двумя экипажами. Вместо того, чтобы остановиться, как сделали вы, оказавшись на незнакомой странной дороге, они, насколько можно судить, значительно увеличили скорость своего передвижения. Они обогнали нескольких прохожих, нелепо размахивая руками и издавая отвратительные звуки с помощью инструмента, специально для этого предназначенного. Затем на дорогу перед ними вышел серебристый гепард — они повернули прямо на него, переехали его и сломали ему позвоночник. И даже не задержались, чтобы поглядеть, что с ним случилось. Юноша, по имени Золото, выбежал на дорогу попросить их остановиться, но их машина сконструирована удивительно нелепо: она крайне сложна и нерациональна. Оказалось, что она не способна остановиться сразу. Она не обладает единым, полностью контролируемым двигателем. Она работает на каком-то сложном внутреннем противоречии, и экипаж движется вперед с помощью громоздкой зубчатой передачи на оси задних колес, на которых, как и на передних, расположены неуклюжие останавливающие устройства, основанные на принципе трения. По-видимому, можно, развив на этой машине предельную скорость, тут же заклинить колеса, чтобы помешать им вращаться. Когда юноша встал перед ними на дороге, они не были в состоянии остановиться. Возможно, они пытались это сделать. Так они, во всяком случае, утверждают. Их машина сделала опасный рывок в сторону и ударила его боком.

— И убила его?

— На месте. Его труп был страшно изуродован... Но даже это их не остановило. Они уменьшили скорость и начали торопливо совещаться, однако, заметив, что к дороге сбегаются люди, они вновь рванулись вперед и скрылись. По-ви-

димому, ими овладела паника, страх перед лишением свободы и наказанием. Мотивы их поступков разгадать очень трудно. Как бы то ни было, они поехали дальше. Несколько часов они ехали все вперед и вперед, не останавливаясь. Один аэроплан был немедленно послан следовать за ними, а другой — расчищать им дорогу. Это было очень трудно, так как ни наши люди, ни наши животные не привыкли к подобным экипажам... и к подобному поведению. К середине дня они оказались в горах, и, по-видимому, наши дороги там были слишком скользкими и трудными для их машины. Она испускала странные звуки, словно лязгала зубами, и за ней тянулся синий парок с отвратительным запахом. На одном из поворотов, где ей следовало резко замедлить ход, она заскользила, пошла боком, сорвалась с обрыва и с высоты примерно в два человеческих роста упала в горный поток.

— И они были убиты? — спросил мистер Берли с некоторым облегчением, как показалось мистеру Барнстейплу.

— Все остались в живых.

— А-а! — протянул мистер Берли. — Ну и что же было потом?

— Один из них сломал руку, а другой разбил лицо. Двое остальных мужчин и женщина остались целы, если не считать нервного шока. Когда наши люди подошли к ним, четверо мужчин подняли руки над головой. По-видимому, они опасались, что их убьют тут же на месте, и таким образом просили пощады.

— И как вы с ними поступили?

— Мы намерены доставить их сюда. Нам кажется, будет лучше, если вы, земляне, будете находиться в одном месте. В данный момент мы не представляем, что с вами делать. Мы многое хотим узнать от вас и хотели бы относиться к вам по-дружески, если это окажется возможным. Выдвигалось предложение вернуть вас в ваш мир. В конечном счете это, пожалуй, наилучший выход. Но в настоящее время мы знаем еще слишком мало, чтобы осуществить это без всякого риска. Арден и Гринлейк, предпринимая попытку повернуть часть нашей материи в измерение F, предполагали, что она пройдет через пустое пространство. То, что вы оказались там и были увлечены в нашу вселенную, — это самое невероятное происшествие, какое только случалось в Утопии за многие тысячелетия.

ПРИБЫТИЕ КОМПАНИИ ЛОРДА БАРРАЛОНГА

1

На этом беседа закончилась, но лорд Барралонг и его спутники были доставлены в Сады Совещаний, только когда уже давно стемнело. Все это время наши земляне могли ходить куда им угодно и делать что им заблагорассудится без всяких помех. Мистер Берли в обществе леди Стеллы и психолога, которого звали Лев, направился к озеру, задавая вопросы и отвечая на вопросы утопийца. Шофер мистера Берли с унылым видом бродил неподалеку по дорожкам, не выпуская из виду своего хозяина. Мистер Руперт Кэтскилл удалился с мистером Машем, держа его под руку, словно желая дать ему кое-какие инструкции.

Мистеру Барнстейплу хотелось погулять в одиночестве, чтобы припомнить и хорошенько обдумать все удивительные откровения этого дня, а также чтобы свыкнуться с этим удивительно прекрасным миром — таким прекрасным и таким таинственным теперь, в сумерках, когда его деревья и цветы превращались в смутные и бесформенные переливы более прозрачного и более густого мрака, а четкие и стройные очертания его зданий растворялись в надвигающейся тьме.

Его слишком земные спутники стояли между ним и этим миром — если бы не они, казалось ему, он был бы принят здесь как свой. А пока он в этом мире только непрощеный и неуместный пришелец. И все же он уже любил его, тянулся к нему и страстно желал стать его частью. Ему все время чудилось, что если только он сумеет ускользнуть от своих спутников, если только он каким-то образом сумеет освободиться от своего земного одеяния и от всего того, что было в нем от Земли и связывало его с Землей, то через самый этот акт освобождения он станет для Утопии родным, и тогда его перестанет томить эта щемящая тоска, это гнетущее ощущение неприкаянности. Он внезапно преобразится в подлинного утопийца, и Земля, а не Утопия станет невероятным сном, который постепенно изгладится из его памяти и будет забыт навсегда.

Однако потребность отца Эмертона в слушателе на некоторое время сделала невозможным подобное отрешение от земных мыслей и предметов. Священник ни на шаг не отходил от мистера Барнстейпла, оглушая его непрерывным потоком вопросов и рассуждений, придававших утопийско-

му саду странное сходство с выставкой в Эрлкорте, которую они вместе осматривают и которая им обоим не нравится. Для него все это было, очевидно, настолько условным и нереальным, что, как казалось мистеру Барнстейплу, он насколько не удивился бы, если бы через какую-нибудь щель до них вдруг донесся шум Эрлкортской железнодорожной станции и за кутом блеснул готический шпиль церкви Святого Варнавы.

Вначале мысли отца Эмертона были в основном поглощены тем фактом, что на следующий день им обещали «заняться» из-за его выходки во время беседы.

— Как это они могут мной заняться? — спросил он в четвертый раз.

— Прошу прощения? — отозвался мистер Барнстейпл.

На каждый вопрос отца Эмертона мистер Барнстейпл упорно отзывался этой фразой, желая показать священнику, что он мешает ему думать. Но каждый раз, когда мистер Барнстейпл говорил свое «прошу прощения», отец Эмертон только рассеянно советовал: «Вам следовало бы обратиться к специалисту, чтобы проверить слух», — и продолжал свою тираду.

— Как мной могут заняться? — осведомился он у мистера Барнстейпла и окружающей мглы. — Как это мной могут заняться?

— Ну, вероятно, с помощью чего-нибудь вроде психоанализа, — сказал мистер Барнстейпл.

— Чтобы играть в эту игру, нужны двое! — возразил отец Эмертон, но в его тоне мистеру Барнстейплу послышалось облегчение. — О чем бы они меня ни спрашивали, что бы они мне ни внушали, я не отступлю, я буду свидетельствовать...

— Не сомневаюсь, что им будет нелегко подавить ваше красноречие, — с горечью заметил мистер Барнстейпл.

Некоторое время они в молчании прогуливались среди высоких душистых кустов, усыпанных белыми цветами. Мистер Барнстейпл то убыстрял шаги, то замедлял их в надежде незаметно удалиться от отца Эмертона, но тот машинально следовал его примеру.

— Свальный грех, — вскоре вновь заговорил он. — Какое другое слово могли бы вы употребить?

— *Прошу прощения?* — почти огрызнулся мистер Барнстейпл.

— Какое другое слово мог бы я употребить вместо «свальный»? Чего еще можно ожидать от людей, разгуливающих в столь поразительно скудных костюмах, кроме

нравов обезьянника? Они не отрицают, что у них практически не существует института брака.

— Это же другой мир,— с раздражением ответил мистер Барнстейпл.— Совсем другой мир.

— Законы нравственности обязательны для любого возможного мира.

— Даже для мира, где люди размножались бы почкованием и где не существовало бы полов?

— Требования нравственности были бы там проще, но суть их осталась бы прежней...

Вскоре мистер Барнстейпл вновь привычно попросил прощения.

— Я сказал, что это погибший мир.

— Он не похож на погибший,— возразил мистер Барнстейпл.

— Он отверг и забыл принесенное ему Спасение.

Мистер Барнстейпл сунул руки в карманы и начал тихонько насвистывать баркаролу из «Сказок Гофмана». Неужели отец Эмертон так и не оставит его в покое? Неужели нет способа избавиться от отца Эмертона? На выставках в Эрлкорте имелись проволочные корзины для бумажек, окурков и другого ненужного мусора. Вот если бы можно было запихнуть отца Эмертона в такое полезное приспособление!

— Им было даровано Спасение, а они его отвергли и почти забыли. Вот потому-то мы и были ниспосланы к ним. Мы были посланы к ним, чтобы напомнить им о Единственной Истинно Важной Вещи, о Единственной Забытой Вещи. Вновь надлежит нам воздвигнуть целительный символ, как Моисей воздвиг его в пустыне. И долг, возложенный на нас, нелегок. Мы были посланы в этот ад чувственного материализма...

— О господи! — простонал мистер Барнстейпл и вновь принялся насвистывать баркаролу... — Прошу прощения! — вскоре воскликнул он вновь.

— Где Полярная звезда? Что случилось с Большой Медведицей?

Мистер Барнстейпл взглянул на небо.

Он как-то не задумывался о здешних звездах и, поднимая голову, был готов увидеть в этой новой вселенной самые непривычные созвездия. Однако как сама планета, как жизнь на ней, так и они оказались сходными с земными, и мистер Барнстейпл увидел над собой давно знакомые звездные узоры. Но точно так же, как утопийский мир все же не был абсолютно параллелен земному, так и эти созвездия были словно немного искажены. Орион, решил мистер Барн-

стейпл, расползся вширь, и с одного его края виднелась огромная незнакомая туманность, а Большая Медведица действительно расплущилась и вместо Полярной звезды указывала на темный провал в небесах.

— Их Полярная звезда исчезла! Большая Медведица перекосилась! В этом заложен глубочайший символический смысл, — сказал отец Эмертон.

Да, в этом, несомненно, можно было усмотреть глубочайшую символику: мистер Барнстейпл понял, что отец Эмертон вот-вот разразится новым ураганом красноречия. Он почувствовал, что пойдет на все, лишь бы избавиться от этой чумы.

2

На Земле мистер Барнстейпл всегда был безропотной жертвой всевозможных докучных собеседников, так как деликатность заставляла его всячески считаться с умственной ограниченностью, лежавшей в основе их бесцеремонной навязчивости. Но вольный воздух Утопии уже ударил ему в голову и освободил стремления, которые его укореившаяся привычка в первую очередь считаться с другими до сих пор держала в железной узде. Он был по горло сыт отцом Эмертоном; отца Эмертона нужно было отпугнуть, и он приступил к этой операции с прямолинейностью, которая удивила его самого.

— Отец Эмертон, — сказал он, — я должен сделать вам одно признание.

— О! — воскликнул отец Эмертон. — Пожалуйста... я к вашим услугам.

— Вы прогуливались со мной и кричали у меня над ухом столько времени, что я испытываю сильнейшее желание убить вас.

— Если мои слова попали в цель...

— Они не попали в цель. Они сливались в утомительный, бессмысленный, оглушительный шум. Я невыразимо от него устал. Он мешает мне сосредоточить внимание на окружающих нас чудесах. Мне не надо объяснять, какой символический смысл вы вкладываете в то, что здесь нет Полярной звезды. Вам незачем продолжать: этот символ напрашивается сам собой, но это натянутый и абсолютно неверный символ. Однако вы принадлежите к числу тех упрямых душ, которые, вопреки очевидности, верят в то, что вечные горы действительно вечны, а неизменные звезды останутся неизменными во веки веков. Я хочу, чтобы вы поняли, насколько мне чужда и противна вся эта ваша ерунда. Право, в вас

воплотилось все неверное, безобразное и невозможное, что только существует в католической религии. Я согласен с утопийцами: в вашем восприятии пола есть что-то болезненное — вероятно, какое-то неприятное впечатление вашего детства оставило уродливый след в вашем сознании — и все ваши непрерывные утверждения и намеки на якобы царящий здесь разврат возмутительны и гнусны. И точно такое же отвращение, злость и досаду вызываете вы у меня, когда начинаете рассуждать о религии как таковой. В ваших устах она превращается в мерзость, как превращается в мерзость плотская любовь. Вы грязный ханжа. То, что вы зовете христианством, — не более, как темное и уродливое суеверие, всего лишь предлог для мракобесия и гонений. Это надругательство над Христом. И если вы христианин, то я со всей страстью заявляю, что я не христианин. Но христианство имеет и другие истолкования, кроме того, которое навязываете ему вы, и в определенном смысле эта Утопия — лучшее воплощение его заветов. И абсолютно недоступное вашему пониманию. Мы попали в этот великолепный мир, который по сравнению с нашим — то же, что хрустальная ваза по сравнению с ржавой жестянкой, и у вас хватает наглого бесстыдства утверждать, будто мы посланы сюда в качестве миссионеров, чтобы учить их бог знает чему!

— Да, бог *знает*, чему, — ответил несколько растерявшийся отец Эмертон, с честью выходя из положения.

— А... э... — и, поперхнувшись, мистер Барнстейпл на несколько секунд онемел.

— Прислушайтесь к моим словам, друг мой! — возопил отец Эмертон, вцепляясь в его рукав.

— Ни за что на свете! — воскликнул мистер Барнстейпл, отшатываясь. — Поглядите! Вон там, на берегу озера, видны темные фигуры. Это мистер Берли, мистер Маш и леди Стелла. Они привезли вас сюда. Они для вас свои, и вы для них свой. Если бы ваше общество было для них нежелательно, вы не ехали бы в их автомобиле. Идите к ним. Я требую, чтобы вы оставили меня в покое. Я отвергаю вас и не желаю иметь с вами ничего общего. Вот ваша дорога. А эта — в сторону беседки — моя. Не смейте идти за мной, или я прибегну к физическому воздействию, и утопийцам придется нас разнимать... Простите мою откровенность, мистер Эмертон. Но уйдите от меня! Уйдите!

Мистер Барнстейпл повернулся и, заметив, что отец Эмертон поглядывает на разветвление дорожек весьма нерешительно, опрометью кинулся бежать.

Он пробежал по аллее, окаймленной высокой живой из-

городью, свернул вправо, а потом влево, миновал изогнутый мостик над водопадом, обдавшим брызгами его лицо, нарушил уединение двух пар влюбленных, нежно шептавшихся во мраке, помчался зигзагами по цветочному газону и наконец устало опустился на ступени лестницы, поднимавшейся к террасе, откуда открывался вид на озеро и горы, а вдоль балюстрады тянулся ряд каменных статуй, изображавших, насколько можно было судить в смутном свете, сидящих животных и людей, которые настороженно чего-то ждут.

— О милосердные звезды! — воскликнул мистер Барнстейпл. — Наконец-то я один!

Он долго сидел на ступенях, устремив взгляд на озеро и упиваясь сознанием, что хотя бы на краткий промежуток времени он и Утопия оказались лицом к лицу и между ними не стоит ничто земное.

3

Он не мог назвать этот мир миром своих грез, ибо никогда не осмеливался даже грезить о мире, который с такой точностью соответствовал бы самым заветным его желаниям и мечтам. Но тем не менее образ именно этого мира — или, во всяком случае, его точного подобия — стоял за мыслями и мечтами тысяч разумных, охваченных тревогой людей в мире хаоса и противоречий, из которого он попал сюда. Нет, Утопия не была местом застывшего покоя, безмятежного пресыщения, золотого декаданса, как пытался изобразить ее мистер Кэтскилл; мистер Барнстейпл видел, что этот мир был миром воинствующей энергии, побеждающей и стремящейся к победам, подчиняющей себе упрямые силы природы и самую материю, покоряющей безжизненные пустыни межзвездных пространств, торжествующей над всеми враждебными тайнами бытия.

В далеком прошлом Утопии, заслоняемые внешне блестящей, но пустопорожней возней политиканов вроде Берли или Кэтскилла и бешеной конкуренцией торгашей и эксплуататоров, во всех отношениях столь же гнусных и пошлых в своих устремлениях, как и их земные собратья, в этой Утопии без усталости трудились незаметные и терпеливые мыслители и наставники, закладывая основы этой теперешней напряженной и благотворной деятельности. И как мало этих пионеров было вознаграждено хотя бы минутным провидением неизреченной прелести справедливого мира, который без них не возник бы!

Но даже и в дни Хаоса, во мраке ненависти, смятения и бед должно было существовать достаточно свидетельств прекрасных и благородных возможностей, которые таила в себе жизнь. Над самыми отвратительными трущобами сиял солнечный закат, взывая к людскому воображению, и снежные вершины, просторы долин, горные утесы и ущелья, вечно меняющееся грозное величие морей хоть на миг открывали людям великолепие вполне достижимого бытия. Каждый цветочный лепесток, каждый пронизанный солнцем лист, жизнерадостность юности, мгновения счастья, претворенные человеческим духом в произведении искусства,— все это должно было стать пищей для надежды, призывом к подвигу. И вот, наконец, этот мир!

Мистер Барнстейпл молитвенно простер руки к мирадам ласковых звезд над его головой.

— Мне было дано увидеть! — прошептал он. — Мне было дано увидеть...

То тут, то там в садах, спускающихся к озеру, в легких зданиях загорались огоньки, вспыхивали пятнышки золотистого света. Над головой, тихо жужжа, кружил аэроплан — еще одна звездочка.

Мимо него по ступеням сбежала тоненькая девушка, но, заметив его, остановилась.

— Вы ведь один из землян? — уловил он вопрос; неяркий луч, вырвавшийся из ее браслета, скользнул по его лицу.

— Я попал сюда сегодня, — ответил мистер Барнстейпл, щурясь и стараясь рассмотреть ее в темноте.

— Вы тот, который был один в жестяной машине с резиновыми воздушными мешками на колесах, очень ржавой снизу и выкрашенной в желтый цвет. Я ее видела.

— Это вовсе не такой уж плохой автомобильчик, — сказал мистер Барнстейпл.

— Сначала мы подумали, что жрец тоже ехал с вами.

— Он мне не друг.

— Давным-давно в Утопии тоже были такие жрецы. Они приносили людям много бед.

— Он был с остальными, — объяснил мистер Барнстейпл. — Они ехали отдыхать, и я сказал бы, что, пригласив его... они сделали ошибку.

Она уселась на ступеньку выше него.

— Как это странно, что вы вдруг попали из вашего мира сюда, к нам. А вам наш мир кажется удивительным? Наверное, очень многое из того, что для меня привычно и обыкновенно, потому что я знаю это с рождения, вам должно представляться удивительным.

— Вам ведь еще не так много лет?

— Одиннадцать. Я сейчас изучаю историю Века Хаоса, а в вашем мире, говорят, еще продолжается Век Хаоса. Вы словно явились к нам из прошлого, из истории. Я была в Месте Совещаний, и я наблюдала за вашим лицом. Вам очень нравится наш сегодняшний мир, во всяком случае, гораздо больше, чем другим вашим соплеменникам.

— Я хотел бы прожить здесь всю свою остальную жизнь.

— Но возможно ли это?

— Почему же нет? Оставить меня тут будет легче, чем отослать обратно. Я не был бы особенно большой обузой. Я ведь прожил бы здесь только двадцать, ну, самое большее, тридцать лет и постарался бы научиться всему, чему мог, и делал бы все, что мне говорили бы.

— Но разве в вашем собственном мире вас не ждет никакая работа?

Мистер Барнстейпл ничего не ответил. Он словно не слышал. Через одну-две минуты девочка снова заговорила:

— Говорят, что пока мы, утопийцы, юны, пока наше сознание и характер еще полностью не сформировались и не созрели, мы очень похожи на людей Века Хаоса. Мы в этот период бываем более эгоистичны — так нам объясняли; жизнь, окружающая нас, еще полна для нас стольких тайн, что нам бывает присуща тяга к приключениям, к романтике. Наверное, я пока еще эгоистична... и меня тянет к приключениям. И мне по-прежнему кажется, что в этом прошлом, несмотря на множество ужасов и жестокостей, все же было немало такого, от чего дух захватывало, самого замечательного... В нашем прошлом, которое так похоже на ваше настоящее... Что должен был чувствовать полководец, вступая в покоренный город? Или король на своей коронации? Или богач, изумлявший людей своей властью, своими благодеяниями? Или мученик, когда он шел на казнь во имя благороднейшего дела, которое его слепым современникам представлялось злом?

— В романах или исторических книгах такие вещи выглядят гораздо более заманчивыми, чем в жизни, — подумав, ответил мистер Барнстейпл. — Вы слушали мистера Руперта Кэтскилла, последнего из выступавших землян?

— Мысли его были романтическими, но вид у него совсем не романтический.

— О, он прожил чрезвычайно романтическую жизнь. Он не раз доблестно сражался на войне. Его взяли в плен, а он бежал вопреки всем трудностям. Его буйное воображение принесло смерть тысячам людей. Скоро нам предстоит уви-

деть еще одну романтическую фигуру — лорда Барралонга, которого должны привезти сюда. Он сказочно богат — и он старается поражать людей своим богатством... совсем как в ваших мечтах.

— Но это ему не удастся?

— Трезвая действительность не похожа на романтические мечты, — ответил мистер Барнстейпл. — Он принадлежит к кучке богачей, бессмысленно прожигающих жизнь и разлагающих своим примером других. Они скучная обуза для самих себя и вредная помеха для всего остального мира. Они живут напоказ, и выдумки их всегда пошлы и вульгарны. Этот человек, Барралонг, в молодости был помощником фотографа и актером-любителем, но тут в нашем мире появилось изобретение, которое называли кинематографом. Отчасти по воле случая, отчасти потому, что он бессовестно присваивал себе чужие изобретения, ему удалось стать одним из воротил в этом новом деле. Потом он занялся спекуляциями и прибрал к рукам торговлю замороженным мясом, которое мы в нашем мире должны привозить из далеких стран. Он заставил одних людей платить за пищу дороже, а других — у которых было мало денег — лишил ее вовсе и таким путем разбогател. Ведь в нашем мире богатства людям приносит не служение обществу, а цепкость и жадность. Разбогатеv таким нечестным путем, он оказал кое-какие своевременные услуги некоторым нашим государственным деятелям, и они дали ему благородный титул лорда. Вам понятно то, что я говорю? Насколько ваш Век Хаоса был похож на нашу эпоху? Вы ведь не знали, что он был настолько безобразен. Простите, что я разрушаю ваши иллюзии относительно Века Хаоса и его романтического духа. Но ведь я только что покинул его пыль, шум и сумятицу, его ограниченность, жестокость и горе, его уныние, в котором гибнут надежды... Быть может, если мой мир влечет вас, вам когда-нибудь доведется, покинув все это, отправиться на поиски приключений среди его хаоса... это, бесспорно, будет замечательным приключением!.. Кто знает, как сложатся отношения между нашими мирами?.. Но он вам, боюсь, не понравится. Вы даже представить себе не можете всю его грязь... Грязь и болезни — они, как шлейф, тянутся за всякой романтикой...

Наступила тишина. Мистер Барнстейпл погрузился в размышления, а девочка смотрела на него и удивлялась.

Наконец он снова повернулся к ней.

— Сказать вам, о чем я думал, когда вы заговорили со мной?

— Скажите.

— Ваш мир — это воплощение того, о чем со времен древности грезили миллионы. Он удивителен. Он чудо, огромное, как небо. Но мне горько, что здесь со мной нет двух моих лучших друзей и они не могут увидеть того, что вижу я. Странно, что я все время думаю о них! Один уже ушел за пределы всех вселенных, но другой еще живет на нашей Земле. Вы учитесь, дорогая моя; у вас, мне кажется, учатся все. Но у нас такие люди, студенты, составляют особый мирок. Нам троим было хорошо вместе, потому что мы были студентами и еще не попали в тиски бессмысленного, изнуряющего труда, и нас нисколько не тревожило, что мы были отчаянно бедны и часто все трое голодали. Мы разговаривали, мы спорили между собой и в нашем студенческом дискуссионном клубе, обсуждая пороки нашего мира и средства покончить с ними. Существовала ли в вашем Веке Хаоса такая увлеченная, полная надежд нищенская студенческая жизнь?

— Продолжайте, — сказала девочка, не отводя взгляда от его профиля, казавшегося в темноте смутным пятном. — В старинных романах я читала именно о таком мире голодных студентов-мечтателей.

— Мы все трое были согласны в том, что больше всего наш мир нуждается в просвещении. Мы были согласны, что это — самое благородное дело, какое мы только можем избрать. И мы все трое, каждый по-своему, старались служить ему, и от меня было меньше всего пользы. Пути моих друзей и мой несколько разошлись. Они издавали замечательный ежемесячный журнал, который помогал объединению мира науки, а кроме того, этот мой друг редактировал для весьма осмотрительной и прижимистой издательской фирмы школьные учебники, возглавлял учительскую газету и обследовал школы для нашего университета. Он не думал ни о жалованье, ни о доходах и так и остался бедняком, хотя фирма неплохо наживалась на его работе; вся его жизнь была служением делу просвещения, за всю свою жизнь он не выбрал времени, чтобы отдохнуть хотя бы месяц. Пока он был жив, я не слишком высоко ценил его деятельность, но после его смерти мне не раз доводилось слышать от учителей, чьи школы он обследовал, и от авторов, чьи книги он редактировал, о том, как талантливо он работал, каким он всегда был терпеливым и доброжелательным. Вот на жизнях таких людей, как он, и возникла эта Утопия, где сейчас свободно расцветает ваша юная жизнь, моя дорогая; на таких жизнях и наш земной мир еще построит свою Утопию. Но жизнь моего

друга оборвалась внезапно и настолько трагично, что мне и сейчас нестерпимо больно думать об этом. Последнее время он работал слишком напряженно, а обстоятельства не позволяли ему взять отпуск. Его нервная система с жестокой внезапностью сдала, он утратил ясность духа, им овладела острая меланхолия, и он... умер. Да, это правда: старуха Природа не знает ни справедливости, ни жалости. Это произошло несколько недель назад. Другой мой старый друг, я и его жена, которая всегда была его неутомимой помощницей, вместе провожали его в последний путь. И вот сейчас я вспоминаю все это с необычайной живостью. Я не знаю, как вы здесь поступаете со своими мертвецами, но на Земле их чаще всего погребают в земле.

— Нас сжигают, — сказала девочка.

— Наиболее свободомыслящие в нашем мире тоже предпочитают сожжение. К ним принадлежал и наш друг. После того, как закончился погребальный ритуал нашей древней религии, в которую мы больше не веруем, и его гроб, совсем скрытый под венками, медленно двинулся и исчез за воротами печи крематория, унося с собой такую огромную часть моей юности, я увидел, что второй мой друг рыдает, и сам еле удержался от слез при мысли, что такая мужественная, отданная служению идее, исполненная трудов жизнь закончилась как будто столь бесславно и ненужно. Священник читал длинные поучения богословского писателя по имени Павел, полные путаных доказательств по аналогии и неубедительных утверждений. А я жалел, что мы вынуждены слушать мысли этого хитроумного писателя древности, вместо того чтобы услышать речь о глубоком благородстве нашего друга, о его замечательной и неутомимой работе, о его презрении ко всякой корысти. Всю свою жизнь он героически трудился во имя мира, подобного вашему, и все же не думаю, что он когда-либо подозревал о той более светлой, более благородной человеческой жизни, которую его жизнь, исполненная труда, и жизни других людей, таких же как он, сделали возможной в грядущем. Он жил верой. Он слишком напряженно жил верой. В его жизни было слишком мало солнечного света. Если бы я мог позвать его сюда — его и второго нашего друга, который так горько его оплакивал, — если бы я мог позвать их обоих сюда, мог бы обменяться с ними местом, чтобы и они увидели, как вижу я, истинное величие их жизни, отраженное в замечательных свершениях, ставших возможными благодаря людям, жившим, как жили они, — вот тогда, тогда радость, которую дарит мне Утопия, была бы поистине безграничной... А сейчас у меня такое

чувство, словно я присвоил сбережения моего старого друга и трачу их на себя...

Мистер Барнстейпл внезапно вспомнил о возрасте своей собеседницы.

— Простите, милое дитя, что я позволил себе увлечься. Но ваш голос был таким добрым...

Вместо ответа девочка наклонилась, и его протянутой руки коснулись нежные губы.

Но она тут же вскочила, воскликнув:

— Взгляните на этот огонек среди звезд!

Мистер Барнстейпл тоже поднялся и встал рядом с ней.

— Это аэроплан, который везет лорда Барралонга и его спутников: лорда Барралонга, который сегодня убил человека! Скажите, он высокий и сильный, необузданный и замечательный?

Мистер Барнстейпл, охваченный внезапным сомнением, посмотрел на милое запрокинутое личико рядом с собой.

— Я никогда его не видел. Но, насколько мне известно, он довольно моложавый, плешивый низенький человек с больной печенью и почками. Благодаря этому последнему обстоятельству он не растратил свою юношескую энергию на забавы и развлечения, а всю ее посвятил приобретению собственности. И в конце концов смог купить высокий титул, который так поражает ваше воображение. Пойдемте со мной, и вы его сами увидите.

Девочка посмотрела ему в глаза. Ей было одиннадцать, но она была одного роста с ним.

— Неужели в прошлом не было никакой романтики?

— Только в юных сердцах. И она умерла.

— А теперь ее нет совсем?

— Романтика неисчерпаема — и она еще вся впереди. Она ждет вас.

4

После такого чудесного дня прибытие лорда Барралонга и его спутников было для мистера Барнстейпла неприятной разрядкой. Он устал, и вторжение в Утопию этих людей почему-то его раздражало.

Обе группы землян встретились в ярко освещенном зале, вблизи лужайки, на которую сел аэроплан, доставивший Барралонга. Новоприбывшие вошли тесной кучкой, растерянно мигая, измученные, испуганные. Несомненно, встреча с другими землянами их очень обрадовала: ведь они еще никак не могли понять, что, собственно, произошло. Они не присутствовали на спокойной и исчерпывающе ясной беседе

в Месте Совещаний. Их прыжок в этот чужой мир по-прежнему оставался для них неразрешимой загадкой.

Лорд Барралонг оказался тем самым состарившимся эльфом, которого успел заметить мистер Барнстейпл, когда большой серый автомобиль обогнал его на Мейденхедском шоссе. Его приплюснутый череп напомнил мистеру Барнстейплу плоскую стеклянную пробку от флакона из-под лекарств. Раскрасневшееся лицо лорда Барралонга выглядело утомленным, костюм его был сильно помят, словно после драки, а одна рука висела на лубке; он хитро и настороженно поглядывал по сторонам карими глазками, словно беспризорный мальчишка, которого держит за шиворот полицейский. По пятам за ним, как тень, следовал щуплый, похожий на жокея шофер, которого он называл Ридли. Лицо Ридли также хранило выражение железной решимости вопреки трудным обстоятельствам, в которых он очутился, не выдавать своих подлинных чувств. Его левая щека и ухо, пострадавшие при падении автомобиля, были все в полосках липкого пластыря. Мисс Грита Грей, дама из серого автомобиля, оказалась вызывающе красивой блондинкой в очень дорогом белом костюме спортивного покроя. Странные события, участницей которых она оказалась, как будто не произвели на нее ни малейшего впечатления. Она словно не замечала их необычности. Держалась она с привычным высокомерием женщины, для которой недостойные посягательства на ее особу составляют почти профессиональный риск, где бы она ни находилась.

С ними вошли еще двое: американец с серым лицом и в сером костюме, тоже хитро и настороженно поглядывавший по сторонам, — кинокороль Ханкер, как сообщил мистеру Барнстейплу мистер Маш, — и взъерошенный француз, щегольски одетый бронею, довольно скверно говоривший по-английски, — несомненно, случайный гость в обычном окружении лорда Барралонга. Мистер Барнстейпл пришел к выводу (который в дальнейшем ничем не был опровергнут), что этот господин каким-то образом связан с кинематографией, благодаря чему оказался в радиусе гостеприимства лорда Барралонга и, будучи иностранцем, неосмотрительно согласился участвовать в поездке, не отвечавшей его вкусам и привычкам.

Пока лорд Барралонг и мистер Ханкер здоровались с мистером Берли и мистером Кэтскиллом, француз осведомился у мистера Барнстейпла, говорит ли тот по-французски.

— Я не понимаю, — сказал он. — Мы должны были ехать в Вильтшир... Уилтшир, и вдруг одна ужасная вещь следует

за другой. Куда мы прибыли? И какие это здесь люди, столь превосходно говорящие по-французски? Это шутка лорда Барралонга, или сон, или что это?

Мистер Барнстейпл попытался растолковать ему, что произошло.

— Другое измерение... — протянул француз. — Другой мир. Это весьма мило. Но меня ждет дело в Лондоне. Не надо было меня возвращать таким способом во Францию, в подобие Франции, в другую Францию в другом мире. Это шутка не самого лучшего вкуса.

Мистер Барнстейпл пустился в дальнейшие объяснения, но недоумение на лице француза сказало ему, что он оперирует не слишком понятными словами. Он растерянно оглянулся на леди Стеллу и увидел, что она готова прийти к нему на помощь.

— Эта дама, — сказал он, — все вам объяснит. Леди Стелла, позвольте представить вам мосье...

— Эмиля Дюпона, — поклонился француз. — Я, как у вас говорят, журналист и публицист. Меня интересует кинематограф как средство просвещения и пропаганды. Вот почему я здесь с милордом Барралонгом.

Отличный французский язык составлял главный светский талант леди Стеллы. И теперь она с большой охотой пустила его в ход. Она принялась рассеивать недоумение мосье Дюпона и прервала это занятие только для того, чтобы сказать мисс Грите Грей, как ей приятно в этом чужом мире встретить другую женщину.

Освободившись от мосье Дюпона, мистер Барнстейпл отошел в сторону и оглядел землян в центре зала и стоящих вокруг внимательно слушающих, но каких-то обособленных утопийцев. Мистер Берли чуть-чуть свысока, но любезно беседовал с лордом Барралонгом, а мистер Ханкер как раз заканчивал фразу о том, как он рад познакомиться с «виднейшим государственным деятелем Англии». Мистер Кэтскилл стоял, дружески положив руку на плечо лорда Барралонга (они были давно знакомы), а отец Эмертон обменивался любезностями с мистером Машем. Ридли и Пенк минуту холодно посматривали друг на друга, а затем удалились в угол, чтобы шепотом обсудить техническую сторону происшествий этого дня. Никто не обращал внимания на мистера Барнстейпла.

Это было как встреча на вокзале. Как официальный прием. Это было совершенно невероятно и в то же время до ужаса обыденно. Как он устал! Он был невыносимо измучен непрерывным изумлением.

— Пойду спать! — Он неожиданно зевнул. — Пойду в свою кровать!

Он прошел мимо дружески смотревших на него утопийцев и вновь оказался в тиши звездной ночи. Он кивнул неведомой туманности на краю Ориона, как замученный заботами отец может кивнуть шаловливому отпрыску. Этим он займется завтра. И, засыпая на ходу, он побрел через сад к отведенному ему домику.

Не успел он раздеться, как погрузился в глубокий сон, словно набегавшийся за день ребенок.

Глава восьмая

РАННЕЕ УТРО В УТОПИИ

1

Мистер Барнстейпл никак не мог очнуться от сладкой дремоты.

У него было смутное ощущение, что вот-вот оборвется чудесный сон. Он не открывал глаз, надеясь его продлить. Это был сон о замечательном мире красивых людей, избавившихся от тысяч земных бедствий. Но сновидения смешались, и мистер Барнстейпл забыл о них. Давно уже ему не снилось никаких снов. Он лежал не двигаясь, не открывая глаз, стараясь оттянуть минуту возвращения в обычную дневную колею.

Им уже вновь овладели заботы и тревоги последних двух недель. Удастся ли ему все-таки уехать отдохнуть в одиночестве? Тут он вспомнил, что уже спрятал саквояж с вещами в багажник Желтой Опасности. Но ведь это же было вчера, а позавчера? И он уже отправился в путь — он вдруг вспомнил минуту отъезда и радостную дрожь, пробежавшую по его спине, когда он выехал за ворота, а миссис Барнстейпл так ничего и не заподозрила. Он открыл глаза и уставился в белый потолок, пытаясь сообразить, что было дальше. Он вспомнил, как свернул на Камберуэлл-нью-роуд, каким солнечным и пьянящим было утро... Потом Воксхолл-бридж и чудовищный затор у Гайд-парк Корнер. Он всегда говорил, что по западной части Лондона передвигаться на автомобиле куда труднее, чем по восточной. А что потом? Он поехал в Оксбридж? Нет. Он вспомнил поворот на Слау, но дальше в его памяти был провал.

Какой прекрасный потолок! Ни трещинки, ни пятнышка!

Но все-таки как он провел остальную часть дня? Он, несомненно, куда-то приехал. Ведь сейчас он лежит в удобной постели — в превосходной постели. И слушает песенку малиновки. Он всегда утверждал, что хорошая малиновка поет лучше любого соловья, но это была настоящим Карузо. Вот ей ответила другая! В июле-то! Пангборн и Кейвершем — чудесные соловьиные места. В июне. Но ведь сейчас июль... и вдруг малиновки... Но тут, заслоня эти сонные призрачные мысли, в его мозгу всплыла фигура мистера Роберта Кэтскилла — руки уперты в бока, голова и подбородок выставлены вперед: он говорит... и говорит удивительные вещи. Он обращается к сидящему перед ним нагому человеку с серьезным внимательным лицом. А рядом с ним еще такие же фигуры. У одной — лицо Дельфийской Сивиллы. И тут мистер Барнстейпл припомнил, что каким-то образом оказался в обществе людей, отправлявшихся на восхождение в Тэплоу-Корт. Может быть, эта речь была произнесена в Тэплоу-Корт? Но в Тэплоу-Корт люди ходят одетыми. Хотя, быть может, аристократия в тесном кругу...

Утопия?.. Но возможно ли это?

Мистер Барнстейпл привскочил на постели вне себя от изумления.

— Невозможно! — отрезал он.

Он лежал в небольшой полуоткрытой лоджии. Между витыми стеклянными колонками он увидел цепь снежных гор, а совсем рядом — чашу высоких растений с кистями темно-красных цветов. Птичка по-прежнему распевала свою песенку — облагороженная малиновка в облагороженном мире. Теперь он вспомнил все. Теперь все стало ясно. Внезапный рывок автомобиля, звук лопнувшей скрипичной струны и... Утопия! И все, что было дальше, от мертвой красавицы Гринлейк до появления лорда Барралонга под чужими незнакомыми звездами. Это был не сон. Он взглянул на свою руку, лежавшую на удивительно легком одеяле. Он пощупал свой колючий подбородок. Этот мир был настолько реален, что в нем приходилось думать о бритве... и испытывать настоящую потребность в обильном завтраке. Весьма настоящую (ведь он вчера не ужинал). И, словно в ответ на эти мысли, на лестнице, ведущей в его спальню, появилась улыбающаяся девушка с подносом в руках. Нет, в пользу мистера Берли можно было бы сказать очень многое! Ведь это его быстрой государственной мысли мистер Барнстейпл обязан желанной чашкой утреннего чая.

— Доброе утро, — сказал мистер Барнстейпл.

— А почему бы и нет? — отозвалась юная утопийка, отдала ему поднос и, улыбнувшись материнской улыбкой, ушла.

— А почему бы утру и не быть хорошим — вот что, вероятно, она имела в виду, — пробормотал мистер Барнстейпл и на несколько секунд погрузился в размышления, упираясь подбородком в колени. Затем он воздал должное чаю и хлебу с маслом.

2

Маленькая туалетная, где его одежда валялась так, как он бросил ее накануне, была одновременно и очень просто обставлена и очень интересна для мистера Барнстейпла. Шлепя босыми ногами и что-то напевая себе под нос, он бродил по ней и внимательно все осматривал.

Ванна была гораздо менее глубокой, чем обычные земные ванны; по-видимому, у утопийцев не было привычки нежиться в горячей воде. И форма всех других предметов была необычна — они были проще и изящнее земных. На Земле, размышлял мистер Барнстейпл, искусство во многом сводилось к удачному выходу из трудного положения. Художник выбирал из очень ограниченного количества неподатливых материалов и подчинялся определенным потребностям, так что его труд сводился к остроумному примирению неподатливости и потребности, конкретных особенностей материала и эстетических представлений, укоренившихся в человеческом сознании. Какую изобретательность приходилось, например, проявлять земному столяру, умело использующему текстуру и свойства того или иного сорта дерева! Но здесь у художника был неограниченный выбор материалов, и элемент остроумного приспособления к необходимости исчез из его творчества. Он учитывал только потребности человеческого сознания и тела. В этой небольшой комнате не было ничего эффектного, но каждый предмет оказывался очень удобным и прямо говорил о своем назначении. Если вы начинали плескаться в ванне, продуманный желобок на ее краю спасал пол от воды.

В корзиночке над ванной лежала отличная и очень большая губка. Значит, утопийцы либо, как в старину, ныряют за губками, либо выращивают их искусственно, а может быть (тут всего можно ждать!), выдрессировали их добровольно всплывать на поверхность.

Расставляя свои туалетные принадлежности, мистер Барнстейпл смахнул со стеклянной полочки стаканчик, но он не разбился. Мистер Барнстейпл не мог удержаться от

эксперимента и снова его уронил. Стаканчик опять не разбился.

Сперва он никак не мог отыскать кранов, хотя в комнате, помимо ванны, был и большой умывальник. Затем он увидел в стене несколько кнопок с черными значками, которые могли быть утопийскими буквами. Он начал экспериментировать. В ванну потекла сначала горячая, а потом ледяная вода; еще одна кнопка включала теплую и, по-видимому, мыльную воду, а две другие — какую-то жидкость, пахнущую сосной, и жидкость, чуть-чуть отдающую хлором. Утопийские буквы на этих кнопках дали ему новую пищу для размышлений — это были первые надписи, которые он здесь увидел. Судя по всему, каждая буква обозначала целое слово, но изображали ли они звуки или были упрощенными пиктограммами, он решить не мог. Тут он задумался совсем о другом: единственным металлом в комнате было золото. Оно тут виднелось повсюду. Стены были инкрустированы золотом. Светло-желтые полосы блестели и переливались. Золото в Утопии, по-видимому, было очень дешево. Возможно, они умели его делать. Он заставил себя очнуться и занялся своим туалетом. В комнате не было зеркала, но когда он дернул то, что принял за ручку стенового шкафа, перед ним открылось трехстворчатое трюмо. Впоследствии он узнал, что в Утопии все зеркала закрывались. Утопийцы, как ему удалось выяснить, считали неприличным такое напоминание человеку о его образе. У них было принято утром внимательно осматривать себя, убеждаясь, что все в порядке, а потом забывать о своей особе до конца дня.

Мистер Барнстейпл неодобрительно оглядел свою пижаму и небритый подбородок. Почему respectableм пожилым людям положено носить такие омерзительные розовые пижамы в полосочку? Когда он достал из саквояжа щеточку для ногтей, зубную щетку, бритвенную кисточку и резиновую рукавицу для мытья, они показались ему грубыми, как площадные шутки. Особенно непристойный вид имела зубная щетка. Ну почему он не купил новую в аптеке у вокзала Виктория?

А какая неприятная, странная штука — его одежда.

На мгновение он поддался нелепому желанию последовать утопийской моде, но взгляд в зеркало отрезвил его. Тут он вспомнил, что захватил с собой теннисные брюки и шелковую рубашку. Так он и оденется — не надо ни запонок, ни галстука; а ходить можно босиком. Он посмотрел на свои ступни. С земной точки зрения они были даже очень недурны. Но на Земле их красота пропадала втуне.

Вскоре из домика навстречу утопийской заре вышел необыкновенно чистый и сияющий мистер Барнстейпл — одетый в белое, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки и босой. Он улыбнулся, вскинул руки над головой и глубоко вдохнул душистый воздух. И вдруг на лице его появилась мрачная решимость.

Из другого спального домика, всего ярдах в двухстах от него, вышел отец Эмертон. Шестое чувство подсказывало мистеру Барнстейплу, что преподобный отец намерен либо простить вчерашнюю ссору, либо быть за нее прощенным. Выберет ли он роль оскорбителя или жертвы, зависело от случайности, но, как бы то ни было, он испортит унылой жвачкой личных эмоций и взаимоотношений алмазную ясность и блеск этого утра. Чуть справа и впереди мистер Барнстейпл увидел широкую лестницу, ведущую к озеру. Три быстрых шага — и он уже мчался по ней вниз, прыгая через две ступеньки. Может быть, виной тому был испуг, но, во всяком случае, ему казалось, что за его спиной раздается голос кинувшегося в погоню отца Эмертона:

— Мистер Ба-а-арнстейпл!

Мистер Барнстейпл, петляя, как заяц, выскочил на мостик, перекинутый через глубокий овраг, — мостик, сложенный из огромных камней, с крышей, которую со стороны озера поддерживали легкие хрустальные колонки. Солнечные лучи дробились в их призматических гранях и рассыпались красными, синими и золотыми бликами. Затем в зеленом уголке, расцвеченном голубыми горечавками, он чуть было не сбил с ног мистера Руперта Кэтскилла. На мистере Кэтскилле был тот же костюм, что и накануне, только без серого цилиндра. Он прогуливался, заложив руки за спину.

— Ого! — сказал он. — Куда это вы так торопитесь? Мы ведь как будто встали первыми...

— Я увидел отца Эмертона...

— Все понятно. Предпочли избежать заутрени, обедни или как он их там называет? И скрылись. Мудро, мудро. Он помолится за нас всех. Включая и меня.

Не дожидаясь ответа мистера Барнстейпла, он продолжал:

— Вам хорошо спалось? Как вам показался ответ старичка на мою речь? А? Избитые увертки! Когда не знаешь, что сказать, ругай адвоката истца. Мы с ним не согласны потому, что у нас дурные сердца.

— О каком старичке вы говорите?

— О почтенном джентльмене, который выступал после меня.

— Об Эрфреде? Но ведь ему нет и сорока!

— Ему семьдесят три года. Он нам потом сказал. Они тут живут долго — прозябают, вернее сказать. Наша жизнь, с их точки зрения, — бурная лихорадка. Но, как сказал Теннисон: «Лучше двадцать лет в Европе, чем в Китае двести лет!» А? Он уклонился от ответа на мои доводы. Это Страна Золотого Покоя, Страна Заката; нам не скажут спасибо за то, что мы потревожили ее дремоту.

— Я не сказал бы, что они тут дремлют.

— Значит, и вас укусила муха социализма. Да-да, я вижу, так оно и есть. Поверьте мне, более полную картину декаданса и вырождения трудно себе представить. Налицо все признаки. И мы нарушим их сон, можете не сомневаться! Ведь, как вы еще убедитесь, Природа — наша союзница, и поможет она нам самым неожиданным образом.

— Но я не вижу никаких признаков вырождения, — сказал мистер Барнстейпл.

— Нет слепоты хуже слепоты тех, кто не хочет видеть! Да они повсюду! Это их избыточное, раздутое псевдоздоровье. словно откормленный скот. А их поведение в отношении Барралонга? Они не понимают, что с ним надо делать. Они даже не арестовали его. Они уже тысячу лет никого не арестовывали. Он очертя голову мчится по их стране, убивая, давя, пугая, нарушая общественное спокойствие, а они впадают в оцепенение, поверьте мне, сэр, в полнейшее оцепенение. словно взбесившаяся собака бесчинствовала в овечьем стаде. Если бы его автомобиль не перевернулся, он и сейчас, наверное, носился бы по стране, трубя, гремя и убивая людей. Они утратили инстинкт защиты общества.

— Сомневаюсь.

— Весьма похвальное состояние ума. Если им не злоупотреблять. Но когда вы кончите сомневаться, вы убедитесь в моей правоте. А? Позвольте! Вон там, на террасе... По-моему, это милорд Барралонг и его приятель-француз? Да, это они. Дышат свежим воздухом. С вашего разрешения, я пойду поболтать с ними. Как вы сказали, где сейчас может быть отец Эмертон? Я не хочу мешать его молитвам. Ах, вон там! Ну, так если я возьму правее...

И он удалился, дружески подмигнув через плечо.

Продолжая прогулку, мистер Барнстейпл увидел двух садовников-утопийцев.

Они срезали сухие веточки и осыпавшиеся цветы с колючего кустарника, который тянулся по каменному склону, весь в багряно-алой пене огромных роз. На садовниках были большие кожаные рукавицы и фартуки из дубленой кожи. Они орудовали крючками и ножницами. Рядом стояли две легкие серебристые тачки.

Мистеру Барнстейплу никогда не приходилось видеть таких роз. Воздух вокруг был напоен их благоуханием. И чтобы махровые розы росли так высоко в горах? В Швейцарии он на довольно большой высоте видел обыкновенные красные розы, но не таких пышных гигантов. Рядом с этими цветами листья на кустах казались совсем крохотными. Длинные, усаженные шипами красноватые стебли змеились среди огромных камней, служивших им опорой, а большие лепестки, словно красная метель, словно алые бабочки, словно капли крови, падали на рыхлую землю между бурых камней.

— Вы первые утопийцы, которых я вижу за работой,— сказал он.

— Это не работа,— с улыбкой отозвался садовник, стоявший ближе к нему, белокурый, веснушчатый, голубоглазый юноша.— Но раз мы отстаиваем эти розы, нам приходится о них заботиться.

— Это ваши розы?

— Очень многие считают, что с махровыми горными розами слишком много возни, а их ползучие стебли и шипы вообще неприятны. Другие находят, что на такой высоте следует выращивать простые розы, а эта прелесть пусть вымирает! А вы за наши розы?

— За эти розы? Всей душой! — отозвался мистер Барнстейпл.

— Вот и хорошо! В таком случае пододвиньте-ка, пожалуйста, мою тачку поближе сюда, чтобы удобнее было складывать мусор. Мы отвечаем за хорошее поведение всей этой чащи, а она тянется вниз почти до самого озера.

— И вы должны сами о ней заботиться?

— А кто это делает за нас?

— Но не могли бы вы нанять кого-нибудь... заплатить, чтобы кто-нибудь другой взялся ухаживать за кустами?

— О окаменевший реликт седой старины! — ответил юноша.— О ископаемый невежда из варварской вселенной!

Или тебе непонятно, что в Утопии нет класса тружеников? Он вымер полторы тысячи лет назад. Наемное рабство, паразитизм — со всем этим давно покончено. Мы читаем о таких вещах в книгах. Тот, кто любит розу, должен служить розе... своими руками.

— Но ведь вы работаете.

— Не ради денег. Не потому, что кто-то другой что-то там любит или чего-то желает, но по лени не хочет служить этому сам или добыть для себя желаемое. Мы работаем — частица разума и частица воли всей Утопии.

— Могу ли я спросить, в чем заключается ваша работа?

— Я исследую недра нашей планеты и изучаю химию высоких давлений. А мой друг...

Он, очевидно, окликнул своего друга, и над цветочной пеной внезапно возникло смуглое лицо с карими глазами.

— Я занимаюсь пищей.

— Вы повар?

— В некотором роде. В данное время я занимаюсь едой для вас, землян. Ваши блюда чрезвычайно интересны и забавны, но, я бы сказал, довольно вредны. Я планирую ваше кормление... Вы как будто встревожились? Но вашим завтраком я занимался вчера.— Он взглянул на крохотные часы под раструбом кожаной рукавицы.— Он будет готов через полчаса. Как вам понравился утренний чай?

— Он был превосходен,— ответил мистер Барнстейпл.

— Отлично,— сказал смуглый юноша.— Я старался как мог. Надеюсь, что завтрак вам тоже понравится. Мне вчера вечером пришлось слетать за двести километров, чтобы раздобыть свинью, и самому заколоть ее, разделать тушу и научиться ее коптить. В Утопии уже давно не едят копченой грудинки. Надеюсь, моя поджарка придется вам по вкусу.

— Вам, очевидно, пришлось заниматься копчением в большой спешке,— заметил мистер Барнстейпл.— Мы обошлись бы и без грудинки.

— Но ваш оратор — тот, кто говорил от имени всех вас,— очень настаивал на ней.

Белокурый юноша выбрался из кустов и покатил свою тачку по дорожке. Мистер Барнстейпл пожелал смуглолицему доброго утра.

— А почему бы и нет? — удивленно спросил смуглый юноша.

Тут мистер Барнстейпл заметил, что к нему приближаются Ридли и Пенк. Пластырь по-прежнему украшал щеку и ухо мистера Ридли, и весь его вид говорил о настороженности и тревоге. Пенк шел в нескольких шагах позади него, прижимая руку к щеке. Оба были одеты в свои профессиональные костюмы — кепи с белым верхом, кожаные куртки, черные гетры; никаких уступок утопийским вольностям.

Ридли заговорил еще издалека:

— Вы случайно не знаете, мистер, куда эти самые декаденты загнали наш автомобиль?

— Но ведь он разбился?

— «Роллс-ройс»?! Как бы не так! Ветровое стекло, может, и разбилось, крылья там помялись, подножки. Мы ведь опрокинулись набок. Надо бы на него поглядеть. И я ведь не перекрыл бензопровод. А карбюратор малость течет. Моя вина. Не прочистил отстойник. А если бензин весь вытечет, в этом чертовом эдеме другого, небось, не достанешь! Что-то тут с заправочными станциями не густо. А если машина не будет на ходу, когда лорд Барралонг ее спросит, жди грома.

Мистер Барнстейпл не имел ни малейшего представления о том, где могут находиться автомобили.

— А ведь вы вроде как на своей машине были? — спросил Ридли с упреком.

— Да. Но я о ней ни разу не вспомнил.

— Владелец-водитель, одно слово, — ядовито сказал Ридли.

— Но как бы то ни было, я ничем не могу вам помочь. А вы спрашивали про автомобили у кого-нибудь из утопийцев.

— Еще чего! Нам не нравятся их рожи.

— Но они вам сказали бы.

— И стали бы поглядывать, как там и что. Не так-то часто им выпадает случай заглянуть в «роллс-ройс». Не успеешь оглянуться, как они их угонят. Мне это место не нравится. И эти люди тоже. Они все тут тронутые. И про всякий стыд забыли. Его сиятельство говорит, что они дегенераты, все до единого, и, на мой взгляд, так оно и есть. Я сам не пуританин, а все-таки на людях нагишом расхаживать — это уж чересчур. Куда они только могли спрятать машины?

Мистер Барнстейпл поглядел на Пенка.

— Вы ушибли лицо? — спросил он.

— Так, немножко, — ответил Пенк. — Пойдем, что ли?

Ридли поглядел на Пенка и перевел взгляд на мистера Барнстейпла.

— Его маленько контузило, — заметил он, и выражение его лица стало не таким кислым.

— Пошли, а то мы так машин и не отыщем, — перебил его Пенк.

Губы Ридли расплзлись в веселую улыбку.

— Он напоролся мордой на кое-что.

— Да ну, заткнись! — пробормотал Пенк.

Но шутка была слишком хороша, чтобы Ридли мог не поделиться ею.

— Одна из здешних девок съездила его по роже.

— Как же это? — спросил мистер Барнстейпл. — Неужели вы позволили себе...

— Ничего я не позволяю! — огрызнулся Пенк. — Но раз уж мистери Ридли захотелось языком потрепать, так уж лучше я сам расскажу, как все было. Отсюда и видно, что, попав к психованным дикарям, вот как мы теперь, так и жди чего угодно.

Ридли ухмыльнулся и подмигнул мистери Барнстейплу.

— Ох, и въехала же она ему! Он сразу кувыркнулся. Он ей руку на плечо, а она — раз! И он уже валяется. В жизни такого не видел.

— Очень неприятное происшествие, — сказал мистер Барнстейпл.

— Да случилось-то все за одну секунду.

— Очень жаль, что это вообще случилось.

— А вы, мистер, не воображайте того, чего не было, а разберитесь, прежде чем говорить, — отрезал Пенк. — Я лишних разговоров не хочу... мистер Берли мне этого так не спустит. Жалко, конечно, что мистер Ридли не мог придержать язык. И чего она взъелась, я не знаю. Влезла ко мне в комнату, когда я одевался, а на самой-то и вообще ничего, и по виду — девчонка свойская, ну, и приди мне в голову сказать ей кое-что — так, пошутить. За своими мыслями-то не уследишь, так ведь? Мужчина — это все-таки мужчина. И если от мужчины требовать, чтобы он и в мыслях себе ничего не позволил с девками, которые расхаживают в чем мать родила, так уж... Дальше некуда, одно слово! Это значит идти поперек человеческой природы. Я ведь вслух не сказал... того, о чем подумал. Мистер Ридли — свидетель. Я ей ни словечка не сказал. Рта не раскрыл, а она драться. С ног сшибла, как кеглю. А сама вроде даже

не рассердилась. Дала мне по скуле ни с того ни с сего. Я больше от удивления свалился.

— Но Ридли говорит, что вы прикоснулись к ней.

— Ну, может, положил ей руку на плечо, по-братски, так сказать, когда она повернулась уходить,— я ведь не отказываюсь, когда хотел с ней заговорить! И вот вам! А если мне еще терпеть придется за то, что меня же избили без всякого повода с моей стороны!..

И Пенк завершил свою фразу выразительным жестом глубочайшего отчаяния и негодования.

Подумав, мистер Барнстейпл сказал:

— Я не собираюсь навлекать на вас неприятности. Но тем не менее мне кажется, что мы должны быть очень осторожны с утопийцами. Их обычаи не похожи на наши.

— И слава богу! — вставил Ридли. — Чем скорее я уберусь из этой дыры назад в старушку Англию, тем приятней мне будет. — Повернувшись, чтобы уйти, он бросил через плечо: — Послушали бы вы его сиятельство! Он говорит, что это не мир, а сборище чистых дегенератов... паршивых дегенератов, а уж если правду сказать, то, с вашего разрешения, Х! Х! Х! Х! дегенератов. Э? Лучше про них не скажешь.

— Рука этой девушки как будто не была слишком уж дегенеративной, — заметил мистер Барнстейпл, с честью выдержав залп.

— Да? — злобно пробурчал Ридли. — Как бы не так! Самый что ни на есть первый признак дегенерации — это когда баба сшибает человека с ног. Это уж значит идти наперекор закону природы. В мире, где живут приличные люди, такого и быть не может. Это уж так.

— Это уж так, — подтвердил Пенк.

— В нашем мире такую девчонку научили бы, как следует себя вести. И скоро! Ясно?

Но в эту минуту рассеянно блуждавший взгляд мистера Барнстейпла упал на отца Эмертона, который торопливо шагал к ним по лужайке, жестами убеждая подождать его. Мистер Барнстейпл понял, что нельзя терять ни секунды.

— А! Вот идет тот, кто сумеет помочь вам отыскать автомобили, если только захочет. Отец Эмертон — это человек, который всегда готов прийти на помощь. И его взгляд на женщин совпадает с вашим. Вы с ним, несомненно, отлично поладите. Если вы остановите его и изложите все дело ясно и обстоятельно.

И мистер Барнстейпл быстрым шагом направился к озеру.

Где-то поблизости должно было находиться маленькое шале и пристань с пестрыми лодками.

Если ему удастся уплыть на одной из них на середину озера, он сильно затруднит отцу Эмертону его задачу. Даже если эта святая душа последует его примеру. Гоняясь по озеру за другой лодкой, трудно произносить душещипательные речи с надлежащим чувством.

6

Мистер Барнстейпл уже отвязывал облюбованную им белоснежную байдарку, на носу которой был нарисован большой синий глаз, когда на пристани появилась леди Стелла. Она вышла из беседки, стоявшей у самой воды, и торопливость ее походки заставила мистера Барнстейпла заподозрить, что она там пряталась. Оглянувшись, леди Стелла поспешно сказала:

— Вы собираетесь покататься по озеру, мистер Барнстейпл? Можно мне с вами?

Он заметил, что ее костюм представляет собой компромисс между земной и утопийской модами. На ней был не то чрезвычайно простой домашний туалет, не то весьма замысловатый купальный халат кремового цвета. Ее тонкие красивые руки были совсем обнажены, если не считать золотого браслета с янтарями, а босые ножки — очень хорошенькие ножки — обуты в сандалии. Она была без шляпы, а просто уложенные черные волосы покрывала черная с золотом сетка, очень шедшая к ее тонкому умному лицу. Мистер Барнстейпл отнюдь не был знатоком в дамских нарядах, но и он с одобрением заметил, что она сумела уловить утопийский стиль.

Он помог ей спуститься в лодку.

— Давайте скорее отплывем... и подальше,— сказала она, вновь оглядываясь через плечо.

Некоторое время мистер Барнстейпл прилежно греб прямо вперед, так что он видел перед собой только сверкающую на солнце воду, небо, невысокие холмы, уходящие вдоль берегов озера к большой равнине, могучие быки далекой плотины и леди Стеллу. Она, словно замороженная красотою видов Места Совещаний позади него, не отводила взгляда от садов, изящных домиков и террас, но мистер Барнстейпл скоро заметил, что она не столько любитесь всей картиной, сколько напряженно отыскивает какой-то определенный предмет или определенное лицо. Леди Стелла, чтобы нарушить невежливое молчание, оброни-

ла несколько фраз о прелести утра и о том, что птицы поют в июле.

— Но ведь здесь сейчас не обязательно июль,— сказал мистер Барнстейпл.

— Как глупо с моей стороны не подумать об этом! Ну конечно же!

— Здесь, по-моему, сейчас чудесный май.

— Кажется, еще очень рано,— заметила она.— Я забыла завести свои часы.

— В наших двух мирах, как ни странно, время суток, кажется, совпадает,— сообщил мистер Барнстейпл.— На моих часах семь.

— Нет,— сказала леди Стелла, по-прежнему устремив взгляд на удалявшиеся сады и отвечая на свои мысли.— Это утопия. Вы встречали кого-нибудь еще... из наших... сегодня утром?

Мистер Барнстейпл повернул байдарку так, чтобы тоже видеть сады.

Отсюда они могли рассмотреть, с каким совершенством массивные террасы, стены, сдерживающие лавины, и водостоки вписываются в окружающий горный пейзаж, перемежаясь и сливаясь с отрогами и утесами вздымающегося позади могучего пика. Выше на склонах кустарник сменялся лепившимися по обрыву соснами, бурные потоки и водопады, питаемые вечными снегами, перехватывались плотинами и направлялись к изумрудным лужайкам и садам Места Сопещаний. Террасы, которые удерживали почву и составляли основу всего парка, тянулись вправо и влево, теряясь в голубой дали, а в глубине смыкались с горными обрывами; они были сделаны из многоцветного камня — от темно-красного до белого с лиловыми прожилками — и прерывались гигантскими арками, перекинутыми через потоки и ущелья, огромными круглыми отверстиями водостоков, из которых били мощные струи, и каскадами лестниц. На этих террасах и на травянистых склонах, которые они поддерживали, поодиночке и группами были разбросаны строения — лиловые, синие, белые, такие же легкие и изящные, как окружавшие их горные цветы. Несколько секунд мистер Барнстейпл созерцал эту картину в немом восхищении и только потом ответил на вопрос леди Стеллы.

— Я говорил с мистером Рупертом Кэтскиллом и двумя шоферами,— сказал он,— а кроме того, издали видел отца Эмертона, лорда Барралонга и мосье Дюпона. Мистера Маша и мистера Берли я не видел совсем.

— О, мистер Сесиль встанет еще не скоро. Он будет

спать до десяти или одиннадцати часов. Он всегда проводит в постели все утро, если ему днем предстоит большое умственное напряжение.

Леди Стелла помолчала, а потом нерешительно спросила:

— А мисс Гриту Грей вы не видели?

— Нет,— ответил мистер Барнстейпл.— Я не искал общества наших соотечественников. Я просто гулял... и уклонялся от встречи...

— С блюстителем нравов и цензором костюмов?

— Да... Собственно говоря, потому-то я и решил покататься по озеру.

После минутного размышления леди Стелла, очевидно, решила быть с ним откровенной.

— Я тоже кое от кого спасалась.

— Не от нашего ли проповедника?

— От мисс Грей.

И, сказав это, леди Стелла, казалось, уклонилась от темы:

— Нам будет трудно в этом мире. У его обитателей очень тонкий вкус. Нам так легко оскорбить их!

— Они умны и поймут.

— А действительно ли достаточно понять, чтобы простить? Эта пословица никогда не внушала мне доверия.

Мистеру Барнстейплу не хотелось, чтобы их разговор перешел на широкие обобщения, поэтому он ничего не ответил и только усерднее заработал веслом.

— Видите ли, мисс Грей в одном ревю исполняла роль Фрины.

— Что-то припоминаю. Кажется, в прессе поднялась буря возмущения.

— Возможно, это воспитало у нее определенную привычку.

Весло опустилось в воду и второй раз и третий.

— Во всяком случае, сегодня утром она пришла ко мне и сказала, что собирается выйти в полном утопийском костюме.

— То есть?

— Немножко румян и пудры. Он нисколько ей не идет, мистер Бастейпл. Это очень легкомысленно. Это неприлично. А она разгуливает по садам... Неизвестно, кто может попасться ей навстречу. К счастью, мистер Сесиль еще не встал. Если она встретит отца Эмертона!.. Но об этом лучше не думать. Видите ли, мистер Бастейпл, утопийцы такие загорелые... и вообще... они гармонируют с обстанов-

кой. Их вид не вызывает у меня неловкости. Но мисс Грей... Когда земная цивилизованная женщина раздета, она *выглядит* раздетой. Облупленной. Какой-то выбеленной. Эта милая женщина, которая, кажется, взяла на себя заботу о нас, Ликнис, рекомендуя мне, во что одеться, ни разу даже не намекнула... Но, разумеется, я не настолько близко знакома с мисс Грей, чтобы давать ей советы, а кроме того, никогда нельзя знать заранее, как женщина такого сорта воспримет...

Мистер Барнстейпл внимательно осмотрел берег. Но чересчур открытой взглядом мисс Гриты Грей нигде не было видно.

— Ликнис примет меры,— убежденно сказал он после секундного раздумья.

— Будем надеяться. Быть может, если мы покатаемся подольше...

— О ней позаботятся,— сказал мистер Барнстейпл.— Но, по-моему, мисс Грей и вообще компания лорда Барралонга может навлечь на нас много неприятностей. Очень жаль, что они проскочили сюда вместе с нами.

— Мистер Сесиль придерживается того же мнения,— сказала леди Стелла.

— Естественно, мы будем вынуждены почти все время проводить вместе, и судить будут о нас в целом.

— Естественно,— согласилась леди Стелла.

Некоторое время они молчали, но нетрудно было заметить, что она высказала далеко не все. Мистер Барнстейпл неторопливо греб.

— Мистер Бастейпл...— вскоре начала она.

Весло в руках мистера Барнстейпла замерло.

— Мистер Бастейпл... вам страшно?

Мистер Барнстейпл проанализировал свои ощущения.

— Я был слишком восхищен, чтобы бояться.

Леди Стелла решила довериться ему.

— А я боюсь,— сказала она.— Сначала мне не было страшно. Все, казалось, шло так легко и просто. Но среди ночи я проснулась... вне себя от страха.

— Нет,— задумчиво произнес мистер Барнстейпл.— Нет. Я этого еще не испытал — пока... Но, может быть, мне и станет страшно.

Леди Стелла наклонилась к нему и заговорила доверительным тоном, внимательно наблюдая, какое впечатление производят на него ее слова.

— Эти утопийцы... Сначала мне казалось, что они всего только простодушные здоровые люди, артистичные и на-

ивные натуры. Но они совсем не такие, мистер Бастейпл. В них есть что-то жестокое и сложное, что-то недоступное и непонятное нам. И мы им не нравимся. Они глядят на нас холодными глазами. Ликнис добра, но остальные нет. И мне кажется, мы вызываем у них раздражение.

Мистер Барнстейпл взвесил услышанное.

— Возможно, вы правы,— сказал он.— Я был настолько полон восторга — здесь столько сказочно чудесного,— что не задумывался над тем, какое впечатление производим на них мы. Но... да, пожалуй, они заняты чем-то своим и не слишком интересуются нами. За исключением тех, кто, очевидно, приставлен наблюдать за нами и изучать нас. Ну, а безрассудное поведение лорда Барралонга и его спутников, которые мчались вперед, не разбирая дороги, несомненно, должно было вызвать у них раздражение.

— Он задавил человека.

— Я знаю.

И, задумавшись, они умолкли на несколько минут.

— И еще другое,— заговорила леди Стелла.— Они мыслят не так, как мы. По-моему, они уже презирают нас. Я заметила одну вещь... Вчера вечером вас не было с нами у озера, когда мистер Сесиль начал расспрашивать об их философии. Он рассказывал им про Гегеля, Бергсона, лорда Холдейна, про свой собственный замечательный скептицизм. Он дал себе волю, что для него большая редкость. И это было очень интересно — мне. Но я следила за Эрфредом и Львом и в самый разгар его объяснений увидела (я убеждена, что не ошиблась), что они переговариваются — без слов, как это у них принято,— о чем-то совсем другом. Они только *делали вид*, что слушают. А когда Фредди Маш попытался заинтересовать их неогрузинской поэзией и влиянием войны на литературу и сказал, что был бы счастлив, если бы в Утопии нашлось что-нибудь хоть наполовину равное «Илиаде», хотя он должен признаться, что не рассчитывает на это,— они и притворяться перестали. Они ему вовсе ничего не ответили... Наша культура их нисколько не интересует.

— В этих аспектах. Они же на три тысячи лет впереди нас. Но мы можем представлять для них интерес как ученики.

— А так ли уж интересно было бы водить по Лондону какого-нибудь готтента и объяснять ему тонкости цивилизации? После того, разумеется, как его невежество перестанет казаться забавным! Впрочем, может быть... Но я убеждена, что мы им ни к чему и что мы им не нравимся,

и я не знаю, как они с нами поступят, если мы начнем причинять им слишком много хлопот. И поэтому мне страшно.

Она продолжала как будто о другом — и все о том же:

— Ночью я вдруг вспомнила обезьянок моей сестры, миссис Келлинг. Это для нее пункт помешательства. Обезьяны свободно бегают по саду и по дому и вечно попадают в беду. Бедняжки никак не могут разобраться, что им можно делать, а чего нельзя; у них у всех недоумевающий и испуганный вид, и их то и дело шлепают, выбрасывают за дверь и всячески наказывают. Они портят мебель, а гостям их присутствие неприятно. Ведь никогда не знаешь заранее, что может взбрести в голову обезьяне. И у всех они вызывают досаду и раздражение — у всех, кроме моей сестры. А она без конца выговаривает им: «Немедленно спустись, Джако! Немедленно положи, Сэди!»

Мистер Барнстейпл засмеялся.

— Ну, это нам не грозит, леди Стелла. Мы все-таки не обезьяны.

Она тоже рассмеялась.

— Возможно, вы правы. И тем не менее... ночью... я подумала, что так может быть и с нами. Мы же стоим на низшей ступени развития. Этого отрицать нельзя.

Она сдвинула брови. На ее красивом лице отразилось сильное умственное напряжение.

— А вы отдаете себе отчет, насколько мы отрезаны от нашего мира?.. Возможно, вам это покажется глупым, мистер Бастейпл, но вчера вечером, перед тем как ложиться, я уже села писать письмо сестре, чтобы рассказать ей про случившееся, пока все подробности были еще свежи в моей памяти. И вдруг я поняла, что с тем же успехом я могла бы писать... Юлию Цезарю.

Мистеру Барнстейплу это в голову не приходило.

— Это гнетет меня, не переставая, мистер Бастейпл. Ни писем, ни телеграмм, ни газет, ни железнодорожных расписаний... Ничего из того, к чему мы привыкли... Никого из тех, для кого мы живем. Полностью отрезаны... И неизвестно, насколько. Совсем-совсем отрезаны... Долго ли они собираются держать нас здесь?..

Мистер Барнстейпл задумался.

— А вы уверены, что они когда-нибудь сумеют отослать нас обратно? — спросила она.

— Это как будто не вполне ясно. Но они удивительно талантливые люди.

— Попасть сюда было так легко! Слово мы просто за вернули за угол... Но, разумеется, мы... как бы это сказать...

вне времени и пространства... Даже больше, чем умершие... Северный полюс или дебри Центральной Африки на целую вселенную ближе к нашему дому, чем мы... Это трудно представить себе. Сейчас, при солнечном свете, все кажется таким безмятежным и знакомым... Но вчера ночью были минуты, когда мне хотелось кричать от ужаса...

Она вдруг умолкла и посмотрела на берег. А потом с большим интересом понюхала воздух.

— Да,— сказал мистер Барнстейпл.

— Это жареная грудинка к завтраку! — воскликнула леди Стелла, и ее голос почти перешел в восторженный писк.

— Точно по рецепту, сообщенному им мистером Берли,— отозвался мистер Барнстейпл, машинально поворачивая байдарку к берегу.

— Жареная грудинка! Это меня почти успокаивает... Может быть, все-таки было глупо так пугаться. Вон они зовут нас! — Она помахала в ответ.— Грита в белом одеянии... как вы и предсказали... а с ней разговаривает мистер Маш в чем-то вроде тоги... Где он сумел раздобыть эту тогу?

До них снова донесся зов.

— Сейчас! — крикнула в ответ леди Стелла.— Мне очень жаль,— добавила она,— если я была слишком пессимистична. Но ночью я чувствовала себя просто ужасно!

Книга вторая
КАРАНТИН НА УТЕСЕ

Глава первая
ЭПИДЕМИЯ

1

Второй день пребывания группы землян в Утопии был омрачен тенью вспыхнувшей там страшной эпидемии. Утопийцы уже более двадцати столетий не знали никаких эпидемий и вообще инфекционных заболеваний. Из жизни людей и животных исчезли не только злокачественные лихорадки, различные кожные болезни, но были побеждены даже самые легкие недуги, вроде простуды, кашля, инфлюэнцы. Строгий карантин, контроль над бациллоносителями и другие меры помогли справиться с болезнетворными микробами, и они были обречены на вымирание.

Но это привело и к соответствующим изменениям в организме утопийцев. Деятельность желез и других органов, помогающих организму сопротивляться инфекции, ослабе-

ла; энергия, которая расходовалась на это, нашла другое, более полезное применение. Физиология утопийцев, освобожденная от чисто защитных функций, упростилась, стала более устойчивой и жизнедеятельной.

Это великое очищение от заразных болезней было для Утопии настолько далекой древностью, что только специалисты по истории патологии еще имели какое-то понятие о страданиях, которые причиняли эпидемии их расе; но даже эти специалисты, видимо, очень смутно представляли себе, насколько утопийцы утратили сопротивляемость заразным болезням. Из землян первый об этом подумал мистер Руперт Кэтскилл. Мистер Барнстейпл вспомнил, как они встретились утром в Садах Совещаний, и Кэтскилл намекнул, что сама Природа — союзница землян и каким-то таинственным образом поможет им.

Если наделить кого-либо вредными свойствами означает быть союзником, тогда Природа действительно была союзницей землян. Уже к вечеру второго дня их пребывания в Утопии почти у всех, кто с ними соприкасался, кроме Ликнис, Серпентина и трех-четырех утопийцев, еще сохранивших в какой-то мере наследственный иммунитет, начался жар с кашлем, воспалилось горло, появилась ломота в костях, головная боль и такой упадок сил и душевная подавленность, каких Утопия не знала уже два тысячелетия. Первым обитателем Утопии, погибшим от этой болезни, оказался леопард, который понюхал руку мистера Руперта Кэтскилла. Леопарда нашли бездыханным на другое утро после его знакомства с землянами. К вечеру того же дня неожиданно заболела и вскоре умерла одна из девушек, помогавших леди Стелле распаковывать ее чемоданы...

Утопию это нашествие губительных микробов застало врасплох — даже в большей мере, чем появление самих землян. В Последний Век Хаоса на планете было огромное множество общих и инфекционных больниц, врачей и аптек; но все это давно уже исчезло и изгладилось из памяти утопийцев. Медики оказывали только хирургическую помощь при несчастных случаях, наблюдали за физическим развитием подрастающего поколения и местами отдыха для дряхлых стариков, где им предоставлялся необходимый уход, но почти ничего не осталось от санитарной службы, которая в далеком прошлом ведала борьбой с эпидемиями. Теперь ученым Утопии вдруг пришлось заново решать давно решенные проблемы, наскоро конструировать забытую аппаратуру, создавать специальные дезинфекционные отряды и пункты помощи заболевшим и, наконец, возрождать

стратегию войны с микробами, составившей некогда целую эпоху в жизни планеты. Правда, в одном отношении эта война оставила Утопии в наследство и некоторые преимущества. Были истреблены почти все насекомые — носители инфекций: крысы, мыши, — и неопрятные, разносящие заразу птицы тоже перестали быть проблемой санитарии. Это весьма ограничило распространение эпидемических болезней и самые способы заражения. Утопийцы могли воспринять от землян только такие болезни, которые передаются через дыхание или через прямое соприкосновение с носителем инфекции. Ни один из пришельцев не был болен, но вскоре стало ясно, что кто-то из них был носителем кори, а двое или трое других — приглушенной лекарствами инфлюэнцы. У землян была достаточная сопротивляемость, чтобы не заболеть самим, но они стали очагом обеих инфекций; а их жертвы, кашляя, чихая, целуясь и перешептываясь, разнесли заболевания по всей планете. Только к вечеру второго дня после появления землян Утопия поняла, что произошло, и принялась бороться с этим рецидивом бедствий эпохи варварства.

2

Мистер Барнстейпл, вероятно, последним из землян узнал об эпидемии, потому что в то утро отправился на прогулку в одиночестве.

Ему с самого начала стало ясно, что утопийцы не собираются тратить много времени и сил на то, чтобы просвещать гостей, прибывших с Земли. После вечерней беседы в день их вторжения хозяева больше не пытались знакомить гостей с устройством и образом жизни Утопии и почти не расспрашивали их о положении дел на Земле. Землян большей частью оставляли одних с тем, чтобы они обсуждали интересующие их вопросы в собственном кругу. Некоторым утопийцам было, очевидно, поручено заботиться об их удобствах и благоустройстве, но те как будто не считали себя обязанными просвещать землян. Мистера Барнстейпла раздражало многое в суждениях и мнениях его спутников, и поэтому он отдался естественному желанию — изучать Утопию в одиночку. Огромная равнина за озером, которую он успел заметить, прежде чем их аэроплан спустился в Долину Совещаний, поразила его воображение, и на второе утро он пошел к озеру, взял маленькую лодку и поплыл к замыкавшей озеро плотине, чтобы осмотреть с нее заинтересовавшую его равнину.

Озеро оказалось намного шире, чем он думал, а плотина гораздо массивнее. Вода в озере была кристально прозрачной и очень холодной, в нем, видимо, водилось мало рыбы. Мистер Барнстейпл вышел из дому сразу после завтрака, но лишь около полудня добрался до гребня гигантской плотины и смог наконец посмотреть с ее высоты на нижнюю часть Долины Совещаний и на бескрайнюю равнину за ней.

Плотина была сооружена из огромных глыб красного камня с прожилками золота. Несколько лестниц вели к шоссе на ее гребне. Гигантские сидячие фигуры из камня, высившиеся на ней, казалось, были созданы каким-то легкомысленным и веселым художником. Фигуры словно стерегли что-то или думали о чем-то, огромные, грубо вытесанные изваяния, не то скалы, не то люди. Мистер Барнстейпл на глаз определил их высоту примерно в двести футов; он промерил шагами расстояние между двумя фигурами, потом пересчитал их все и пришел к выводу, что длина плотины — семь — десять миль. Со стороны равнины плотина круто уходила вниз футов на пятьсот и тут покоилась на мощных опорах, почти незаметно сливавшихся со скальным основанием. В пролетах между опорами гудели целые рои гидротурбин. Выполнив свою первую задачу, вода, яростно пенясь, низвергалась в другое широкое озеро, перегороденное новой большой плотинной — милях в двух дальше и примерно на тысячу футов ниже, еще дальше виднелось третье озеро и третья плотина, за ней наконец простиралась низменность. Среди всех этих титанических сооружений виднелись только три-четыре крохотных фигурки утопийцев.

Мистер Барнстейпл, песчинка рядом с одним из каменных колоссов, вглядывался в туманные просторы по-прежнему далекой равнины.

Что за жизнь течет там? Соседство равнинного и горного ландшафта напоминало ему Альпы и низменность Северной Италии, где он не раз бродил в годы юности, завершая этим свои путешествия в летние каникулы. Но лежавшая сейчас перед его глазами далекая равнина была бы в Италии застроена городами и деревнями и покрыта тщательно обработанными, заботливо орошаемыми полями. В этой густонаселенной местности люди трудились бы с истинно муравьиным усердием, чтобы добыть себе пропитание; население все возрастало бы, пока болезни и эпидемии — обычный результат перенаселения — не создали бы определенного равновесия между площадью этих земель и числом семей, которые на них работают, чтобы прокормить-

ся. И поскольку труженик способен вырастить больше хлеба, чем сам может съесть, а добродетельная женщина — произвести на свет больше детей, чем требуется рабочих рук, излишек безземельного населения стал бы скапливаться в сильно разросшихся и без того перенаселенных больших и малых городах; впоследствии одни занимались бы там законодательной или финансовой деятельностью, направленной против земледельца, другие изготовляли бы различные изделия, кое-как отвечающие своему назначению.

Девяносто девять из каждой сотни этих людей на всю жизнь — с детства до старости — были бы обречены делать одно и то же тяжелое дело: зарабатывать себе на хлеб. И повсюду стали бы расти питаемые суевериями храмы и часовни, кормя паразитические орды священников, монахов, монахинь. Еда и продолжение рода — простейшие формы общественной жизни, возникшие вместе с человеческим обществом, сложность добывания пищи, ухищрения, стяжательство и дань страху — такова была бы картина жизни людей на Земле, на любом сколько-нибудь солнечном и плодородном ее клочке. Конечно, и там слышались бы иногда взрывы смеха, веселые шутки, бывали бы редкие праздники, цвела бы кратковременная юность, быстро угающаяся в труде зрелых лет; но подневольная работа, злоба и ненависть, порождаемые скученностью населения, неуверенность бедняка в завтрашнем дне — вот что господствовало бы над всем. Дряхлость настигала бы человека в шестьдесят лет, к сорока годам женщины выглядели бы изнуренными и старыми.

Но равнина Утопии, лежащая там, внизу, такая же солнечная и плодородная, по-видимому, живет по совершенно иным законам. Прежняя человеческая жизнь с ее древними обычаями, старинными сказаниями и шутками, повторяемыми из поколения в поколение, с ее зимними и летними праздниками, благочестивыми страхами и редкими удовольствиями, с ее мелкими, упрямыми и по-детски жалкими надеждами, с ее вездесущей нищетой и трагической безысходностью — такая жизнь здесь отошла в прошлое. Она навсегда исчезла из этого более зрелого мира. Великий поток примитивного человеческого существования здесь отступил и иссяк, а почва осталась все такой же благодатной и солнце — таким же ярким.

Мистер Барнстейпл почувствовал нечто вроде благоговейного трепета, подумав о гигантском размахе этого полного очищения человеческой жизни за два десятка столе-

тий и о том, как смело и бесстрашно разум человека подчинил себе плоть, душу и судьбы своей расы. Теперь мистеру Барнстейплу стало особенно ясно, что сам он существо переходного периода, глубоко погрязшее в отживших привычках, хотя он всегда смутно мечтал о новом мире, заря которого едва-едва занималась над Землей. С давних пор он ненавидел и презирал смрадную крестьянскую жизнь, это прошлое человечества; но только теперь он впервые понял, как сильно опасался он и той строгой и чистой жизни, которая человечеству предстоит в будущем,—такой жизни, как здесь, в Утопии. Мир, который предстал сейчас перед ним, казался очень чистым и в то же время пугающим.

Что они делают там, на этой далекой равнине? Как течет там повседневная жизнь? Он уже достаточно знал об Утопии, чтобы предположить, что вся она превращена в сплошной сад и что малейший проблеск красоты встречает здесь поддержку и получает развитие, а врожденное уродство исправляется и преодолевается. Он понимал, что здесь все готовы трудиться не жалея сил, просто во имя красоты — пример двух утопийцев, ухаживающих за розами, убедил его в этом. И всюду здесь трудятся: и те, кто приготовляет пищу, и те, кто строит дома, и те, кто направляет общий ход жизни,—все они помогают машине экономики работать плавно, без того скрипа, дребезжания, без тех внутренних поломок, которые составляют основную мелодию социальной жизни на Земле. Века экономических диспутов и экспериментов отошли здесь в прошлое; найден правильный путь развития общества. Население Утопии, одно время сократившееся до каких-нибудь двухсот миллионов, теперь снова растет вместе с постоянным ростом ресурсов планеты. Освободившись от тысячи зол — а их при других условиях становилось бы все больше по мере роста населения,—утопийцы создали здоровую основу для этого роста.

Там, внизу, на равнине, окутанной голубой дымкой, почти все те, кто не занят производством продуктов питания, строительством, здравоохранением, образованием или координацией всех сторон жизни общества, отдаются творческому труду; они неустанно исследуют мир, окружающий человека, и его внутренний мир путем научных изысканий и художественного творчества. И так же непрерывно укрепляется их коллективная власть над природой и накапливаются познанные ценности бытия.

Мистер Барнстейпл привык думать, что жизнь на Земле — это бурный поток технических новшеств и научных

открытий; но теперь он понял, что весь прогресс, достигнутый на Земле за целое столетие,— ничто по сравнению с тем, что успевают сделать за один год эти миллионы сплоченных единым стремлением умов. Знания здесь распространялись с неудержимой быстротой, тьма рассеивалась и исчезала, как исчезает тень от облака в ветреный день. Там, на равнине, они, вероятно, достают минералы из самого сердца своей планеты и плетут невода, в которые собираются поймать солнце и звезды. Жизнь идет здесь вперед... даже страшно подумать, какими гигантскими шагами! Страшно подумать потому, что в глубине сознания мистера Барнстейпла, как и многих мыслящих землян, притаилось убеждение, что научное познание мира близится к завершению и скоро уже нечего будет познать. А потом мы будем жить счастливо до окончания веков.

Мистер Барнстейпл всегда бессознательно опасался прогресса. Утопия с первого дня показалась ему воплощением безмятежности, где все определено и установлено раз и навсегда. Вот и сегодня все выглядит мирным и спокойным под ровной, мягкой дымкой, окутывающей эти просторы. Но он знал, что это спокойствие скорее напоминает мнимую неподвижность водяной струи, которая приводит в движение мельничное колесо,— до тех пор, пока какой-нибудь пузырек, клочок пены, щепка или листок не проскользнут по струе и не напомнят о стремительности падающей воды.

Как же все-таки живет в Утопии? Жизнь ее обитателей, должно быть, чем-то похожа на жизнь талантливых художников и ученых в земном мире: что ни день, то бодрящее открытие новых вещей и явлений, постоянные путешествия в неизведанное и неиспытанное. Когда приходит время отдохнуть, они путешествуют по своей планете, и жизнь их всегда полна веселого смеха, дружбы, любви и непринужденного и тесного общения с себе подобными. Игры, не способствующие физическому развитию, эти суррогаты умственной тренировки для тупиц, видимо, полностью исчезли здесь, но сохранилось много подвижных игр, в которые играют ради веселья, чтобы дать выход избыточной энергии... Должно быть, это хорошая жизнь—для тех, кто подготовлен к ней, жизнь, которой, право же, можно позавидовать...

И все здесь, наверное, пронизано радостным ощущением осмысленности жизни, ее непрерывного развития и совершенствования... В Утопии, несомненно, существует любовь, утонченная и красивая, может быть, немного суровая. На

этих равнинах вряд ли часто проявляются жалость и нежность. Здесь живут одаренные и красивые, но отнюдь не жалостливые существа, у них просто нет нужды в таком чувстве...

Правда, та, которую зовут Ликнис, показалась ему доброй и отзывчивой.

Сохранилась ли у них верность в любви, нужна ли она им, как влюбленным там, на Земле? Какая она вообще, любовь утопийцев? Влюбленные и здесь шепчутся в темноте, но в чем суть их любви? Чувство предпочтения, приятная гордость, восхитительное чувство обретенного дара, чудесная умиротворенность души и тела!..

Какое бы это было ощущение — полюбить и быть любимым женщиной Утопии? Чувствовать ее пылающее лицо рядом с твоим, слышать, как сильнее забилося твое сердце от ее поцелуев...

Мистер Барнстейпл, в легком костюме, босой, сел в тени у подножия каменного колосса. Он казался себе крохотным заблудившимся насекомым, взлетевшим на эту гигантскую плотину. Он уже не допускал возможности, чтобы торжествующая раса утопийцев когда-нибудь отказалась от своего величественного наступления на окружающие миры. Да, они воспарили на потрясающую высоту и продолжают подниматься все выше. И, конечно, достигнутое ими теперь уже незыблемо. А ведь всю эту поразительную незыблемость, все это безраздельное владычество над природой они завоевали на протяжении каких-нибудь трех тысячелетий!..

Утопийцы, конечно, не могли коренным образом измениться за такой короткий промежуток времени. По существу, они все те же люди каменного века: ведь не прошло и двадцати тысячелетий с тех времен, когда они ничего не знали о металлах и не умели читать и писать. Где-то в глубине их натуры должны до сих пор таиться скованные, непроросшие семена злобы, страха, розни. Наверное, и в Утопии есть много непокорных душ. Евгеника здесь, по-видимому, в самом зачатке... Он вспомнил умное, милое лицо девочки, которая разговаривала с ним при свете звезд в ночь их появления в Утопии, нотку романтического любопытства, прозвучавшую в ее голосе, когда она спросила: правда ли, что лорд Барралонг — очень сильный и жестокий человек?

Что же, дух романтики все еще тревожит воображение утопийцев? Или только воображение подростков?

И вдруг этот всеобъемлющий порядок еще может быть нарушен каким-нибудь сильным потрясением или внезапной

полосой раздоров и волнений? А вдруг их система воспитания и образования станет жертвой каких-нибудь беспокойных экспериментаторов, которым прискучат ее дисциплинирующие цели? А вдруг эту расу подстерегает еще что-то непредвиденное? А что, если религиозное рвение отца Эмертона или неизлечимое тяготение мистера Руперта Кэтскилла ко всяким фантастическим предприятиям окажутся для утопийцев заразительными?

— Нет! Это невероятно. Достижения этого мира слишком надежны и полны спокойного величия.

Мистер Барнстейпл встал и спустился по ступеням громадной плотины — туда, где далеко внизу, как крохотный лепесток, покачивался на прозрачной воде его маленький ялик.

3

Внезапно он заметил какое-то волнение и суету в Садах Совещаний.

В воздухе кружилось больше трех десятков аэропланов — одни спускались, другие взлетали, а по дороге, ведущей к перевалу, мчались большие белые машины. Между зданиями сновали люди — правда, на таком расстоянии нельзя было различить, что они делают. Мистер Барнстейпл с минуту стоял, вглядываясь, потом сел в свою маленькую лодку.

Пересекая озеро, он не мог видеть, что происходит на берегу, потому что сидел к нему спиной, но внезапно очень близко от него пролетел аэроплан, и он заметил, что авиатор внимательно на него смотрит. В другой раз, отдыхая от гребли, он обернулся и увидел двух человек, которые несли что-то вроде носилок.

Когда он стал подплывать к берегу, ему навстречу вышел катер. Мистера Барнстейпла удивило, что пассажиры катера были в стеклянных шлемах с белым остроконечным забралом. Все это его озадачило.

Катер приблизился, и в сознании мистера Барнстейпла прозвучали слова:

— Карантин! Вам нужно отправиться в карантин. Вы, земляне, занесли к нам эпидемию, и вас необходимо отправить в карантин.

Значит, эти стеклянные шлемы — нечто вроде противогазов!

Когда катер подошел вплотную к лодке, мистер Барнстейпл убедился, что это так и есть. Противогазы были изготовлены из какого-то очень гибкого и прозрачного материала...

Мистера Барнстейпла провели мимо лоджий-спален, где в кроватях лежали утопийцы; те, кто за ними ухаживал, были в противогазах. Оказалось, что всех землян со всем их имуществом, кроме автомобилей, собрали в тот самый зал, где происходила первая беседа. Ему сообщили, что землян перевезут вскоре на новое место, где они будут изолированы и где их будут лечить.

При землянах дежурили двое утопийцев в противогазах. Они стояли на открытой галерее в позах, вызывавших неприятное подозрение, что это не то часовые, не то стража.

Земляне расположились на сиденьях амфитеатра, и только мистер Руперт Кэтскилл расхаживал по апсиде и, не умолкая, ораторствовал. На нем не было его цилиндра, волосы его растрепались, он был красен и возбужден.

— Все идет так, как я предвидел,— твердил он.— Разве я не говорил вам, что сама Природа — наша союзница? Разве я не утверждал этого?

Мистер Берли был возмущен и протестовал.

— Право, не могу уловить логики в том, что происходит! — объявил он.— Мы здесь единственные, кто обладает полным иммунитетом, а нас, именно нас, сочли нужным изолировать.

— Они говорят, что мы их заражаем,— заметила леди Стелла.

— Отлично! — возразил мистер Берли, делая выразительный жест длинной белой рукой.— Отлично! Тогда пусть их изолируют. Нет, это какая-то китайщина. Все шиворот-навыворот! Я совершенно разочаровался в них.

— Поскольку они здесь хозяйева,— заметил мистер Ханкер,— нам приходится считаться с их порядками.

Мистер Кэтскилл обратился к лорду Барралонгу и двум шоферам.

— А я даже рад, что они так обращаются с нами,— сказал он.— Я рад этому.

— Что вы имеете в виду, Руперт? — удивился лорд Варралонг.— Они ведь лишают нас свободы действия.

— Нисколько,— отпарировал мистер Кэтскилл,— нисколько. Наоборот, мы выигрываем. Нас хотят изолировать, нас поселят на каком-нибудь острове или горе. Великолепно! Это только начало наших приключений. Мы еще посмотрим, что будет дальше!

— А что же именно?

— Не спешите — подождите до тех пор, пока мы сможем

разговаривать совершенно свободно... Их действия свидетельствуют о панике. Эпидемия только начинается. Все только начинается. Поверьте мне.

Мистер Барнстейпл сидел насупившись у своего чемодана, старательно избегая торжествующего взгляда мистера Кэтскилла.

Глава вторая

ЗАМОК НА УТЕСЕ

1

Карантин, куда отправили землян, находился, видимо, на весьма значительном расстоянии от Садов Совещаний, так как перелет продолжался уже около шести часов, а летели они на большой высоте и очень быстро. Теперь все они летели на одном воздушном корабле, просторном и удобном, рассчитанном, вероятно, на четверо бóльшее число пассажиров. Их сопровождало около трех десятков утопийцев в противогазах, в том числе две женщины. На авиаторах были одеяния из белого пушистого материала, вызвавшего зависть у обеих дам — мисс Грей и леди Стеллы. Воздушный корабль пролетел над ущельем, над большой равниной, пересек узкий морской залив, пронесся над страной со скалистым побережьем и густыми лесами, а потом долго шел над огромным, совершенно пустынным морем. На этом море не было заметно почти никакого судоходства — мистер Барнстейпл подумал, что ни один океан на Земле не был бы таким пустынным, только раз или два он заметил большие дрейфующие корабли, совершенно не похожие на земные суда и скорее напоминавшие плоты или плавающие платформы; потом встретились еще два-три судна, очевидно, грузовые пароходы, — на одном из них он разглядел мачты и паруса. В воздухе было так же пустынно: после того, как исчезла из виду суша, и вплоть до приземления корабля навстречу им попались всего три аэроплана.

Воздушный корабль миновал густонаселенную живописную прибрежную полосу и понесся дальше над безводной пустыней, где, видимо, находились рудники и шло какое-то промышленное строительство. Далеко впереди маячили высокие, покрытые снегом горные вершины, но корабль, не долетев до них, стал снижаться. Некоторое время земляне неслись над огромными отвалами породы — целыми горами, очевидно извлеченными из гигантского колодца, уходящего в самые далекие, неизведанные глубины. Из этой безд-

ны доносился оглушительный грохот машин и валил густой дым. То там, то тут попадались большие группы рабочих — видимо, они жили в палатках среди всего этого хаоса. Рабочие явно находились здесь временно: нигде не было никаких признаков постоянного жилья. Воздушный корабль обогнул эту территорию и теперь летел над скалистой, почти лишенной растительности пустыней, прорезанной глубокими, похожими на каньоны ущельями. Люди попадались редко, хотя повсюду было заметно, что и здесь ведется большое строительство. На каждом горном потоке, на каждом речном пороге работали турбины, вдоль скалистых ущелий и над пустынями тянулись кабели. Там, где ущелья были шире, виднелись сосновые леса и густой кустарник.

На развилке двух каньонов, выступая вперед, как отделившийся от берега мыс, высилась огромная скала. Это и было место их карантина. Скала взметнулась в высоту не меньше чем на две тысячи футов над пенящимся хаосом потоков, внизу — гигантское нагромождение бледно-зеленых и лиловых утесов, ощетилившихся острыми зубцами, пересеченных пластами других пород, испещренных сетью белых прожилок горного хрусталя. С одной стороны скала была гораздо круче, чем с другой, и это ущелье с нависшими над ним утесами казалось туннелем; через ущелье, примерно в ста футах от его начала, был переброшен легкий металлический мост. В нескольких ярдах над ним виднелись выступы — возможно, остатки более древнего каменного моста. Задняя сторона скалы круто обрывалась вниз на сотни футов и переходила в длинный покрытый скудной растительностью склон, поднимавшийся к горному массиву — сплошному нагромождению скал, увенчанному плоской вершиной.

Вот на этот-то склон и опустился их воздушный корабль, а рядом с ним три или четыре машины поменьше. На вершине утеса виднелись развалины старинного замка. Между стенами развалин лепилось несколько строений, где жила недавно группа ученых-химиков. Их исследования в области структуры атома, совершенно непонятные для мистера Барнстейпла, как раз недавно были закончены, и здания пустовали. В лабораториях еще оставалось множество всяких аппаратов и материалов; к ним были подведены водопроводные трубы и электрические провода. Были здесь и достаточные запасы провизии. Когда земляне сошли с воздушного корабля, они увидели нескольких утопийцев, которые спешно приспособливали здания к их новому назначению.

Появился Серпентин. Его сопровождал человек в противогазе, назвавшийся Кедром. Он оказался ученым-цитологом, и ему была поручена организация этого импровизированного санатория.

Серпентин объяснил, что он прилетел сюда заранее, так как знает местные условия и работу, которая здесь велась; наконец, он уже знаком с землянами, и его сравнительно стойкий иммунитет к инфекциям позволяет ему выступать посредником между ними и врачами, которые займутся их лечением. Все эти объяснения он давал мистеру Берли, мистеру Барнстейплу, лорду Барралонгу и мистеру Ханкеру. Остальные земляне стояли в стороне, у воздушного корабля, с которого только что сошли, и с явным недовольством разглядывали развалины на вершине утеса, жалкий кустарник на унылом склоне и торчащие над каньонами скалы.

Мистер Кэтскилл отошел в сторону, почти к самому краю обрыва, и остановился там, погруженный в раздумье, заложив руки за спину,— в почти наполеоновской позе, глядя вниз на эти пропасти, никогда не озарявшиеся солнцем. Шум невидимых потоков, то громкий, то почти замирающий, дрожал в воздухе.

Мисс Грита Грей неожиданно вытащила фотоаппарат «Кодак». Она вспомнила о нем, когда укладывала вещи для полета сюда, и теперь стала снимать всю группу.

Кедр сказал, что он сейчас объяснит метод лечения, к которому собирается прибегнуть. Лорд Барралонг крикнул: «Руперт!»,— приглашая и мистера Кэтскилла послушать.

Кедр говорил так же сжато и ясно, как Эрфред на первой беседе. Совершенно очевидно, начал он, что земляне носят в себе самые разнообразные инфекционные организмы, деятельность которых подавляется антителами; утопийцы же не обладают больше необходимой защитой против болезненных микробов и смогли бы приобрести иммунитет только в результате тяжелой и опустошительной эпидемии. Чтобы предотвратить распространение этой грозной эпидемии по всей планете, есть только один путь — надо прежде всего изолировать и лечить всех заболевших, что уже и делается,— Место Совещаний превращено в огромный лазарет, а землян пришлось изолировать и держать в карантине до тех пор, пока они не будут очищены от живущей в них инфекции. Разумеется, признал Кедр, это не очень гостеприимно по отношению к землянам, но, очевидно, другого выхода нет: пришлось доставить их в не совсем обычное место — в высокогорную засушливую пустыню и здесь найти способы, с помощью которых будет достигнуто полное

очищение их организма. Если только такое лечение окажется возможным, оно будет проведено, и тогда земляне снова смогут свободно передвигаться по Утопии.

— Предположим, однако, что ваше лечение окажется невозможным? — перебил его мистер Кэтскилл.

— Я надеюсь, что оно возможно.

— А если вы все-таки потерпите неудачу?

Кедр с улыбкой взглянул на Серпентина.

— Наши физики продолжают сейчас исследования, которые ввели Арден и Гринлейк. Пройдет немного времени — и мы будем в состоянии повторить их эксперимент. А затем и провести его в обратном направлении.

— При нашем участии в качестве подопытных животных?

— Мы сделаем это не раньше, чем полностью убедимся, что для вас это будет совершенно безопасно.

— Вы хотите сказать... — спросил мистер Маш, подошедший к землянам, окружившим Кедр и Серпентина, — что собираетесь... отослать нас обратно?

— Если не сможем продолжать оказывать вам гостеприимство здесь, — ответил, улыбаясь, Кедр.

— Прелестная перспектива! — негодуя воскликнул мистер Маш. — Тобой выстреливают из пушки в космическое пространство. Да еще в виде опыта.

— А можно ли спросить, — раздался голос отца Эмертона. — Можно ли спросить: каков характер этого вашего *лечения*, этих опытов, для которых мы будем, так сказать, служить морскими свинками? Это будет нечто вроде вакцинации?

— Инъекции, — пояснил мистер Барнстейпл.

— Я еще не решил, — сказал Кедр. — Тут встает множество сложных проблем, о которых наш мир давным-давно забыл.

— Я сразу должен заявить, что являюсь убежденным противником вакцинации, — сказал отец Эмертон. — Решительным противником. Вакцинация — это оскорбление Природы. Если у меня были еще некоторые сомнения до того, как я попал в этот мир... пороков, то теперь мои сомнения исчезли. Исчезли бесследно! Если бы господь пожелал, чтобы наши тела содержали все эти сыворотки и ферменты, он создал бы для этого более естественные и пристойные средства, чем ваш шприц!

Кедр не стал спорить с ним. Он продолжал извиняться. Он вынужден просить землян на некоторое время ограничить передвижения — не уходить за пределы утеса дальше

нижнего склона и скал у подножия горы. Он не может также поручить заботу о них молодежи, как это было до сих пор. Им придется самим готовить еду и вообще заботиться о себе. Все необходимое они найдут на вершине утеса, а он и Серпентин помогут им всеми нужными разъяснениями. Провизии здесь для них вполне достаточно.

— Значит, нас оставят здесь одних? — спросил мистер Кэтскилл.

— Временно. Когда мы найдем решение задачи, мы придем к вам и скажем, что собираемся делать дальше.

— Отлично! — сказал мистер Кэтскилл. — Отлично!

— Как жаль, что я послала свою горничную поездом! — вздохнула леди Стелла.

— У меня остался всего один чистый воротничок, — добавил мосье Дюпон с шутливой гримасой. — Не так-то просто отдыхать в обществе лорда Барралонга!

Лорд Барралонг вдруг повернулся к своему шоферу.

— Мне кажется, Ридли может стать очень недурным поваром.

— Что ж, я не против взяться за это, — ответил Ридли. — Чем я только не занимался, даже паровым автомобилем управлял!

— Человек, который имел дело с такой... такой штукой, может справиться со всем, — с глубоким чувством подхватил Пенк. — Я не возражаю стать на время подручным при мистере Ридли. Я начинал кухонным мальчишкой и не стыжусь этого.

— Если этот джентльмен покажет нам посуду и прочую дребедень... — сказал Ридли, тыкая пальцем в Серпентина.

— Вот именно, — поддержал Пенк.

— И если все мы не будем слишком капризничать... — храбро добавила мисс Грита.

— Я полагаю, мы как-нибудь справимся, — заявил мистер Берли, обращаясь к Кедру. — Если вначале вы не откажете нам в совете и некоторой помощи.

2

Кедр и Серпентин оставались с землянами на Карантинном Утесе до сумерек. Они помогли им приготовить ужин и сервировать его во дворе замка. Затем они улетели, обещав вернуться на следующий день, и земляне проводили глазами поднявшиеся в воздух аэропланы.

К своему удивлению, мистер Барнстейпл почувствовал, что очень расстроен отъездом утопийцев. Он уже видел, что

его спутники затевают что-то недоброе, а отъезд утопийцев развязывает им руки. Он помог леди Стелле приготовить омлет, затем отнес блюдо и сковородку на кухню и поэтому сел за стол последним. И тут он увидел, что его опасения оправдываются.

Мистер Кэтскилл уже кончил есть и теперь, поставив ногу на скамью, держал речь перед остальным обществом.

— Я спрашиваю вас, леди и джентльмены,— говорил он.— Я спрашиваю вас: разве события сегодняшнего дня не указующий перст судьбы?.. Недаром это место в древние времена было крепостью. И вот оно уже готово снова превратиться в крепость... м-да... именно в крепость. Здесь будет положено начало деяниям, перед которыми померкнут подвиги Кортеса и Писарро!

— Дорогой Руперт! — воскликнул мистер Берли.— Что еще взбрело вам в голову?

Мистер Кэтскилл эффектно помахал двумя пальцами.

— Завоевание целой планеты!

— Боже правый! — воскликнул мистер Барнстейпл.— Да вы сумасшедший?

— Такой же сумасшедший,— ответил мистер Кэтскилл,— как Клайв или султан Бабер, когда он пошел на Панипат!

— Предположение довольно смелое,— заметил мистер Ханкер, хотя чувствовалось, что в душе он уже подготовился к подобным планам.— Однако я склонен думать, что оно заслуживает обсуждения. Альтернатива, насколько я понимаю, может быть только одна: нас почистят и выбелят изнутри и снаружи, а потом выстрелят нами в сторону Земли, причем не исключено, что по пути мы можем обо что-нибудь ушибиться. Говорите, говорите, мистер Кэтскилл.

— Да, да, говорите! — поддержал лорд Барралонг, который, видимо, тоже заранее все обдумал.— Я полагаю, здесь есть некоторый риск. Но бывают случаи, когда идти ва-банк необходимо, иначе тебя самого обыграют. Я целиком за решительные действия.

— Да, безусловно, здесь есть риск,— подтвердил мистер Кэтскилл.— Но, сэр, на этой узенькой скале, на территории в одну квадратную милю, должна решиться судьба двух миров! Сейчас не время для малодушия и для расслабляющей осторожности. Быстро выработать план — и немедленно действовать!..

— Просто дух захватывает! — воскликнула мисс Грита Грей, обхватив руками колени и ослепительно улыбаясь мистеру Машу.

— Эти люди,— заговорил мистер Барнстейпл,— впереди нас на три тысячи лет. А мы уподобляемся кучке готтентов из эрлкортского балагана, которые задумали бы завоевать Лондон.

Мистер Кэтскилл, упершись руками в бока, повернулся к мистеру Барнстейплу и посмотрел на него с полнейшим благодушием.

— На три тысячи лет *старше* нас—да! На три тысячи лет *впереди* нас—нет! Вот в чем мы расходимся с вами. Вы говорите, это сверхлюди... М-м... Как сказать!.. А я говорю: это вырождающиеся люди. Разрешите изложить вам мои основания для такого мнения, несмотря на внешнюю красоту этих людей, их значительные материальные и духовные достижения и прочее. Идеальная раса, допустим!.. Ну, а дальше?.. Я утверждаю, что они достигли вершины и уже прошли ее, а теперь двинутся по инерции, утратив не только способность сопротивляться болезням—эта их слабость будет, как мы увидим, все больше сказываться,—но и вообще бороться против любой непривычной угрозы! Они кроткий народ. Даже слишком кроткий. Они ни на что не способны. Они не знают, что им делать... Вот перед вами отец Эмертон. Он грубо оскорбил их во время первой нашей беседы с ними. (Да, да, отец Эмертон, вы не можете этого отрицать. Я не виню вас. Вы весьма чувствительны в вопросах морали, и у вас были причины для возмущения.) Так вот, они угрожали отцу Эмертону, как старая бабушка грозит маленькому внуку. Они собирались что-то сделать с ним. И что же? Разве они выполнили свое намерение?

— Приходили мужчина и женщина и беседовали со мной,— сообщил отец Эмертон.

— А что сделали вы?

— Просто-напросто опроверг их. Возвысил голос и опроверг.

— А что говорили они?

— Что они могли сказать?

— А мы с вами,— продолжал мистер Кэтскилл,— думали, что отца Эмертона ожидает нечто ужасное!.. Но возьмем более серьезный случай. Наш друг лорд Барралонг мчался, не разбирая дороги, в своем автомобиле—и убил одного из них. М-м-да... Даже у нас, как вы знаете, за это лишили бы права управлять автомобилем. И оштрафовали бы шофера. А здесь?.. Они и не упоминали больше об этом. Почему? Потому что не знают, что об этом сказать и как поступить... А теперь они упрятали нас сюда и просят быть

паиньками — пока они не явятся и не станут устраивать над нами всякие эксперименты, вливать в нас всякую всячину и делать с нами бог знает что еще. Если мы этому подчинимся, сэр, если мы подчинимся, мы потеряем одно из самых сильных наших преимуществ над ними: способность заражать бактериями других, самим же оставаться здоровыми, а заодно, пожалуй, и нашу инициативность, возможно, связанную с этой физиологической стойкостью, которой нас лишат... Как знать, не станут ли они воздействовать на наши железы внутренней секреции? Но наука говорит, что в этих железах сосредоточена индивидуальность каждого. Мы исчезнем интеллектуально и морально, то есть если мы подчинимся этому, сэр, если только мы подчинимся! Но предположим, мы не подчинимся, что тогда?

— Вот именно, что тогда? — спросил лорд Барралонг.

— Они не будут знать, что делать! Только не давайте себя обмануть всей этой показной красотой и процветанием. Эти люди живут так, как жили древние перуанцы времен Писарро, — в каких-то расслабляющих грезах. Они вволю наглотались этого одурманивающего питья, именуемого социализмом, и теперь у них, как у древних перуанцев, не осталось больше ни физического здоровья, ни силы воли. Горстка решительных и смелых людей может не только бросить вызов такому миру, но и восторжествовать над ним. Поэтому-то я и излагаю перед вами свой план.

— Вы собираетесь овладеть всей этой планетой? — осведомился мистер Ханкер.

— Нелегкое дело, — заметил лорд Барралонг.

— Я собираюсь, сэр, утвердить права более активной формы общественной жизни над менее активной! Мы в крепости. Это настоящая крепость, которую можно оборонять. Пока вы все распаковывали чемоданы, Барралонг, Ханкер и я осмотрели ее. В крепости есть крытый колодец — в случае необходимости мы сможем доставать воду из ущелья внизу. В скале вырублены помещения и укрытия; стена задняя прочная, высокая и совершенно гладкая, по ней не взберешься. Большие ворота можно при нужде легко забаррикадировать. Лестница в скале ведет к тому легкому мостику — его можно разрушить. Мы еще не осмотрели все помещения в скале. В лице мистера Ханкера мы имеем химика — то есть он был химиком до того, как кинопромышленность провозгласила его своим королем, — и он утверждает, что в лабораториях достаточно материалов для изготовления большого запаса бомб. Наша группа, как я убедился, располагает пятью револьверами с достаточным

количеством патронов. Это лучше, чем я ожидал. Что же касается продовольствия,— его хватит надолго.

— Как это нелепо! — воскликнул мистер Барнстейпл, вскакивая с места и тут же садясь снова.— Совершеннейший абсурд! Выступить против этих гостеприимных людей! Да стоит им захотеть — они разнесут вдребезги всю эту жалкую скалу!

— А! — вскричал мистер Кэтскилл и указал на него пальцем.— Мы и об этом подумали. Мы можем последовать примеру Кортеса: он в самом сердце Мехико держал заложника Монтецуму в качестве пленника и заложника. У нас тоже будет заложник. Прежде чем начинать действовать, сперва заложник...

— А бомбы с аэропланов?

— А есть ли они в Утопии? Имеют ли они понятие о них? И опять-таки — у нас ведь будет заложник!

— Надо только, чтобы это была какая-нибудь важная персона,— сказал мистер Ханкер.

— Кедр и Серпентин — оба достаточно значительные люди,— сказал мистер Берли тоном беспристрастного наблюдателя.

— Неужели, сэр, и вы станете поддерживать эти мальчишеские пиратские фантазии! — воскликнул глубоко возмущенный мистер Барнстейпл.

— Мальчишеские! — вознегодовал отец Эмертон.— Перед вами член кабинета, пэр Англии и крупный промышленник!

— Дорогой сэр,— сказал мистер Берли,— мы ведь в конце концов только рассматриваем всякие возможные случаи. Право же, я не вижу, почему нам нельзя обсудить эти возможности. Хотя я молю небо, чтобы нам не пришлось ими воспользоваться... Итак, вы говорили, Руперт, что...

— Мы должны утвердиться здесь, и заявить о своей независимости, и заставить утопийцев с нами считаться.

— Правильно! — крикнул от всего сердца мистер Ридли.— Кое с кем из этих утопийцев я сам с удовольствием посчитаюсь!

— Мы должны,— продолжал мистер Кэтскилл,— превратить эту тюрьму в наш Капитолийский холм, где твердо станет нога земного человека. Это будет нога, всунутая в дверь, чтобы она осталась навсегда открытой для нашей расы!

— Дверь закрыта наглухо,— сказал мистер Барнстейпл.— Только по милости утопийцев мы можем надеять-

ся снова увидеть наш земной мир. Да и это еще сомнительно.

— Эта мысль не дает мне уснуть по ночам,— пожаловался мистер Ханкер.

— Эта мысль, видимо, приходит в голову всем нам,— заметил мистер Берли.

— И мысль эта чертовски неприятна, настолько, что о ней не хочется говорить,— заявил лорд Барралонг.

— А я как-то об этом до сих пор не подумал! — пробормотал Пенк.— Неужто и вправду, сэр, мы... мы *не сможем выбраться отсюда?*

— Будущее покажет,— сказал мистер Берли.— Именно поэтому я с большим интересом жду дальнейшего изложения идей мистера Кэтскилла.

Мистер Кэтскилл снова упер руки в бока и заговорил очень торжественно:

— В одном я согласен с мистером... мистером Барн... Барнаби... Я считаю, что у нас мало шансов снова увидеть когда-нибудь столь милые нашему сердцу города родной планеты.

— Я чувствовала это,— прошептала леди Стелла побледневшими губами.— Я это *знала* еще два дня назад.

— Подумать только, что мой воскресный отдых растянется на целую вечность! — добавил мосье Дюпон.

Несколько мгновений все молчали.

— Так как же это... — начал наконец Пенк.— Это же... Выходит, что мы вроде как померли?

— Но я непременно должна вернуться туда! — внезапно разразилась мисс Грита Грей, словно отмахиваясь от бреда сумасшедшего.— Это нелепо! Я должна выступить в «Альгамбре» второго сентября. Это совершенно обязательно! Мы сюда попали без всякого труда — почему же вы говорите, что я не могу вернуться тем же путем обратно?

Лорд Барралонг посмотрел на нее и сказал с нежным злорадством:

— Вам придется подождать.

— Но я должна-а-а! — пропела она.

— Бывают вещи, невозможные даже для мисс Гриты Грей.

— Закажите специальный аэроплан! — настаивала она.— Делайте что хотите!

Он снова посмотрел на нее с усмешкой состарившегося эльфа и покачал головой.

— Мой милый,— сказала она,— вы до сих пор видели

меня только во время отдыха. Работа — это серьезное дело.

— Деточка, ваша «Альгамбра» так же далеко от нас сейчас, как дворец царя Навуходоносора... Это невозможно.

— Но я должна! — повторила она с обычным царственным видом. — И больше говорить не о чем.

3

Мистер Барнстейпл встал из-за стола, подошел к пролому в стене замка, откуда открывался вид на погружающийся в темноту дикий ландшафт, и сел там. Глаза его перебегали от маленькой группы людей, разговаривающих за столом, к озаренным лучами заходящего солнца утесам над краем ущелья и к угрюмым склонам горы, раскинувшимся под скалой. В этом мире ему, возможно, придется провести остаток своих дней...

А ведь этих дней будет не так много, если мистер Кэтскилл настоит на своем. Сайденхем, жена, сыновья — все это действительно так же далеко, «как дворец царя Навуходоносора».

Он почти не вспоминал о семье с тех пор, как опустил письмо жене. Сейчас у него мелькнуло смешное желание — подать им весточку о себе, хоть какой-нибудь знак, если бы только это было возможно! Как странно, что они никогда больше не получают от него письма и ничего не узнают о его судьбе! Как они будут жить без него? Наверное, у них будут затруднения с его счетом в банке. И со страховой премией? Он давно собирался завести с женой совместно-раздельный банковский счет, но почему-то решил не делать этого... Совместно-раздельный... Так должен бы поступать каждый муж и глава семьи... Он снова стал прислушиваться к речи мистера Кэтскилла, развивавшего свои планы.

— Мы должны привыкнуть к мысли, что наше пребывание здесь будет долгим, очень долгим. Давайте же не будем обманываться на этот счет. Пройдет много лет, возможно, даже сменится много поколений.

Это поразило Пенка.

— Я что-то не пойму, — сказал он. — Как это может быть — «много поколений»?

— Я еще скажу об этом, — ответил мистер Кэтскилл.

— Да уж! — заметил мистер Пенк и погрузился в глубокую задумчивость, устремив взгляд на леди Стеллу.

— Нам придется оставаться на этой планете небольшой

самостоятельной общиной до тех пор, пока мы не покорим ее, как римляне покорили греков, пока не овладеем ее наукой и не подчиним ее нашим целям. Это потребует длительной борьбы. Да, очень длительной борьбы. Мы должны оставаться замкнутой общиной, считать себя колонией, если угодно, гарнизоном, пока не наступит день воссоединения. Мы должны иметь заложников, сэр, и не только заложников. Возможно, для нашей цели будет необходимо — а если необходимо для нашей цели, то и быть посему! — залучить сюда и других утопийцев, захватить их в юном возрасте, пока здешнее так называемое образование не сделает их непригодными для нашей цели — для воспитания их в духе великих традиций нашей империи и нашей расы.

Мистер Ханкер хотел было что-то сказать, но воздержался.

Мосье Дюпон резко поднялся из-за стола, сделал несколько шагов, вернулся и продолжал стоя слушать мистера Кэтскилла.

— Поколений? — повторил мистер Пенк.

— Да, — сказал мистер Кэтскилл. — Поколений! Потому что здесь мы чужеземцы, такие же, как другой отряд искателей приключений, который двадцать пять столетий назад воздвиг свою цитадель на Капитолийском холме у вод стремительного Тибра. Наш Капитолийский холм здесь, и он намного величественнее, как и наш Рим величественнее и обширнее того, старого. И, подобно этому отряду римских искателей приключений, мы должны увеличить наши небольшие силы за счет окружающих нас сабинян — захватывать себе слуг, помощников и подруг! Нет жертвы слишком великой, если она будет принесена ради великих возможностей, которые таятся в нашем начинании.

Судя по виду мосье Дюпона, он уже готов был принести эту жертву.

— Но с обязательным бракосочетанием! — изрек отец Эмертон.

— Да, да, с бракосочетанием, — согласился мистер Кэтскилл и продолжал: — Итак, сэр, мы укрепимся, и утвердимся здесь, и будем держать в руках эту пустынную область, и будем внедрять наш престиж, наше влияние и наш душ в инертное тело этой вырождающейся Утопии. Мы будем делать это до тех пор, пока не овладеем секретом, которого искали Арден и Гринлейк, и не найдем путь обратно, к нашему собственному народу, открыв тем самым миллионам людей нашей перенаселенной империи доступ...

— Одну минуту,— перебил мистер Ханкер.— Одну минуту. Я насчет империи...

— Вот именно! — подхватил мосье Дюпон, словно вдруг очнувшись от каких-то романтических грез наяву.— Относительно вашей империи!

Мистер Кэтскилл задумчиво и несколько смущенно взглянул на них.

— Я употребил слово «империя» в самом широком смысле.

— Вот именно! — воинственно бросил мосье Дюпон.

— Я имел в виду... э... нашу Атлантическую цивилизацию вообще...

— Сэр, прежде чем вы начнете рассуждать об англосаксонском единстве и о народах, говорящих на английском языке,— заявил мосье Дюпон со все возрастающим раздражением,— позвольте напомнить вам, сэр, об одном важном факте, который вы, вероятно, упустили из виду. Язык Утопии, сэр,— французский язык! Я хотел бы напомнить вам об этом. Я хотел бы, чтобы вы удержали это в памяти. Я не стану здесь подчеркивать, сколько жертв понесла и сколько мук претерпела Франция во имя цивилизации...

Его прервал мистер Берли:

— Вполне естественное заблуждение. Простите меня, но я должен указать: язык Утопии не французский язык.

«Ну, конечно,— подумал мистер Барнстейпл,— мосье Дюпон ведь не слышал объяснений относительно языка».

— Позвольте мне, сэр, верить свидетельству своих собственных ушей,— ответил с надменной учтивостью француз.— Эти утопийцы, смею вас заверить, говорят по-французски, именно по-французски, это прекрасный французский язык!

— Они не говорят ни на каком языке,— сказал мистер Берли.

— Даже на английском? — насмешливо прищурился мосье Дюпон.

— Даже на английском.

— И даже на языке Лиги Наций? Ба, да зачем я спору? Они говорят по-французски. Даже бош не посмел бы отрицать этого. Надо быть англичанином, чтобы...

«Очаровательная перепалка»,— подумал мистер Барнстейпл. Поблизости не было ни одного утопийца, чтобы раз-

убедить мосье Дюпона, и тот твердо отстаивал свое убеждение... Со смешанным чувством жалости, презрения и гнева мистер Барнстейпл слушал, как кучка людей, затеянных в сумерках огромного, чужого и, быть может, враждебного мира, все больше и больше распаляется, споря о том, какая из их трех наций имеет «право» на господство над Утопией, «право», основанное исключительно на алчности и недомыслии. Голоса то переходили в крик, то понижались до судорожного полусшепота по мере того, как разгорался привычный национальный эгоизм. Мистер Ханкер твердил, что не знает никаких империй; мосье Дюпон повторял, что право Франции превышает всего. Мистер Кэтскилл лавировал и изворачивался. Мистеру Барнстейплу это столкновение патриотических пристрастий казалось дракой собак на тонущем корабле. В конце концов упорный и находчивый мистер Кэтскилл сумел умиротворить своих противников.

Стоя во главе стола, он объяснил, что употребил слово «империя» в переносном смысле, извинился за то, что вообще употребил его, и указал, что под «империей» он подразумевал всю западную цивилизацию.

— Когда я произносил это слово,— сказал он, обращаясь к мистеру Ханкеру,— я имел в виду общее наше братство и согласие. Я имел в виду,— добавил он, поворачиваясь к Дюпону,— и наш испытанный и нерушимый союз.

— По крайней мере здесь нет русских,— сказал мосье Дюпон.— И немцев тоже.

— Правильно,— подтвердил лорд Барралонг.— Мы определили здесь бошей и не допустим их сюда.

— Я надеюсь, что японцы тоже полностью устраняются,— сказал мистер Ханкер.

— Не вижу причин, почему бы нам сразу не установить цветной барьер,— задумчиво произнес лорд Барралонг.— Мне кажется, мы нашли здесь уже готовый мир белого человека.

— И все-таки,— холодно и настойчиво добавил мосье Дюпон,— вы извините меня, но я попрошу вас несколько уточнить наши теперешние отношения и закрепить их соответствующими гарантиями, эффективными гарантиями, дабы величайшие жертвы, которые принесла и продолжает приносить Франция на алтарь цивилизации, могли получить надлежащее признание и соответствующее вознаграждение в предпринимаемом нами деле... Я прошу только справедливости,— заключил мосье Дюпон.

Негодование придало смелости мистеру Барнстейплу. Он спустился со своего насеста на стене и подошел к столу.

— Кто из нас сошел с ума? — спросил он. — Вы или я? Вся эта грызня вокруг флагов, престижа своей страны, фантастических притязаний, заслуг и прочего — безнадежная чепуха. Неужели вы до сих пор не понимаете, в каком мы положении?

На мгновение у него перехватило дыхание, но он справился с собой и продолжал:

— Неужели вы не способны разговаривать о человеческих делах иначе, как на языке войны, захватов, грабежа, национальных флагов? Неужели вы не ощущаете подлинную меру вещей, не видите, в какой мир мы с вами попали? Я уже говорил, мы похожи на кучку дикарей из эрлкортского балагана, задумавших покорить Лондон. Да, мы — как эти жалкие каннибалы в сердце гигантской столицы, мечтающие возродить в Утопии нашу старую мерзость, давно здесь забытую. На что мы можем рассчитывать в этой дикой затее?

Мистер Ридли укоризненно заметил:

— Вы забыли то, что вам только что сказали. Забыли начисто. Половина их населения валяется в инфлюэнце и кори. Во всей Утопии уже некому сопротивляться.

— Вот именно, — подтвердил мистер Кэтскилл.

— Хорошо, — не сдавался мистер Барнстейпл. — Предположим, что у вас есть какие-то шансы на успех, но тогда ваш план еще более отвратителен. Сейчас мы вырваны из тревог и волнений нашего земного века, и перед нами видение, вернее, реальность другой цивилизации, которую наш мир может обрести только через много десятков столетий! Здесь мир спокойствия, сияющий, счастливый, мудрый, полный надежды! А мы — если только наши хилые силенки и низкое коварство нам позволяют — хотим его разрушить! Мы собираемся уничтожить целый мир! Я говорю вам: это отнюдь не славное деяние. Это преступление. Это гнусность. Я не желаю участвовать в этом. Я протестую против вашей затеи.

Отец Эмертон попытался было возражать, но мистер Берли остановил его движением руки.

— А что предлагаете вы? — спросил он мистера Барнстейпла.

— Довериться их науке. Научиться у них всему, чему

сможем. Возможно, мы очень быстро будем очищены от того яда, что носим в себе, и нам будет позволено снова вернуться из этой отдаленной пустыни, где одни шахты, турбины и скалы, в города-сады, которые мы даже и не разглядели по-настоящему. Там мы тоже кое-что узнаем о подлинной цивилизации... А в конце концов мы, вероятно, вернемся в собственный хаотичный мир с приобретенными знаниями, принесем ему надежду и помощь, как миссионеры нового социального порядка.

— Но позвольте!..— начал отец Эмертон.

Его снова опередил мистер Берли.

— Все, что вы говорите,— заметил он,— опирается на недоказанные предпосылки. Вам угодно смотреть на эту Утопию сквозь розовые очки. Все остальные...— он пересчитал присутствующих,— все одиннадцать против вас одного, смотрят на вещи без такой благожелательной предвзятости.

— И могу ли я спросить, сэр!— воскликнул отец Эмертон, вскочив с места и так ударив по столу, что задребезжали все стаканы.— Могу ли я спросить, кто вы такой, чтобы брать на себя роль судьи и цензора над мнением всего человечества? Ибо я говорю вам, сэр, что перед нами отверженный, безнравственный и чуждый мир, а мы — все двенадцать — представляем здесь человечество. Мы авангард, пионеры в этом новом мире, который даровал нам господь, точно так же, как он даровал Ханаан своему избранному народу — Израилю — три тысячи лет тому назад... Я спрашиваю, кто вы такой...

— Вот именно? — подхватил Пенк.— Кто вы такой?

— Кто вы такой, черт побери? — поддержал его мистер Ридли.

Мистер Барнстейпл был слишком неопытным оратором и не знал, как встретить такую любовую атаку. Он беспомощно молчал. К его удивлению, на выручку ему пришла леди Стелла.

— Это нечестно, отец Эмертон,— заметила она.— Мистер Барнстейпл, кем бы он ни был, имеет полное право высказать свое мнение.

— А высказав свое мнение,— подхватил Кэтскилл, который все время ходил взад и вперед, по другую сторону стола,— м-да, высказав его, он дает нам возможность продолжать обсуждение стоящих перед нами вопросов. Я полагаю, неизбежно должно было случиться, чтобы даже здесь, в Утопии, среди нас оказался человек, уклоняющийся от воинской повинности из принципиальных соображе-

ний. Остальные же, я уверен, единодушны в своем мнении относительно положения, в котором мы находимся.

— Да, единодушны! — подтвердил мистер Маш, смерив мистера Барнстейпла злобным взглядом.

— Очень хорошо, — сказал мистер Кэтскилл. — Тогда мы должны следовать тем прецедентам, которые уже имели место в подобных случаях. От мистера... мистера Барнстейпла мы не станем требовать, чтобы он разделил с нами опасности и славу воинов. Мы попросим его нести какую-нибудь полезную вспомогательную гражданскую службу...

Мистер Барнстейпл протестующе поднял руку.

— Нет, — сказал он, — я не собираюсь быть вам чем-либо полезным. Я отказываюсь признать эту аналогию с мировой войной, но так или иначе я решительно против вашего плана разгромить целую цивилизацию. Вы не можете назвать меня принципиально уклоняющимся от воинской повинности, потому что я не отказываюсь воевать за правое дело. Но ваша авантюра не правое дело... Я умоляю вас, мистер Берли, вас, не только политика, но и человека высокой культуры, философа, еще и еще раз взвесить то, на что нас толкают: на акты насилия и разбой, после чего возврата уже не будет!

— Мистер Барнстейпл! — сказал мистер Берли с большим достоинством и легким упреком. — Я все взвесил. И осмелюсь сказать, у меня есть некоторый опыт, традиционный опыт в общественных делах. Я, может быть, не во всем согласен с моим другом мистером Кэтскиллом. Более того, в некоторых отношениях я с ним совершенно не согласен. Если бы я обладал единоличной властью, я сказал бы, что мы должны сопротивляться этим утопиям, сопротивляться из уважения к себе, однако не путем насилия и агрессии, как предлагает мистер Кэтскилл. Я считаю, что нам следовало бы быть более гибкими, более осмотрительными, и тогда мы могли бы рассчитывать на больший успех, чем может надеяться мистер Кэтскилл, но это — мое личное мнение. Ни мистер Ханкер, ни лорд Барралонг, ни мистер Маш, ни мосье Дюпон не разделяют его. И мистер... словом, наши друзья... э-э-э... наши друзья из технической службы тоже, кажется, его не разделяют. Но что, по моему мнению, абсолютно необходимо нашей группе землян, попавших в этот чуждый мир, — это единство действия. Что бы ни случилось, мы не должны пасть жертвами разногласия между нами. Нам надо держаться вместе и действовать как единое целое. Обсуждайте, если желаете — когда есть время об-

суждать,— но в конце концов решайте. А решив, лояльно выполняйте это решение... Что же касается необходимости взять одного-двух заложников — я ее не отрицаю. В этом мистер Кэтскилл совершенно прав.

Мистер Барнстейпл был плохим спорщиком.

— Но ведь эти утопичны такие же люди, как и мы,— возразил он.— Все, что есть в нас разумного, цивилизованного, говорит о необходимости признать их превосходство...

Его подчеркнуто грубо перебил мистер Ридли.

— О господи! — воскликнул он.— Долго мы еще будем болтать! Уже вечер, а мистер... вот этот джентльмен уже все сказал, даже больше, чем надо. Мы должны распределить обязанности, чтобы до наступления ночи каждый знал, что ему делать. Я предлагаю избрать мистера Кэтскилла нашим командующим с вручением ему всей полноты военной власти.

— Я поддерживаю предложение,— с внушительным смирением проговорил мистер Берли.

— Может быть,— сказал мистер Кэтскилл,— мосье Дюпон согласится быть моим заместителем, как представитель своей великой страны, нашего славного союзника?

— Только за неимением кого-нибудь более достойного,— согласился мосье Дюпон,— и для того, чтобы интересы Франции должным образом уважались...

— А мистер Ханкер, возможно, согласится быть моим лейтенантом?.. Лорд Барралонг будет нашим квартирмейстером, а отец Эмертон — нашим капелланом и блюстителем нравов. Мистер Берли, само собой разумеется, станет нашим гражданским главой.

Мистер Ханкер кашлянул и нахмурился с видом человека, которому предстоит нелегкое объяснение.

— Я не буду лейтенантом,— сказал он.— Я не хотел бы занимать никакого определенного поста. Я не люблю брать на себя... международные обязательства. Я буду наблюдателем. Наблюдателем, который помогает. И вы убедитесь, господа, что на меня можно рассчитывать во всех случаях, когда моя помощь окажется необходимой.

Мистер Кэтскилл уселся во главе стола и указал на стул рядом с собой мосье Дюпону. По другую сторону мистера Кэтскилла, между ним и Ханкером, села Грита Грей. Мистер Берли остался на своем месте — через два стула от Ханкера. Остальные пододвинулись поближе и стали вокруг командующего, за исключением леди Стеллы и мистера Барнстейпла.

Мистер Барнстейпл почти демонстративно повернулся

спиной к этому штабу. Он заметил, что леди Стелла осталась сидеть у дальнего конца стола, с большим сомнением поглядывая на маленькую группу людей у другого конца; потом она перевела взгляд на мрачный горный кряж позади них.

Она вздрогнула и поднялась.

— После захода солнца здесь будет очень холодно, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Я пойду и достану накидку.

Она медленно направилась в отведенную ей комнату и больше не появлялась.

6

Мистер Барнстейпл всячески старался показать, что не слушает того, о чем говорят на военном совете. Он отшел к стене старого замка, поднялся по каменным ступеням и прошел вдоль парапета до самой верхушки скалы. Здесь грозный шум потоков в двух сходящихся каньонах был слышен очень отчетливо.

Скалы напротив были еще позолочены солнцем, но все остальное уже обволакивалось синими тенями; курчавый белый туман клубился в каньонах, скрывая бурные потоки. Туман подымался все выше и почти достиг маленького мостика, перекинутого через более узкий каньон к огороженной перилами лестнице на противоположной стороне. Впервые после того, как он попал в Утопию, мистер Барнстейпл почувствовал холод и одиночество, мучившие, как приступ боли.

В отдалении, в более широком каньоне, шли какие-то работы, и наползающий туман время от времени озарялся вспышками света. Высоко над горами плыл одинокий аэроплан, временами сверкая в лучах заката и отбрасывая вниз ослепительные золотые отблески. Потом он повернул и пропал в сгущающихся сумерках.

Мистер Барнстейпл посмотрел вниз, на широкий двор старинного замка. Современные здания среди этих массивных каменных построек казались в сумерках какими-то сказочными беседками. Кто-то принес фонарь, и командующий Руперт Кэтскилл, новый Кортес, принялся писать приказы, а его отряд стоял вокруг него.

Свет фонаря падал на лицо и руки мисс Гриты Грей; она наклонилась через плечо командующего, стараясь разглядеть, что он пишет. Мистер Барнстейпл заметил, что она вдруг подняла руку, прикрывая невольный зевок.

МИСТЕР БАРНСТЕЙПЛ ПРЕДАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

1

Мистер Барнстейпл почти всю ночь просидел на своей кровати, размышляя о том, какими неисчислимыми сложностями чревато положение, в котором он очутился.

Что он может сделать? Что он должен сделать? И в чем заключается его долг? Из-за варварских обычаев Земли и ее болезней эта удивительная встреча с новым миром так внезапно породила уродливый и опасный антагонизм, что он не успел еще разобраться в своих мыслях. Теперь он видел только две возможности: либо утопийцы окажутся намного сильнее и мудрее их, и тогда он и все его спутники-пираты будут раздавлены и уничтожены, как вредные насекомые, либо безумные замыслы мистера Кэтскилла осуществлятся, и земляне станут язвой, разъедающей здоровое тело этой благородной цивилизации, шайкой грабителей и разрушителей, которая станет год за годом, век за веком тянуть Утопию назад, к земному хаосу. Для него самого был только один выход: бежать из крепости к утопийцам, рассказать им о плане землян и отдать себя и своих спутников на их милость. Но сделать это надо поскорее — раньше, чем земляне успеют захватить заложников и начнется кровопролитие.

Однако ускользнуть от шайки землян будет, видимо, нелегко. Мистер Кэтскилл, наверное, уже расставил своих дозорных, а покинуть утес так, чтобы они не заметили, невозможно. Кроме того, в душе мистера Барнстейпла жило воспитанное с детства отвращение к ябедничеству и раскольническим действиям. Школа приучила его хранить верность той группе или организации, частью которой он был, — своему классу, своей команде, своему школьному отделению, своей школе, своему клубу, своей партии и так далее. Однако его ум и безграничная любознательность всегда боролись в нем с этой узкой отгороженностью от остального мира. И поэтому вся его жизнь была мучительным внутренним бунтом. Он питал отвращение к политическим партиям и политическим лидерам, презирал и отвергал национализм, «служение империи» и все связанные с ним мишурные традиции патриотического долга; он ненавидел агрессивного завоевателя, хищного финансиста, напористого дельца — так же, как ненавидел ос, крыс, гиен,

акул, блох, крапиву и тому подобное; всю свою жизнь он, по существу, был гражданином Утопии, прозябающим на Земле. И по-своему он всегда старался служить Утопии. Почему же он не должен служить ей сейчас? Пусть эта шайка землян мала и решилась на все — это еще не причина, чтобы служить делу, которое тебе ненавистно! Пусть они полны решимости, но тем не менее они носители зла! Нельзя низводить либерализм до болезненного почитания меньшинства!

Из землян только двое, леди Стелла и мистер Берли, вызывали в нем симпатию. Впрочем, в отношении мистера Берли он был не так уж уверен. Мистер Берли принадлежал к тем странным людям, которые как будто все понимают, но ничего не чувствуют. Он производил на мистера Барнстейпла впечатление интеллектуальной безответственности. А это, пожалуй, еще хуже, чем быть таким антиинтеллектуальным авантюристом, как Ханкер или Барралонг? Мысль мистера Барнстейпла вернулась от абстрактных этических норм к реальной действительности. Завтра он еще раз обдумает все, выработает план действий и, возможно, в сумерках постарается ускользнуть.

Это было в его характере — откладывать намеченное действие на следующий день. Вся его жизнь почти с самого начала состояла из таких отложенных действий.

2

Но события не собирались ждать мистера Барнстейпла.

На рассвете его разбудил Пенк, объяснивший, что отныне гарнизону будет даваться по утрам побудка электрической сиреной, которую изготовили они с Ридли. Не успел Пенк договорить, как оглушительный вой этого механизма возвестил начало новой эры. Пенк протянул мистеру Барнстейплу вырванный из записной книжки листок бумаги, на котором мистер Кэтскилл написал:

«Нестроевой Барнеби. Помогать Ридли готовить завтрак, обед и ужин, вывешивать меню на стене столовой, убирать и мыть посуду; в остальное время быть в распоряжении лейтенанта Ханкера в химической лаборатории для проведения опытов и изготовления бомб. Содержать лабораторию в полной чистоте».

— Вот ваши обязанности,— сказал Пенк.— Ридли ждет вас.

— Ну что ж,— сказал мистер Барнстейпл и встал. Не было смысла вступать в пререкания, раз он все равно со-

бирался бежать. Он отправился к исцарапанному и забинтованному Ридли, и они вместе приготовили несколько недурных блюд британской кухни образца 1914 года, великого года суходоядения.

По второму воплю сирены все ровно в половине седьмого собрались к завтраку. Мистер Кэтскилл произвел смотр своего гарнизона: мосье Дюпон стоял рядом с ним, мистер Ханкер несколько в стороне, а все остальные выстроились в шеренгу, кроме мистера Берли, который нес обязанности гражданского главы Утопии и по этой причине пребывал в постели, и мистера Барнстейпла, как нестроевого. Мисс Грита Грей и леди Стелла сидели в солнечном уголке и шили флаг. Это должен был быть голубой флаг с белой звездой, не похожий ни на один из существующих национальных флагов, чтобы не задевать ничьи патриотические чувства. Этот флаг должен был символизировать Лигу Наций землян.

После смотра маленький гарнизон разошелся по своим постам, мосье Дюпон принял на себя главное командование, а мистер Кэтскилл, бодрствовавший всю ночь, отправился спать. Подобно Наполеону, он умел засыпать на часок в любое время дня.

Мистер Пенк поднялся на башню замка, где была установлена сирена, и занял там наблюдательный пост.

У мистера Барнстейпла выдалось несколько свободных минут после того, как он уже кончил помогать Ридли, а мистер Ханкер еще не позвал его, и эти свободные минуты он использовал для осмотра стены замка над обрывом. Пока он стоял на парапете, обдумывая, удастся ли ему сбегать сегодня вечером, над Карантинным Утесом появился аэроплан и спустился на соседнем склоне. Из машины вышли двое утопийцев, они что-то сказали своему авиатору и повернулись лицом к крепости землян.

Сирена коротко рявкнула, и на парапете рядом с мистером Барнстейплом появился мистер Кэтскилл. Он вытащил полевой бинокль и стал разглядывать приближающихся утопийцев.

— Серпентин и Кедр,— сказал он, опуская бинокль.— Они идут сюда одни. Прекрасно.

Он обернулся, сделал знак Пенку, и сирена рявкнула дважды. Это был сигнал общего сбора.

Внизу, во дворе замка, появилось остальное Союзное войско и мистер Ханкер. Все выстроились почти как настоящие солдаты.

Мистер Кэтскилл прошел мимо мистера Барнстейпла, не

обратив на него никакого внимания, и, спустившись к Дюпону, Ханкеру и своим подчиненным, принялся объяснять им, как вести себя, когда настанет решительный момент. Мистер Барнстейпл не слышал, о чем шла речь. Он только отметил с ироническим неодобрением, что каждый, получив инструкции мистера Кэтскилла, щелкал каблуками и отдавал честь. Затем по команде все разошлись по своим постам.

С нижнего склона во двор замка можно было попасть через большие сводчатые ворота, к которым вела полуразрушенная каменная лестница. Ридли и Маш спустились по лестнице и притаились справа от нее, за каменным выступом,— так, чтобы их не мог увидеть человек, поднимающийся снизу. Отец Эмертон и мистер Ханкер спрятались с левой стороны. Отец Эмертон, как заметил мистер Барнстейпл, держал в руках свернутую веревку; затем он взглянул на мистера Маша и увидел в его руке револьвер, который тут же был спрятан в карман. Лорд Барралонг занял позицию несколькими ступенями выше, сжимая револьвер в здоровой руке. Мистер Кэтскилл, тоже с револьвером, стоял на верху лестницы. Он повернулся к башне замка, несколько мгновений изучал позицию Пенка, а затем сделал ему знак присоединиться к остальным. Мосье Дюпон, вооруженный массивной ножкой от стола, встал справа от мистера Кэтскилла.

Некоторое время мистер Барнстейпл глядел на все эти маневры, не понимая, что они означают. Потом его взгляд упал на двух ничего не подозревающих утопийцев, которые спокойно поднимались к воротам замка, где притаились земляне. Только тогда мистер Барнстейпл сообразил, что через несколько минут Серпентин и Кедр будут биться в руках своих врагов.

Он понял, что надо немедленно действовать. Однако всю жизнь он был только созерцателем и не умел мгновенно принимать решения и выполнять их.

Он дрожал как в лихорадке.

3

Даже в эти роковые последние мгновения у мистера Барнстейпла оставалась смутная надежда, что все можно уладить. Он поднял руку и крикнул «Эй!», обращаясь больше к землянам в замке, чем к утопийцам за его пределами. Но никто не обратил внимания ни на его жест, ни на слабый возглас.

Тогда его воля словно освободилась от пут, и у него мелькнула самая простая мысль. Нельзя допустить, чтобы Серпентина и Кедр схватили! Ему уже было стыдно за свои колебания. Конечно же, этого нельзя допустить! Это безумие должно быть немедленно предотвращено. В несколько прыжков он очутился на стене над воротами и закричал громко и отчетливо.

— Берегитесь! — кричал он. — Опасность! Берегитесь!

Он услышал удивленный возглас мистера Кэтскилла, и тут же в воздухе рядом с ним просвистела пуля.

Серпентин резко остановился, посмотрел вверх, дотронулся до плеча Кедрa и показал на стену.

— Земляне хотят захватить вас в плен! Не ходите сюда! Берегитесь! — крикнул мистер Барнстейпл, размахивая руками.

«Щелк-щелк-щелк!» — Это мистер Кэтскилл лишний раз убеждался, какое ненадежное оружие револьвер.

Серпентин и Кедр повернулись и пошли назад, но как-то медленно и нерешительно.

Несколько мгновений мистер Кэтскилл не знал, что делать. Потом он бросился вниз по лестнице, крича:

— За ними! Остановить их! Вперед!

— Уходите! — кричал мистер Барнстейпл вслед утопийцам. — Уходите! Скорее! Скорее!

Снизу до него донесся топот, и восемь человек — вся боевая сила землян в Утопии — появились из-под арки ворот и побежали к двум изумленным утопийцам. Впереди, целясь из револьвера и что-то крича, мчался мистер Маш, за ним по пятам следовал мистер Ридли. Далее с весьма старательным и деловитым видом следовал мосье Дюпон. Отец Эмертон, размахивая своей веревкой, был в арьергарде.

— Уходите! — надрывался, почти лишившись голоса, мистер Барнстейпл.

Потом он замолк и стал смотреть, сжимая кулаки.

На помощь Серпентину и Кедру бежал вниз по склону от своей машины авиатор. В это время в небе появились еще два аэроплана.

Оба утопийца не желали бежать, и через несколько секунд преследователи настигли их. Атакующих возглавляли теперь Ханкер, Ридли и Маш. Мосье Дюпон, размахивая ножкой от стола, забирал вправо, видимо, намереваясь отрезать утопийцев от авиатора. Мистер Кэтскилл и Пенк несколько отстали от передней тройки; однорукий Барралонг

был шагах в десяти позади них, а отец Эмертон и вовсе остановился, чтобы распутать свою веревку.

Несколько секунд они как будто переговаривались, затем Серпентин сделал быстрое движение, словно желая схватить Ханкера. Раздался выстрел, потом еще три подряд.

— О боже! — воскликнул мистер Барнстейпл. — О боже!

Он увидел, как Серпентин, раскинув руки, упал навзничь, Кедр схватил мистера Маша, поднял его в воздух и швырнул в Кэтскилла и Пенка, свалив их всех в одну кучу. Мосье Дюпон с диким воплем подскочил к Кедру, но тот оказался проворнее. Он выбил из его рук дубину, схватил его за ногу, опрокинул и, завертев в воздухе, словно кролика, ударил им мистера Ханкера.

Лорд Барралонг отбежал на несколько шагов и принялся стрелять в приближающегося авиатора. Из клубка рук и ног, корчившегося на земле, снова возникли три человека. Мистер Кэтскилл, выкрикивая распоряжения, ринулся на Кедр, за ним Пенк и Маш и мгновением позже — Ханкер и Дюпон. Все они вцепились в Кедр, как собаки в кабана. Раз за разом он отбрасывал их прочь. Отец Эмертон со своей веревкой бестолково топтался рядом.

На несколько секунд внимание мистера Барнстейпла было поглощено этой свалкой вокруг Кедрa. И тут он увидел, что по склону горы бегут другие утопийцы. Два аэроплана успели опуститься.

Мистер Кэтскилл заметил это подкрепление почти одновременно с мистером Барнстейплом. Он закричал:

— Назад! Назад! В замок!

Земляне отбежали от высокой, взъерошенной фигуры, несколько мгновений колебались и начали отступать к замку — сначала шагом, а потом бегом.

Вдруг Ридли обернулся и, прицелившись, выстрелил в Кедрa; тот схватился за грудь и сел на землю.

Земляне отступили к подножию лестницы, ведущей через ворота в замок, и там остановились, запыхавшись, потирая ушибленные места. В пятидесяти шагах от них неподвижно лежал Серпентин, корчился и стонал авиатор, которого ранил Барралонг, и сидел Кедр с окровавленной грудью, ощущая спину. Пятеро других утопийцев спешили к ним.

— Что это за стрельба? — спросила леди Стелла, внезапно появляясь рядом с мистером Барнстейплом.

— Взяти. они заложников? — осведомилась мисс Грита Грей.

— Боже мой! — воскликнул мистер Берли, который то-

же поднялся на стену.— Этого не должно было случиться! Каким образом... все сорвалось, леди Стелла?

— Я предупредил утопийцев,— сказал мистер Барнстейпл.

— Вы... их предупредили? — не веря своим ушам, воскликнул мистер Берли.

— Вот уж не думал, что возможно такое предательство! — донесся из-под арки ворот гневный голос мистера Кэтскилла.

4

Несколько секунд мистер Барнстейпл не делал никаких попыток спастись от нависшей над ним угрозы. Он всегда жил в условиях полной личной безопасности, и, как у многих цивилизованных людей, у него был почти атрофирован инстинкт самосохранения. И по темпераменту и по воспитанию он был наблюдателем. И сейчас он увидел себя словно со стороны — главным персонажем какой-то страшной трагедии. О бегстве он подумал не сразу и неохотно, словно в чем-то перед собой оправдываясь.

— Расстрелян как предатель,— сказал он вслух.— Расстрелян как предатель.

Он посмотрел на мостик через узкое ущелье. Можно было и сейчас еще перебежать его, если только сразу броситься туда. Надо только оказаться проворнее их. Но он был слишком благоразумен и не побежал туда опрометью — ведь тогда они сразу же кинулись бы в погоню. Он двинулся вдоль стены неторопливой походкой прогуливающегося человека и прошел мимо мистера Берли. Тот был слишком цивилизован, чтобы помешать ему. Все ускоряя шаг, мистер Барнстейпл дошел до лестницы, которая вела в башню. Там он на мгновение остановился, чтобы оглядеться. Кэтскилл был занят: расставлял часовых у ворот. Возможно, он еще не вспомнил о мостике или решил, что мистером Барнстейплом можно будет заняться и позже. Утопийцы несли вверх по склону своих убитых или только раненых.

Мистер Барнстейпл стал подниматься вверх по ступенькам, словно погруженный в задумчивость, и несколько секунд простоял наверху, заложив руки в карманы и делая вид, что любит ландшафт. Потом он повернул к винтовой лестнице, которая вела вниз, к чему-то вроде кордегардии. Как только он оказался вне поля зрения землян, он стал думать и двигаться гораздо быстрее.

В кордегардии он растерянно остановился. Тут было целых пять дверей, и любая из них, кроме той, через кото-

рую он вошел, могла вести к нужной лестнице. Одна из дверей была загорожена штабелем аккуратно составленных ящиков. Оставалось три двери, из которых надо было выбирать. Он распахнул их одну за другой. Каждая выходила на каменную лестницу с площадкой, за которой был поворот. Он стоял в нерешительности перед третьей дверью, как вдруг почувствовал, что оттуда потянуло холодным воздухом. Ну, разумеется, эта дверь ведет вниз, к обрыву, иначе откуда тут быть сквозняку? Несомненно, это так.

Закрыть остальные двери? Нет, лучше пусть все три останутся открытыми.

Он уже слышал топот шагов по лестнице, ведущей из башни. Бесшумно и быстро он сбежал по ступенькам и на секунду задержался на площадке — послушать, что делают преследователи.

«Вот дверь, которая ведет к мосту, сэръ!» — услышал он голос Ридли. В ответ Кэтскилл сказал: «Тарпейская скала!» «Совершенно верно, — откликнулся Барралонг, — зачем тратьте патрон? А вы уверены, что эта дверь ведет к мосту, Ридли?» Шаги послышались уже в кордегардии, потом ниже, на соседней лестнице.

— Всего лишь короткая передышка! — прошептал мистер Барнстейпл и замер на месте.

Он попал в западню! Лестница, по которой спускались сейчас преследователи, и была та, которая ведет к мосту!

Теперь они спустятся до самого моста и сразу увидят, что его нет ни там, ни на другой стороне ущелья, и, следовательно, он еще в крепости. Теперь этот путь закрыт: они либо запрут ведущую туда дверь, либо поставят на лестнице часовых, а потом вернуться и начнут, не торопясь, искать его.

Что сказал Кэтскилл?.. «Тарпейская скала»?

Ужасно!

Нет. Живым он не сдастся!..

Он будет драться, как крыса, загнанная в угол, и заставит их пристрелить его...

Он стал спускаться дальше по лестнице. Становилось все темнее, потом вдруг снова забрезжил свет. Лестница кончалась в обыкновенном большом погребе, который когда-то был, вероятно, арсеналом или казематом. Погреб был довольно хорошо освещен двумя бойницами, прорубленными в скале. Теперь в нем хранились запасы всякой провизии. Вдоль одной стены тянулись полки со стеклянными флягами, в которых обычно хранилось вино в Утопии; вдоль другой стены были нагромождены ящики и какие-то

бруски, обернутые в листовое золото. Он поднял за горлышко одну из фляг. Она могла сойти за недурную дубинку. А что, если соорудить баррикаду из ящиков поперек входа, стать сбоку и бить преследователей флягой по голове? Как будут разлетаться брызгами стекло и вино на их черепах!.. Но на сооружение баррикады потребуется время... Он выбрал и поставил у входа три самые большие фляги, чтобы они были под рукой. Потом его осенила новая мысль, и он посмотрел на бойницу.

Некоторое время он выжидал, прислушиваясь. Сверху не доносилось ни звука. Он подошел к бойнице, влез в нее и пополз вперед, пока не смог выглянуть наружу. Внизу был отвесный обрыв — мистер Барнстейпл мог бы плюнуть в поток, бурлящий в полутора тысячах футов прямо под ним. Скала состояла здесь из почти вертикальных слоев породы, то выступавших вперед, то уходивших внутрь; большой каменный контрфорс заслонял почти весь мостик, за исключением его дальнего конца; сам мостик был футов на сто ниже амбразуры, из которой выглядывал мистер Барнстейпл.

На мосту появился мистер Кэтскилл, казавшийся совсем крохотным, — он разглядывал лестницу в скале за мостиком; мистер Барнстейпл поспешно убрал голову. Затем он осторожно выглянул снова. Мистера Кэтскилла больше не было видно; видимо, он возвращался назад.

За дело! Медлить больше было нельзя.

В молодости, до того, как мировая война сделала путешествия дорогами и неудобными, мистер Барнстейпл лазил на скалы в Швейцарии, а кроме того, занимался этим в Камберленде и Уэльсе. Теперь он осмотрел соседние скалы взглядом опытного человека. Они были прорезаны почти горизонтальными пластинами какой-то белой кристаллической породы — он решил, что это известковый шпат. Порода эта выветривалась быстрее, чем остальная масса скалы, образовывая неровные горизонтальные борозды. Если ему повезет, он сможет пробраться по этим бороздам вдоль обрыва, обогнуть контрфорс и вскарабкаться на мост.

Но тут ему показалось, что есть более надежный план. Он ведь легко может пробраться вдоль утеса до первой выемки, притаиться там и подождать, пока земляне не обыщут погреб. А когда они уйдут, он проберется обратно в погреб. Даже выглянув в окно, они не увидят его, а если он оставил в амбразуре какие-то следы, они все равно решат, что он либо выпрыгнул, либо сорвался в каньон. Правда, чтобы пробраться по обрыву, потребуется много време-

ни... И, кроме того, он лишится своего единственного оружия — фляг...

И все-таки мысль о том, чтобы спрятаться на утесе, захватила его воображение. Он очень осторожно вылез из бойницы, нащупал опору для рук, нашел ногами выступ и начал пробираться по направлению к намеченному им углублению.

Но тут же возникло неожиданное препятствие: примерно на протяжении шести шагов скала на уровне его рук была совершенно гладкой, и держаться было не за что, оставалось только прижаться к скале и довериться ногам. Несколько секунд он стоял неподвижно.

Дальше он наступил на выветрившийся кусок породы и с ужасом почувствовал, что и нога лишилась опоры, но, к счастью, он сумел ухватиться за выступ и твердо стал другой ногой. Обломки зашуршали по обрыву, и тут же все стихло: они полетели в бездну. Некоторое время он стоял не двигаясь, словно парализованный.

— Нет, я не в форме,— прошептал мистер Барнстейпл.— Не в форме.

Все так же, не шевелясь, он стал молиться.

Потом, сделав над собой усилие, он заставил себя двинуться дальше.

Он уже был у самой впадины, когда какой-то слабый шорох заставил его покоситься на бойницу, из которой он вылез. Из бойницы медленно и осторожно высовывалась голова Ридли. Глаза его под белой повязкой горели яростным огнем...

5

В первый момент он не заметил мистера Барнстейпла. Потом, увидев его, крикнул: «Ух, черт!» — и поспешно спрятался.

Изнутри донесся невнятный шум голосов.

Повинуясь какому-то смутному инстинкту, мистер Барнстейпл замер на месте, хотя он мог бы уже скрыться в выемке раньше, чем из бойницы выглянул мистер Кэтскилл с револьвером в руке.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Вернитесь, или я буду стрелять,— сказал мистер Кэтскилл, но это прозвучало как-то неубедительно.

— Стреляйте! — ответил мистер Барнстейпл после некоторого размышления.

Мистер Кэтскилл вытянул шею и посмотрел вниз, на окутанные синими тенями глубины каньона.

— В этом нет нужды,— сказал он.— Нам надо беречь патроны.

— Просто смелости не хватает,— сказал мистер Барнстейпл.

— Не в этом дело,— возразил мистер Кэтскилл.

— Да, не совсем в этом,— согласился мистер Барнстейпл,— все-таки вы цивилизованный человек.

Мистер Кэтскилл нахмурился, но поглядел на него без всякой враждебности.

— У вас очень богатое воображение,— задумчиво продолжал мистер Барнстейпл.— Вся беда в вашем проклятом воспитании. В чем ваша беда? Вы пропитаны духом Киплинга. Империя, англосаксонская раса, бойскауты, сыщики— вот каким мусором начинена ваша голова. Если бы я учился в Итоне, я, наверное, был бы таким же, как вы.

— В Хэрроу,— поправил мистер Кэтскилл.

— Самая мерзкая из этих школ. Пригородное заведение, где ученики носят кок и соломенные шляпы. Можно было догадаться, что вы из Хэрроу. Но, как ни странно, я не питаю к вам ненависти. Если бы вас прилично воспитывали, вы, наверно, были бы совершенно другим. Будь я вашим школьным учителем... Но теперь поздно об этом говорить.

— Да, конечно,— подтвердил мистер Руперт Кэтскилл, любезно улыбаясь и поглядывая вниз, в каньон.

Мистер Барнстейпл начал ощупывать одной ногой уступ в выемке.

— Погодите еще одну минуту,— сказал мистер Кэтскилл.— Я не буду стрелять.

Изнутри донесся голос, возможно, лорда Барралонга, советовавшего сбросить на мистера Барнстейпла обломок скалы. Кто-то — должно быть, Ридли — свирепо одобрил это предложение.

— Только после судебного разбирательства,— сказал через плечо мистер Кэтскилл. Лицо его было непроницаемо, но у мистера Барнстейпла появилась фантастическая мысль: а вдруг мистер Кэтскилл не хочет его смерти! Может быть, он обдумал положение и теперь предпочел бы, чтобы мистер Барнстейпл спасся, добрался до утопийцев и как-нибудь уладил дело.

— Мы собираемся судить вас, сэр! — сказал мистер Кэтскилл.— Да, мы намерены судить вас. Мы предлагаем вам явиться в суд.

Мистер Кэтскилл облизнул губы и помолчал, как бы размышляя о чем-то.

— Заседание суда начнется немедленно,— продолжал он; его умные карие глаза быстро оценили положение мистера Барнстейпла; он вытянул шею и посмотрел на мост.— Мы не станем тратить время на долгие процедуры. Не сомневаюсь, каков будет приговор. Мы приговорим вас к смерти. Вот так обстоит дело, сэр. Думаю, что не пройдет и четверти часа, как ваша судьба будет решена на законном основании.

Он посмотрел вверх на скалы.

— Возможно, что мы сбросим на вас обломок скалы,— сказал он.

— *Moriturus te saluto*¹,— ответил мистер Барнстейпл тоном удачно сострившего человека.— Если позволите, я сейчас продвинусь вперед, чтобы устроиться немного удобнее.

Мистер Кэтскилл по-прежнему пристально смотрел на него.

— Я нисколько на вас не в претензии,— сказал мистер Барнстейпл.— Будь я вашим школьным учителем, все было бы совсем по-иному. Благодарю вас за лишние пятнадцать минут, которые вы мне даете... И если случится так, что...

— Вот именно,— сказал мистер Кэтскилл.

Они поняли друг друга.

Когда мистер Барнстейпл обогнул уступ и забрался в свое убежище, мистер Кэтскилл все еще глядел из бойницы, а едва слышный голос лорда Барралонга настаивал, чтобы обломки скалы были пущены в ход немедленно.

6

Пути человеческого сознания неисповедимы. Отчаяние в душе мистера Барнстейпла сменилось теперь радостным возбуждением. Тошнотворный страх, вызванный карабканьем по утесу на огромной высоте, уступил место почти мальчишеской самоуверенности. Мысль о неминуемой смерти исчезла. Ему уже нравилось это приключение, он даже наслаждался им, совершенно не задумываясь о том, чем оно может кончиться.

Он довольно быстро добрался до контрфорса, хотя у него сильно болели руки... И вдруг он снова похолодел. Теперь, когда он мог видеть полностью весь мост и узкое ущелье, оказалось, что карниз, по которому он пробирался,

¹ «Идущий на смерть приветствует тебя» (лат.) — перефразировка приветствия, с которым обращались в Древнем Риме к императору выходявшие на арену гладиаторы.

проходит футов на тридцать ниже моста. И что еще хуже — между ним и мостом были две расселины неизвестной глубины. Сделав это открытие, он впервые пожалел, что не остался в погребе и не дал там боя своим преследователям.

Несколько минут он не мог ни на что решиться. Боль в руках все усиливалась.

Из оцепенения его вывела какая-то мелькнувшая на скале тень — он сначала принял ее за тень пролетевшей мимо птицы. Тень промелькнула снова. Он надеялся, что на него хотя бы не нападут птицы, — он читал такой рассказ... впрочем, неважно.

Тут над головой у него раздался громкий треск; подняв глаза, он увидел, как камень, ударившись о выступ над ним, разлетелся в куски. Из этого он сделал два вывода: во-первых, суд вынес приговор раньше, чем предполагал мистер Кэтскилл, а во-вторых, его видно сверху. Он начал с лихорадочной энергией продвигаться в сторону расселины.

Расселина оказалась более удобной, чем он ожидал, — это был «камин». Мистер Барнстейпл подумал, что по нему было бы нелегко подниматься, но спуститься будет возможно. Сверху расселина была прикрыта выступами скал. Примерно в ста футах ниже виднелось что-то вроде ниши, образовавшей довольно широкую площадку, где, вероятно, можно было прилечь, чтобы дать отдохнуть рукам. Не теряя времени, мистер Варнстейпл пополз к «камину», спустился туда и предался восхитительному ощущению: ему не надо было больше ни за что цепляться! Теперь он был недостижим и невидим для своих преследователей-землян.

По стенке ниши текла струйка воды. Он напился, подумал о том, что недурно было бы подкрепиться, и пожалел, что не захватил с собой немного еды из запасов, хранившихся в погребке, — можно было бы вскрыть один из обернутых в золото брусков и сунуть в карман маленькую фляжку с вином. Как подбодрил бы его сейчас глоток вина! Но об этом не приходилось и думать. Он долго, как ему показалось, просидел, не двигаясь, в этой уютной нише, внимательно разглядывая уходящий вниз «камин». Мистеру Барнстейплу показалось, что здесь была возможность для дальнейшего спуска. Правда, стенки «камина» были гладки, как отполированные, но они сходились достаточно близко — можно было упереться спиной в одну, а ногами в другую.

Он посмотрел на ручные часы. Было всего без десяти девять. Ридли вызвал его к себе в половине шестого. В половине седьмого он подавал завтрак во дворе, Серпентин и

Кедр, должно быть, появились около восьми. Через десять минут Серпентин был убит. А потом — бегство и преследование. Как быстро произошло все это!

У него впереди еще целый день. Спускаться дальше он начнет в половине десятого. А до тех пор отдохнет. И зачем вносить себе, что он уже проголодался.

Около половины десятого мистер Барнстейпл уже продолжал спуск. Первые сто футов дались ему легко. А потом расселина начала незаметно расширяться. Он понял это только тогда, когда стал соскальзывать вниз. Он скользил, ожесточенно пытаясь уцепиться, наверное, около двадцати футов, потом пролетел футов десять, ударился о скалу и оказался на новом выступе, более широком, чем прежний. Он сильно ушибся и покатился, к счастью, внутрь ниши. Он был покрыт синяками, но серьезных повреждений не оказалось.

«Мне везет,— сказал он себе.— Счастье мне не изменяет».

Снова он некоторое время отдыхал, потом, уже твердо уверовав, что дальше все пойдет хорошо, стал рассматривать следующий этап спуска. Он долго не мог поверить, что дальнейший спуск абсолютно невозможен. Расселина совершенно вертикально уходила на двадцать ярдов вниз, и стенки ее отстояли друг от друга по меньшей мере на шесть футов. С таким же успехом он мог бы просто прыгнуть с обрыва. Тут же он убедился, что невозможно и вернуться назад. Он отказывался верить этому — настолько это было нелепо. Он даже рассмеялся, как человек, которого собственная мать не узнала после однодневной отлучки.

Потом он перестал смеяться.

Он снова все внимательно осмотрел. Он даже провел пальцами по гладкому камню.

— Но это просто бессмысленно,— сказал он, и холодный пот выступил у него на спине. Значит, из этой западни, куда он с таким трудом и усердием сам себя загнал, нет выхода! Он не может ни продолжать спуск, ни вернуться назад. Конец! Счастье изменило ему.

7

Когда стрелка на его часах показала полдень, он все еще сидел в своей нише, как бессильный, страдающий неизлечимой болезнью инвалид сидит в кресле, отдыхая между приступами боли, обреченный на бездействие и безнадежность. Не было и одного шанса на десять тысяч, что

какой-нибудь счастливый случай сможет вызволить его из этой мышеловки. Рядом тоже текла струйка воды, но подкрепить силы было нечем — не было даже травинки, чтобы пожевать. Если он не бросится в пропасть, то умрет от голода. По ночам здесь холодно, хотя не настолько, чтобы холод мог убить его...

Так вот к какому концу привела его унылая работа в редакции лондонской газеты и семейная жизнь в Сайденхеме! Странную прогулку совершили они с Желтой Опасностью... Камберуэлл, Виктория, Хайнслоу, Слау, Утопия, горный рай, сотни захватывающих, дразнящих мимолетных впечатлений от мира подлинного счастья и порядка... долгий-долгий полет на аэроплане почти на другую сторону планеты... И вот теперь — смерть.

Мысль о прыжке вниз, который разом прекратил бы все мучения, была ему неприятна. Нет, он останется здесь и вытерпит все, что ему, возможно, придется вытерпеть перед концом. А в каких-нибудь трехстах ярдах отсюда его спутники-земляне тоже будут ждать свершения своей судьбы... Как все это удивительно! И как обыденно!..

Но ведь в конце концов такой или подобный исход уготован почти всем людям... Рано или поздно человеку приходится лечь на смертное ложе и думать, думать все лихорадочнее, а потом все туманнее, пока мысль не угаснет окончательно.

«Вообще говоря,— размышлял мистер Барнстейпл,— лучше умереть так, чем внезапно; ведь это чего-нибудь да стоит — глядеть некоторое время прямо в лицо смерти, успеть еще мысленно написать «конец» в своем сознании, подумать о жизни вообще и о жизни, которую прожил ты сам, оценить ее со стороны беспристрастно, твердо зная, что эту жизнь уже не изменишь ни на йоту».

Его мозг работал сейчас четко и спокойно; безмятежность, холодная, как ясное зимнее небо, охватила все его существо. Впереди были страдания — он знал это, но он не верил в то, что эти страдания будут невыносимы. А если и так — что ж, внизу разверзает свою пасть каньон. В этом отношении его выступ не такое уж плохое смертное ложе, пожалуй, даже более удобное, чем другие. На одре болезни человеку дается большой срок, — он успевает узнать и изучить болезнь во всех ее подробностях. А голодная смерть не так страшна, он где-то читал об этом; голод особенно мучителен на третий день, а после этого человек слабеет и страдает уже меньше. Должно быть, это намного легче, чем мучения от некоторых форм рака или воспаления мозга.

Голодная смерть и на десятую долю не так страшна, как это. ...Одиночество? Но разве человек менее одинок, когда умирает дома в собственной постели? К нему приходят, говорят: «Ну, полно, полно», — ухаживают, оказывают всякие услуги, но этим и исчерпывается твое общение с другими. Ты уже вступил на свою последнюю, одинокую стезю, от тебя уходят речь, движения, даже желание говорить или двигаться, и голоса людей постепенно замирают и исчезают для тебя. Нет, смерть повсюду — мгновение подлинного одиночества, человек уходит в небытие один.

Более молодого человека это полное одиночество над глубоким ущельем, наверно, ужаснуло бы, но мистер Барнстейпл давно уже вышел из того возраста, когда питают иллюзии относительно возможности близкого общения друг с другом. Он хотел бы в последний раз поговорить с сыновьями, ободрить жену, но даже это было скорее смутным сентиментальным самовнушением, чем реальным желанием. В разговорах с сыновьями он всегда как-то робел. По мере того как начинала складываться их индивидуальность и характеры и из подростков они превращались в юношей, он все больше приходил к выводу, что задушевные беседы с ними были бы посягательством на их право складываться в самостоятельную личность. Да и они, казалось ему, тоже были застенчивы с ним, как бы защищаясь. Может быть, позднее сыновья снова сближаются с отцом, но этого «позднее» у него уже никогда не будет. И все-таки ему хотелось бы дать им знать о том, что с ним случилось. Это его беспокоило. Тогда они думали бы о нем с уважением и он не нанес бы им душевной травмы, как нанесет теперь: ведь они почти наверное будут думать, что он просто сбежал от них, или помешался, или даже связался с преступниками и те его убили. И они будут очень тревожиться, стыдиться, хотя для этого нет никаких причин, или, что будет еще хуже, начнут его разыскивать, бесполезно тратя деньги...

Все люди смертны. Многие умерли той смертью, которой умрет и он: в странной и необычной обстановке, заблудившись в темной пещере, высаженные на необитаемый остров, затерявшись в австралийских зарослях, брошенные в тюрьму и оставленные там умирать. Хорошо умереть без тяжких мук, без оскорблений! Он подумал о несчетном числе людей, распятых на кресте в Древнем Риме... сколько их было, воинов Спартака, распятых вдоль Аппиевой дороги, — восемь тысяч или десять? Он вспомнил о неграх, подвешенных на цепях и оставленных умирать от голода,

о бесконечном разнообразии таких смертей. Все это потрясало его воображение, но в мыслях они страшнее, чем в действительности... Немного больше мук, немного меньше — бог ведь не станет расточать напрасно лишние страдания. Крест, колесо, электрический стул или койка в больнице — суть одна: человек мертв, и с ним покончено.

Было даже какое-то приятное чувство в том, что он так мужественно размышляет обо всем. Он попал в западню и все-таки не обезумел от ужаса — в этом тоже есть что-то хорошее! К удивлению мистера Барнстейпла, его нисколько не заботил сейчас вопрос о бессмертии его души. Он вполне допускал мысль, что окажется бессмертным или по крайней мере часть его. Нелепо быть догматичным и отрицать, что эта частица — какое-то отражение его сознания или даже воли — может продолжать существовать самостоятельно. И в то же время он не мог представить себе, как это будет. Это было выше человеческого понимания. Этого нельзя было вообразить. Он не испытывал страха перед таким продолжением своего существования. Он не думал и о возможности суровой кары и не боялся ее. Ему часто казалось, что вселенная создана довольно небрежно, но он никогда не допускал, что она творение злобного глупца. Мир представлялся ему чем-то весьма беспорядочным, но вовсе не порождением злобы и жестокости. Сам он всегда оставался тем, чем был, — слабым, ограниченным человеком, иногда глупым, но ведь наказанием за такие недостатки являются они сами...

Мистер Барнстейпл перестал думать о своей собственной смерти. Он принялся размышлять о жизни вообще, о том, как убога она теперь, но какие благородные цели в ней заложены. Глубокую горечь вызывала в нем мысль, что он больше никогда не увидит этого мира Утопии, который во многом был прообразом того, чем мог бы стать его собственный мир. Его радовала мысль о том, что он увидел воплощение лучших человеческих стремлений и идеалов; и в то же время ему горько было подумать, что это видение отняли у него раньше, чем он мог к нему приглядеться. Он вдруг обнаружил, что задает себе вопросы, на которые у него нет ответа, — об экономике Утопии, о любви утопийцев, об их борьбе. Но все равно он счастлив, что увидел хотя бы столько, сколько ему удалось. Все-таки как хорошо, что он прошел через это очищение и навсегда вырвался из трясины унылой безнадежности, в которую его вверг мистер Пиви, и впервые увидел жизнь в ее подлинной перспективе!..

Страсти, конфликты и бедствия тысяча девятьсот двадцать первого года — все это было не более как лихорадкой не получившего оздоровительной прививки мира. Век Хаоса на Земле тоже в свое время изживет себя — об этом позаботится та смутная, но неодолимая правда, которая живет в крови человека. И эта мысль служила утешением для странно устроенного ума мистера Барнстейпла, когда он, скорчившись, сидел в расселине огромной скалы, среди недоступных вершин и бездонных пропастей, продрогший, голодный, измученный.

Утопия открывала перед ним великолепные возможности, и какими жалкими и ничтожными показали себя он и его товарищи! Ни один из них даже не попытался развеять мальчишеские фантазии мистера Кэтскилла и твердой рукой обуздать животную агрессивность его единомышленников. Как беспрепятственно взял на себя отец Эмертон роль обличающего, ненавидящего, проклинающего, сеющего рознь жреца! Каким безнадежно слабым и бесчестным оказался мистер Берли. Впрочем, и сам он, Барнстейпл, немногим лучше! Вечно что-то не одобряющий и вечно пребывающий в бездейственной оппозиции. Как глупа эта покоровьи красивая женщина Грита Грей — жадная, требовательная, чуждая любой мысли, кроме мыслей самки о своей привлекательности. Леди Стелла — существо более тонкое, но обречена на полную бездеятельность. «Женщины, — подумал он, — не очень удачно представлены в этой случайной экспедиции: одна — полное ничтожество, другая — вялая посредственность. Нет, по ним нельзя справедливо судить о женщинах Земли».

Зрелище достижений Утопии вызвало у землян единственное желание: вернуть ее как можно скорее вспять — к насилию, завоеваниям, жестокостям Века Хаоса, в котором жили они сами. Серпентина и Кедра, ученого и врача, они хотели превратить в заложников, чтобы утвердить свое право разрушать, а когда это им не удалось, они убили их или пытались убить.

Они хотят вернуть Утопию к тому, чем живет сейчас Земля, а между тем, если бы не их глупость, злоба и ничтожество, Земля была бы Утопией. Да, наша старая Земля уже сейчас — Утопия, прекрасный сад, земной рай, но ее попирают, превращая все в прах и развалины, Кэтскиллы, Ханкеры, Барралонги, Ридли, Дюпоны и им подобные. И этому их злобному духу разрушения в земном мире не противостоит ничто, кроме жалкого повизгивания мистеров Пиви, снисходительного неодобрения мистеров Берли и не-

скончаемых бесплодных протестов таких людей, как он сам. И еще несколько писателей и учителей, чья деятельность пока не принесит видимых результатов...

Мистер Барнстейпл снова вспомнил о своем старом друге, школьном инспекторе и авторе учебников, который работал с величайшим упорством, но, не выдержав, умер так бессмысленно. Он всю свою жизнь трудился во имя Утопии! Быть может, на Земле есть еще сотни или тысячи таких утопийцев? Какая непонятная сила поддерживает их?

Ведь хотя сам он должен умереть голодной смертью, как сорвавшийся в пропасть зверь, Утопия победила и будет побеждать. Стяжатели и завоеватели, тираны и шовинисты, линчеватели и гонители и все остальные порождения близорукой людской жажды насилия сгрудились вместе перед окончательной гибелью. Даже когда они живут так, как им хочется, они не знают счастья, они мечутся от одного наслаждения к другому, от довольства к полному истощению. Все их предприятия и успехи, их войны и подвиги вспыхивают и гаснут, исчезая в небытии. Только настоящая правда растет непреодолимо, только ясная идея год за годом, век за веком растет медленно и непобедимо, как растет алмаз во мраке под страшным давлением земной толщи или как заря, разгораясь, затмевает мерцание гаснущих свеч какой-либо еще не окончившейся оргии.

Каков будет конец этих ничтожных людей там, наверно? Их жизнь находится в еще большей опасности, чем его собственная, потому что он будет лежать и умирать от голода медленно, долгими неделями, пока его сознание не угаснет совсем; они же бросили открытый вызов мощи и мудрости Утопии, и сейчас эта упорядоченная сила уже нависает над их головами и готова их уничтожить. Вопреки логике ему по-прежнему было немного неловко, что он выдал засаду, устроенную Кэтскиллом. Сейчас он уже не мог вспомнить без улыбки свою наивную мысль о том, что если Кэтскиллу удастся захватить заложников, то Земля возобладает над Утопией. Именно эта мысль и побудила его действовать с излишней поспешностью. Как будто один его слабый крик мог предотвратить эту чудовищную катастрофу. Ну, а если бы его там не было? Или если бы он поддался инстинкту товарищества, который побуждал его сражаться вместе с остальными? Что было бы тогда?

Он вспомнил, как Кедр одним толчком, словно назойливую собачонку, отбросил от себя мистера Маша; представил себе высокий рост, широкие плечи Серпентина и подумал, что земляне даже в своей засаде на ступеньках лест-

ницы вряд ли одолели бы двух утопийцев. Все равно были бы пущены в ход револьверы, как это и случилось на склоне, и Кэтскилл получил бы не заложников, а только двух убитых.

Как невыразимо глуп был весь план Кэтскилла! Впрочем, не глупее, чем поведение Кэтскилла, Берли и всех остальных государственных мужей Земли за последние несколько лет. Иногда в эти годы, когда мир корчился в муках мировой войны, ему казалось, что Утопия вот-вот придет на Землю. Черные тучи и дым этих лет были пронизаны проблесками смутных надежд на возрождение обетованного мира. Но националисты, финансисты, священники, патриоты не дали этим надеждам осуществиться. Они положились на старый яд, на бактерии прошлого и на низкую сопротивляемость цивилизованного сознания. Они подсчитывали силы, устраивали засады и поручали своим женщинам шить флаги розни и войны...

Они убили Надежду, но только на время. Ибо Надежда, эта искупительница рода человеческого, возрождается снова и снова.

— Утопия победит! — сказал мистер Барнстейпл и стал прислушиваться к звуку, который возник уже довольно давно, — к глухому рокоту в скале над ним, словно там катилась какая-то огромная машина, — этот звук все нарастал, потом стал стихать и замер.

Мысли его снова вернулись к его недавним спутникам. Ему хотелось надеяться, что они там, наверху, не так уж напуганы и несчастны. Он был бы особенно рад, если бы что-нибудь подбодрило леди Стеллу. Он искренне беспокоился о ней. Что касается остальных, для них будет лучше, если они сохраняют свой боевой дух. Сейчас они все, наверно, трудолюбиво приводят в исполнение какой-нибудь нелепый и безнадежный план обороны, придуманный Кэтскиллом. Все, за исключением мистера Берли, который, несомненно, отдыхает, убежденный, что для него, во всяком случае, найдется какой-нибудь достойный выход из положения. И мысль о том, что такого выхода не окажется, тоже, вероятно, его не пугает. Эмертон и, возможно, Маш скорее всего впали в религиозный экстаз, а остальных это, наверно, немного раздражает, но зато отвлекает мысли леди Стеллы и мисс Гриты Грей. Ну, а для Пенка есть вино в подвале...

Они, конечно, будут подчиняться законам своего существа и делать то, чего требует от них их натура и привычки. И разве возможно что-нибудь другое?

Мистер Барнстейпл погрузился в метафизические рассуждения...

И вдруг он поймал себя на том, что смотрит на часы. Было двадцать минут первого. Он смотрит на часы все чаще и чаще или время вдруг стало идти медленней?.. Завести часы? Или дать им остановиться? Сейчас его уже начинал мучить голод. Впрочем, это еще не настоящий голод; просто у него разыгралось воображение.

Глава четвертая

КОНЕЦ КАРАНТИННОГО УТЕСА

1

Мистер Барнстейпл просыпался медленно и неохотно: ему снилась кухня. Он был Сойером, знаменитым поваром Реформ-клуба. Он изобретал и пробовал новые блюда. Однако по чудесным законам, управляющим страной снов, он был не только Сойером, но в то же время еще и очень талантливым утопийским биологом и, наконец, самим богом. Он мог не только готовить новые блюда, но и создавать новые овощи, новые виды мяса, которые могли пригодиться для этих блюд. Его особенно занимала новая порода кур, так называемая шатобриановская порода. Она сочетала в себе сочность хорошего бифштекса с нежным и тонким вкусом куриной грудки. Он собирался начинить кур стручковым перцем, грибами и луком, хотя грибы тут не совсем подходили. Грибы... он попробовал их, нужно было немножко подправить! И вот в сон вступил поваренок, несколько поварят, все обнаженные, как утопийцы; они принесли из кладовой кур, говорили, что куры эти лежалые, и, чтобы они не залежались совсем, начали подбрасывать их вверх, а затем сами полезли по стенам кухни, которые были скалистыми и для кухни чересчур близко сходились. Фигуры поварят вдруг потемнели, они казались черными силуэтами на фоне светящегося пара, валившего из котла с кипящим супом. Суп кипел, но все-таки это был холодный суп и холодный пар.

Мистер Барнстейпл проснулся.

Вместо светящегося пара он увидел заполнивший ущелье туман, освещенный яркой луной. На его фоне фигуры двух утопийцев казались черными силуэтами...

Как... утопийцы?

Его сознание металось между сном и реальностью. Он

глядел вверх с напряженным вниманием. Да, утопийцы двигались, непринужденно жестикулируя, совершенно не подозревая, что он находится так близко от них. Очевидно, они уже закрепили где-то наверху веревочную лестницу, но как они это сделали, он не знал. Один все еще стоял на его уступе, другой, повиснув над ущельем, раскачивался на веревочной лестнице, упираясь ногами в скалу. Над краем уступа появилась голова третьего. Голова покачивалась из стороны в сторону: утопиец, видимо, поднимался вверх по второй веревочной лестнице. Они что-то обсуждали. Мистер Барнстейпл понял, что третий предлагает остановиться здесь, а стоящий наверху настаивает, чтобы они поднялись еще выше. Через несколько мгновений спор был улажен.

Верхний утопиец рывком подтянулся и исчез из поля зрения мистера Барнстейпла. Его товарищи последовали за ним и один за другим тоже исчезли; теперь мистер Барнстейпл видел только судорожно раскачивающуюся веревочную лестницу да еще какой-то длинный канат, который они, казалось, поднимали на вершину утеса.

Напряженные мышцы мистера Барнстейпла расслабились. Он беззвучно зевнул, потянулся, расправляя затекшие руки и ноги, и осторожно встал. Потом он выглянул из своего убежища. Утопийцы как будто добрались до верхнего уступа и что-то там делали. Свободно висевший канат вдруг натянулся. Утопийцы начали медленно поднимать что-то снизу. Это был большой узел — возможно, инструменты, или оружие, или какие-то материалы, завернутые во что-то для смягчения ударов о скалу. Узел внезапно возник перед мистером Барнстейплом, несколько секунд покружился на месте, и затем утопийцы рывком подтянули его к себе. Несколько минут стояла полная тишина.

Потом он услышал какое-то металлическое позвякивание, затем — тук-тук-тук! — глухие удары молотка. Он отпрянул назад: тонкая веревка, видимо бегущая по блоку, едва не задела его. Теперь сверху доносилось что-то вроде скрежета пилы, потом несколько обломков скалы пролетели мимо него и исчезли в пустоте.

2

Он не знал, что ему делать. Он боялся окликнуть утопийцев и тем раскрыть свое присутствие. После убийства Серпентина он не мог быть уверен в том, как поведут себя утопийцы, обнаружив одного из землян, притаившегося в этом укромном местечке.

Он стал разглядывать веревочную лестницу, по которой утопийцы поднялись до его убежища. Она держалась на большом костыле, конец которого был забит в скалу рядом с расселиной. Возможно, что этим заостренным костылем выстрелили из какого-то аппарата снизу, когда он спал. Сама лестница состояла из колец, соединенных веревкой на расстоянии примерно двух футов друг от друга, и была сделана из такого легкого материала, что мистер Барнстейпл не поверил бы, что она может выдержать вес человека, если бы не видел, как по ней поднимались утопийцы... Ему пришло в голову, что и он может спуститься по этой лестнице и сдать на милость утопийцев, которые, наверное, находятся внизу. Что касается тех троих, работающих наверху, то их внимание он может привлечь разве только каким-нибудь внезапным движением, которое, пожалуй, вызовет неприятные действия с их стороны, а если утопийцы внизу увидят, как он тихо и медленно спускается к ним сверху, у них будет достаточно времени, чтобы обдумать, как поступить. А кроме того, ему очень хотелось поскорее покинуть этот мрачный уступ.

Он крепко ухватился за кольцо, стоя спиной к обрыву, нащупал ногой второе нижнее кольцо, несколько мгновений прислушивался к слабым звукам наверху и начал спускаться.

Это был невероятно долгий спуск. Вскоре мистер Барнстейпл пожалел, что не стал считать кольца лестницы. Он, наверно, уже миновал сотню их. Но когда он, вытянув шею, заглянул вниз, там все еще зияла темная пропасть. В ущелье царил непроницаемая мгла. Свет луны не мог добраться до самых глубин каньона, и только слабые его отблески на клочьях тумана боролись с темнотой. Да и в вышине лунный свет становился все слабее.

Мистер Барнстейпл то прижимался вплотную к скале, то она словно отодвигалась, и тогда казалось, что лестница уходит куда-то в черную бездонную пустоту. Ему приходилось нащупывать каждое кольцо — его руки и босые ноги были теперь натерты до крови. Вдруг ему в голову пришла новая и очень неприятная мысль. А что, если кто-нибудь из утопийцев вздумает подниматься снизу по этой же лестнице? Но нет, это будет сразу заметно: лестница натянется, задрожит, и он успеет крикнуть: «Я землянин. Я опускаюсь вниз! Я безобидный землянин!»

Он попробовал крикнуть это в виде опыта. Из ущелья отозвалось эхо, но никакого другого, ответного звука он не услышал.

Он продолжал молча, упорно спускаться, стараясь двигаться как можно быстрее. Нетерпеливое желание поскорее оставить эту проклятую лестницу, дать отдохнуть пылающим рукам и ногам преобладало над всеми другими чувствами.

Бум, бум!.. И вспышка зеленого света!

Он оцепенел и посмотрел вниз, на дно каньона. Снова зеленая вспышка! Глубина ущелья на мгновение осветилась, и ему показалось, что расстояние до дна все еще огромно. И над ущельем тоже что-то происходит, но за короткое мгновение вспышки он не успел уловить, что именно. Сначала ему показалось, что по ущелью ползет какая-то гигантская змея. Потом он сообразил, что это, вероятно, толстый кабель и его тянут несколько утопийцев. Но как те три-четыре человека, которых он смутно разглядел, умудряются тащить этот огромный кабель, он не мог понять. Змеевидный кабель, казалось, полз вверх самостоятельно, наискося поднимаясь по скале. Может быть, его тянут вверх тросами, которых он не заметил? Он ждал третьей вспышки, но ее не было. Он прислушался, однако различил только рокочущий звук, который он уже отметил раньше, похожий на гул ровно работающей машины.

Он стал спускаться дальше.

Когда мистер Барнстейпл добрался наконец до выступа, куда можно было бы стать, его ожидал неприятный сюрприз. Вереvoчная лестница спускалась ниже этой площадки всего на несколько ярдов и там кончалась. По тому, как лестница все больше и больше раскачивалась, он еще раньше почувствовал это... Но тут он вдруг разглядел в темноте что-то вроде горизонтальной галереи, вырубленной в скале. Он вынул ногу из кольца, нащупал выступ и тут же откачнулся обратно. Он так устал и измучился, что долгое время не мог перебраться с лестницы на площадку. Наконец он сообразил, как это можно сделать. Повиснув на руках, он оттолкнулся ногами от скалы и, качнувшись к выступу, секунду держался над ним. Он проделал это дважды, потом сбросил с духом и прыгнул на выступ, отпустив лестницу. Она откачнулась, пропала в темноте, потом качнулась обратно и, словно играя, внезапно хлопнула его по плечу.

Галерея, в которой очутился мистер Барнстейпл, была проложена в большой кристаллической жиле какого-то минерала. Вглядываясь во мрак, он ощупью побрел по галерее. Если это была выработка, то, несомненно, она как-то соединялась с дном каньона. Шум потока сейчас был намного громче, и мистер Барнстейпл решил, что спустился

с утеса примерно на две трети его высоты. Он решил, что лучше подождать утра. Он взглянул на светящийся циферблат часов: было четыре часа. Скоро наступит рассвет. Он выбрал удобное место и сел, прислонившись спиной к камню. Рассвет, казалось, наступил мгновенно, но на самом деле мистер Барнстейпл на некоторое время забылся: на часах было уже половина шестого.

Он подошел к краю галереи и посмотрел вверх, туда, где он видел в расселине кабель. В утреннем сумраке все предметы казались серыми либо белыми или черными, но очень отчетливыми. Стены каньонов, казалось, поднимались на бесконечную высоту и пропадали где-то в облаках. Внизу мелькнул утопиец, но его тотчас же заслонил выступ скалы. Мистер Барнстейпл подумал, что огромный кабель прижат вплотную к обрыву Карантинного Утеса и поэтому отсюда его не видно.

Он не нашел ступенек, которые вели бы вниз из галереи, но ярах в тридцати — сорока он увидел пять тросов, которые под острым углом уходили к противоположной стене каньона. Тросы вырисовывались очень отчетливо. Он подошел к ним. По каждому тросу ходила маленькая вагонетка с большим крюком под ней. Это была маленькая подвесная дорога. Три троса были пусты, а на остальных двух вагонетки находились на этой стороне. Мистер Барнстейпл осмотрел вагонетки и отыскал тормоза, которые их удерживали на тросе. Он отпустил один тормоз, и вагонетка рванулась вперед, чуть не столкнув его в пропасть. Он спасся, ухватившись за другой трос. Он видел, как вагонетка полетела вниз, как птица опустилась на песчаный берег по ту сторону потока и там остановилась. Спуститься, по-видимому, было можно. Весь дрожа, он повернулся к последней вагонетке.

Его нервы были настолько истерзаны и воля настолько ослабела, что потребовалось некоторое время, прежде чем он заставил себя повиснуть на крюке и отпустить тормоз. Но вот он мягко и быстро полетел через ущелье на песчаный берег...

Там лежали большие груды кристаллического минерала. Откуда над ними висел канат? Должно быть, от невидимого в тумане подъемного крана. Но ни одного утопийца вокруг не было. Мистер Барнстейпл разжал руки и спрыгнул на песок. Песчаный берег расширялся вниз по течению, и он пошел вдоль потока.

Свет становился все ярче. Мир перестал быть миром серого и черного. Предметы обрели краски. Все вокруг было

покрыто обильной росой. А он был голоден и невыносимо измучен. Песок стал каким-то другим, он сделался мягче, ноги в нем вязли. Мистер Барнстейпл почувствовал, что не в состоянии больше идти, и решил ждать чьей-нибудь помощи. Он уселся на камень и посмотрел на громаду Карантинного Утеса.

3

Огромный утес уходил ввысь и торчал почти вертикально, словно нос гигантского корабля, разделившего два синих каньона. Ключья и полосы тумана все еще скрывали от мистера Барнстейпла вершину и мостик, перекинутый через более узкий каньон. Небо, проглядывавшее между полосами тумана, было густого синего цвета. Пока он всматривался, туман рассеялся, и в лучах восходящего солнца старый замок засверкал ослепительным золотом; крепость землян была отчетливо видна.

Мост и замок были бесконечно далеко, и вся верхняя часть скалы казалась маленьким шлемом на голове гигантского воина. Ниже моста, примерно на той высоте, на которой работали или еще продолжали работать три утопийца, тянулась темная змеевидная лента. Мистер Барнстейпл решил, что это и есть кабель, который он заметил ночью в свете зеленых вспышек. Потом он увидел какое-то странное сооружение — ближе к вершине, возле более широкого каньона. Это было нечто вроде огромной плоской спирали, поставленной у края обрыва, напротив утеса. Немного ниже, над более узким каньоном, отчасти заслоненная выступом, виднелась вторая такая же спираль — почти возле самых ступенек, которые вели вверх от мостика. Двое или трое утопийцев, выглядевших на огромной высоте крохотными и приплюснутыми, копошились у края обрыва — они держали в руках какой-то аппарат, имевший отношение к двум спиральям.

Мистер Барнстейпл глядел на эти приготовления, ничего не понимая, как дикарь, никогда не слышавший выстрела, глазел бы на человека, заряжающего ружье.

Послышался знакомый звук, слабый и далекий. Это сирена на Карантинном Замке дала сигнал к подъему. И почти одновременно на фоне голубого неба появилась маленькая наполеоновская фигура мистера Руперта Кэтскилла. Рядом с ним показались голова и плечи, очевидно, вытянувшегося перед ним Пенка.

Командующий вооруженными силами землян вытащил полевой бинокль и принялся разглядывать спирали.

— Интересно, понимает ли он, что это такое,— пробормотал мистер Барнстейпл.

Мистер Кэтскилл повернулся и что-то приказал Пенку: тот отдал честь и исчез.

Какой-то треск в более узком каньоне заставил мистера Барнстейпла обратить внимание на мостик. Его больше не было. Мистер Барнстейпл быстро посмотрел вниз и еще успел заметить падающий мост в нескольких ярдах от воды. Потом он увидел, как всплеснулась вода и металлическая рама, ударившись о камни, подпрыгнула и разлетелась на части. Только через несколько мгновений до ушей мистера Барнстейпла донесся грохот падения.

— Кто же это сделал? — спросил он самого себя.

На его вопрос ответил мистер Кэтскилл: он торопливо побежал к углу замка и стал глядеть вниз. Он был явно удивлен. Значит, мост обрушили утопийцы.

Возле мистера Кэтскилла почти тотчас же появились мистер Ханкер и лорд Барралонг. Судя по их жестам, они что-то взволнованно обсуждали.

Солнечные лучи все ниже скользили по Карантинному Утесу. Теперь они осветили кабель, окружавший подножие вершины, и при этом свете он засверкал, словно начищенная медь. Мистер Барнстейпл вновь увидел трех утопийцев, разбудивших его ночью, — они торопливо спускались по веревочной лестнице. И снова раздался рокот, который он не раз слышал ночью. Но теперь этот звук был гораздо громче, он словно доносился отовсюду и отдавался в воздухе, в воде, в скалах, в его костях.

Внезапно рядом с маленькой группой землян возник какой-то темный копьевидный предмет. Этот предмет словно выпрыгнул откуда-то — он подпрыгнул еще на высоту роста человека, потом выше и снова выше. Это был флаг; его поднимали на флагштоке, который мистер Барнстейпл заметил только сейчас. Флаг поднялся до конца флагштока и повис.

Затем ветерок на мгновение развернул его. Открылась белая звезда на голубом фоне, потом флаг опять повис.

Это был флаг Земли, флаг крестового похода за возвращение Утопии к конкуренции, хаосу и войнам.

Под флагом появилась голова мистера Берли — он тоже рассматривал в бинокль спирали утопийцев.

4

Рокот и гудение отдавались в ушах мистера Барнстейпла все громче и вдруг стали оглушительными. Внезапно над

каньонами, между спиралями заметались фиолетовые молнии, пронзая насквозь Карантинный Замок с такой легкостью, словно его там и не было.

Однако он там был еще одно мгновение.

Флаг запылал, и ключья его свалились с флагштока. С головы мистера Берли слетела шляпа. Мистер Кэтскилл, фигура которого возвышалась до половины над парашютом, безуспешно боролся с полами сюртука, задравшимися и окутавшими ему голову. И в то же мгновение мистер Барнстейпл увидел, как замок стал поворачиваться вокруг оси, словно невидимый великан сжал пальцами верхушку утеса и стал ее откручивать. И тут же замок исчез.

На его месте поднялся огромный столб пыли; над потоками в каньонах взлетели фонтаны воды. Оглушительный грохот ударил в уши мистера Барнстейпла. Невидимая сила подняла его в воздух и отбросила на несколько шагов. Он упал среди града камней, тучи брызг и облака пыли, избитый и оглушенный.

— Боже мой! — простонал он. — Боже мой!

С трудом, едва преодолевая отчаянную тошноту, он поднялся на колени.

Он бросил взгляд на вершину Карантинного Утеса — она была срезана аккуратно, как верхушка сыра острым ножом. Истощение и усталость окончательно одолели его, он упал ничком и потерял сознание.

Книга третья

НЕОФИТ В УТОПИИ

Глава первая

МИРНЫЕ ХОЛМЫ У РЕКИ

1

«**Б**ог создал больше миров, чем страниц в книгах всех библиотек; и среди множества божьих миров человек может познавать новое и становиться все совершеннее вечно».

У мистера Барнстейпла было ощущение, что он плывет от звезды к звезде через бесконечное многообразие чудес мироздания. Он перешагнул границы бытия; долгими столетиями он спускался по обрывам несчетных утесов; переходил от вечности к вечности в потоке неисчислимых малых звезд... Наконец наступила полоса глубочайшего покоя. Явилось небо с легкой пеленой облаков, озаренных лучами заходящего солнца, пологие холмы на горизонте с вершинами, покрытыми золотистой травой, с темно-лиловыми лесами и рощами и бледно-желтыми полями по склонам. То там,

то тут были разбросаны увенчанные куполами строения террасы, цветущие сады, уютные виллы, большие бассейны с сверкающей на солнце водой.

Поблизости все склоны поросли деревьями вроде эвкалиптов, только листья у них были потемнее; весь этот ландшафт уходил вниз, к широкой долине, по которой лениво петляла светлая река, исчезая в вечерней дымке.

Мистер Барнстейпл, заметив какое-то легкое движение, перевел взгляд — рядом с ним сидела Ликнис. Она улыбнулась ему и приложила палец к губам. Ему смутно захотелось что-то ей сказать, но он только слабо улыбнулся в ответ и повернул к ней голову. Она встала и скользнула куда-то мимо его изголовья. Он был еще настолько слаб и безразличен ко всему, что не смог даже посмотреть, куда она пошла. Все-таки он заметил, что она сидела за белым столиком, на котором стоит серебряная ваза с синими цветами, — их яркая окраска приковывала его взор, и он сосредоточил на них все то вялое любопытство, которое пробудилось в нем. Он старался понять, действительно ли в Утопии краски ярче или чистота и прозрачность воздуха так обостряют его зрение.

Стол стоял у белых колонн спальной лоджии, а между ними низко свесилась ветвь похожего на эвкалипт дерева с темно-бронзовыми листьями.

Зазвучала музыка. Звуки сочлились тонкой струйкой, падали каплями, текли — ненавязчивый ручеек маленьких, ясных нот. Музыка звучала где-то на пороге его сознания — вроде песни какого-нибудь Дебюсси из волшебной страны... Покой...

2

Мистер Барнстейпл снова проснулся.

Теперь он изо всех сил старался вспомнить...

Что-то швырнуло его и оглушило. Что-то слишком огромное и мощное, чтобы можно было удержать это в памяти.

Потом какие-то люди окружили его и что-то говорили; он видел только их ноги — должно быть, он лежал ничком, уткнувшись лицом в землю. Потом его перевернули, и он был ослеплен яркими лучами восходящего солнца.

В ущелье, у подножия высокого утеса, две милые богини дали ему выпить какого-то лекарства. Потом женщина несла его на руках, как ребенка... Какие-то туманные, отрывочные воспоминания о долгом полете по воздуху... И тут ему представился огромный сложный механизм, не имевший к остальному никакого отношения. Он попытался было разо-

браться, в чем тут дело, но сознание сразу устало работать... Чьи-то голоса о чем-то совещались. Боль от укола. Потом он вдыхал какой-то газ. И беспробудный сон. Вернее, сон, перемежающийся какими-то видениями...

Но что же это было за ущелье? Как он попал туда?

Да, ущелье, только в каком-то другом освещении, при вспышке зеленого света. Утопийцы тащат огромный, тяжелый кабель.

И вдруг перед его глазами четко встал Карантинный Утес на фоне яркого синего утреннего неба. Он вновь увидел, как вершина начала медленно поворачиваться вместе с развевающимся флагом, растрепанными фигурками, словно большой корабль, выходящий с флагами и пассажирами из гавани, увозя их в невидимое и неведомое... И вдруг мистер Барнстейпл вспомнил все свое невероятное, чудесное приключение от начала и до конца.

3

Он приподнялся на своем ложе. Лицо его выражало нетерпеливый вопрос, и тут же появилась Ликнис.

Она села рядом с ним, немного взбила подушки и стала его убеждать лежать спокойно. Она сообщила, что его вылечили от какой-то болезни и что он больше не носитель инфекции, но пока еще он очень слаб. «После какой же болезни?» — спросил он себя. Тут он вспомнил новые подробности недавнего прошлого.

— У вас вспыхнула эпидемия, — сказал он. — Какая-то смесь из всех наших инфекций.

Она улыбнулась успокаивающе. Эпидемия кончилась. Организованность и наука Утопии уничтожили опасность в самом зародыше. Сама Ликнис не участвовала в профилактических и санитарных работах, так быстро прервавших распространение вторгшихся микробов; она занималась другим — ухаживала за больными. Что-то сказала мистеру Барнстейплу, что Ликнис даже огорчена тем, что эта мило* сердная деятельность больше уже не нужна. Он поднял голову и посмотрел в ее красивые, добрые глаза, в которых светилось ласковое сострадание. Конечно, она огорчена не тем, что Утопия избавилась от эпидемии, это было бы невероятно; видимо, она опечалена тем, что больше не может отдавать всю себя страждущим, и рада хотя бы тому, что он еще нуждается в ее помощи.

— А что стало с этими людьми на утесе? — спросил он. — Что стало с остальными землянами?

Она не знала, но думала, что их изгнали из Утопии.

— Назад на Землю?

Нет, она не думает, чтобы они вернулись на Землю. Возможно, они попали в другую вселенную. Но она не знает точно. У нее никогда не было призвания к математическим или физико-химическим наукам, и сложные теории о пространственных измерениях, которыми интересовалось в Утопии столько людей, были ей недоступны. По ее мнению, вершина Карантинного Утеса была выброшена за пределы утопийской вселенной. Множество утопийцев сейчас заинтересовалось проблемой иных измерений, но все это только пугало ее. Она отшатывалась от этого, как отшатывается очутившийся на самом краю пропасти.

Ей не хотелось думать о том, куда девались земляне, над какими безднами они проносятся, в какие необозримые пространства они погружаются. Когда она думала об этом, словно черные пропасти разверзались у нее под ногами и ее покидала спокойная уверенность в незыблемости мира. У нее был консервативный склад мышления; она любила жизнь такой, как она есть и какой была всегда. Она посвятила себя уходу за мистером Барнстейплом, когда выяснилось, что он избежал судьбы остальных землян; ее не очень занимали подробности того, что с ними произошло. Она просто не думала об этом.

— Но где же они? Куда они исчезли?

Этого она не знала.

Постепенно она рассказала ему, но как-то запинаясь и бессвязно, о своем смутном несочувствии этим новым открытиям, которые воспламенили сейчас воображение утопийцев. Толчком к этому энтузиазму был опыт Ардена и Гринлейк, благодаря ему земляне попали в Утопию. Это была первая брешь, пробитая в непреодолимом ранее барьере, который удерживал их мир в трехмерном пространстве. Их опыт открыл путь к этим безднам. Он положил начало исканиям, заполонившим сейчас всю Утопию. Он был первым практическим результатом целой сложной системы теорий и научных выводов. Мистер Барнстейпл вспомнил о более скромных открытиях, сделанных на Земле: о Франклине, поймавшем воздушным змеем молнию, и о Гальвани с его дергающей лапками лягушкой — они оба размышляли над этим чудом, и в итоге электричество стало служить людям. Но потребовалось полтора столетия, чтобы электричество вызвало ощутительные перемены в человеческой жизни: ищущих умов на Земле было мало, а общественная система была враждебна ко всему новому. В Утопии сделать

новое открытие значило воспламенить умы. Сотни тысяч экспериментаторов в свободном и открытом сотрудничестве работали теперь, следуя тем плодотворным путем, который открыли Арден и Гринлейк. Ежедневно, даже ежечасно открываются все новые, казавшиеся до сих пор фантастическими возможности взаимоотношения вселенных, лежащих в разных пространственных измерениях.

Мистер Барнстейпл потер рукой лоб и глаза, откинулся на спину и, прищурившись, стал смотреть на лежавшую внизу долину — закат медленно одевал ее золотом. Чувство какой-то безопасности и устойчивости охватывало его: ему казалось, что он в самом центре сферы, сияющей величием и безмятежностью. И все же это ощущение безграничного спокойствия было иллюзорным заблуждением: этот тихий вечер слагался из миллиардов и миллиардов спешащих и сталкивающихся атомов.

Весь этот покой и неподвижность, доступные человеку, не что иное, как мнимоспокойная поверхность потока, мчащегося с невероятной скоростью от водопада к водопаду. Было время, когда люди говорили о вечных горах. Теперь всякий школьник знает, что горы выветриваются от мороза, ветра и дождя и уносятся в море ежедневно и ежечасно. Было время, когда люди считали Землю у себя под ногами неподвижной. Теперь они знают, что Земля, кружась, мчится в пространстве, влекомая слепой силой, среди мириад звезд. Вся эта праздничная завеса перед глазами мистера Барнстейпла — тихая и мягкая роскошь заката и огромная пелена звездного пространства, висящая за синевой неба, — все теперь должно быть пронизано человеческим разумом, разъято и познано...

Его еще вялые мысли вернулись к тому, что занимало его больше всего.

— Но где же они, мои соотечественники? — спросил он. — Где их тела? А может быть, они все-таки не погибли?

Ликнис ничего не могла сказать ему.

Он лежал и думал... Естественно, что его поручили работам несколько отсталой женщины. Более действенные умы Утопии нуждаются в нем не больше, чем мыслящий человек на Земле в собаке или кошке. Она не хотела и думать о связях различных вселенных; этот предмет был слишком труден для нее; она представляла собой одну из редких неудач утопийской системы образования. Она сидела рядом с ним с какой-то божественной мягкостью и спокойствием на лице, и он почувствовал, что его суждения о ней —

что-то вроде предательства. Но он все-таки хотел получить ответ на свой вопрос.

Он решил, что вершина Карантинного Утеса была повернута и выброшена в пространство иного измерения. И маловероятно, что на этот раз земляне тоже попадут на какую-нибудь пригодную для жизни планету. Скорее всего их выбросит в пустоту, в межзвездное пространство еще одной неизвестной вселенной...

Что с ними произойдет? Они замерзнут. Или воздух будет мгновенно выжат из них, и их собственная тяжесть вдруг сплющит их... По крайней мере мучения их будут недолгими. Только один раз захватит дыхание, как у человека, внезапно брошенного в ледяную воду...

Он обдумал эти возможности.

— Выброшены! — сказал он вслух. — Словно клетка с мышами за борт судна...

— Не понимаю, — сказала Ликнис, поворачиваясь к нему. Он умоляюще смотрел на нее.

— Но скажите мне, что будет со мной?

4

Некоторое время Ликнис молчала. Она сидела, устремив кроткие глаза на голубоватую дымку, постепенно окутывающую реку и долину. Потом повернулась к нему и ответила вопросом:

— Хотите вы остаться в нашем мире?

— Конечно! Любой землянин пожелал бы остаться здесь. Мое тело очищено. Почему бы мне не остаться?

— Наш мир вам нравится?

— Красота, порядок, здоровье, энергия, ищущая мысль — разве это не все то лучшее, во имя чего мучается и страдает мой мир?

— И однако наш мир все еще не удовлетворен.

— Мне этого достаточно.

— В вас говорят усталость, слабость...

— Этот воздух быстро вернет мне здоровье и силы. Я даже смог бы помолодеть в вашем мире. По вашей оценке возраста я еще далеко не стар.

Снова она некоторое время молчала. Огромная долина наполнилась смутной синевой, и только на горизонте темные силуэты деревьев на холмах ясно рисовались на фоне желто-зеленого вечернего неба. Никогда в жизни мистер Барнстейпл не видел такого мирного прихода ночи. Но слова Ликнис разрушили впечатление.

— Здесь,— сказала она,— нет покоя. Каждый день мы просыпаемся и спрашиваем себя: «Что нового сделаем сегодня? Что нам предстоит изменить?»

— Они превратили пустынную планету, полную болезней и беспорядка, в мир красоты и благополучия. Они заставили дикие джунгли человеческих инстинктов отступить перед союзом людей, перед знанием и властью над природой...

— Но наука никогда не успокаивается на достигнутом. Любознательность, жажда все нового и нового могущества скупают наш мир...

— Это здоровый аппетит,— возразил мистер Барнстейпл.— Я теперь устал. Я слаб и беспомощен, как только что родившийся младенец, но, когда я окрепну, быть может, я тоже разделю эту любознательность, приму участие в великих открытиях, которые вдохновляют сейчас утопийцев. Кто знает!

Он улыбнулся и поглядел в ее добрые глаза.

— Вам придется многому учиться,— сказала она.

Казалось, она думала о своей собственной неполноценности, когда произносила эти слова.

Мистер Барнстейпл вдруг смутно почувствовал, что тысячелетия прогресса должны были внести в идеи, в способы мышления этого человечества глубочайшие изменения. Он внезапно вспомнил, что в общении с утопийцами воспринимает лишь то, что способен понять, а все, что находится вне круга его земных идей и представлений, он просто не слышит. Пропать непонимания, возможно, была даже шире и глубже, чем ему казалось. Неграмотный негр с Золотого Берега, пытающийся постигнуть принципы термоэлектричества, и тот был бы, несомненно, в гораздо более выгодном положении по сравнению с ним.

— В конце концов меня влечет вовсе не участие в этих открытиях,— сказал он.— Вполне возможно, что они мне не по плечу; я просто хочу жить этой совершенной, красивой, повседневной жизнью, воплотившей в себе лучшие мечты моего собственного века. Я просто хочу жить здесь. Этого было бы для меня достаточно.

— Вы еще слабы и больны,— повторила Ликнис.— Когда вы окрепнете, у вас, возможно, появятся другие мысли.

— Какие же?

— Вы вспомните ваш собственный мир, вашу собственную жизнь.

— Вернуться обратно на Землю?!

Ликнис поглядела на сгущающиеся сумерки.

— Вы землянин по рождению и по сути. Чем же еще вы можете быть?

— Чем еще могу я быть?

Мистер Барнстейпл лежал и уже не размышлял больше, отдавшись охватившему его неопределенному чувству, а в сгущающейся синеве уже вспыхивали огоньки Утопии, образуя цепи, кольца, расплываясь светлыми пятнами.

Он мысленно боролся против той правды, которая таилась в словах Ликнис. Этот величественный мир Утопии, совершенный, уверенный в себе, готовящийся к грандиозным прыжкам в иные вселенные, был миром благородных великанов и недоступной красоты — миром планов и свершений, в которых жалкий, малоразвитый, слабый землянин никогда не сможет принять участия. Они уже взяли от своей планеты все, что она могла им дать, — как человек, вытряхивающий из кошелька последние монеты. И теперь они намерены испытать свои силы среди звезд...

Они добры. Они очень добры. Но они совсем другие...

Глава вторая

БЕЗДЕЙСТВИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОМ МИРЕ

1

Через несколько дней мистер Барнстейпл совершенно выздоровел — телом и душой. Он больше не лежал в своей лоджии, полный жалости к себе, безучастный к красоте окружающего; он уже свободно передвигался и совершал длительные прогулки по долине, искал знакомств и открывал для себя все больше чудес и осуществленных человеческих чаяний.

Утопия казалась ему именно страной чудес. Почти все, что портит и искажает человеческую жизнь, было здесь преодолено; войны, эпидемии и болезни, голод и нищета — от всего этого человечество было освобождено. Мечты художников — о совершенном, прекрасном человеческом теле, о мире, преображенном гармонией и красотой, — эти мечты стали здесь действительностью; дух порядка и организации царил безраздельно. Все стороны человеческой жизни коренным образом изменились.

Климат Долины Отдыха, мягкий и солнечный, напоминал Южную Европу, но здесь не было почти ничего характерного для пейзажа Италии или Испании. Не было дряхлых старух, согбенных под тяжестью ноши. Не было назойливых

попрошаек, ни рабочих в лохмотьях, сидящих на обочинах дорог. Вместо жалких, крохотных террасок, вспаханных вручную, вместо корявых оливковых деревьев, искромсанных виноградных лоз, крохотных полей или фруктовых садов, вместо скудных, примитивных оросительных каналов, предмета вечных споров и тяжб, здесь, в Утопии, все говорило о широких планах сохранения растительного мира, об умном и дальновидном использовании всей почвы, всех горных склонов, всех солнечных лучей. Здесь не было детей, пасущих среди камней тощих коз и овец, не было коров на привязи, пасущихся на жалких полосках травы; не было и лачуг вдоль дороги, ни часовен с кровоточащими распятиями, ни бездомных собак, ни ослов, которые, изнывая под тяжестью перегруженных корзин, задыхаясь, останавливаются перед крутым участком дороги, изрезанной рывтинами, усыпанной камнями и навозом. Вместо всего этого ровные и прочные дороги, без единого крутого подъема или спуска, пролегающие по широком виадукам над ущельями и долинами, ведущие сквозь горы, через туннели, подобные приделам собора, через скалы, заслоняющие пейзаж. Множество мест для отдыха, живописных убежищ, лестниц, взбирающихся к уютным верандам и беседкам, где друзья могли встретиться и поговорить, а влюбленные — найти уединение. Мистер Барнстейпл любовался рощами и аллеями — таких деревьев он никогда не видал, потому что на Земле редко встречаются совершенно здоровые взрослые деревья: почти все они источены паразитами, поражены гнилью и наростами, еще более изуродованы, искалечены и изъедены болезнями, чем само человечество.

Чтобы создать такой пейзаж, потребовался терпеливый и продуманный труд утопийцев на протяжении двадцати пяти столетий. В одном месте мистер Барнстейпл увидел большие строительные работы: заменяли мост, но не потому, что он обветшал и стал ненадежным, а потому, что кто-то сумел создать более смелый и более изящный проект.

Некоторое время мистер Барнстейпл не замечал отсутствия телефонной и телеграфной связи; нигде не было видно характерных для современной сельской местности столбов и проводов. Причину этого он узнал позднее. Не замечал он вначале и отсутствия железных дорог, станций, придорожных гостиниц. Он обратил внимание на то, что многие здания, видимо, имеют какое-то особое назначение, что люди входят туда и выходят из них с выражением интереса и деловой сосредоточенности. Из некоторых зданий доносится гудение и жужжание: здесь шла какая-то разнообраз-

ная работа; но его представления об индустрии этого нового мира были слишком туманны и отрывочны, чтобы пытаться угадать назначение того или другого здания. Он гулял, озираясь по сторонам, словно дикарь, очутившийся в роскошном цветнике.

Он не видел ни одного города. Причины возникновения этих нездоровых людских скоплений исчезли. Как он узнал, существовали места, где люди собирались для научных занятий, для взаимного обогащения знаниями, для обмена мыслями, — для этой цели и строились специальные комплексы зданий; но мистер Барнстейпл ни разу не побывал в этих центрах.

По всему этому миру двигались рослые люди Утопии, необыкновенно красивые утопийцы, они улыбались или дружески кивали ему, проходя мимо, но не давали ему даже возможности задать вопрос или вступить в беседу. Они мчались в машинах по дорогам или шли пешком, а над ними то и дело беззвучно пронеслась тень аэроплана. Мистер Барнстейпл немного побаивался их и благоговел перед ними, чувствуя себя какой-то нелепой диковиной, когда встречался с ними взглядом. Ибо, подобно богам Греции и Рима, они были облагороженными и совершенными людьми, и ему казалось, что они и в самом деле боги. Даже ручные звери, которые свободно расхаживали по этому миру, носили на себе отпечаток какой-то божественности, и это сковывало желание мистера Барнстейпла выразить им свои дружеские чувства.

2

Вскоре он нашел спутника для своих прогулок. Это был мальчик тринадцати лет, родственник Ликнис по имени Кристалл, кудрявый подросток, с такими же карими глазами, как у нее; он изучал историю — предмет, который он выбрал для самостоятельных занятий.

Насколько удалось понять мистеру Барнстейплу, главной частью учебных занятий мальчика была не история, а математика, связанная с физикой и химией. Но все это выходило за круг сведений, доступных землянам. Над основными предметами Кристалл работал вместе с другими мальчиками, и эти занятия носили исследовательский характер, как сказали бы о них на Земле. Мистер Барнстейпл не был в состоянии понять характер и других предметов — например, того, что называлось культурой выражения мыслей. Однако история их сблизилась. Мальчик как раз изучал сей-

час возникновение социальной системы Утопии из первых ее зачатков, утверждавшихся еще в Век Хаоса. Воображение мальчика было занято этой трагической борьбой, из которой родился нынешний строй Утопии; у него были сотни вопросов к мистеру Барнстейплу, а сам он мог служить источником всяческих сведений, которые затем должны были стать само собой разумеющейся основой его зрелого мышления. Мистер Барнстейпл был для него чем-то вроде книги, а он для Барнстейпла — своего рода гидом. И они гуляли вместе, беседуя как равные, этот обладающий незаурядным умом землянин и утопийский мальчик, который был выше его ростом на целый дюйм.

Основные факты истории Утопии Кристалл знал назубок. Он с увлечением объяснял, что нынешний порядок мира и красоты до сих пор поддерживается в Утопии во многом искусственно. Утопийцы, по его словам, в основном остались теми же, что и их далекие предки начала нового каменного века, тысяч пятнадцать или двадцать лет назад. Во многом утопийцы еще подобны землянам того же периода. С тех времен сменилось всего 600 или 700 поколений — срок очень малый для коренных изменений биологического вида. Не произошло даже сколько-нибудь серьезного смешения рас: в Утопии, как и на Земле, были белые и цветные народы, и они до сих пор сохранили свои различия. Расы уравнились в социальном отношении, но почти не смешивались, скорее каждая раса культивировала свои особенности и дарования. Часто бывает, что люди разных рас страстно любят друг друга, однако они редко решаются иметь детей... В Утопии произведено сознательное уничтожение уродливых, злобных, ограниченных, глупых и угрюмых типов характера, и это длилось примерно около десяти столетий; но средний житель Утопии, если не считать более полного выявления заложенных в нем способностей, мало чем отличается от деятельного и способного человека позднего каменного века, или раннего бронзового. Утопийцы, разумеется, бесконечно лучше питаются, несравненно более развиты умственно и тренированы физически, они ведут здоровую и чистую жизнь, но плоть у них была в конечном счете такой же, как у нас.

— Неужели,— сказал мистер Барнстейпл, не в силах сразу освоиться с этой мыслью,— по-вашему, добрая половина детей, рождающихся сейчас на Земле, могли бы вырасти такими богами, каких я вижу здесь?

— Если бы они жили в нашем воздухе, в нашем окружении...

— И если бы у них была такая наследственность...

— И наша свобода...

Мальчик напомнил мистеру Барнстейплу, что в Век Хаоса каждый человек вырастал с изуродованной и искалеченной волей, был опутан всякими бессмысленными ограничениями или подпадал под власть обманчивых иллюзий. Утопия и сейчас помнит, что людская натура была низменной и дикой и ее нужно было приспособлять к условиям общественной жизни; но Утопия сумела найти наилучшие методы этого приспособления — после многих неудач и попыток добиться этого принуждением, жестокостью и обманом.

— На Земле мы укрощаем зверей раскаленным железом, а себе подобных — насилием и обманом, — заметил мистер Барнстейпл, и он принялся рассказывать своему изумленному спутнику о школах и книгах, газетах и публичных диспутах начала XX века. — Вы не можете себе представить, как на Земле подчас забиты и боязливы даже порядочные люди. Вы изучаете сейчас Век Хаоса вашей истории, но вы не знаете, что такое эта атмосфера смятенных умов, недействительных законов, ненависти, суеверий. Когда ночь спускается на Землю, сотни тысяч людей лежат без сна, охваченные страхом перед грубой силой, жестокой конкуренцией, боясь, что они не смогут свести концы с концами, мучимые непонятными болезнями, удрученные какой-нибудь бессмысленной ссорой, доведенные почти до безумия неутоленными желаниями, подавленными извращенными инстинктами...

Кристалл признался, что ему трудно представить себе печали и горести Века Хаоса. Многие из теперешних страданий на Земле он тоже не может вообразить. Очень медленно Утопия создавала нынешнюю гармонию между законом, обычаем и воспитанием. Люди больше не подвергаются принуждению, которое только уродует и принижает их; было признано, что человек является животным, и его повседневная жизнь должна вращаться в кругу удовлетворенных потребностей и освобожденных инстинктов. Повседневное существование в Утопии состоит из бесконечного многообразия вкусной еды и напитков, разнообразных и увлекательных физических упражнений, труда, спокойного сна, счастливой любви, не знающей страха и злобы. Запреты были сведены к минимуму. Только тогда, когда животное начало в человеке получило полное удовлетворение, оно стало сходить на нет — тут вступила в свои права власть воспитания, принятого в Утопии. Драгоценным алмазом в голове змеи, лучи

которого вывели Утопию из хаоса этого примитивного существования, была любознательность, стремление к игре, которые у взрослых перерастали в ненасытную жажду знаний, в привычную тягу к творчеству. Все утопийцы, как дети, — одновременно учатся и творят.

Было удивительно слышать, как просто и ясно этот мальчик рассуждает о процессе воспитания, которому подчинен он сам, и в особенности как откровенно он рассуждает о любви.

Земная застенчивость чуть было не помешала мистеру Барнстейплу задать вопрос: «Но вы... Неужели вы уже любите?»

— Я испытывал определенное любопытство, — сказал мальчик, по-видимому отвечая так, как его учили. — Но желанию любить не следует слишком рано поддаваться. Молодых это только расслабляет, если они легко уступают желаниям, от которых часто уже нелегко избавиться. Это портит и калечит воображение. А я хочу хорошо работать, как работал до меня мой отец.

Мистер Барнстейпл искоса поглядел на красивый профиль юноши и вдруг поморщился, вспомнив темную комнату номер четыре для самостоятельных занятий и некий отвратительный период своего отрочества, душную, темную комнату и горячее и уродливое, что там произошло. Он вновь остро ощутил себя грязным землянином.

— Ах! — вздохнул он. — Ваш мир чист, как звездный свет, и приятен, как холодная вода в жаркий день!

— Я люблю многих, — ответил мальчик, — но не чувственно. Когда-нибудь придет и это. Не надо быть нетерпеливым и беспокойным и спешить навстречу чувственной любви; иначе можно обмануться и обмануть других... Торопиться незачем. Никто не помешает мне, когда придет моя пора. Все приходит в свое время... Только труда нельзя просто дожидаться, — своему призванию, поскольку это касается только тебя самого, надо идти навстречу.

Кристалл много размышлял о той работе, которой он сможет заняться. И мистеру Барнстейплу показалось, что труд в смысле непривлекательной и нелюбимой работы исчез в Утопии. И в то же время вся Утопия трудилась. Каждый выполнял работу, которая соответствовала его естественным склонностям и была ему интересна. Каждый трудился радостно и увлеченно — как те люди, которых на Земле мы называем гениями.

И вдруг мистер Барнстейпл стал рассказывать Кристаллу о счастье настоящего художника, подлинного ученого или

мыслителя, возможно и на нынешней Земле. Они тоже, подобно утопийцам, делают дело, которое становится частью их души, высокой целью их жизни. Из всех земель только им и можно позавидовать.

— А если даже такие люди несчастливы на Земле, — добавил мистер Барнстейпл, — так это потому, что они еще не до конца избавились от людской пошлости, еще сохранили свойственную вульгарным людям жажду дешевого успеха и почестей и все еще слишком чувствительны к невниманию или притеснениям, хотя это не должно было бы их волновать. Но для человека, который увидел, как сияет солнце над Утопией, самые высшие почести и самая громкая земная слава означали бы не больше и были бы не более желательны, чем награда от какого-нибудь вождя дикарского племени — поощрительный плевок или нитка бус.

3

Кристалл был еще в том возрасте, когда хочется похвастаться своим жизненным опытом. Он показал мистеру Барнстейплу свои книги и рассказал о наставниках и занятиях.

В Утопии все еще употреблялись печатные книги; книги по-прежнему оставались простейшим способом довести до сосредоточенного ума какую-нибудь истину. Книги Кристалла были великолепно переплетены в мягкую кожу, которую искусно приготовила для него его мать, и напечатаны на бумаге, изготовленной ручным способом. Буквы представляли собою какие-то скорописные фонетические письмена, Барнстейпл не мог их понять. Они напоминали арабские. Почти на каждой странице были чертежи, схематические карты и диаграммы. Домашним чтением Кристалла руководил наставник, которому он готовил нечто вроде отчета о своих упражнениях; чтение дополнялось посещением музеев. Однако в Долине Отдыха не было ни одного учебного музея, который мистер Барнстейпл мог бы посетить.

Кристалл уже прошел начальную ступень обучения; как он рассказал, оно проводилось в учебных центрах, всецело приспособленных для этой цели. В Утопии детей до одиннадцати-двенадцати лет, видимо, воспитывали значительно заботливее, чем на Земле. Со всякого рода душевными травмами, детскими страхами или дурными привычками здесь боролись со всей настойчивостью, как борются с инфекцией или стихийным бедствием; к восьми или девяти годам уже прочно закладывались основы утопийского характера, на-

выки чистоты, правдивости, искренности, доброжелательности, доверие к окружающим, бесстрашие и сознание своего участия в общевеликом деле всего человечества Утопии.

Только после девяти или десяти лет ребенок выходил из сада, где он рос, и вступал в повседневную жизнь. До этого возраста забота о нем возлагалась на воспитательниц и учителей, а затем все больше усиливалось влияние родителей. Родители обычно старались быть поближе к ребенку, посещать его в яслях или детском саду; но если на Земле родители обычно отдалялись от детей в тот период, когда ребенок отправлялся в школу или начинал работать, то в Утопии родители как раз в этот период становились ближе к детям. В Утопии исходят из той идеи, что между родителями и ребенком обязательно существует определенная внутренняя связь. Подрастающий ребенок мечтал о дружбе и обществе родителей, а родители мечтали о том, как они помогут формированию интересов подростка, и хотя родители в Утопии практически не имеют власти над сыном или дочерью, они естественно играют роль защитников, советчиков, добрых друзей. Эта дружба была тем искреннее и теснее, что она не основывалась на родительской власти, как это имеет место на Земле. И дружба эта тем легче завязывается, что утопийцы одного возраста с землянами были намного моложе их телом и духом.

Кристалл, по всей видимости, был очень привязан к матери. Он очень гордился отцом, который был замечательным художником и декоратором, но сердцем мальчика владела мать. Во время второй прогулки с мистером Барнстейплом он сказал, что собирается сейчас получить весточку от матери. И тут мистер Барнстейпл увидел то, что заменило в Утопии почтовую переписку. У Кристалла была с собой маленькая связка проводов и какие-то легкие стержни; подойдя к колонне, стоявшей посреди лужайки, он собрал свой аппарат — получилось что-то вроде рамы. Потом постучал по маленькой кнопке в колонне ключом, который носил на шее на тонкой золотой цепочке. Затем он взял приемник, прикрепленный к его аппарату, и что-то громко сказал, потом прислушался, и вскоре раздался чей-то голос.

Это был приятный женский голос. Женщина некоторое время что-то говорила Кристаллу. Кристалл ответил, а потом раздались и другие голоса. Одним из них мальчик отвечал, других просто выслушивал. Наконец он сложил свой аппарат.

Так мистер Барнстейпл узнал, чем заменены в Утопии письма и телефон. Оказалось, что утопийцы не разговари-

вают по телефону, разве только по особому уговору. Нужное сообщение попросту передается на районную станцию, где известен адресат; там сообщения хранятся, пока получатель не пожелает их услышать. Если ему захочется, чтобы сообщение повторили, он может прослушать его еще раз. Потом он отвечает своему корреспонденту и передает ему все, что пожелает. Все эти передачи беспроводные. Колонны дают электрическую энергию для таких передач, а также и для других потребностей. Например, садовники пользуются ими, чтобы пустить в ход механическую косилку, копатель, грабли, каток и прочее.

Кристалл показал рукой куда-то на край долины — там находилась окружная станция, на которой собирается и отсюда передается корреспонденция. Станцию обслуживают всего несколько человек: все виды связи автоматизированы. Сообщения можно получить из любого места Утопии.

Это вызвало у мистера Барнстейпла целый ряд вопросов.

Он узнал, что служба связи в Утопии располагает сведениями о местонахождении каждого жителя планеты. Она следит за их передвижением и всегда знает, в каком округе связи они находятся. Каждый зарегистрирован и отмечен.

Мистер Барнстейпл, привыкший к грубым приемам, к бесчестности земных правительств, даже испугался.

— На Земле все это превратилось бы в средство шантажа и насилия, — сказал он. — Каждый мог бы стать жертвой слежки. В нашем Скотлэнд-Ярде служил один человек. Попади он в вашу службу связи, он за неделю сделал бы жизнь в Утопии невыносимой. Вы не можете себе представить, что это было за вредное существо...

Тут мистеру Барнстейплу пришлось подробно объяснить Кристаллу, что такое шантаж. Кристалл сказал, что когда-то и в Утопии было все это. Так же, как на Земле, здесь старались использовать осведомленность и силу во вред своим ближним, и поэтому люди ревниво оберегали свою частную жизнь. Когда в Утопии был каменный век, жители держали в тайне свои настоящие имена и отзывались только на клички. Они боялись злых чар...

— Некоторые и сейчас поступают так на Земле, — заметил мистер Барнстейпл.

Медленно и постепенно утопийцы учились доверять врачам и дантистам, и опять-таки прошло много времени, пока те стали заслуживать доверие. Это продолжалось десятки столетий, но наконец злоупотребление доверием и правдивостью, свойственное современной организации общества, было повсеместно преодолено.

Каждый молодой утопиец должен был усвоить Пять Принципов свободы, без которых невозможна истинная цивилизация.

Первым был Принцип уважения к частной жизни. Это означало, что факты, относящиеся к отдельному индивидууму, являются его личной собственностью и тайной между ним и общественной организацией, которой он их доверил; эти факты могут быть использованы только для его блага и с его согласия. Разумеется, подобные факты могут быть использованы для целей статистики, но без указания источника.

Вторым принципом был Принцип свободы передвижения. Гражданин, выполнив определенные обязательства перед обществом, может отправиться без всяких разрешений или объяснений в любую часть Утопии. Все средства транспорта предоставляются ему бесплатно. Каждый утопиец может по своей воле менять местожительство, климат и общественную среду. Третьим был Принцип неограниченного знания. Все, что известно в Утопии, кроме фактов личной жизни, регистрируется и записывается, и доступ к ним открыт каждому, кто пожелает воспользоваться полнейшим каталогом, библиотеками, музеями и справочными бюро. Все, что утопиец желает знать, он может узнать с полнотой и точностью, соответствующими его способностям и трудолюбию. Ничто не может быть скрыто от него или представлено ему в ложном свете. Отсюда, как узнал мистер Барнстейпл, вытекал четвертый Принцип свободы, объявлявший ложь самым черным из всех преступлений. Определение лжи, которое дал ему Кристалл, было всеохватывающим: ложь — это неточное изложение фактов или даже умолчание.

— Там, где есть ложь, не может быть свободы.

Мистера Барнстейпла глубоко захватила эта идея. Она показалась ему необычайно новой и в то же время давно знакомой и привычной.

— Добрая половина различий между Утопией и земным миром, — сказал он, — заключается именно в этом: наша атмосфера насыщена и отравлена ложью и притворством.

— Стоит подумать, и это становится ясно! — воскликнул мистер Барнстейпл и принялся рассказывать Кристаллу, на какой системе лжи строится жизнь людей на Земле.

Все основные начала, которыми руководствуются земные людские сообщества, — это все еще в значительной мере ложь. Тут и лживые теории о неизбежности различий между нациями и странами, и лицемерное распределение функций и власти при монархии, и всякие ложные научные тео-

рии, религиозные и моральные догмы и прочий обман. И человеку приходится жить среди всего этого, быть частицей всего этого! Его изо дня в день ограничивают, сковывают, мучают, убивают все эти бессмысленные фикции...

Ложь — высшее преступление! Как это просто! Как это верно и необходимо! В этой мысли — основное отличие научно организованного всемирного государства от всех ему предшествовавших.

Отправляясь от этой мысли, Барнстейпл разразился длинной тирадой против дезориентации и фальсификации, которыми занимаются земные газеты.

Это была тема, которая всегда задевала его за живое. Лондонские газеты давно перестали быть объективными передатчиками информации; они умалчивали о фактах, искажали их, просто лгали. Они ничем не отличались от бульварных листков. Журнал «Природа» в пределах своей тематики блистал точностью и полнотой, но ведь это был чисто научный журнал, и он не касался повседневных дел! Пресса, утверждал он, была единственной солью, возможной для современной жизни, но что поделаешь, если эта соль потеряла свою силу!..

Бедный мистер Барнстейпл ораторствовал так, словно вернулся в Сайденхем и сидел за завтраком, раздосадованный только что прочитанной утренней газетой.

— В далекие времена и Утопия была в таком же тяжелом положении, — сказал Кристалл, стараясь его утешить. — Но есть пословица: «Правда возвращается туда, где она уже раз побывала». Не надо так огорчаться. Когда-нибудь и ваша печать будет чистой.

— А как у вас здесь обстоит с газетами, с критикой? — спросил мистер Барнстейпл.

Кристалл объяснил, что в Утопии проводится строгая граница между информацией и дискуссиями. Есть здания — вот там как раз виднеется одно из них, — где устроены читальные залы. Туда ходят узнавать всевозможные новости. В эти залы поступают сообщения обо всем, что случается в Утопии, об открытиях, о том, что придумано и сделано. Сообщения составляются по мере необходимости; не существует никаких рекламных обязательств, заставляющих ежедневно сообщать строго определенный объем новостей. Кристалл добавил, что в течение некоторого времени поступало очень подробное и забавное сообщение о попавших в Утопию землянах, но сам он уже давно не читал газет, так как появление землян пробудило в нем интерес к истории. В газете всегда можно найти увлекательные новости о послед-

них научных открытиях, огромный интерес обычно вызывают сообщения, излагающие какой-нибудь план значительной научно-исследовательской работы. Особенно большой шум вызвала информация об опытах по проникновению в другие измерения, во время этих опытов погибли Арден и Гринлейк. Когда в Утопии кто-нибудь умирает, принято сообщать историю его жизни...

Кристалл обещал проводить мистера Барнстейпла в читальный зал и позабавить его, прочитав описание жизни на Земле, составленное утопийцами со слов землян. Мистер Барнстейпл сказал, что хотел бы узнать что-нибудь и про Ардена и Гринлейк, которые были не только великими первооткрывателями, но и любили друг друга, а также о Серпентине и Кедре, которые внушили ему глубокое уважение и восхищение.

Утопийские новости, разумеется, были лишены того перца, которым сдабриваются земные газеты,— сенсационных отчетов об убийствах или забавных скандалах, о смешных следствиях, неосведомленности и неопытности в вопросах пола, раскрытых мошенничествах, о судебных разбирательствах по искам о клевете, о торжественном появлении членов королевской фамилии на улицах столицы, и о захватывающих дух колебаниях цен на бирже, и о спорте. Но если информации в Утопии не хватало пикантности, это восполнялось оживленнейшими спорами. Ибо пятым Принципом свободы в Утопии был Принцип свободного спора и критики.

Каждый утопиец свободен обсуждать и критиковать все что угодно, разумеется, при условии, что он не будет лгать ни прямо, ни косвенно; он может уважать или не уважать кого-либо или что-либо, как ему угодно. Он может вносить любые предложения, даже самые подрывные. Может обличать в стихах или в прозе, как ему понравится. Он вправе выражать свои мысли в любой удобной для него литературной форме или с помощью рисунка или карикатуры. Единственно, что требуется,— это воздерживаться от лжи, это — единственное правило любого спора. Всякий вправе требовать, чтобы сказанное им было напечатано или разослано в центры информации. А будут ли читать его сообщение, зависит от того, согласен с ним посетитель или нет. Если прочитанное понравилось, можно взять с собою копию. Среди книг Кристалла было несколько научно-фантастических романов об исследовании космического пространства — увлекательные повести, очень нравившиеся мальчикам, страниц в тридцать — сорок, напечатанные на красивой бумаге, которая делалась, как сообщил Кристалл, из чистого льна и

некоторых видов тростника. Библиотекари отмечают, какие книги и газеты читаются или уносятся посетителями; унесенное заменяется новыми экземплярами. Из груды книг или газет, которые не находят читателей, оставляются лишь одиночные экземпляры, остальные отсылаются для переработки. Но произведения поэтов, философов и беллетристов, творчество которых не находит широкого отклика, тем не менее сохраняются в библиотеках, и преданные этим авторам немногие почитатели заботятся о том, чтобы память о них не угасла.

4

— Мне все-таки не совсем понятна одна вещь, — сказал мистер Барнстейпл. — Я не видел здесь монет и вообще ничего похожего на деньги. Может показаться, что тут существует какая-то форма коммунизма, как он изображен в книге, очень ценимой нами на Земле, — книга эта называется «Вести ниоткуда». Написал ее один землянин по имени Уильям Моррис. Это очаровательная книга о невозможном. В этой фантазии каждый трудился из-за радости самого труда и получал все, что ему было нужно. Но я никогда не верил в коммунизм, потому что признаю, как признали и вы в Утопии, что человек от природы жаден и воинствен. Разумеется, есть радость творчества на пользу другим, однако невозмещенная услуга не может вызвать естественной радости. Себялюбие говорит в человеке сильнее, чем желание служить другим. Очевидно, вы установили какое-то равновесие между работой, которую каждый делает для Утопии, и тем, что он потребляет или уничтожает. Как вы этого достигли?

Кристалл на мгновение задумался.

— В Утопии в Последний Век Хаоса были коммунисты. В некоторых местах нашей планеты они пытались внезапно и насильственно уничтожить деньги и вызвали глубокое экономическое расстройство, нужду и нищету. Эта попытка сразу установить коммунизм потерпела неудачу, и очень трагическую. И тем не менее в сегодняшней Утопии практически осуществлен коммунизм. Если я и брал в руки монеты, то только как исторические редкости.

Он объяснил дальше, что в Утопии, так же как и на Земле, деньги явились великим открытием, средством к достижению свободы. В древние времена, до того как были изобретены деньги, услуги между людьми осуществлялись в форме рабства или путем натурального обмена. Сама жизнь

превратилась в рабство, и выбор был крайне узок. Деньги открыли новую возможность: работающему был предоставлен выбор в использовании платы за свой труд. Утопии потребовалось более трех тысяч лет, чтобы достигнуть истинного осуществления этой возможности. Идея денег была чревата опасностями и легко извращалась, Утопия с трудом пробивала себе дорогу к более разумному экономическому строю через долгие столетия кредита и долгов, фальшивых и обесцененных денег, невероятного ростовщичества, всякого рода спекуляций и злоупотреблений. Деньги больше, чем какая-либо область жизненного обихода, порождали коварство, подлое стремление хищнически наживаться на нужде ближних. Утопия, как сейчас Земля, несла на себе тяжелый груз всяких паразитических элементов: биржевых дельцов, перекупщиков, шулеров, хищных ростовщиков — шейлоков, использующих любые мыслимые способы извлечения прибыли из слабостей денежной системы. Чтобы оздоровить ее, потребовались столетия. И только тогда, когда в Утопии установились начатки общепланетарного единства, когда был проведен полный точный учет ресурсов и производительных сил планеты, общество смогло наконец обеспечить каждому отдельному работающему деньги, которые и сегодня, и завтра, и в любое время имели одну и ту же неизменную ценность. И поскольку на всей планете воцарились мир и общественная стабильность, проценты — это мерило всякой шаткости и неуверенности — наконец ушли в небытие. Банки стали в силу вещей обыкновенными общественными учреждениями, поскольку уже невозможной была прибыль для отдельного банкира.

— Класс рантье,— сказал Кристалл,— никогда не был постоянным элементом какого-либо общества. Это — порождение переходного периода от эры неустойчивости и высоких процентов к эре полной обеспеченности без всяких процентов. Рантье — это явление преходящее, как предрасветные сумерки.

Мистер Барнстейпл долго размышлял над этими объяснениями Кристалла, которым в первый момент не мог поверить. Задав еще несколько вопросов молодому утопийцу, он убедился, что Кристалл действительно имел довольно правильное представление о классе рантье — о его нравственной и умственной ограниченности и роли, которую он может сыграть в интеллектуальном развитии человечества, порождая класс независимых умов.

— Жизнь не терпит никаких независимых классов,— сказал Кристалл, видимо повторяя прописную истину.—

Либо вы зарабатываете на жизнь, либо вы грабите... Но мы избавились от грабежа.

Мальчик, все еще придерживаясь своих учебников, продолжал объяснять, как постепенно исчезали деньги. Это было результатом создания прогрессивной экономической системы, замены конкурирующих предприятий коллективными, розничной торговли — оптовой. Было время, когда в Утопии оплачивалась деньгами каждая мелкая сделка или услуга. Человек платил деньги за газету, спички, букетик цветов или за право воспользоваться средствами передвижения. У всех карманы были набиты мелкой монетой, которая непрерывно расходовалась. С успехами экономической науки получили распространение методы, применяемые в клубах или при различных подписках. Люди получили возможность покупать билеты, годные для проезда на всех видах транспорта в течение года, десятилетия, всей жизни. Государство переняло у клубов и отелей метод снабжения спичками, газетами, письменными принадлежностями, транспортом за определенное ежегодное возмещение. Из отдельных и случайных областей это распространилось на более важные стороны жизни: обеспечение жилищем, продовольствием, даже одеждой. Государственная почтовая система, располагающая сведениями о местонахождении каждого гражданина Утопии, теперь могла вместе с общественной банковской системой гарантировать ему кредит в любой части планеты. Люди перестали получать наличными деньгами за проделанную работу; различные учреждения по обслуживанию населения, экономические, образовательные и научные органы стали кредитовать каждого через общественные банки и предоставлять ему в долг все необходимое под обеспечение его заработка.

— Нечто вроде этого есть на Земле уже сейчас, — сказал мистер Барнстейпл. — Мы пользуемся наличными деньгами в крайних случаях, а большая часть коммерческих сделок — это уже просто дело бухгалтерии.

— Сотни лет, которые протекли в обстановке единства и упорного труда, дали Утопии полный контроль над источниками природной энергии планеты, — это стало наследством, получаемым каждым новорожденным. Родившись, он получал кредит, достаточный для того, чтобы получать воспитание и полное содержание до двадцати — двадцатипятилетнего возраста, а затем он должен был избрать какое-либо занятие и возмещать эти затраты.

— А если он не захочет? — спросил Барнстейпл.

— Этого не бывает.

— А если все-таки случится?

— Тогда ему трудно будет жить. Я ни разу не слышал о подобном случае. Я думаю, что это стало бы предметом обсуждения. Им занялись бы психологи... Каждый должен что-то делать.

— Но предположим, что Утопия не может дать ему работу!

Кристалл не мог себе этого представить.

— Работа всегда есть.

— Но ведь в Утопии когда-то, в старое время, была безработица?

— Да, это было следствием хаоса. Мир был опутан сетью долгов, вызвавших нечто вроде паралича. Ведь одновременно с отсутствием работы существовала неудовлетворенная потребность в жилье, еде, одежде. Безработица — и рядом нужда. Этому трудно поверить.

— У вас каждый получает примерно одну и ту же плату за свой труд?

— Энергичные, творчески активные люди часто получают больший кредит, особенно если им нужны помощники или какие-либо редкие материалы... Художники тоже иногда становятся богатыми, если их произведения имеют большой успех.

— Такие золотые цепочки, как эта у вас на шее, придется покупать?

— Да, у мастера, который ее сделал. Мне ее купила мама.

— Значит, у вас есть магазины?

— Вы увидите некоторые из них. Это места, куда люди ходят, чтобы увидеть какие-либо новые и красивые вещи.

— А если художник становится богатым, что он может сделать на свои деньги?

— Он может не торопясь делать особенно красивые вещи из самых дорогих материалов, чтобы оставить по себе память, может собирать коллекции или помогать другим художникам. Или тратить эти деньги на то, чтобы учить утопийцев пониманию прекрасного. Или вообще ничего не делать... Утопия может себе это позволить — если он выдержит безделье...

5

— Кедр и Лев, — сказал мистер Барнстейпл, — объясняли нам, что ваше правительство, так сказать, растворено среди тех, кто имеет специальные познания в какой-либо об-

ласти. Равновесие между различными интересами, как мы поняли, поддерживается теми, кто изучает общественную психологию и воспитательную систему Утопии. Вначале для наших земных умов показалось странным отсутствие в Утопии всемогущего органа, сосредоточившего в себе все знание и всю реальную власть, какого-либо лица или собрания лиц, чье решение могло бы быть окончательным. Мистер Берли и мистер Кэтскилл убеждены, что это абсолютно необходимо, и я всегда тоже так полагал. Кому принадлежит право решать — вот что они пытались выяснить. Они предполагали, что их пригласят на прием к президенту или в Высший Совет Утопии. Вероятно, вам кажется вполне естественным, что у вас нет ничего подобного и что любой вопрос должен решаться теми, кто наиболее сведущ в нем...

— Но и их можно подвергнуть свободной критике,— добавил Кристалл.

— Значит, всякий подвержен тому самому процессу, который сделал его выдающимся и ответственным. Но разве люди и здесь не стараются выдвинуться хотя бы из тщеславия? Разве у вас нет таких, которые стараются отеснить лучших из зависти?

— Зависти и тщеславия еще много в душе каждого утопийца,— сказал Кристалл.— Но все привыкли к откровенности друг с другом, а критика очень глубока и свободна. Поэтому мы всегда стараемся хорошо обдумать наши побуждения, прежде чем хвалить или порицать кого-либо.

— Истинная ценность всего того, что вы говорите и делаете, очевидна,— сказал мистер Барнстейпл.— У вас невозможно обливать кого-либо грязью исподтишка или, уловив удобную минуту, очернить человека ложными обвинениями.

— Несколько лет назад был у нас один художник,— сказал Кристалл,— который всячески мешал работе моего отца. В области искусства критика у нас бывает очень острой, но у этого человека она носила ожесточенный характер. Он рисовал карикатуры на моего отца и все время оскорблял его. Он следовал за ним по пятам. Он пытался даже добиться, чтобы отцу отказали в материалах для работы. Но все это было впустую. Некоторые отвечали ему, но большинство не обращало внимания на его выпады...

Мальчик вдруг осекся и замолчал.

— Ну и что же?

— Он покончил с собой. Он уже не мог избежать последствий своей глупости. Ведь всем было известно, что он говорил и делал...

Мистер Барнстейпл решил вернуться к главной теме разговора.

— У вас в Утопии были когда-то и короли, государственные советы и разные конгрессы?

— Мои книги учат меня, что другим путем наше государство не могло бы и возникнуть. Нельзя было обойтись без всех этих профессиональных посредников между людьми: политиков, юристов — это был неизбежный этап в политическом и социальном развитии. Так же, как нужны были солдаты и полиция, чтобы удерживать людей от насилия друг над другом. Правда, потребовалось много времени, чтобы и политики и юристы поняли, что даже для их деятельности нужны какие-то знания. Политики проводили на карте границы, не имея элементарных знаний в этнологии и экономической географии, юристы решали вопросы о человеческой воле и намерениях, не смысли ничего в психологии. Они с серьезным видом вырабатывали нелепые, ни к чему не пригодные правила и законы.

— Все равно как приходский бык в Тристраме Шенди, который попробовал заложить в Версале основу всеобщего мира, — вставил мистер Барнстейпл.

Кристалл поглядел на него в недоумении.

— Это сложный и непонятный вам намек на чисто земную проблему, — объяснил мистер Барнстейпл. — Полное растворение политических и правовых профессий в массе людей, обладающих действительными знаниями, — это одно из самых интересных для меня явлений в вашем мире. Такой процесс начинается и на Земле. Например, люди, разбирающиеся в вопросах общественной охраны здоровья, решительно выступают против существующих политических и законодательных методов так же, как и наши лучшие экономисты. А большинство людей никогда не бывает в судах по своей воле и не знает их от колыбели до могилы... Но что же стало с вашими политиками и юристами? Они пытались бороться?

— По мере того как распространялись знания, эти профессии потеряли смысл. В дальнейшем люди этих профессий стали собираться изредка только для того, чтобы назначить каких-либо экспертов по определенной отрасли, но потом и это потеряло смысл. Все слилось в общей системе критики и обсуждения. Кое-где сохранились старые здания, где помещались совещательные палаты или суды. Последний профессиональный политик, избранный в законодательное собрание, умер около тысячи лет назад. Это был эксцентричный и болтливый старик; он оказался единствен-

ным кандидатом в собрание, и за него голосовал всего один человек. Однако он заседал в единственном числе и требовал, чтобы велась стенограмма всех его речей. Мальчики и девочки, учившиеся стенографии, охотно ходили записывать все это. В конце концов им занялись психиатры.

— А последний судья?

— Этого я не знаю,— сказал Кристалл.— Надо будет расспросить моего наставника. Наверное, последний судья был, но он вряд ли уже судил кого-нибудь. Так что ему пришлось найти себе более разумное занятие.

6

— Я начинаю постигать повседневную жизнь этого мира,— сказал мистер Варнстейпл.— Это жизнь полубогов, очень свободная и индивидуализированная, где каждый следует своим личным склонностям и каждый вносит вклад в великое дело всей расы. Жизнь эта не только чиста, радостна и прекрасна, но она еще исполнена достоинства. Да, я вижу, что практически это коммунизм, заранее когда-то задуманный и осуществленный после долгих столетий подготовки, просвещения и воспитания всех в духе коллективной дисциплины. Я никогда раньше не думал, что коммунизм может возвысить и облагородить человека, а индивидуализм сделать его хуже, но теперь убеждаюсь, что здесь это доказано на деле. В вашем счастливом мире — и в этом я вижу венец всех его совершенств и счастья — не существует Толпы. Старый мир, к которому принадлежу я, был и, увы, еще остается миром Толпы, миром отвратительных скоплений, безликих, зараженных бесчисленными болезнями индивидов... Вы никогда не видели Толпы, Кристалл, и за всю свою счастливую жизнь не увидите. Вы никогда не видели, как Толпа устремляется на футбольный матч, на скачки, бой быков, на публичную казнь или подобные зрелища, услаждающие ее. Вы не наблюдали, как Толпа теснится и задыхается в какой-нибудь узкой загородке и улюлюкает и ревет, словно в припадке безумия. Вы не видели, как Толпа медленно течет по улицам, чтобы поглазеть на короля, криками требовать войны или — с таким же шумом — мира. Наконец, вам не довелось видеть Толпу, охваченную паникой, мгновенно превратившуюся в Чернь, начинающую все крушить и искать жертв. Зрелища, устраиваемые для Толпы, ушли в прошлое на вашей планете — все, что сводит с ума Толпу: скачки, спорт, военные смотры, коронации, торжественные похороны и подобные зре-

лица. Только ваши маленькие театры... Счастливый Кристалл! Вы ведь никогда не видели Толпы!

— Но ведь я видел Толпы! — возразил Кристалл.

— Где?

— Я видел синематографические картины, где были Толпы, снятые более трех тысяч лет назад, их показывают в наших исторических музеях. Я видел, как Толпа расходится после скачек — ее фотографировали с аэроплана; и Толпы, бушующие на площади, — их разгоняла полиция. Тысячи и тысячи сбившихся вместе людей. Но то, что вы сказали, верно. У нас нет больше Толп и стадного инстинкта Толпы.

7

Когда через несколько дней Кристаллу пришлось уехать — настало время занятий математикой, — мистер Барнстейпл почувствовал себя совсем одиноким. Другого собеседника он так и не нашел. Ликнис всегда была где-нибудь поблизости, чтобы составить ему компанию, но отсутствие у нее широких духовных интересов, столь необычное в этом мире интенсивнейшей умственной жизни, заставляло его сторониться ее. Он встречал и других утопийцев, очень дружелюбных, веселых, учтивых, но они целиком были поглощены своими занятиями. Они с любопытством расспрашивали его, отвечали на два-три вопроса, заданные им, и тут же уходили, словно куда-то торопясь.

Ликнис — он все больше в этом убеждался — была непохожа на остальных утопийцев. Она принадлежала к еще не совсем исчезнувшему романтическому складу и таила в душе неизбывную скорбь. У нее когда-то было двое детей, и она их страстно любила. Они были на редкость бесстрашны, и из глупой материнской гордости она уговорила их заплыть подальше в море; их захватило быстрое течение, и они утонули. Вместе с ними утонул и отец, который пытался их спасти, да и сама Ликнис чуть не разделила их участи. Но ее спасли. Однако вся ее эмоциональная жизнь с этого времени кончилась, словно застыла. Она жила только этой трагедией. Она отворачивалась от смеха и счастья и тянулась к скорби. В ней снова проснулось утраченное утопийцами чувство жалости — сначала к себе самой, а затем и к другим. Ее больше не привлекали мощные и цельные натуры: единственным утешением для нее было утешать других. Она пыталась излечиться, излечивая других. Ей не хотелось разговаривать с мистером Барнстейплом о счастье Утопии; она предпочитала, чтобы он рассказывал ей о горестях Зем-

ли и своих собственных страданиях,— этому она могла бы сочувствовать. Но и он не рассказывал ей о своих страданиях: таков уж был склад его характера, что он не страдал, а лишь сердился или сожалел о чем-нибудь.

Он заметил, что она мечтает о том, чтобы очутиться на Земле и отдать свою красоту и нежность больным и бедным. Ее сердце жаждало облегчить людские страдания и немощи, тянулось к страждущим жадно и ненасытно...

Прежде чем он уловил ее умонастроение, он все-таки успел рассказать ей кое-что о болезнях и нищете людей. Но говорил он об этом не с соболезнованием, а скорее с возмущением, как о том, чего не должно быть. И когда он заметил, как жадно она впитывает его рассказы, он стал говорить об этом меньше или в оптимистическом тоне, как о вещах, которые обязательно скоро исчезнут.

— Но до тех пор люди еще будут страдать,— говорила она.

Ликнис всегда была рядом, и она поневоле начала занимать непропорционально большое место в его представлениях об Утопии. Она омрачила их, как некая тень. Он часто думал о ней, о ее жалостливости и о том отвращении ко всему жизнелюбивому и сильному, которое воплощалось в ней. В мире страха, слабостей, эпидемий, темноты и бесправия жалость, то есть акты милосердия, все эти приюты и убежища, вся эта благотворительность могли еще казаться привлекательными, но в мире Утопии, в этом мире нравственного здоровья и смелой предприимчивости, жалость оказывалась пороком. Кристалл, юный утопиец, был тверд, как его имя. Когда однажды он споткнулся о камень и вывихнул щиколотку, он хромал, но все время смеялся. А когда мистер Барнстейпл однажды задохнулся, поднимаясь по крутой лестнице, Кристалл держался скорее вежливо, чем сочувственно. Ликнис не находила единомышленников в своем стремлении посвятить жизнь несчастным; даже у мистера Барнстейпла она не встречала отклика. Он даже решил, что по характеру он, пожалуй, стоит ближе к утопийцам, чем она. Он, как и утопийцы, считал, что смерть детей и мужа, показавших свое бесстрашие, могла служить скорее поводом для гордости, чем для горя. Пусть они погибли, но смерть их была прекрасна, и волны моря все так же сверкают на ярком солнце. По-видимому, эта утрата разбудила в ней какие-то атавистические черты, нечто весьма древнее, еще не окончательно изжитое в Утопии — темное стремление к жертвенности. Мистеру Барнстейплу казалось странным, хотя, возможно, и не случайным, что он

столкнулся в Утопии с человеческой душой, которая так часто попадает на Земле,— с душой, которая отворачивается от Царства Небесного, чтобы поклоняться терниям и гвоздям, этим излюбленным атрибутам, превращающим бога Воскресенья и Жизни в жалкого, поверженного мертвеца.

Она иногда заговаривала с ним о его сыновьях, словно завидуя ему,— ведь это еще сильнее подчеркивало ее потерю; ему же это только напоминало о несовершенстве земного школьного воспитания, о жалком будущем его сыновей и о том, насколько более содержательной, красивой и радостной могла бы быть их жизнь здесь. Он бы рискнул утопить их десять раз, лишь бы спасти от превращения в клерков, в жалких прислужников. Он чувствовал теперь, что даже по земной мерке не дал детям того, что должен был дать; многое в их жизни, да и в своей собственной и в жизни жены, он и вовсе пустил плыть по течению. Если бы он мог начать жизнь сначала, он, наверное, постарался бы пробудить в сыновьях интерес к политике, к наукам, не дал бы им целиком погрузиться в мелочи жизни пригорода — игру в теннис, любительские спектакли, пустой флирт и прочее. Они, в сущности, хорошие мальчики, казалось ему теперь, но он их полностью передоверил матери. А ее слишком уж предоставил самой себе, вместо того чтобы переубеждать, прививать ей свои идеи. Они жили серенькой жизнью, в тени великой катастрофы, не уверенные в том, что за ней не последует другая; они жили в мире пустых трат и мелких нехваток. Вся его собственная жизнь была пустой тратой сил.

Эта жизнь в Сайденхеме мучила его теперь, как кошмар.

«Я все осуждал, но не изменил ничего,— говорил он себе.— Я был таким же, как Пиви. Был ли вообще от меня какой-нибудь прок на Земле? Или и там я был таким же ничемным, как здесь? Впрочем, все мы на Земле были расхитителями самих себя...»

Он стал избегать Ликнис, скрывался от нее на день или два и в одиночку бродил по долине. Он заглядывал в читальный зал, перелистывал книги, которые не мог прочесть; ему позволяли постоять в какой-нибудь мастерской, наблюдая, как скульптор делает из золота фигуру обнаженной девушки — несравненно более прекрасную, чем любое земное изваяние,— а потом бросает статуэтку в печь и расплавляет ее, недовольный своим творением; он видел людей, возводивших здания, работающих на полях, в глубоких шахтах, прорытых в холмах, где что-то сверкало и рассы-

палось искрами,—туда ему не разрешали входить; он сталкивался с тысячей других вещей, недоступных его пониманию. Мистер Барнстейпл начал чувствовать себя так, как, наверное, чувствует себя умный пес в обществе людей; только у него не было хозяина, не было и инстинктов, которые могли бы послужить утешением в его собачьей сиротливости. В дневное время утопийцы занимались своим делом, улыбались ему, когда он проходил мимо, и это вызвало в нем непереносимую зависть. Они знали, что им делать. Они были у себя. В вечерний час они гуляли по двое, по трое, о чем-то беседовали, иногда пели. Проходили влюбленные, близко склонившись друг к другу. И тогда его одиночество становилось мучительным из-за неосуществленных надежд.

Ибо, как бы ни боролся с этим Барнстейпл, как ни старался спрятать это в самой глубине своего сознания, ему хотелось любить и быть любимым в Утопии. И понимание того, что никому не нужна близость с ним, еще больше унижало его, чем ощущение своей бесполезности. Красота утопийских девушек и женщин, поглядывавших на него с любопытством или проходивших мимо со спокойным безразличием, растапывала его уважение к себе и делала для него мир Утопии совершенно невыносимым. Молча, бессознательно эти богини Утопии вызывали в нем жгучее ощущение кастовой и расовой неполноценности. Эти мысли о любви преследовали его. Ему казалось, что каждый любит в этом мире Утопии, а для него любовь была здесь чем-то недоступным и невозможным...

Однажды ночью, когда он лежал без сна, сверх всякой меры измученный этими мыслями, ему пришел в голову план, как восстановить свое достоинство и завоевать нечто вроде прав гражданства в Утопии. Добиться того, чтобы утопийцы хотя бы вспоминали и говорили о нем с интересом и симпатией.

Глава третья

ЗЕМЛЯНИН ОКАЗЫВАЕТ УСЛУГУ

1

После некоторых расспросов Барнстейпл отправился побеседовать к человеку, которого звали Золотой Луч. Видимо, он был стар: вокруг его глаз и на красивом лбу лежали морщины, в широкой темно-каштановой бороде про-

бывалась седина. Глаза под густыми бровями были карие и живые, но ниспадавшие гривой, почти не поредевшие волосы утратили уже свой былой медно-красный оттенок. Он сидел у стола за разложенными бумагами и делал на них какие-то пометки. Он улыбнулся мистеру Барнстейплу — видимо, ждал его — и указал на стул движением крепкой, веснушчатой руки. Потом с той же улыбкой стал ждать, когда гость заговорит.

— Ваш мир — это торжество порядка и красоты, о которой мечтают люди, — начал мистер Барнстейпл. — Но в нем нет места для единственной бесполезной души. Здесь все занято плодотворной деятельностью. Все, кроме меня... Я здесь чужой. У меня нет своего дела. И нет... никого близких.

Золотой Луч наклонил голову, показывая, что он все понял.

— Землянину с его слабыми земными знаниями трудно найти себе место в вашем обществе. Найти какую-либо обычную работу или обрести какие-нибудь обычные отношения с другими. Словом, я тут чужак... А еще тяжелее быть никому не нужным. Но мне кажется, что я мог бы оказаться полезен не меньше утопийцев, — в новых научных работах, в которых, мне рассказывали, вы осведомлены больше, чем кто-либо другой, и во главе которых вы, собственно говоря, стоите. Да, я хотел бы быть вам полезен, если возможно. Быть может, вам понадобится человек, готовый пойти на смертельный риск, ну, скажем, отправиться в какое-нибудь неизведанное место... Человек, который хочет служить Утопии... но не обладает особыми знаниями и умением, красотой или талантами...

Мистер Барнстейпл осекся и замолчал.

Золотой Луч ответил, что он хорошо понял мысль своего собеседника.

Мистер Барнстейпл сидел, дожидаясь ответа, а Золотой Луч некоторое время размышлял.

Потом в мозгу мистера Барнстейпла начали вновь складываться фразы.

Золотой Луч спросил, представляет ли себе мистер Барнстейпл весь размах великих открытий, которые совершаются сейчас в Утопии, все связанные с ними трудности.

— Утопия, — объяснил он, — переходит в фазу мощного интеллектуального подъема. Новые виды энергии и новые возможности воспламенили воображение ее человечества. И естественно, что необученный, неспособный обучиться и растерявшийся землянин чувствует себя подавленным и не

находит себе места в той обширной и непонятной ему деятельности, которая сейчас начинается. Даже многие из самих утопийцев, наиболее отсталые, охвачены возбуждением. В течение столетий философы и ученые Утопии критиковали, пересматривали и перестраивали прежние инстинктивные и традиционные представления о пространстве и времени, о форме и сущности; сейчас новые представления становятся все более ясными и простыми и уже приносят плоды в самых неожиданных практических областях. Препяды, которые ставило мировое пространство и которые казались раньше непреодолимыми, теперь уже можно переступить, они устраняются, в необычной и поразительной форме, но они устраняются. Теперь не только доказано теоретически, но и быстро становится возможным практически перенестись с планеты Утопии, к которой пока были прикованы утопийцы, в другие точки их вселенной, то есть достичь других планет и далеких звезд... Таково нынешнее положение.

— Я не могу представить себе этого,— сказал мистер Барнстейпл.

— Вы не можете себе этого представить,— приветливо согласился Золотой Луч.— Но это так. Сто лет назад это было бы и здесь чем-то невообразимым.

— Вы попадете туда как бы с черного хода, через другое измерение? — спросил мистер Барнстейпл.

Золотой Луч помолчал, обдумывая его догадку.

— Это курьезный образ,— заметил он,— но, с точки зрения землянина, он годится. Во всяком случае, он передает некоторые стороны открытия. На деле все это гораздо более удивительно. Новая, потрясающая воображение эра началась в нашей жизни. Мы на нашей планете давно уже разгадали главные секреты счастья. Жизнь в нашем мире хороша. Вы ведь считаете ее хорошей?.. И в течение тысячелетий этот мир по-прежнему будет нашей опорой и нашим домом. Но ветер новых исканий и замыслов веет над Утопией. Вся она напоминает зимний лагерь геологов, когда уже близится весна...

Он перегнулся через свои бумаги к мистеру Барнстейплу, поднял палец и заговорил вслух, словно стараясь лучше довести свои мысли до сознания слушателя. Мистеру Барнстейплу казалось, что каждое слово переводится как бы само. Во всяком случае, он все понимал.

— Соприкосновение планеты Утопии с планетой Земля было довольно любопытной случайностью. Но случайностью весьма незначительной. Я хотел бы, чтобы вы это по-

няли. Ваш мир и наш — это всего лишь два мира среди гигантского количества мирозданий, существующих во времени и тяготении и объединяемых неисчерпаемой бесконечностью бога. Наши миры схожи, но ни в чем не идентичны. Ваша планета и наша находятся, так сказать, рядом друг с другом, но они движутся совсем не с одинаковой скоростью и не по строго параллельным орбитам. И вскоре они вновь разойдутся и будут следовать каждая своему предназначенному пути. Когда Арден и Гринлейк осуществили свой эксперимент, возможность того, что они нащупают что-нибудь в вашей вселенной, была бесконечно мала. И они не учли этого, они просто вывели часть нашей материи за пределы нашего мироздания и затем заставили вернуться обратно. Так попали к нам вы — столь же неожиданно для нас, как и для вас... Однако главное применение наши открытия найдут в нашей вселенной, а не в вашей. Мы не собираемся проникать в вашу вселенную, ни снова допускать вас к нам. Вы слишком похожи на нас и слишком темны и беспокойны, вы носите в себе болезни, а мы, мы пока не можем помочь вам, потому что мы не боги, а люди.

Мистер Барнстейпл молча кивнул.

— Что могли бы мы, утопийцы, делать с землянами? У нас нет достаточно сильного инстинкта поучать другие зрелые существа и тем более властвовать над ними. Этот инстинкт давно исчез в результате долгих веков равенства и свободного сотрудничества. И вас слишком много для того, чтобы нам вас учить; у большинства из вас сложившиеся характеры и дурные привычки. Ваши нелепости мешали бы нам, ваши споры, зависть, традиции, ваши национальные флаги и религии, закоренелая злоба, деспотизм — все это создавало бы нам помехи во всех наших начинаниях. И мы стали бы нетерпеливыми по отношению к вам, несправедливыми, а затем и деспотичными. Вы слишком похожи на нас, чтобы мы могли терпеть вашу неумелость. Нам было бы трудно постоянно помнить о том, что вы плохо воспитаны. Мы уже очень давно убедились в Утопии, что не может быть расы настолько великой, умной и сильной, чтобы она могла думать и действовать за другую расу. Возможно, что и вы на Земле убеждаетесь в этом по мере того, как ваши расы вступают в более тесное соприкосновение. Но тем более это применимо к отношениям между Утопией и Землей. Из того, что мне известно о ваших соплеменниках, об их невежестве и упрямстве, ясно следует, что мы стали бы презирать вас, а презрение есть первопричина всякой несправедливости. Могло бы кончиться тем, что мы истреби-

ли бы вас... Зачем же рисковать подобной возможностью? Нам лучше не соприкасаться с вами, раз мы не можем положить на себя... Поверьте мне, для нас это единственно разумный путь.

Мистер Барнстейпл так же молча выразил согласие.

— Другое дело — вы и я, два индивида: мы можем быть друзьями и понимать друг друга.

— Все то, что вы говорите, — правда, — сказал мистер Барнстейпл. — Да, правда. Но мне горько, что это так... Очень горько... И все же, если я правильно понял, лично я мог бы чем-то быть полезен Утопии.

— Да.

— Но чем?

— Тем, что вернетесь в свой мир.

Мистер Барнстейпл несколько секунд обдумывал этот ответ. Случилось то, чего он боялся. Но ведь он уже предложил свои услуги.

— Я сделаю это.

— Мне следовало бы сказать — попытайтесь вернуться. Это связано с риском. Вы можете погибнуть.

— Я готов рискнуть.

— Мы хотим проверить имеющиеся у нас данные о соотношении нашей вселенной и вашей. Мы хотим провести эксперимент, обратный тому, который проделали Арден и Гринлейк, — выяснить, можем ли мы вернуть живое существо в ваш мир. Сейчас мы уже почти уверены, что можем сделать это. И этот человек должен настолько любить и нас и свой мир, чтобы вернуться туда и дать нам знак, что он вернулся.

— Я сделаю это, — внезапно охрипшим голосом сказал мистер Барнстейпл.

— Мы поместим вас в вашу машину и оденем в ту одежду, которую вы носили. Вы будете выглядеть снова совершенно таким, каким оставили ваш мир.

— Да-да. Я понимаю.

— Ваш мир порочен, его раздирают неурядицы, но в нем, как ни странно, встречаются поразительно одаренные умы. И мы не хотим, чтобы ваши люди знали о том, что мы так близко от вас, ибо мы останемся вашими соседями по крайней мере еще несколько сотен лет; мы не хотим, чтобы они узнали про нас, ибо опасаемся, что они ворвутся к нам с помощью какого-нибудь неразумного гения, ворвутся жадными, тупыми, бесчеловечными ордами, станут грубо стучаться в наши двери, угрожать нашим жизням, мешать нашим высоким исканиям, и мы в конечном счете будем вы-

нуждены истребить их, как нашествие крыс или паразитов.

— Да,— сказал Барнстейпл.— Люди смогут быть допущены в Утопию не раньше, чем они научатся жить так, как живут здесь. Утопия, насколько я понял,— дом только для тех, которые научились этому.

Он помолчал, потом сказал, отвечая на свои мысли:

— Когда я вернусь, смогу ли я забыть Утопию?

Золотой Луч улыбнулся и промолчал.

— До конца моих дней меня будет томить воспоминание об Утопии.

— Оно будет поддержкой для вас.

— Я снова буду продолжать мою земную жизнь — с того самого момента, на котором ее оставил; но на Земле... я буду утопийцем, ибо чувствую, что, предложив свои услуги и получив согласие, я уже больше не отщепенец Утопии. Я здесь дома...

— Помните, что эксперимент может кончиться вашей гибелью.

— Пусть.

— Что ж, хорошо, брат!

Дружеская рука пожала руку мистеру Барнстейплу, а умные глаза улыбнулись.

— После того, как вы вернетесь и подадите нам знак, некоторые из ваших спутников-землян тоже могут быть отправлены обратно.

Барнстейпл подскочил на стуле.

— Как? — крикнул он изменившимся от изумления голосом.— Я думал, что их вышвырнули куда-то в пространство другого мироздания и что все они погибли!

— Некоторые погибли. Они погубили себя, выбежав из крепости, когда скала вращалась. Погиб человек, одетый в кожу...

— Лорд Барралонг?

— Да. И еще француз, который все пожимал плечами и говорил: «Что поделаешь?» Остальные вернулись, после того как в конце дня вращение закончилось, задыхающиеся, замерзшие, но живые. Их вылечили, и теперь мы не знаем, что с ними делать... Они совершенно бесполезны на нашей планете. Они нам в тягость.

— Это само собой разумеется,— сказал мистер Барнстейпл.

— Человек, которого вы зовете Берли, видимо, важное лицо в ваших земных делах. Мы исследовали его разум. Сила его убеждений весьма невелика. Он верит только в одно — в жизнь цивилизованного богатого человека, зани-

мающего скромное, но видное положение в законодательных учреждениях какой-то почти фиктивной империи. Мы сомневаемся, чтобы он серьезно поверил в то, что ему пришлось здесь испытать. Мы постараемся сделать так, чтобы все это показалось ему причудливым сновидением. Он будет думать, что о подобной фантастике рассказывать не стоит: он, очевидно, побаивается своего разыгравшегося воображения. Он вернется в ваш мир через несколько дней после вас и постарается незаметно проникнуть к себе в дом. Он будет вторым после вас. Вы узнаете об этом, когда он возобновит свою политическую деятельность. Возможно, он станет мудрее.

— Возможно, — сказал мистер Барнстейпл.

— А тот... как звучит его имя? Да, Руперт Кэтскилл. Он тоже вернется. Его будет не хватать в вашем мире.

— Этот никогда не поумнеет, — убежденно сказал мистер Барнстейпл.

— Вернется и леди Стелла.

— Я рад, что она жива. Она не будет говорить об Утопии. Она не болтлива.

— Что касается священника, то он сумасшедший. Его поведение становится крайне буйным и вызывающим, и поэтому он содержится под надзором.

— А что он натворил?

— Он изготовил несколько черных шелковых передников и кинулся надевать эти передники на нашу молодежь, совершая это в непристойной форме.

— Вы могли бы вернуть его на Землю, — сказал мистер Барнстейпл после некоторого размышления.

— А на вашей планете разрешается вести себя так?

— Мы называем такого рода вещи целомудрием, — объяснил мистер Барнстейпл. — Но, конечно, если вам хочется, оставьте его здесь.

— Он тоже отправится назад, — сказал Золотой Луч.

— Остальных вы можете оставить, — сказал мистер Барнстейпл. — Собственно, вам и придется их оставить — никто на Земле их не хватится. В нашем мире так много людей, что постоянно кто-нибудь теряется... А ведь возвращение даже тех немногих, которых вы называли, может вызвать шум. Местные жители могут заметить странных путешественников, свалившихся неизвестно откуда и спрашивающих на Мейденхедском шоссе, как им добраться до дома. Они могут проболтаться... Нет, остальных не следует возвращать. Устройте их на каком-нибудь острове или еще где-либо. Я посоветовал бы вам оставить и священника, но

его отсутствие будет замечено многими. Его прихожане будут страдать от подавленной нравственности и начнут вести себя беспокойно. Кафедра церкви Святого Варнавы удовлетворяет определенные инстинкты. Священника же будет легко убедить, что Утопия не более как сон и обманчивое видение. Любая Утопия, естественно, покажется священнику сном. А этот сочтет ее, если вообще про нее вспомнит, просто нравоучительным кошмарным испытанием,—наверное, так он и выразится.

2

Все было решено, но мистеру Барнстейплу не хотелось уходить.

Он посмотрел Золотому Лучу прямо в глаза и встретил все тот же добрый взгляд.

— Вы мне сказали о том, что мне предстоит сделать,— начал он.— И мне пора уходить, так как одно мгновение вашей жизни стоит больше, чем целый день моей. Но именно потому, что я скоро покорно покину этот огромный сверкающий мир и вернусь в наш хаос, у меня хватает смелости просить, чтобы вы рассказали мне, по возможности просто, о великих свершениях, заря которых уже занялась над вашим миром. Вы говорите о том, что вскоре сможете выйти за пределы Утопии и отправиться в самые отдаленные уголки вашей вселенной. Это меня озадачивает. Возможно, я не в силах постичь такую идею, но она очень важна для меня. В нашем мире давно существует убеждение, что в конце концов жизнь на Земле должна прекратиться, поскольку наше Солнце и другие планеты остывают, и что нет никакой надежды спастись, переселившись куда-нибудь с нашей маленькой Земли. Мы зародились на ней и вместе с ней должны умереть. Это лишало многих из нас надежды и жизненной энергии. Ибо для чего же работать, добиваться прогресса в мире, который обречен на то, чтобы замерзнуть и погибнуть?

Золотой Луч рассмеялся.

— Ваши философы сделали слишком поспешный вывод. Он снова наклонился через стол к своему слушателю и пристально посмотрел ему в лицо.

— Сколько времени существуют на Земле точные науки?

— Два-три столетия.

Золотой Луч поднял два пальца.

— А ученые? Сколько было у вас ученых?

— В каждом поколении несколько сот, достойных этого имени.

— А нашей науке примерно три тысячи лет. И более ста миллионов выдающихся умов были подобны гроздьям винограда — они выжаты прессом науки... И все-таки мы знаем теперь... что знаем очень мало. На каждое научное открытие приходится сто неудачных попыток, которые послужили ему лишь сырым материалом. Стоит провести измерение, и какая-нибудь важнейшая истина, как призрак, скроется в допустимой ошибке. Я представляю себе положение ваших ученых — всех им успехов, бедным дикарям, — так как я изучал истоки нашей собственной науки в далеком прошлом Утопии. Как могу я выразить разделяющее нас расстояние? С тех пор мы изучили, испробовали, проанализировали и снова и снова испробовали ряд новых путей осмысления мирового пространства, в котором Время — лишь некая особая его форма. Мы не в силах сообщить вам те формы выражения, благодаря которым явления, казавшиеся нам трудными — а вам они, я полагаю, и сейчас кажутся невероятно трудными и парадоксальными, — утрачивают всю свою видимую сложность. Сообщить вам что-либо — тяжелая задача. Мы мыслим понятиями, в которых пространство и время образуют связное целое, а понятия, которыми мыслите вы, есть лишь частность этого целого. Наши и ваши чувства, инстинкты, повседневные привычки находятся в одной и той же системе; другое дело — наши знания и те виды энергии, которыми мы располагаем. Наше мышление ушло далеко за пределы нашего бытия. Так будет и с вами. Мы по-прежнему существуем из плоти и крови, по-прежнему надеемся, желаем, мечемся из стороны в сторону; но то, что казалось бесконечно далеким, становится близким, недоступное склоняется перед нами, то, что было непостижимо, лежит у нас на ладони.

— И вы не думаете, что ваше человечество — и раз уж на то пошло — и наше должны будут когда-нибудь погибнуть?

— Погибнуть? Да мы ведь только начали!

Старик сказал это очень проникновенно. Бессознательно он почти цитировал Ньютона.

— Мы как маленькие дети, которых привели на берег необъятного океана. Все знание, накопленное нами за короткий ряд поколений с тех пор, как мы вообще начали приобретать знания, не более как горсть камешков, собранных детьми на берегу этого безбрежного океана... Перед нами, — продолжал Золотой Луч, — лежит бесконечное Знание, и мы можем черпать и черпать из него и, черпая, расти сами. Растет наша сила, растет наша смелость. Мы вновь и вновь

обретаем юность, и, заметьте, наши миры все молодеют. У поколений обезьян и полулюдей, которые предшествовали нам, ум был дряхлый — вся их узкая неподвижная мудрость была скудным плодом бесчисленных жизней, плодом тщательно хранимым, утратившим свежесть и кислым. Они боялись всего нового, потому что все старое далось им тяжелой ценой. Постигать новое — это, в сущности говоря, значит становиться моложе, освобождать себя, начинать все вновь. Ваш мир по сравнению с нашим — это мир неспособных к учению, заскорузлых душ, закостенелых, дряхлых традиций, ненависти, обид. Но когда-нибудь и вы снова уподобитесь детям и проложите себе путь к нам, и мы будем ждать вас. Два мира встретятся, и обнимутся, и породят новый, еще более величественный мир... Вы, земляне, даже еще и не начали понимать значения Жизни. Но и мы, утопийцы, ненамного ушли в этом дальше вас... Жизнь все еще остается лишь обещанием. Она еще только ждет подлинного своего рождения из того жалкого праха... Когда-нибудь здесь и повсюду проснется Жизнь, для которой вы и я — лишь ничтожные атомы-предвестники, крохотные завихрения атомной пыли. Она обязательно проснется, единая, целостная и прекрасная, как дитя, просыпающееся к сознательному бытию. Она откроет сонные глаза, потянется, улыбнется, глядя в лицо божественной тайне, как улыбаются восходу солнца... Там будем и мы, все непреходящее в нас... Но и это явится только началом, не более, чем началом...

Глава четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛЯНИНА

1

Скоро, слишком скоро, наступило то утро, когда мистери Барнстейплу осталось только бросить последний взгляд на прекрасные холмы Утопии, а затем подвергнуться великому эксперименту, для которого он предложил себя. Ему не хотелось спать, и он провел бессонную ночь. На рассвете он вышел из дому, в последний раз надев сандалии и легкую белую одежду, которые стали уже привычными для него в Утопии. Через несколько часов ему придется напяливать на себя носки, ботинки, брюки, воротничок — всю эту нелепую амуницию. Он знал, как будет задыхаться в этом костюме; протянув обнаженные руки к небу, он пол-

ной грудью вдохнул воздух. Долина еще дремала под легким одеяльцем курчавого тумана; он поднялся на холм, чтобы скорее увидеть солнце.

Никогда еще он не выходил бродить среди цветов Утопии в такой ранний час; было занимательно видеть сонно поникшие, огромные венчики, плотно сложенные лепестки пушистых шапок. Листья тоже казались съежившимися, как только что покинувшие кокон бабочки. Пауки деловито ткали тонкую паутину, и все вокруг было окроплено росой. Из боковой дорожки вышел большой тигр и несколько мгновений смотрел на мистера Барнстейпла в упор круглыми желтыми глазами, может быть пытаясь вспомнить давно забытые инстинкты своей породы.

Выше на склоне мистер Барнстейпл прошел под темно-красной аркой и стал подниматься по лестнице из каменных ступенек — это был кратчайший путь на вершину холма.

Его провожала стайка дружелюбных маленьких птичек в пестром оперении, и одна из них храбро вспорхнула ему на плечо; он поднял руку, чтобы приласкать ее, — она увернулась и улетела прочь. Он все еще поднимался по лестнице, когда вззошло солнце. Склон холма словно сбросил с себя серо-голубое покрывало, обнажив сверкающее золотым загаром тело.

Мистер Барнстейпл остановился на площадке, следя за тем, как лучи восходящего солнца будят сонную глубину долины.

Далеко-далеко, словно стрела, пущенная с востока на запад, обозначалась полоса ослепительного сияния — это было море.

2

— Безмятежность, — пробормотал он. — Красота... Все, что создано человеком, — в безукоризненной гармонии. Полная гармония духа...

По своей журналистской привычке он пробовал разные словесные обороты:

— Покой, насыщенный энергией... Рассеявшийся хаос... Мир кристально чистых душ...

Но что было толку в словах?

Несколько минут мистер Барнстейпл стоял неподвижно и прислушивался: со склона над ним взвился в небо жаворонок и рассыпал нежные трели. Он попытался разглядеть это крохотное поющее пятнышко, но его ослепила сверкающая голубизна неба,

Жаворонок слетел на землю и затих. Утопия молчала, и только где-то внизу раздавался детский смех.

Мистера Барнстейпла вдруг поразило то, как тих и спокоен в Утопии воздух по сравнению с беспорядочным земным шумом. Здесь не было слышно лая усталых или обозленных собак, ослиного рева, мычания или визга встревоженных домашних животных, суеты скотного двора, перебранки, злобных ругательств, кашля; не было оглушительного стука молотков, визга пил, скрежета, воя, свиста и гудения всяческих машин; не грохотали издали поезда, не тархтели автомобили и другие плохо сконструированные механизмы. Исчезли утомительные и безобразные звуки, издаваемые надоедливими насекомыми. В Утопии ничто не раздражало ни зрения, ни слуха. Воздух, некогда загрязненный мешаниной всяческих шумов, был теперь прозрачен и тих. А звуки, которые все же ложились на эту тишину, напоминали четкие красивые буквы на большом листе прекрасной бумаги.

Он снова окинул взглядом весь пейзаж внизу — там уже рассеивались последние клочья тумана. Бассейны, дороги, мосты, здания, набережные, колоннады, рощи, сады, каналы, каскады, фонтаны — все это уже четко вырисовывалось в своем многообразии сквозь темную листву белоствольного дерева, росшего среди скал возле того места, где он стоял.

— Три тысячелетия назад этот мир еще был похож на наш... Только подумать: каких-нибудь сто поколений!.. За три тысячи лет мы тоже переделаем нашу запущенную, захлавленную землю и превратим ее джунгли и пустыни, шлаковые отвалы и трущобы в такой же прекрасный и величественный рай.

...Да, два мира — схожих, но совсем разных...

...Если бы только я мог рассказать им о том, что видел!

...Если бы все люди могли увидеть Утопию!..

...Они не поверят, если я расскажу им... Нет...

...Они стали бы кричать на меня по-ослиному и лаять по-собачьи... Им не нужно другого мира, кроме их собственного. Им обидно даже думать о каком-либо другом мире. Ничто не может быть создано, кроме того, что уже создано. Думать иначе было бы унижительным... Смерть, муки, нищета — все, что угодно, только не унижение!.. И вот они сидят среди своих сорняков и отбросов, почесываются и мудро кивают друг другу, дожидаясь какой-нибудь доброй драки, злорадствуя по поводу чужих горестей и тяжелого труда, которые им неведомы, и твердо веря в то, что чело-

вечество смердело, смердит и должно всегда смердеть, и что этот запах, собственно, довольно приятен, и что нет ничего нового под луной...

Мистера Барнстейпла отвлекло от этих мыслей появление двух юных девушек, бежавших вверх по лестнице. Одна, смуглая до черноты, несла охапку голубых цветов; другая, бежавшая за ней следом, была на год или два моложе, светлая, с золотистыми волосами. В них играла неумемная радость расшалившихся котят. Первая была так занята своей преследовательницей, что, поравнявшись с мистером Барнстейплом и увидев его, удивленно вскрикнула. Она метнула на него быстрый вопросительный взгляд, улыбнулась с шаловливым лукавством, бросила ему в лицо два голубых цветка и помчалась вверх по ступенькам. Ее подруга, все еще стараясь ее поймать, бросилась за ней. Они промелькнули, как две бабочки, шоколадная и розовая, на мгновение остановились высоко над ним, что-то сказали друг другу о чужестранце, махнули ему рукой и исчезли.

Мистер Барнстейпл ответил на их приветствие, на душе у него стало весело.

3

Площадка для обозрения, куда Ликнис посоветовала мистеру Барнстейплу подняться, находилась на вершине кряжа, разделявшего большую долину, где он провел последние несколько дней, и дикое, обрывистое ущелье, на дне которого шумел поток, впадавший после сотни миль изгибов и поворотов в реку на равнине. Площадка находилась на вершине кряжа, она опиралась на кронштейны и нависала над излучиной потока; по одну сторону вздымались дикие горы, словно обрызганные зеленой пеной растительности в ущельях, по другую раскинулся пейзаж, облагороженный человеком. Несколько минут мистер Барнстейпл вглядывался в ущелье, которое видел впервые. Футов на пятьсот ниже, прямо под ним, парил сарыч — мистеру Барнстейплу казалось, что он мог бы бросить в него камешек.

Он решил, что большинство деревьев внизу фруктовые, но расстояние было слишком велико, чтобы утверждать это наверняка. То там, то здесь глаз различал тропинку, петляющую между деревьями и камнями, а из гущи зелени выглядывали беседки, — он знал, что путник может отдохнуть, приготовить чай и закусить, найти постель и книгу. Вся планета была усеяна такими вот легкими строениями

и другими гостеприимными убежищами для путешественников...

Потом он подошел к другому краю площадки и снова стал глядеть на большую долину, простирающуюся до моря. В голове его мелькнуло слово «Фасги» — под ним и в самом деле была Обетованная Земля, венец человеческих стремлений. Здесь навсегда утвердились мир, сила, здоровье, радость творчества, долголетие, красота. Все, что ищем мы на Земле, здесь найдено, и любая мечта стала действительностью.

Сколько еще времени пройдет, сколько столетий или тысячелетий, пока человек сможет взойти на такую вот вершину на Земле и увидеть человечество торжествующим, единым, живущим в вечном мире!..

Он облокотился о парапет, скрестив на нем руки, и грубо задумался.

В Утопии не было ни одной науки, зародыша которой не существовало бы на Земле, ни одного вида энергии, которым не пользовались бы земляне. Здесь была та же Земля — только без невежества, темноты, злобы, коварства, столь обычных в земной жизни...

К миру, подобному Утопии, мистер Барнстейпл стремился всю жизнь по мере своих слабых сил. Если опыт, в котором ему предстоит принять участие, окажется успешным и если он благополучно вернется на Землю, вся его жизнь будет посвящена Утопии. И в этом он не будет одиноким. На Земле, наверно, десятки тысяч, может быть, сотни тысяч людей, которые и мечтой и делом стремятся найти для себя и своих детей выход из беспорядка и злобы земного Века Хаоса; сотни тысяч, которые хотят положить конец войнам и разрушениям, хотят лечить, воспитывать, восстанавливать разрушенное, воздвигнуть знамя Утопии там, где царит обман и рознь, которые губят человечество.

— Да, но у нас ничего не получается, — сказал себе мистер Барнстейпл и, раздосадованный, принялся расхаживать взад и вперед. — Десятки и сотни тысяч мужчин и женщин! А мы сделали так мало! Ведь, наверно, у каждого юноши, у каждой девушки всегда бывает хотя бы мечта — посвятить себя улучшению, усовершенствованию окружающего мира. Но мы разобщены и только губим себя по-пустому, и старые, прогнившие понятия, обычаи, заблуждения, привычки, ненаказуемое предательство, подлая повседневность — все это господствует над нами!..

Он снова подошел к парапету и остановился, поставив ногу на скамью, упершись локтем в колено и положив под-

бородок на ладонь. Он не мог оторвать взгляда от красоты этого мира, который он так скоро должен будет покинуть...

— А ведь мы могли бы сделать это!

И тут мистер Барнстейпл понял, что теперь он душой и телом принадлежит Революции — Великой Революции, которая уже зреет на Земле, которая уже началась и не прервется и не угаснет, пока старушка Земля не станет единым государством и на ней не воцарится Утопия. Он ясно видел теперь, что эта Революция и есть Жизнь, что все другие формы человеческого существования — лишь жалкая сделка между жизнью и смертью. Все это четко выкристаллизовалось в его мозгу, и он был убежден, что такие же мысли будут складываться в сознании тех сотен тысяч людей на Земле, души которых стремятся к Утопии.

Он выпрямился и снова принялся шагать взад и вперед.
— Мы сделаем это, — сказал он вслух.

Земное мышление еще даже не в силах охватить стоящие перед человечеством цели и возможности их осуществления. Вся земная история до сих пор была не более чем движениями, которые делает человек во сне, беспорядочно нарастающим недовольством, протестом против навязанных жизнью ограничений, неразумным бунтом неуголенного воображения. Вся борьба, восстания и революции, какие когда-либо видела Земля, были только смутным вступлением к Революции, которая еще впереди.

Мистер Барнстейпл понимал теперь, что, отправляясь в этот свой фантастический отпуск, он был в подавленном настроении и земные дела казались ему в высшей степени запутанными и непоправимыми; но, познакомившись с осуществленной Утопией, поздоровевший, он отчетливо видел, как неуклонно от неудачи к неудаче, человечество нащупывает путь к грядущей последней Революции. Он и сам был свидетелем того, как его современники старались разорвать сети лжи, которыми их опутывала монархия или догматическая религия и догматическая мораль, и стремились утвердить подлинную гражданственность, чистоту духа и тела. Они боролись за международную помощь нуждающимся, за освобождение всей экономической жизни от окутывающей ее паутины махинаций, бесчестия и обмана. В любой борьбе бывают отступления и поражения; но отсюда, с этой мирной высоты Утопии, он видел, что человечество непреклонно и упорно продвигается вперед...

Случались на этом пути и грубые промахи и длительные задержки, ибо до сих пор силы Революции действовали в полутьме. Мистер Барнстейпл сам был свидетелем ве-

ликой попытки социалистического движения создать новое общество и неудач этого движения. Социализм был евангелием его юности; он разделял надежды этого движения и его сомнения, участвовал в его острых внутренних раздорах. Он видел, как это движение в узких рамках марксистских формул теряет кротость, свежесть и набирает силу. Он видел, как социализм жертвовал своей созидательной энергией в пользу воинствующей активности. На примере России он увидел способность социализма испровергать и неспособность его планировать и строить. Как и всех либерально настроенных людей, его отпугнула самонадеянность большевиков и их неудача. Некоторое время мистеру Барнстейплу казалось, что это явное банкротство большого творческого порыва есть победа реакции, что это снова открыло простор для обмана, мошенничества, коррупции, традиционной анархии и тирании, которые сковывают и калечат человеческую жизнь... Но теперь он видел ясно, что Феникс Революции сгорает и испепеляется только для того, чтобы возродиться снова. Революции возникают и умирают, но Великая Революция надвигается, неустанно и неотвратимо.

Это время близится — и сколько бы ни осталось жить ему самому, он все-таки может помочь приблизить тот час, когда силы последней, подлинной Революции больше не будут блуждать в полумраке, а выйдут на яркий свет дня. Тысячи и тысячи людей, сейчас очень далеких друг от друга, разобщенных и даже взаимно недоброжелательных, соберутся вместе, сплоченные видением вождельного мира... Марксисты в течение полустолетия бесцельно растратили силы Революции; они не обладали предвидением, а лишь осуждали установившийся порядок вещей. Они оттолкнули от себя талантливых ученых своей чванной псевдоученостью; напугали их своей нетерпимой ортодоксальностью; их ошибочная уверенность, что все идеи обусловлены материальными обстоятельствами, заставила их пренебрегать воспитанием и критикой. Они пытались построить социальное единство на ненависти и отвергали всякую другую движущую силу, кроме ожесточенной классовой войны... Но теперь, в дни его сомнений и усталости, видение нового мира снова возвращается к социализму, и унылое зрелище диктатуры пролетариата снова уступает дорогу Утопии, требованиям общества справедливого и мирного, где все богатства будут создаваться и использоваться для общего блага, где каждый гражданин будет освобожден не только от принудительного труда, но и от невежества и где изли-

шек энергии будет разумно направлен на развитие знаний и красоты. Проникновению этой идеи во все новые и новые умы сейчас уже нельзя помешать. Земля пройдет тот путь, который прошла Утопия. Земля доведет закон, долг и воспитание до такого совершенства, какого не знали люди. Они будут смеяться над тем, чего раньше боялись, отметут прочь обман, перед которым замирали в священном трепете, все нелепости, которые мучили их и уродовали их жизнь. И когда эта Великая Революция будет завершена и Земля вступит в свет дня, бремя человеческих страданий будет снято и мужество изгонит скорбь из людских сердец. Земля, которая сейчас только дикая пустыня, то страшная, то, в лучшем случае, живописная, пустыня, по которой разбросаны убогие поля, лачуги, трущобы и кучи шлама,— эта Земля тоже обретет сокровища красоты и станет такой же прекрасной, как Утопия. Сыны Земли, очищенные от болезней, умиротворенные, сильные и красивые, будут с гордостью шагать по своей вновь обретенной планете и устрелят свои держания к звездам.

— Нужно только желание,— сказал мистер Барнстейпл.— Нужно только желание...

4

Откуда-то издали донесся звон мелодичного колокола, отбивавшего время.

Пришла пора свершить обещанное, то, чему он посвятил себя. Теперь ему надо спуститься, и его увезут в то место, где должен быть осуществлен эксперимент.

Он бросил последний взгляд на ущелье и стал спускаться вниз, к долине, с ее озерами, бассейнами, террасами, с ее беседками, общественными зданиями и высокими виадуками, с ее широкими склонами и освещенными солнцем полями, с ее беспредельными и щедрыми благами.

— Прощай, Утопия! — сказал мистер Барнстейпл и сам удивился глубине своего волнения.

— Прекрасное видение надежды и красоты, прощай!

Он стоял неподвижно, охваченный чувством скорбного одиночества, слишком глубокого, чтобы он мог дать волю слезам.

Ему казалось, что душа Утопии, словно богиня, склонилась над ним, ласковая, восхитительная — и недоступная.

Мозг его оцепенел.

— Никогда,— прошептал он наконец,— никогда это не будет моим... Остается одно: служение... Только это...

Он начал спускаться по ступеням, уводившим вниз с площадки. Некоторое время он ничего не замечал вокруг себя. Потом его внимание привлек аромат роз. Он увидел, что идет между шпалерами кустов роз, смыкающихся над его головой, а среди крупных белых цветов весело порхают маленькие зеленые птички. Он резко остановился и стал глядеть на листья, пронизанные солнечным светом. Потом протянул руку, наклонил к себе один из больших цветков, и тот коснулся его щеки.

5

Мистера Барнстейпла переправили на аэроплане к тому месту на стеклянной дороге, где он впервые очутился в Утопии. С ним летели Ликнис и Кристалл: мальчику хотелось посмотреть эксперимент.

Мистера Барнстейпла ждала группа из двадцати — тридцати утопийцев, среди них был и Золотой Луч. Разрушенная лаборатория Ардена и Гринлейк уже была восстановлена, а по ту сторону дороги высилось новое здание; но мистер Барнстейпл легко узнал то место, где с ним заговорил мистер Берли, а мистер Кэтскилл подошел к леопарду. Расцвели здесь новые цветы, но голубые венчики, так очаровавшие его тогда, все еще преобладали. На дороге стоял его старый автомобиль, «желтая опасность», показавшийся ему невообразимо неуклюжим сооружением. Мистер Барнстейпл подошел к автомобилю и осмотрел его. Он был в отличном состоянии: заботливо смазан, и бак был полон бензина.

В маленьком павильоне стоял его чемодан и лежала его земная одежда. Она была тщательно вычищена, выглажена. Он переоделся. Рубашка как будто слишком плотно обтягивала грудь, воротничок был решительно узок, пиджак слегка резал под мышками. Может быть, одежда немножко села после дезинфекции? Он уложил чемодан, и Кристалл поставил его в машину.

Золотой Луч очень коротко и просто объяснил все, что должен был сделать мистер Барнстейпл. Поперек дороги, вблизи от восстановленной лаборатории, была протянута тонкая, как паутина, проволочка.

— Направьте вашу машину на эту проволоку и разорвите ее, — сказал Золотой Луч. — Вот и все. Возьмите еще с собой этот красный цветок. Вы его положите на землю точно в том месте, где следы колес покажут вам границу перехода.

Мистер Барнстейпл остался один возле своего автомобиля. Утопийцы отступили на двадцать или тридцать ярдов, образовав круг, в центре которого находился он. Несколько мгновений все молчали.

6

Мистер Барнстейпл сел в автомобиль, запустил мотор, дал ему поработать с минуту, потом включил скорость. Желтая машина двинулась к пересекающей дорогу проволоке. Он помахал рукой остающимся, и ему ответила Ликнис. Золотой Луч и остальные тоже дружески подняли руки. Только Кристалл был так увлечен происходящим, что не помахал ему...

— Прощай, Кристалл! — крикнул мистер Барнстейпл, и мальчик, очнувшись, ответил ему.

Мистер Барнстейпл нажал на акселератор, крепко стиснул зубы и, хотя ему не хотелось делать этого, закрыл глаза как раз в то мгновение, когда автомобиль коснулся нити. Снова наступило ощущение невыносимого давления, и он услышал тот же звук, напоминающий звон лопнувшей струны. У него мелькнуло непреодолимое желание остановиться, повернуть назад. Он убрал ногу с акселератора, но автомобиль словно стал падать куда-то, потом остановился так внезапно и резко, что мистера Барнстейпла бросило вперед, на рулевое колесо. Давление прекратилось. Он открыл глаза и огляделся.

Автомобиль стоял на недавно скошенном лугу. Он накренился на один бок из-за покатости почвы. Живая изгородь, в которой виднелись раскрытые черные ворота, отделяла луг от шоссе. Вблизи торчала реклама какого-то Мейденхедского отеля. По ту сторону шоссе тянулись ровные поля, а за ними цепь невысоких лесистых холмов. Слева виднелась маленькая гостиница. Мистер Барнстейпл повернул голову — в отдалении, за лугами и одинокими тополями, виднелся Виндзорский замок. Утопийцы немного ошиблись: он покинул Землю не совсем точно на этом месте, но оно находилось ярдах в ста отсюда, не дальше.

Некоторое время он просидел молча, обдумывая, что ему делать. Потом снова завел мотор и подвел «желтую опасность» к черным воротам.

Он вышел из автомобиля и остановился, держа в руке красный цветок. Теперь надо было пройти немного назад, к той черте, на которой он снова вступил в свой мир, и поло-

жить цветок на землю. Черту было легко определить: там начинался след шин автомобиля. Но мистер Барнстейпл вдруг почувствовал сильнейшее желание нарушить полученные инструкции. Ему хотелось оставить цветок у себя. Ведь это было последнее, единственное, что оставалось у него от того золотого мира. Цветок — и слабое благоухание, которого еще не утратили его руки.

Почему он больше ничего не захватил оттуда? Он мог взять с собой целый букет цветов! Почему они ничего не уделили ему из необъятной Сокровищницы Красоты, которой владеют? Желание сохранить цветок становилось все сильнее. Он уже подумал было заменить его веточкой жимолости из изгороди. Но потом вспомнил, что эта веточка может занести с ним новую инфекцию. Нет, он поступит так, как ему сказано! Он сделал еще несколько шагов по следу шин, мгновение постоял в нерешительности, оторвал от цветка один-единственный лепесток, потом бережно положил цветок в самую середину следа. Лепесток он спрятал в карман и с тяжелым сердцем медленно вернулся к автомобилю и стал смотреть на сверкающую в колее красную звездочку.

Его скорбь и волнение были очень велики. Только сейчас ощутил он, как горько было ему расстаться с Утопией.

Видимо, здесь продолжалась великая засуха. Луг и изгородь совсем высохли и побурели. Это было для Англии редкостью. Над дорогой стояло облако пыли — ее непрерывно поднимали проезжающие автомобили. Этот старый мир, казалось, весь состоял из некрасивых, уже наполовину забытых вещей, звуков, запахов. Доносились гудки автомобилей, грохот проезжающего поезда, где-то жалобно мычала корова, видимо прося пить; пыль раздражающе щекотала его ноздри, как и запах расплавленного гудрона; изгородь была увита колючей проволокой, она шла и по верхней части черных ворот. Под ногами валялся навоз, обрывки грязной бумаги. Прекрасный мир, из которого он был изгнан, свелся теперь лишь к этой сверкающей красной точке на лугу.

И вдруг что-то произошло. Словно появилась на мгновение чья-то рука и забрала цветок. В одно мгновение он исчез. Поднялся только маленький фонтанчик пыли, опал и исчез.

Это был конец.

При мысли о движении на шоссе Барнстейпл сгорбился, словно пряча лицо от проезжих. Несколько минут он не мог овладеть собой. Он так и стоял, закрыв руками лицо,

прислонившись к облезлому коричневатому капоту своего автомобиля...

Наконец мистер Барнстейпл справился с приступом горя. Он снова сел за руль, завел мотор и выехал на шоссе. Он машинально повернул на восток. Черные ворота в изгороди он за собой не закрыл. Ехал он медленно, все еще не зная, куда же, собственно, ему направиться. Потом он сообразил, что в этом старом мире его, быть может, разыскивают как исчезнувшего загадочным образом. В таком случае, если кто-нибудь его узнает, ему придется отвечать на тысячу всяких невысказанных вопросов. Это будет страшно утомительно и неприятно. В Утопии он не подумал об этом. Там ему казалось вполне вероятным, что он вернется на Землю никем не замеченный. Теперь, на Земле, эта уверенность казалась нелепой. Он увидел впереди вывеску скромного кафе и решил, что ему следует здесь остановиться, прочесть газету и осторожно разузнать, что произошло в мире за это время и замечено ли его отсутствие.

Он сел за накрытый столик у окна. В середине комнаты стоял стол и на нем большой зеленый вазон с азиатскими ландышами и куча старых газет и иллюстрированных журналов. Но здесь был и сегодняшний, утренний выпуск «Дейли экспресс».

Он схватил газету, заранее боясь, что она вся будет посвящена загадочному исчезновению мистера Верли, лорда Барралонга, мистера Руперта Кэтскилла, мистера Ханкера, отца Эмертона, леди Стеллы, не считая прочих, менее крупных светил. Но постепенно, по мере того как он листал газету, страх его испарялся. О них не было ни одного слова!

«Как же так! — мысленно заспорил он, не желая теперь отказываться от своего предположения. — Их друзья должны были заметить, что они исчезли».

Мистер Барнстейпл прочел всю газету. Но нашел упоминание лишь о том, о ком он как раз и не думал: о мистере Фредди Маше. Премия имени принцессы де Модена Фраскатти (урожденной Хаггинсботтом) за труды об английской литературе никому не была вручена мистером Грейсфулом Глоссом «ввиду того, что мистеру Фредди Машу понадобилось уехать за границу».

Мистер Барнстейпл еще долго терялся в догадках, почему никто не заметил отсутствия всех остальных. Затем его мысли снова обратились к сверкающему красному цветку, лежавшему на скошенном лугу, и к руке, которая словно убрала цветок. В это мгновение чудом открывшаяся дверь

между прекрасным и удивительным миром Утопии и Землей опять захлопнулась навсегда.

И снова мистер Барнстейпл был охвачен изумлением. Утопия, мир честности и нравственного здоровья, лежала вне самых удаленных границ нашей вселенной; этот мир навсегда останется недостижимым для него; и все-таки, как было ему сказано, это лишь один из бесчисленных миров, движущихся вместе во времени, находящихся бесконечно близко друг от друга, как листки книги. И Земля и Утопия — ничто в безграничной множественности космических систем и пространств, которые их окружают.

«Если бы я мог, вращая свою руку, разогнать ее за пределы, которые ей поставлены,— сказал ему кто-то из утопийцев,— я мог бы проткнуть ею тысячи миров...»

Подошедшая с чаем официантка вернула его к земной действительности.

Еда показалась ему безвкусной и какой-то нечистой. Он проглотил чай, потому что его мучила жажда. Но есть он не мог.

Случайно засунув руку в карман, он нащупал что-то мягкое. Это был лепесток, оторванный от красного цветка. Лепесток уже потерял свой огненно-красный цвет, а соприкоснувшись с душным воздухом комнаты, и вовсе свернулся, сморщился и почернел; его нежный аромат сменился неприятным сладковатым запахом.

— Ну, разумеется,— сказал мистер Барнстейпл,— этого надо было ожидать.

Он бросил сгнивший лепесток на тарелку, потом снова взял его и положил в вазон с ландышами.

Он снова принялся за «Дейли экспресс». Перелистывая газету, он на этот раз старался пробудить в себе интерес к земным делам.

7

Долгое время мистер Барнстейпл просидел над «Дейли экспресс» в кафе в Колкбруке. Мысли его были сейчас очень далеко, и газета соскользнула на пол. Он вздохнул, очнулся и попросил расчет. Расплачиваясь, вдруг увидел, что бумажник его по-прежнему ложен фунтовыми банкнотами.

«Это самый дешевый отпуск, какой у меня был когда-либо,— подумал он.— Я не истратил ни одного пенни».

Он спросил, где почта, так как решил послать телеграмму...

Через два часа мистер Барнстейпл затормозил у ворот своей маленькой виллы в Сайденхеме. Он открыл ворота;

толстая палка, которой он обычно совершал эту операцию, была на своем месте. Как и всегда, он провел «желтую опасность» мимо полукруглой клумбы к дверям сарая. На крыльце появилась миссис Барнстейпл.

— Альфред! Наконец-то ты вернулся!

— Да, я вернулся. Ты получила мою телеграмму?

— Десять минут назад. Где же ты пропал все это время? Ведь уже больше месяца прошло.

— О, просто ездил и мечтал. Я прекрасно провел время.

— Все-таки тебе следовало написать. Право же! Нет, Альфред, ты...

— Мне не хотелось. Доктор советовал мне избегать любого напряжения. Я ведь писал тебе. Нельзя ли выпить чаю? А где мальчики?

— Мальчики отправились на прогулку. Я сейчас заварю тебе свежего чая.— Она ушла на кухню, потом вернулась и уселась напротив него за чайным столиком.— Я так рада, что ты вернулся, хотя могла бы тебя побранить. Ты прекрасно выглядишь,— продолжала она.— Никогда еще у тебя кожа не была такой свежей и загорелой.

— Я все время дышал чудесным воздухом,

— Ты побывал в Озерном крае?

— Нет, собственно говоря... Но и там, где я был, всюду воздух чудесный. Здоровый воздух.

— И ты ни разу не заблудился?

— Ни разу.

— Мне почему-то казалось, что ты потерял память. Такие вещи бывают. С тобой этого не случилось?

— Моя память ясна, как алмаз.

— Но где же ты был?

— Я просто путешествовал и мечтал. Грезил наяву. Часто я не спрашивал названия тех мест, где останавливался. Был в одном месте, потом в другом. Я не спрашивал названий. Я не затруднял этим свой мозг. Он у меня совершенно бездействовал. И я великолепно отдохнул от всего... Совершенно не думал ни о политике, ни о деньгах, ни о социальных вопросах, то есть о том, что мы называем социальными вопросами, ни о прочих неприятностях с той минуты, как пустился в путь... Это свежий номер «Либерала»?

Он взял газету, полистал ее и бросил на диван.

— Бедняга Пиви,— сказал он.— Конечно, я уйду из этой газеты. Она, как обои на сырой стене: вся в пятнах, шуршит и никак не приклеится... От нее у меня ревматизм мозга...

Миссис Барнстейпл удивленно уставилась на него,

— Но я думала, что «Либерал» — это обеспеченная работа...

— Мне теперь больше не нужно обеспеченной работы. Я могу делать кое-что получше. Меня ждут другие дела... Но ты не беспокойся, после такого отдыха я управлюсь с любым делом... А как мальчики?

— Меня немного беспокоит Фрэнки.

Мистер Барнстейпл взял «Таймс». Ему бросился в глаза странный текст в колонке объявлений о пропажах. Текст гласил: «Сесиль! Твое отсутствие вызывает толки. Что сообщать посторонним? Пиши на шотландский адрес. Д. заболела от беспокойства. Все указания будут исполнены».

— Прости, я не расслышал тебя, дорогая,— сказал он, откладывая газету.

— Я говорила всегда, что у Фрэнки нет деловой жилки. Его к этому не влечет. Я хотела бы, чтобы ты хорошенько с ним поговорил. Он растерян, потому что мало знает. Он говорит, что хочет изучать точные науки в политехническом институте — хочет продолжать учиться.

— Что ж, пусть будет так. Очень разумно с его стороны. Я не предполагал, что он настолько серьезен. Я и сам хотел поговорить с ним, но это облегчает мне задачу. Конечно, ему следует изучать точные науки...

— Но ведь мальчику придется зарабатывать на жизнь!

— Это придет. Если он хочет заниматься точными науками, пусть занимается.

Мистер Барнстейпл говорил тоном, совершенно новым для миссис Барнстейпл,— тоном спокойной и уверенной решимости. Это удивило ее тем больше, что делал он это вполне бессознательно.

Он откусил кусочек от ломтика хлеба с маслом, и она заметила, как он поморщился и с сомнением посмотрел на остаток ломтика в руке.

— Ну, конечно,— сказал он.— Лондонское масло. Трехдневной давности. Валялось где-нибудь. Забавно, как быстро меняется вкус у человека.

Он снова взял «Таймс» и принялся пробегать колонки.

— Нет, решительно наш мир склонен к ребячеству,— сказал он наконец.— Да, это так. А я было забыл... Воображаемые заговоры большевиков... Воззвания синфейнеров... Принц такой-то... Польша... Явная ложь насчет Китая... Явная неправда о Египте... Вечное подшучивание над Уикхэмом Стидом... Мнимо благочестивая статья о троицином дне... Убийство в Хитчине... Гм!.. Довольно отвратительная история!.. Картина Рембрандта из коллекции Помфорты...

Страховые компании... Письмо пэра Англии, возмущенного налогами на наследство... Унылые страницы спорта... Гребля... Теннис... Школьный крикет... Поражение команды Хэрроу!.. Будто это имеет хоть малейшее значение! Как все это глупо! Словно бранятся горничные и лепечут ребятишки.

Он увидел, что миссис Барнстейпл внимательно к нему приглядывается.

— Я не читал газет с того времени, как уехал,— объяснил Барнстейпл.

Он положил газету и встал. Несколько мгновений миссис Барнстейпл казалось, что у нее нелепая галлюцинация. Потом она поняла, что это реальный поразительный факт.

— Да,— сказала она.— Это именно так! Не двигайся. Стой на месте! Я знаю, это покажется смешным, Альфред, но ты стал выше ростом. Ты не просто перестал горбиться. Ты вырос — о! — на два или три дюйма!

Мистер Барнстейпл поглядел на нее, потом протянул вперед руку. Да, действительно, рукав был решительно коротковат. Он поглядел, не коротки ли брюки.

Миссис Барнстейпл приблизилась к нему даже с некоторым почтением. Она стала рядом, плечом к его плечу.

— Твое плечо всегда было на одном уровне с моим,— сказала она.— Посмотри, где оно теперь.

Она подняла на него глаза. Она очень рада его возвращению.

Но мистер Барнстейпл погрузился в размышления.

— Наверно, это все воздух. Я все время дышал удивительным воздухом. Удивительным!.. Но в моем возрасте — вырасти!.. Хотя я, право же, чувствую, что действительно вырос. Душой и телом...

Миссис Барнстейпл принялась убирать чайную посуду.

— Ты, видно, избегал больших городов?

— Да.

— И держался больше проселочных дорог?

— Да, почти... Это были совершенно новые для меня места... Красивые... Изумительные...

Жена все так же приглядывалась к нему.

— Ты должен когда-нибудь взять туда и меня с собой,— сказала она.— Я вижу, что это принесло тебе пользу. Очень, очень большую пользу!..

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛЕСА ФОРТУНЫ	5
ЛЮДИ КАК БОГИ	177

ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Герберт Джордж УЭЛЛС

КОЛЕСА ФОРТУНЫ

ЛЮДИ КАК БОГИ

Текст печатается по изданиям:
Герберт Уэллс. Собрание сочинений в 15-ти томах.
Тт. 5, 8.— М.: Изд-во «Правда», 1964.

Зав. редакцией *А. Лукашин*
Редактор *И. Остапенко*
Художественный редактор *Т. Ключарева*
Технический редактор *Г. Пантелеева*
Корректоры *И. Пархомовская, Г. Борсук*

ИБ № 1775. Литературно-художественное издание
Сдано в набор 13.07.88. Подписано в печать 14.02.89. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. тип № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0.
Усл. кр.-отг. 21,38. Уч.-изд. л. 22,476. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6370. Цена
1 р. 20 к.

Пермское книжное издательство, 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Ордена
Трудового Красного Знамени типография издательства «Звезда», 614600,
г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

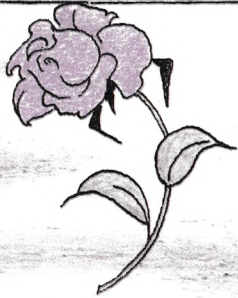
Уэллс Герберт

У 98 Колеса фортуны. Люди как боги.— Пермь: Кн.
изд-во, 1989.— 399 с. (Юношеская библиотека).
ISBN 5—7625—0137—X

В книгу вошли популярные произведения известного англ.
писателя — научно-фантастический роман-утопия
«Люди как боги» и социально-бытовой роман «Колеса фор-
туны».

У 4800000000—11
М152(03)—89 65—89

ББК 84.4/8

1 р. 20 к.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

КОЛЕСА ФОРТУНЫ
ЛЮДИ КАК БОГИ

